О.В. Соколов

АУСТЕРЛИЦ
НАПОЛЕОН, РОССИЯ И ЕВРОПА 1799-1805 г.г.
Том II

Русский культурный фонд «Империя Истории»
Москва 2006

УДК 355.48(44)"1799/1805" ББК 63.3(4)52-681 С59

Автор выражает глубокую признательность
Виктору Николаевичу Батурину,
меценату и ценителю Наполеоновской эпохи.
Благодаря его поддержке эта книга увидела свет.

Соколов, Олег Валерьевич.

С39 Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа, 1799—1805 гг. Т. 2 / О.В. Соколов. — Москва : Рус. импульс, 2006. — 240 с. : ил. . - ISBN 5-90252522-5. Агентство CIP РГБ

Эта книга об интереснейшем периоде нашей истории — первой войне Наполеона против коалиции государств, возглавляемых Российской империей.

Автор книги использует в своем исследовании обширнейший материал: французские и русские архивы; свидетельства участников событий как с той, так и с другой стороны; работы военных историков прошлого и современности, посвященные этой теме.

Результатом исследования автором явился совершенно новый взгляд на многие события военной и политической истории Европы Наполеоновской эпохи.

Надеемся, что книга будет интересна как широкому кругу читателей, так и специалистам в этой области.

УДК 355.48(44)" 1799/1805" ББК 63.3(4)52-681

ISBN 5-90252522-5 (т. 2)

ISBN 5-90252520-9

ГЛАВА 13
НАКАНУНЕ

Теория обязана считаться с человеческой природой и отвести подобающее место мужеству, смелости и даже дерзости. Военное искусство имеет дело с живыми людьми и моральными силами. Отсюда следует, что оно никогда не может достигнуть абсолютного и достоверного.

Клаузевиц. О войне.

Несмотря на огромные силы сражающихся армий на всем пространстве Европейского континента, исход борьбы решился все же на равнинах Моравии. 22 ноября 1805 г. русская императорская гвардия вступила в Ольмюц и соединилась с армиями Буксгевдена и Кутузова. В 3 часа дня был проведен гигантский смотр всех союзных войск на широкой равнине неподалеку от стен города. На правом фланге длинных линий пехоты и конницы стояли русские гвардейцы и войска Буксгевдена, в центре — полки Кутузова, а на левом крыле — австрийские части. Вышло яркое солнце, и появление русского и австрийского императоров в окружении многочисленной свиты было встречено войсками громовым «Ура!». Настроение армии было бодрое. Всех охватило чувство предвкушения победы.

Действительно, стратегическая ситуация отныне в корне изменилась. Только союзная армия, собранная под стенами Ольмюца, насчитывала в своих рядах около 86 тыс. человек*. При этом на помощь шли новые и новые полки. Буквально через две недели к союзникам могла подойти армия Беннигсена (18 тыс. человек)**, а еще ближе, всего лишь в нескольких переходах от главных сил находился корпус Эссена в 12 тыс. человек. В 120 км к западу располагался корпус эрцгерцога Фердинанда (около 15 тыс. человек), а меньше чем в 100 км к югу — остатки австрийского корпуса Мерфельда (4,5 тыс. человек). Только объединение этих сил могло дать в руки союзного командования массу более чем в 135 тыс. человек.

Как следует из предыдущей главы, в Италии и Тироле французы одержали успех. Однако для главного театра военных действий этот успех не дал непосредственного выигрыша, и на какое-то время обернулся даже другой стороной. Оторвавшись от преследования Массена, вот-вот могла появиться в Моравии 80-тысячная армия эрцгерцогов Карла и Иоанна.

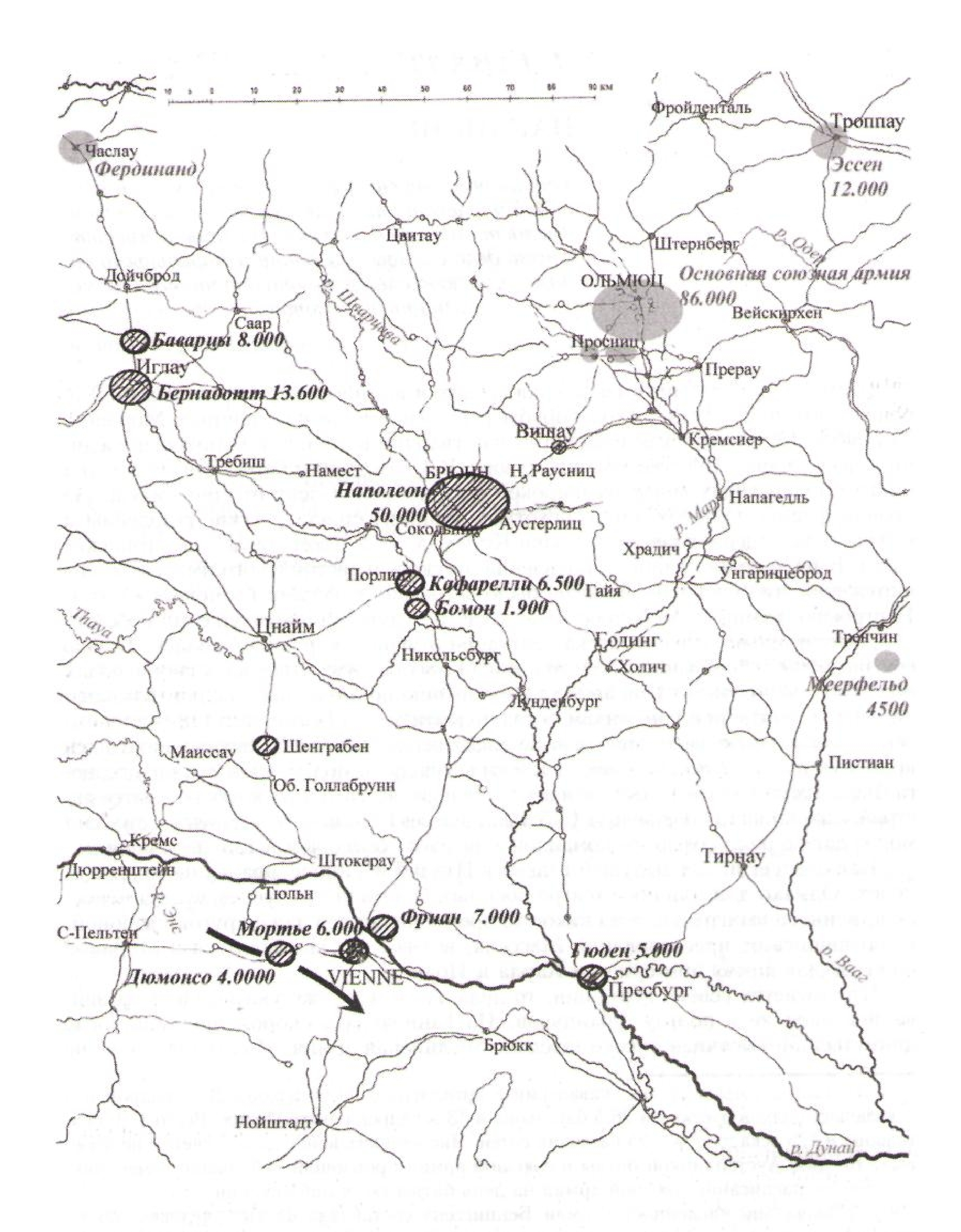
Что касается севера Германии, то дела здесь, как уже указывалось, развивались явно не в пользу французов. Из Ганновера в скором времени могла двинуться 56-тысячная русско-шведско-английская армия. Но это было еще не все.

---

70 тыс. пехоты и 16 тыс. кавалерии и артиллерии: 93 батальона, 85 эскадронов и 5 казачьих полков русских и 26,5 батальона и 43 эскадрона австрийских. Всего 113,5 батальона и 128 эскадронов и 25 казачьих сотен. Численность войск дана с учетом нестроевых. Ко дню Аустерлицкой битвы в союзной армии произошли небольшие изменения. Подробное расписание союзной армии на день битвы см. в приложении.

Изначально численность армии Беннигсена составляла 45 тыс. человек, но по непонятным причинам царь отослал часть армии обратно. Были отосланы обратно также войска из первоначального состава армии Буксгевдена и корпуса Эссена. Обратно в Россию был отправлен и генерал Михельсон, который первоначально командовал войсками Буксгевдена и Эссена.

Расположение армий накануне Аустерлица

Расположение армий накануне Аустерлица

Как уже отмечалось, прусский король хотя и не спешил присоединиться к союзу против Наполеона и всячески оттягивал этот момент, его приготовления были близки к завершению. 120-тысячная прусско-саксонская армия могла уже примерно через месяц обрушиться на коммуникации наполеоновских корпусов, а общее количество войск, которое пруссаки могли выставить для ведения войны, составляло 185 тыс. человек, к ним нужно добавить 48 тыс. солдат в резервных соединениях.

Против этих гигантских масс у Наполеона в окрестностях Брюнна было всего лишь около 50 тыс. человек. Если же считать все французские и баварские соединения, разбросанные от Каринтии до Богемии, в руках императора было чуть более НО тыс. солдат.

Таким образом, время работало на союзников. Это еще не значит, конечно, что в их интересах было затягивать войну до бесконечности. Однако не начинать тотчас же решительные действия представляло для них очевидную выгоду. Наполеон мог пополнить свою армию в течение ближайших недель лишь незначительными подкреплениями, а его противники могли усилиться настолько, что в их руках оказалось бы подавляющее численное преимущество.

Вероятно, на месте императора французов любой другой полководец оказался бы подавлен самим ожиданием огромной опасности, нависшей над ним со всех сторон.

Следует добавить то, что пытаться атаковать союзников под Ольмюцем было также крайне рискованно. Ольмюц был хорошо вооруженной крепостью, а позиция, которую занимали союзные войска, исключительно выгодна для обороны. «Армия... была размещена на позиции за деревней Ольшау... Местность... представляла большие выгоды. Позиция опиралась на гряду высот... так, что можно было на целое лье вперед видеть, что делает неприятель. Эти возвышенности со стороны фронта имели пологие склоны, так что артиллерийский огонь с них был бы очень эффективным. Позади позиции находились широкие, но не глубокие овраги, удобные для того, чтобы скрыть в них резервы... На гребне холмов были господствующие высоты, на которых многочисленная артиллерия союзников могла быть употреблена с большим успехом. Болото прикрывало правое крыло и часть центра; река Блата текла вдоль фронта у подножия высот... В общем, местность повсюду препятствовала наступающему и имела выгоды для обороняющегося, причем последнему она предоставляла удобные проходы для производства контратаки»[1].

Трудно было надеяться одержать сокрушительную победу, атакуя численно превосходящую армию на подобной позиции. Скорее всего, Наполеону удалось бы отбросить союзников ценой огромных потерь. Такая победа все равно оказалась бы бесполезной. Союзная армия получила бы через несколько дней огромные подкрепления, а французы — еще более обескровлены.

Но не только победа, но сам факт того, что союзники дадут сражение, вызывал неуверенность. Русско-австрийская армия могла отступить еще на несколько переходов и еще более растянуть и без того длинную коммуникационную линию французов.

Поэтому перед императором со всей остротой встал вопрос, что делать дальше. План, который принял Наполеон в этой обстановке, выдающийся французский историк Колен назвал «планом императора для кампании в Моравии». Согласно Колену, этот план можно резюмировать следующим образом: избрав пассивную форму действий, спровоцировать союзников на преждевременное наступление и нанести сокрушающий контрудар по их обходящему южному крылу.

Колен цитирует фразу Наполеона: «В Моравской кампании император понял, что русские, не располагая выдающимся главнокомандующим, должны были считать, что путь отступления французской армии идет на Вену. Они должны были придавать большое значение тому, чтобы перерезать эту дорогу»[2]. И заключает следующее: «Когда союзники примут решение двинуться, чтобы атаковать нашу армию, Наполеон должен был собрать все свои войска у подножия гор на пространстве одного квадратного лье. Он собирался сделать практически невозможным обход его слева (с *севера),* трудной атаку с фронта, однако стремился вызвать в неприятеле желание обойти его с юга. Этот соблазн должен был быть столь естественным и сильным, что он считал, что противник не сможет удержаться от подобного искушения... Если союзники двинутся, чтобы обойти его справа... он ударит во фланг вражеским колоннам на марше и отбросит их к югу»[3].

Таким образом, Наполеон не просто готовился контратаковать неприятеля, но знал почти что точно, где союзники будут его обходить и как и куда он нанесет им стремительный удар. К сожалению, выводы даже такого знаменитого и хорошо информированного историка, как Колен, базируются не на документах, предшествовавших Аустерлицкой битве, а на заметках императора к реляции Кутузова, написанных, разумеется, много месяцев спустя после описываемых событий. Сотни других историков, писавших о грандиозной битве в Моравии, действовали по такому же алгоритму. Так называемый план Моравской кампании целиком и полностью основывается на источниках, исходящих от пусть даже очень хорошо информированных людей, но написанных после сражения, зачастую спустя многие годы. К этому времени уже давно сложилась легенда, согласно которой Наполеон предвидел все до мельчайших деталей и точно предугадал все, что сделает неприятель. В самой гипертрофированной форме это видение событий можно встретить в ряде популярных произведений и, в частности, в кино. В знаменитом фильме Абеля Ганса «Аустерлиц» Наполеон уже в Булонском лагере заявляет о том, что он разобьет неприятельскую армию под Аустерлицем! Навряд ли нужно доказывать, что император даже и отдаленно не мог себе представить, что ему придется воевать в Моравии, а название маленького городка, ставшего впоследствии знаменитым, ему тогда не могло прийти в голову.

Из существующих источников, написанных накануне битвы, можно заключить только одно: император понимал, что для французской армии невозможно далее наступать и потому необходимо любой ценой заставить перейти в наступление неприятеля до соединения всех его сил. Он так же хорошо знал, что его армия превосходит противника по своим маневренным качествам, а в ее рядах нет полководца, равного ему. Союзники неизбежно должны были совершить тот или иной просчет, и он не сомневался, что умело его использует. Вот и весь план Моравской кампании. Все остальное — это домыслы post factum.

Для того, чтобы понять, насколько слабо можно доверять заметкам Наполеона, когда речь идет о плане действий, достаточно привести только один пример. Говоря о том, что он не боялся быть отрезанным от пути на юг, на Вену, он пишет: «...путь отступления армии во время всей Моравской кампании никогда не был направлен на Вену»[4]. Император явно лукавит: главная коммуникационная линия шла именно на Вену. Разумеется, французская армия могла отступить не только на австрийскую столицу. Она имела возможность совершить отход на Цнайм, а затем на Креме. В любом случае, ей нужно было вернуться в долину Дуная, где находились все депо и склады армии, а для этого пришлось бы отступать в южном или почти что южном направлении. Таким образом, совершая обходной маневр с юга, союзники действительно угрожали своим обходом операционной линии французской армии.

Если с Коленом сложно согласиться относительно деталей плана Наполеона, то нельзя не отметить, что этот замечательный историк блистательно охарактеризовал общий смысл происходящего. «Наполеон ставил все на карту. Он впоследствии всегда старался доказать (и, может быть, убедить себя самого еще больше, чем потомство), что его действия соответствовали неким абсолютным принципам искусства... но ему иногда приходилось играть с фактами, чтобы подтвердить свои соображения. В действительности, его наполняло ощущение того, что он превосходит своих противников... Он ожидал врага и дал ему битву в известных условиях, потому что он не мог себе представить, что не добьется победы»[5].

Действительно, как император, так и его солдаты были пронизаны тем чувством, которое Клаузевиц блистательно охарактеризовал словами: «полнокровное чувство победы», т.е. такое состояние, когда уверенность в своих силах, умение и желание драться таковы, что люди не могут себе представить другого исхода, кроме победы. Это не просто порыв энтузиазма, это пронизывающая до глубины души вера в себя, в своих товарищей по оружию, в своего полководца.

Единственное, в чем мог сомневаться Наполеон — сумеет ли он заставить союзников перейти в наступление, удастся ли сделать так, чтобы они поверили в его слабость. Для этого у императора был широкий арсенал средств. Для начала он намеренно оставил у Брюнна лишь около 50 тыс. человек. Внешне расположение Великой Армии казалось очень разбросанным, на самом деле, занимая центральное положение, используя привычку своих солдат к быстрым маршам, Наполеон мог за короткое время подвести к месту решающего столкновения дополнительно не менее 20—25 тыс. человек. Все зависело от сроков — необходимы были сутки для того, чтобы сосредоточить войска, расположенные в окрестностях Брюнна, через двое суток он мог увеличить свою армию до 70 тыс. человек*. Однако внешне французская армия выглядела малочисленной. Император не довольствовался этим. Он выдвинул далеко вперед к Вишау (30 км от Брюнна к востоку) гусарскую бригаду Трейяра (300 человек). Этот отряд был таким маленьким и настолько изолированным, что он словно провоцировал союзников на атаку. Но самым главным было то, что Наполеон

* В окрестностях Брюнна.

Сульт	Пех. див. Сент-Илера	8 000
	Пех. див. Вандамма	7 900
	Пех. див. Леграна	7 300
	Кав. Маргарона и Милю	1 400
	всего:	25600
Ланн	Пех. див. Сюше	7 000
	Пех. див. Удино	5 700
	Кавалерия Трейяра	300
	всего:	13 000
Мюрат	Дивизия Нансути	1500
	Дивизия д'Опуля	1 100
	Дивизия Вальтера	1 300
	Дивизия Бомона	1 900
	всего	5 800
Гвард	Пехота и кавалерия	5 000
	всего:	49 400

У Порлица и	Див. Кафарелли	6 500
Никольсбурга	Див. Бурсье	1 900
Под Веной	Див. Фриана	7 000
Вокруг Иглау	Бернадотт	13 600
	Баварцы Вреде	8 000
	всего ок. 21 600	
В Прессбурге	Див. Гюдена	5 000
В Вене	Мортье	6 000
В Голлабрунне	Драг. див. Клейна	1 100
В Леобене	Мармон	9 000
У Нейштаадта	Дюмонсо	4 000

ограничился исключительно пассивными действиями. Все это настолько отличалось от его обычного стиля ведения войны, что у его противников не могло не сложиться впечатление, что Великая Армия отныне опасается столкновения, а ее полководец застыл в опасливой нерешительности.

Результат превзошел все ожидания. Молодой царь и его окружение попались на приманку. Позже известный русский историк Михайловский-Данилевский будет утверждать, что решение о наступлении было принято в результате предательской деятельности австрийцев, стремившихся погубить русское войско. «...Лица, имевшие влияние в Венском Кабинете, разделяли общее мнение в Австрии о невозможности победить Наполеона, думали, что продолжение борьбы с ним навлечет страшные бедствия на монархию... Скорее желая избавиться от несчастий, тяготевших над государством, и тех, какие предвидели, они хотели мира. Препятствием к достижению сей цели был Император Александр. Потому вознамерились они ввести его армию в сражение, не могшее стоить дорого их соотечественникам»[6].

Вот уж, поистине, с больной головы на здоровую. Именно Долгорукий был заводилой в клане молодых людей, которые больше всего влияли на решения Александра I. Царь не слушал мудрых советов Кутузова, зато полностью доверял мнению своих фаворитов. Генерал Ланжерон, французский эмигрант, служивший тогда в рядах русской армии, очень точно охарактеризовал тогдашние настроения в русском штабе и отношение Александра I к опытным генералам. Он «мало уважал их, редко принимал, мало говорил с ними, оставляя для пяти—шести юных фаворитов, для своих адъютантов все свои милости, он предавался с ними фамильярности, оскорбительной для старых генералов, которые видели как все, даже вплоть до их манер, высмеивается этими детьми, влияние которых распространялось повсюду»[7].

Долгорукий и его приятели были почему-то абсолютно уверены, что Наполеон в испуге. «К сожалению, лица окружавшие Императора Александра, и даже ближайшие сотрудники его, разделяли преувеличенное понятие о непобедимости русских войск и заранее торжествовали успех над «корсиканцем Бо-напартием... — писал выдающийся русский историк М.И. Богданович. — В особенности же утвердило в этом мнении молодых советников Александра бездействие Наполеона у Брюнна. Что могло заставить его изменить свою обычную систему войны? Почему он не шел далее? В главной квартире союзников многие полагали, что единственной причиной тому было влияние дел при Кремсе и Шенграбен, поколебавшие решимость французов и самого Наполеона; некоторые, увлекаясь пылкостью воображения, уверяли, что неприятельская армия, утомленная форсированными переходами и ослабленная уроном в боях, была преисполнена негодованием к Наполеону»[8].

Без сомнения, шапкозакидательские настроения в окружении царя сыграли огромную роль в принятии дальнейшего решения, однако без политической составляющей этой войны правильно понять произошедшее невозможно. Как уже неоднократно отмечалось, Александр I был главным инициатором и, можно сказать, автором войны 1805 г. Прибыв на театр войны, он должен был платить по векселям. В случае его отказа от решительных действий у австрийского императора мог появиться законный вопрос о том, что же представляет из себя его союзник, который так усердно толкал его к войне. Если он не хочет ничего предпринимать, быть может, стоило как можно раньше отказаться от подобного союза и поскорее заключать сепаратный мир с французами. Это означало бы полную катастрофу всего того, к чему так стремился молодой царь.

Александр I был не столь наивен, как принято думать. Быть может, он лучше других видел именно эту, политическую, сторону вопроса. И если чисто с военной точки зрения наступление было абсурдным, то с политической дело представлялось несколько иначе.

В эти дни в ставку Наполеона снова прибыли австрийские представители граф Стадион и граф Гиулай. Конечно, они были отправлены во французскую главную квартиру с согласия русского царя, более того, в письме, которое они вручили императору французов, говорилось о том, что австрийские уполномоченные действуют с позволения и, можно сказать, благословения Александра I. На самом деле, царь не мог быть уверен в том, как пойдут дальше переговоры, учитывая всеобщую усталость в Австрии от войны.

Ко всему прочему добавилось еще одно обстоятельство. Союзникам не удалось наладить нормальное снабжение продовольствием. «Войска, не находя продовольствия, грабили, отчего жители разбегались, и последние только еще более усиливали грабеж»[9]. Это, кстати, еще более усиливало напряженность между союзниками. Русские утверждали, что их морят голодом, австрийские чиновники заявляли, что с такой неорганизованной армией невозможно работать. В результате оставаться в оборонительном положении было не так-то просто, как это может показаться.

Тем не менее Кутузов предлагал расположить войска в окрестностях Оль-мюца по деревням так, чтобы они имели возможность в случае необходимости сосредоточиться в течение 24 часов.

Генерал Сухтелен, генерал-квартирмейстер русской армии, предлагал двигаться в юго-восточном направлении на Венгрию, чтобы как можно быстрее соединиться с армией эрцгерцогов Карла и Иоанна. Генерал Ланжерон, напротив, предлагал двигаться на северо-запад, в Богемию, чтобы соединиться с войсками эрцгерцога Фердинанда и генерала Беннигсена. Однако свита молодого царя, которая фактически отстранила Кутузова от командования армией, приняла другое решение — идти прямо на Наполеона. «Решено было покинуть Олыпау, — писал Ланжерон, — не подождав даже Эссена, и идти навстречу противнику. Напрасно Кутузов, Сухтелен, Буксгевден, австрийские генералы, князь Карл Шварценберг, князь Иоанн Лихтенштейн противились этому плану, напрасно старались они доказать необходимость повременить и оставаться там, где мы были: сражение было решено. Сухтелен был удален из совета; Вейротер сделался главным деятелем»[10].

Генерал-квартирмейстеру союзной армии Вейротеру предстояло сыграть одну из заглавных ролей в исторической драме, развернувшейся на полях Моравии. О нем стоит поэтому сказать несколько слов. Это был человек образованный и лично храбрый, но при этом он представлял из себя самый яркий пример педантизма школы Гофкригсрата. Вейротер был вылеплен из того же теста, что и Макк, и Шмидт. При этом он обладал скверным характером:«жесткий, грубый, высокого мнения о собственных заслугах, самолюбивый до крайности, он имел все недостатки выскочки. Вейротер не пользовался ни среди своих соотечественников, ни среди своих товарищей репутацией, которая оправдывала бы доверие к нему»[11]. Тем не менее этот человек сумел завоевать расположение царя и его юных фаворитов. Именно ему Александр I отныне фактически вручил судьбу русской армии, и это при том, что в ее рядах была масса выдающихся генералов: Кутузов, Багратион, Милорадович, Дохтуров... Ларчик открывается просто — Вейротер добился расположения царя по той же причине, по которой Макк получил неограниченные полномочия от императора Франца: своими заумными, наукообразными речами он создал впечатление необычайно умного

человека, но самое главное, он говорил то, что хотели от него услышать Александр и его приближенные.

С этого момента можно смело сказать, что Кутузов был практически отстранен от командования армией. Как всегда дипломатичный, Михаил Илларионович не стал спорить и тихонько ушел в сторону. Формально оставаясь главнокомандующим, он отныне лишь просто находился при армии. Так как в России Кутузов позже превратится в икону, русские и особенно советские историки по этому поводу также обычно дипломатично молчат. Наверное, стоит сказать, что в своем придворном умении угодить Михаил Илларионович зашел слишком далеко. Русскую армию не просто двинули вперед на крайне опасное предприятие, но и руководство в ходе наступательного марша осуществлялось из рук вон плохо (см. ниже). Как главнокомандующий, Кутузов не имел права молчать по этому поводу.

Решение о переходе в наступление было принято, и оно должно было начаться 24 ноября. Но оказалось, что заготовленный все-таки кое-какой провиант может быть завезен только на следующий день, поэтому выступление было задержано до 26-го. Когда же с провиантом разобрались, выяснилось, что не все командиры колонн получили диспозицию, и некоторые понятия не имеют о том, что им нужно делать. Пришлось задержаться еще на сутки. Наконец утром 27 ноября пятью параллельными колоннами союзные войска выступили по направлению к Брюнну.

В тот момент, когда Александр и его свита собирались покинуть Ольмюц, чтобы отправиться вслед за армией, царю доложили, что его желает видеть неординарный проситель. Это был генерал Савари, адъютант императора французов. На рассвете 26 ноября Наполеон вызвал Савари в свой рабочий кабинет и поручил ему необычную миссию. «Отправляйтесь в Ольмюц, — сказал император, протягивая пакет своему адъютанту. — Вы вручите это письмо русскому императору. Скажите ему, что, узнав, что он прибыл к армии, я послал вас, чтобы засвидетельствовать ему мое почтение... Если он будет задавать вам вопросы, вы знаете, что отвечать»[12].

«Сир, я посылаю своего адъютанта генерала Савари, — с подчеркнутым почтением* писал Наполеон в письме царю, — чтобы поздравить Ваше Величество с прибытием к армии. Я поручаю моему адъютанту выразить Вам все мое уважение и сообщить Вам, насколько я хотел бы снискать Вашу дружбу. Примите же это послание с добротой, которая Вас отличает, и помните, что я являюсь тем, кто несказанно желает быть приятным Вам...»[13]

Миссия Савари была блистательным политическим и стратегическим шагом Наполеона. Чтобы понять это, нужно опять вспомнить политическую составляющую. Как уже не раз отмечалось, Наполеон в течение долгого времени искал и добивался союза с Россией. Уверенный, что Александр начал войну, подталкиваемый своим англофильским окружением, он считал, что судьба дала ему поистине уникальный шанс встретиться с молодым царем, рассказать ему о своих чувствах и планах, вырвать его своим очарованием из цепких лап «злых советников» и заключить с Россией мир и союз. Нет сомнения, что в случае успеха этого демарша Наполеон увенчал бы кампанию политическим триумфом. Ясно, что после побед в Баварии, Тироле и Италии, после взятия Вены, мир никак не мог быть неблагоприятным для Франции.

Правила этикета предписывали, чтобы коронованные особы обращались друг к другу со словами «брат мой». Наполеон избрал в письме такое обращение, как если бы он стоял в иерархическом ряду ниже Александра.

В случае отказа Александра от переговоров миссия Савари также не могла быть безполезной. В такой ситуации Наполеон еще раз бы показал царю, что он боится столкновения. Это должно было еще более раззадорить боевой пыл молодежи, окружавшей Александра, еще вернее увлечь русскую армию в наступление, и тем самым заставить ее командование наделать еще больше ошибок.

Савари с трубачом прибыл на аванпосты перед Вишау и в скором времени был препровожден в штаб Багратиона. На следующий день в восемь утра его сопроводили в предместье Ольмюца в дом, где располагался Кутузов. Французский посланник заметил, что в доме главнокомандующего все готовились к отправлению и что армия явно выступает в поход. Кутузов предложил Савари передать депешу ему, но адъютант Наполеона наотрез отказался. Он сказал, что в этом случае он вынужден будет вернуться обратно. Михаил Илларионович не стал настаивать и оставил Савари дожидаться.

«Меня окружала целая толпа молодых русских чиновников и офицеров, — вспоминал адъютант императора. — Они говорили на разные лады об амбициях Франции, и в проектах уже делили шкуру неубитого ими медведя. В моем положении я должен был слушать молча всю эту болтовню, и я ничего не отвечал»[14].

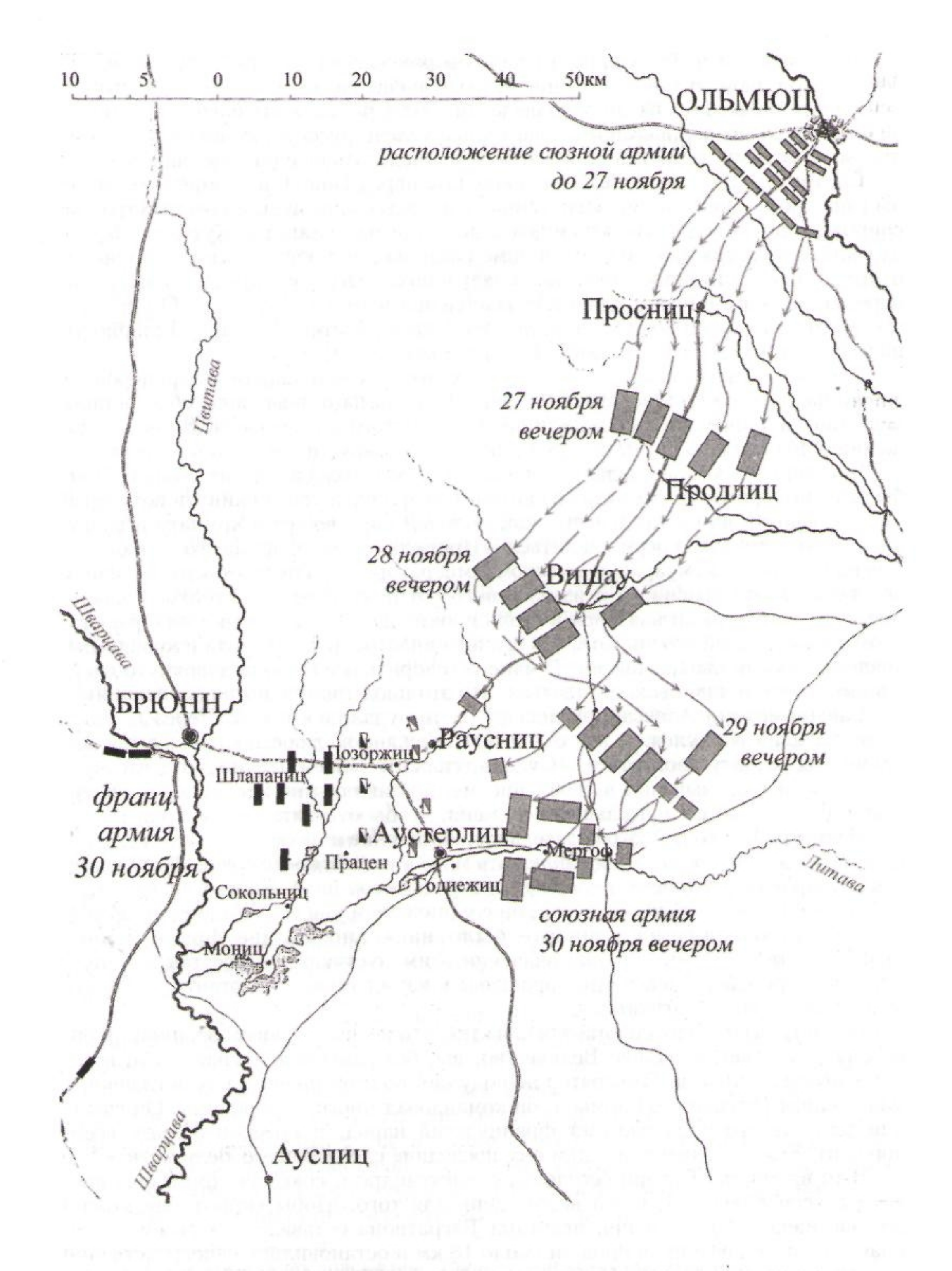
Внезапно на улице раздались какой-то шум и голоса многих людей. Прибыл сам император Александр со свитой. Савари едва успел скинуть походный плащ и вынуть из папки депешу, как молодой царь вошел в комнату и властным жестом приказал всем удалиться. «Природа щедро одарила его, — написал генерал в своих мемуарах о русском императоре. — Трудно было бы найти человека такого красивого и изысканного... Я почувствовал глубокое сожаление из-за того, что он ввязался в столь плохие дела... Он говорил на французском языке во всей его чистоте, без всякого иностранного акцента и красивыми академическими выражениями. В манере говорить все было подчеркнуто сдержанно, легко можно было догадаться, что это плод тщательного воспитания»[15].

Савари вручил Александру депешу, и тот удалился с ней. Через полчаса молодой царь вернулся, и все с той же изысканной любезностью и улыбкой вручил адъютанту свой ответ. «Сударь, скажите вашему господину, что чувства, которые он выразил в своем письме, доставили мне искреннее удовольствие, и я сделаю все, что зависит от меня, чтобы ответить ему тем же...»

Несмотря на столь благожелательное вступление и любезный тон, суть речи царя была далека от желания заключить мир, а уж тем более союз. Да и письмо Александр передал почему-то держа конверт адресом вниз. Когда Савари взглянул на обратную сторону конверта, он с удивлением увидел, что вместо «Императору Наполеону» на конверте было написано «Главе французского правительства». «Я не придаю значения этим пустякам, — все так же мило улыбаясь произнес Александр, обращаясь к изумленному адъютанту. — Но это всего лишь правило этикета...».

Нужно сказать, что адъютант был из тех, кто не лез за словом в карман, и он, не смутясь, ответил: «Ваше Величество, вы, без сомнения, правы — это всего лишь правило этикета. Император не подумает об этом иначе. Будучи главнокомандующим Итальянской армией, он командовал многими королями. Он счастлив тем, что его поддерживает французский народ, и этим он больше всего дорожит. Тем не менее я передам ему последние слова Вашего Величества»[16].

В то время как Савари беседовал с Александром, союзная армия шла вперед на всем фронте. Однако в этот день для того, чтобы скрыть как можно дольше начало наступления, авангард Багратиона оставался на своем месте. Главные силы союзников прошли около 18 км и остановились непосредственно позади передовых частей. На следующий день, 28 ноября, авангард и за ним вся армия двинулись по направлению к Брюнну.

Наступление союзной армии накануне Аустерлица

Как уже отмечалось, французские передовые части стояли в местечке Ви-гдау. Тремя днями раньше на рассвете русская кавалерия и казаки произвели внезапное нападение на французских гусар. Но те закрепились в городке и дрались до тех пор, пока к ним на помощь Мюрат не привел дивизию Вальтера. Командующий французской конницей после этого случая решил усилить свой авангард. В помощь гусарам Трейяра он оставил 6-й драгунский полк. Впрочем, несмотря на это, авангард, стоявший более чем в 30 км от Брюнна, был малочисленным. Гусарская бригада Трейяра была бригадой только по названию. По состоянию на 22 ноября в ней было всего 306 человек, что меньше даже нормальной численности кавалерийского полка. А в 6-м драгунском на этот же день было всего лишь 219 человек.

Утром 28 ноября трубачи бригады Трейяра надрывно сыграли тревогу. Прямо по дороге на французские аванпосты шли массы русских войск. Центральную колонну, состоявшую из 12 батальонов пехоты, вел молодой адъютант царя князь Долгорукий. Южнее дороги быстро продвигались массы русской кавалерии: две колонны, в которые входило 56 эскадронов. Всего — около 12 тыс. всадников и пехотинцев (!) под общим командованием князя Багратиона.

Нетрудно себе представить реакцию генерала Трейяра. Его солдаты вскочили, кто как мог, на коней и бросились вон из Вишау. Большей части французского отряда удалось прорваться, однако один эскадрон драгун, застигнутый врасплох в пешем строю, был вынужден сдаться. В плен попали 3 офицера и 60 солдат.

Чтобы прикрыть отступление гусар Трейяра, по тревоге была поднята кон-но-егерская бригада Мильо и драгунская дивизия Вальтера. Впрочем, и эти отряды были слишком малы по сравнению с авангардом союзников. Отдельные кавалерийские стычки, где русские и австрийцы обладали явным преимуществом, продолжались весь день. Особенно досталось бригаде Мильо, которую атаковали со всех сторон во время прохода по мосту через овраг в деревне Лульч. Несмотря на довольно оптимистичный рапорт Мильо, потери бригады были значительными для кавалерийского боя. Конные егеря оставили убитыми, ранеными и пленными четверых офицеров и 71 рядового*, что составляло почти 20 % численности бригады. Потери дивизии Вальтера неизвестны, но ясно, что и драгуны не отступили без урона.

К вечеру союзники подошли к деревне Раусниц и выбили оттуда французские посты, успешно завершив свое наступательное движение. Багратион в своем отчете рапортовал: «Везде настигаемый неприятель превращался в бегство и был истреблен при сем преследовании. Взято в плен много офицеров и несколько сот рядовых, с нашей стороны убит один гусар и ранены офицер и два гусара»[17].

Еще днем царь соблаговолил лично посетить место «битвы» у Вишау: «Император... когда пальба стихла, шагом и безмолвно объезжал... поле сражения, всматривался посредством лорнета в лежавшие тела, — почтительно рассказывает Михаил овский-Данилевский. — Опечаленный зрелищем пораженных смертью и ранами, император весь день не вкушал пищи и к вечеру почувствовал себя нездоровым»[18].

Как это ни удивительно, небольшая стычка при Вишау произвела на командный состав союзников потрясающее впечатление. В штабе царило ликование, генералы поздравляли Александра I с блестящим успехом, восхищались его личной храбростью. Что же касается «золотой молодежи» императора, то ее бурная радость не знала пределов. Казалось, что сбываются самые радужные надежды, а старые скептики полностью посрамлены. Отныне для молодых адъютантов царя вопрос стоял уже не о том, как разбить «Буонапарте», это само

** Численность бригады Мильо по состоянию на 22 ноября была 423 человека.*

собой разумелось, а о том, как не дать ему убежать. «Французов теперь нужно не бить, а ловить» — таково было общее мнение юных стратегов.

Словно подтверждая самые оптимистичные расчеты командования, в ночь на 29 ноября на аванпосты союзников снова прибыл генерал Савари с настоятельным предложением от Наполеона лично встретиться с русским царем.

Все эти события окончательно убедили тщеславного и совершенно неопытного в войне Александра в мудрости «светила» австрийской военной науки генерала Вейротера. Тот же, очевидно, еще больше проникаясь сознанием своей важности, отныне не мог удовлетвориться банальным движением вперед на позиции французов.

Нужно сказать, что если бы союзники после боя при Вишау не стали бы заниматься стратегическими экспериментами, а просто бесхитростно устремились вперед, ситуация для Наполеона могла осложниться. Конечно, это не было бы так же опасно для французов, как соединение 135-тысячной союзной армии под Ольмюцем, но тем не менее русские и австрийцы имели шанс получить выгоды за счет других обстоятельств. К утру 29 ноября расстояние между передовыми позициями русских и французских войск составляло всего лишь несколько километров. К Наполеону еще не подошли подкрепления, которые он призвал на помощь накануне вечером. Таким образом, он мог противопоставить 86-тысячной армии союзников только 50 тыс. человек.

Хоть бой при Вишау и был ничтожным с точки зрения реальных потерь, но с точки зрения морального фактора им нельзя было пренебрегать. Ведь сам император французов писал, что «на войне три четверти всего — это моральные силы», а верить во что-то, сильно верить — это уже наполовину достичь результата. Пусть стычка под Вишау ничего не значила количественно, пусть действительные результаты были малы, но русские солдаты и офицеры почувствовали подъем. Его можно было использовать — тотчас же ринуться в атаку, и с учетом мастерства противника как можно меньше заниматься хитроумными маневрами, а по-русски — «ломить стеной». Быть может, Наполеон и в этом случае нашел бы способ победить союзников. Но скорее всего, он вынужден был бы отойти, что не могло бы не стать причиной серьезного ослабления моральных сил его войск.

Вейротер сделал все как раз наоборот. По его распоряжению союзная армия отныне должна была поставить перед собой задачу отрезать Наполеона от пути отступления. Для этого было приказано совершить бредовый, абсолютно ненужный маневр, продиктованный исключительно схоластическими фантазиями. Нормальными словами его описать очень сложно. Для того чтобы его понять, необходимо посмотреть на представленную схему. Вся армия смещалась на десяток километров влево и на пару километров вперед, сохраняя при этом ориентацию своего фронта. Согласно диспозиции был изменен состав колонн.

К вечеру всё было окончательно запутано в лучших традициях Макка и Шмидта. Вместо того чтобы лететь вперед на крыльях победы, войска мешались, пересекались на марше, стояли без дела, проклиная своих командиров. Примерно так же союзная армия двигалась и 30 ноября. «Мы делали небольшие марши, — писал генерал Ермолов, — но таким непонятным образом были они расположены, что редко оканчивали мы их скорее десяти или двенадцати часов, ибо все колонны непременно одна другую перерезывали и даже не по одному разу, и которая-нибудь напрасно теряла время в ожиданиях»[19]. Генерал Ланжерон рассказывал, что на назначенные места войска «прибывали поздно, разбредались затем, чтобы искать продовольствие, грабили близлежащие деревни — беспорядок был в своем апогее», а штаб армии «по каким-то особым соображениям, нам совершенно недоступным, ежедневно менял состав колонн и

до того перепутал полки, что в этих пяти маршах никогда генерал не командовал на следующий день полком, который был у него накануне»[20].

В результате вместо того чтобы немедленно дать генеральное сражение, союзники топтались на месте.

По-другому действовал Наполеон. Он знал, чего он хочет и как этого добиться, и поэтому в его армии царили совершенно другие настроения.

С самого начала своего пребывания в Брюнне он твердо решил для себя, что должен будет дать сражение союзникам на обширной равнине, простиравшейся к востоку от города между отрогами гор, ограничивающих поле будущей битвы с севера, и болотистыми берегами реки Литтавы, ограничивающих его с юга. Неоднократно он пересекал вдоль и поперек выбранное им поле, внимательно рассматривая малейшие особенности рельефа. «Господа, — обращался он к своей свите, — изучайте тщательно эту местность. Это будет поле битвы, а вам предназначено сыграть в ней важную роль»[21].

Как следует из того, о чем говорилось в начале главы, император не мог сказать, каким именно образом он разгромит союзников, но что совершенно очевидно, это должно было быть обронительно-наступательное сражение. План Наполеона постоянно модифицировался в связи с обстановкой, но его генеральная линия оставалась неизменной: как только неприятель перейдет в наступление, немедленно собрать в кулак все силы и, используя ту или иную ошибку союзников, нанести им мощный контрудар в слабое место.

О том, насколько далеки от истины легенды о предвидении всех будущих обстоятельств битвы, говорит то, что в случае отсутствия грубых ошибок со стороны неприятеля и недостатка времени для концентрации значительной массы войск Наполеон не исключал отход на новую позицию. Эта позиция была выбрана им на высотах за рекой Шварцавой под защитой пушек Брюннской цитадели. Подобный вариант, разумеется, был запасным и не самым лучшим. Тем не менее император допускал такую возможность. В случае атаки союзников сразу после боя при Вишау императору, очевидно, пришлось бы использовать этот запасной план.

Утром 28 ноября в корпусе Сульта, стоявшего ближе всего к неприятелю, было все спокойно. Корпус занимал позицию вокруг местечка Аустерлиц. Посты дивизии Леграна располагались на высоком холме к северу от Аустерлица, поблизости от часовни св. Урбана. Штаб маршала разместился в самом Аустер-лицком замке. В это время маршал собирался отправиться в Брюнн для встречи с императором. Во дворе замка стояла запряженная карета, ожидавшая Сульта, любившего путешествовать с комфортом. В парадном зале накрывали на стол шикарный обед, ибо маршал был к тому же и гурманом. Однако внезапно со стороны часовни св. Урбана послышались раскаты четырех пушечных выстрелов. Это был условный знак тревоги. Тотчас же повсюду барабаны забили «генеральный сбор».

Через несколько мгновений маршал Сульт был на коне в окружении своих офицеров. С обедом пришлось повременить. По всему полю поскакали адъютанты, собиравшие разрозненные отряды, а сам маршал поехал на гору св. Урбана, откуда в подзорную трубу были видны движения неприятеля от Вишау к Раусницу. К вечеру маршал мог уже хорошо рассмотреть многотысячные колонны союзных войск, приближавшиеся к французским позициям. Что же касается последней стычки под Раусницем, она происходила практически у подножия холма, на котором располагался штаб Сульта.

Разумеется, императору сообщили о происходящем еще в первой половине дня. Он тотчас послал своего адъютанта, генерала Лемаруа, чтобы тот доложил об

обстановке, а сам вынужден был заниматься политическими вопросами. Около полудня император принял графа Гаугвица, министра иностранных дел Пруссии, который несмотря на все свое старание ехать медленнее и прибыть на место событий уже после решающей развязки, оказался в штаб-квартире Наполеона еще до битвы. И Гаугвиц, и император понимали, что все решится через несколько дней, и поэтому беседа, о которой одни свидетели писали, что она была очень продолжительной, а другие — что очень короткой, в любом случае была лишь обменом вежливостями. Гаугвиц не посмел предъявить прусский ультиматум, а Наполеон сделал вид, что не знает, зачем к нему прибыл посланник. Император порекомент довал Гаугвицу отправиться в Вену и вести переговоры с министром иностранных дел Талейраном. Было понятно, что разговоры о дипломатии в этот день были не слишком уместны. Все должно было решиться на поле сражения.

Император покинул Брюнн и направился к аванпостам для того, чтобы лично выяснить обстановку. К этому моменту чуть ли не весь штаб Великой Армии собрался всего лишь в нескольких километрах к западу от передовых частей союзников у Раусница. Местом импровизированного сбора высшего командования стал домик, стоящий на обочине шоссе Брюнн — Ольмюц. Это здание, Позоржицкая почта, существует и поныне. Здесь, в «главном зале» — единственной большой комнате одноэтажного здания, расположился принц Мюрат со своим штабом. Посланный принцем адъютант предложил маршалу Сульту приехать на почту, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. А еще через некоторое время в «зал», где горел камин и склонились над картой Сульт и Мюрат, вошел маршал Ланн.

Сульт и Мюрат изложили отважному гасконцу ситуацию и объяснили, что единственным выходом из положения является отступление. Легендарный командир французской конницы и знаменитый начальник 4-го корпуса не испытывали страха под пулями и ядрами врага, зато часто трепетали в беседах с императором. Поэтому они любезно предложили изложить свои мысли маршалу Ланну, тем более что все знали, что последний был личным другом Наполеона. Прямолинейный и честный Ланн согласился и взялся за перо.

Едва только его рука вывела последние строчки письма, как хлопнула входная дверь и на пороге появился сам император. ««Ну что, господа, я вижу, вы себя здесь хорошо чувствуете», — были первые слова, которые он произнес. «Мы думаем как раз обратное. Я как раз писал Вашему Величеству, чтобы передать это». Император ничего не ответил, взял со стола письмо и молча его прочитал. «Как, — воскликнул он, закончив чтение, — Ланн советует отступление?! С ним такое случается в первый раз. А вы, маршал Сульт?» Сульт дипломатично ответил: «Как бы вы, Ваше Величество, ни употребили четвертый корпус, можете рассчитывать, что он будет всегда стоить двойного числа неприятеля»».

О том, как взорвался маршал Ланн, можно догадываться, зная его темпераментный и прямой характер: ««Я здесь всего только четверть часа, и знаю о положении только то, что эти господа мне сказали! На основе их утверждений сложилось мое мнение, и по их настоятельным просьбам я писал Вам; потому ответ маршала Сульта — это... идиотизм, которого я никак не ожидал, который я считаю за оскорбление и за который он мне заплатит!» Что касается императора, он, словно не обращая внимания на спор маршалов, расхаживал взад-вперед и, внезапно остановившись, сказал: «И я тоже считаю отступление необходимым»[22].

Так это было точно или нет, сказать сложно, но, по крайней мере, генерал Тьебо в своих мемуарах утверждает, что он слово в слово записал рассказ свидетеля этой сцены. В любом случае, именно в это время вечером 28 ноября император отдал приказ об отступлении корпуса Сульта за ручей Гольдбах

примерно в 10 км к западу от позиций, которые он занимал первоначально. Одновременно Наполеон направил распоряжения корпусу Бернадотта, дивизиям Фриана и Газана, драгунским дивизиям Бурсье, Клейна и Буайе* срочно идти на соединение с главными силами.

В это же время на Позоржицкую почту приехал генерал Савари. Он сам с удивлением вспоминает, что его в темноте пропустили через линию французских аванпостов. Согласно строгим правилам несения караульной службы, никаких парламентеров, даже своих, ночью не пропускают. Савари был удивлен также тем, что он нашел императора и чуть ли не всех маршалов в домике, который располагался всего лишь в 600 туазах (1 200 м) от передовых французских постов! Но встретив Наполеона, его адъютант изумился еще больше. Побеседовав с Савари и прочитав письмо царя, император приказал генералу немедленно скакать обратно к русским и передать Александру, что он предлагает личную встречу завтра в полдень между фронтом воюющих сторон. Одновременно предлагалось заключить перемирие по этому поводу на 24 часа.

Этот демарш был, опять-таки, блистательным ходом. Наполеон показал, что он готов на все ради мира, что он не оскорбился даже не слишком вежливым посланием царя. Это давало хоть какой-то шанс на возможность заключения выгодного договора, а в случае отказа Александра I подобная просьба еще более должна была разжечь самоуверенность союзного командования. Наконец, перемирие на 24 часа было очень важным, чтобы успеть подвести к полю боя подкрепления.

Савари тотчас же исчез во тьме ночи. Не прошло и двух часов с тех пор как он пересек линию аванпостов в одном направлении, как караулы обеих враждующих армий пропустили его в противоположном. Впрочем, сразу Савари к царю не пустили. Всю ночь его возили с одного бивака на другой в поисках князя Багратиона. Когда же Багратиона нашли, тот заявил, что он не может организовать встречу с царем без согласия главнокомандующего. Тогда Савари попросил немедленно передать записку князю Чарторыйскому. Записку адъютанта Наполеона действительно быстро доставили князю, и в скором времени Савари снова встретился с Александром I. Молодой царь был, как всегда, исключительно любезен, но, судя по всему, разговаривал более холодно, чем в предыдущий раз.

«Я бы с удовольствием использовал эту возможность для встречи, — сухо произнес Александр, — если бы я считал, что его *(Наполеона)* намерения были таковыми, как вы мне их описываете. Впрочем, времени уже осталось мало, чтобы увидеться сегодня»[23]. Царь лишь великодушно согласился послать на встречу с императором французов своего адъютанта Долгорукого, самого главного заводилу в среде штабной «золотой молодежи».

В то время, когда Савари и Долгорукий поскакали к линии аванпостов, в рядах французской армии все уже давно было в движении. В 5 часов утра войска маршала Сульта покинули свои биваки вокруг Аустерлица и двинулись по широкой равнине на запад. Пехота шла, построившись в полковые каре в шахматном порядке с артиллерией и кавалерией в интервалах. «Этот марш напомнил Морану то время, когда французская армия в песках Египта шла в огромных каре среди бесчисленных полчищ мамелюков, — вспоминал генерал Тьебо. — Я же был поражен великолепием этого необычайного зрелища. Трудно представить себе что-либо более величественное, чем эти 30 движущихся масс, которые... развернулись на пространстве более двух лье. В сверкании

**** Речь идет о дивизии Бомона. По причине болезни генерала Бомона дивизией временно командовал генерал Буайе.***

своего оружия они шли, гордые той медленностью, с которой среди бела дня производилось отступление, и без страха смотрели на линии и колонны вражеской кавалерии, покрывавшие все пространство до горизонта»[24].

Несмотря на медленность и стройный порядок, движение корпуса Сульта все-таки было отступлением. «Дело, кажется, поворачивается плохо, — проворчал из рядов какой-то старый солдат и, обращаясь к проезжавшему мимо адъютанту, сказал: — Молодой человек, не всегда приходится идти только вперед, вы скоро узнаете, что такое отступление, а может быть, и бегство...»[25]

Около полудня Савари примчался в штаб императора, расположившийся на небольшом постоялом дворе под названием Кандия в 7 км к востоку от Брюнна. Адъютант доложил о своем свидании с царем и о том, что Долгорукий ожидает встречи у первого французского поста. «Его желание заключить мир было таково, — рассказывает Савари, — что, не дав мне договорить, он вскочил на коня и помчался к передовому посту с такой скоростью, что взвод эскорта с трудом поспевал»[26].

«Я увидел, как из какой-то канавы навстречу мне вылез маленький человечек, очень грязный и чрезвычайно смешно одетый», — будет рассказывать со смехом о своем рандеву с императором князь Долгорукий в штабе союзников. Он также скажет, что «был очень удивлен, когда ему заявили, что это Наполеон»[27].

Неизвестно, о какой канаве говорил Долгорукий, но что совершенно очевидно, это вызывающий тон, с которым молодой адъютант стал беседовать с Наполеоном. «Во время разговора, каждое слово которого мы прекрасно слышали, — вспоминал Сегюр, — император держался спокойно и сдержанно, а Долгорукий, напротив, вел себя с такой надменностью и развязностью, что это могло бы нас разозлить, если бы не вызывало чувство жалости, настолько подобное поведение было смешным и неуместным».

Действительно, как ни старался сдержать себя император, он в конечном итоге взорвался. Князь высокомерно заявил, что мир возможен только в том случае, если Наполеон немедленно откажется от Итальянского королевства, от левого берега Рейна и Бельгии, и добавил, что французской армии, так и быть, дадут уйти подобру-поздорову, если она тотчас же эвакуирует Вену и «наследственные владения» Австрийской монархии.

«Уходите! Уходите, сударь, — воскликнул император, — уходите, и скажите вашему хозяину, что у меня нет привычки позволять оскорблять себя подобным образом, уходите сейчас же!»

Вернувшись к своей свите, Наполеон нервным жестом несколько раз стукнул по земле хлыстом и произнес в сердцах: «Италия! Они хотят Италию!.. А что же бы они сделали с Францией, если бы я был разбит? Ну что ж, раз они очень хотят, я умываю руки. И с Божьей помощью через 48 часов я дам им суровый урок»[28].

«Произнося эти фразы, — вспоминал Савари, — он пешком дошел до первого пехотного поста нашей армии. Это был отряд карабинеров 17-го легкого полка. Император, продолжая раздраженно говорить, стучал хлыстом по кучкам земли, лежавшим вдоль дороги. Часовой, старый солдат, слушая его, спокойно набивал свою трубку, держа ружье между ног. Наполеон подошел к нему и воскликнул: «Эти люди считают, что нас осталось только слопать!» Старый солдат, невозмутимо ответил: «Да ну! Пусть попробуют — мы встанем им поперек глотки...» Эта забавная фраза заставила императора рассмеяться. К нему вернулось хорошее расположение духа, он вскочил на коня и поскакал в штаб-квартиру...»[29]

Долгорукий привез в штаб союзников известие о том, что Буонапарте трепещет. Он рассказал также, что видел, как повсюду французы в страхе окапываются. «Наш успех несомненный, — говорил он, — стоит только идти вперед,

и неприятели отступят, как отступили они от Вишау»[30]. Казалось, действительно, все подтверждало правоту молодых советников Александра. «Французские аванпосты имели такой вид, что они в растерянности и смущены, — вспоминал князь Чарторыйский, прибывший вместе с Александром к армии. — Это поддерживало иллюзии. Постоянно с наших передовых линий приходили рапорты, которые говорили о скором отступлении французской армии. В результате уже думали не столько о настоящем моменте, сколько о будущем, не о том, как разбить неприятеля, а о том, как не дать уйти французской армии и нанести Наполеону смертельный удар»[31].

На следующий день, 30 ноября, Наполеон уже не сомневался — он не будет отступать, а даст генеральное сражение. Войска, на которые он рассчитывал, подходили со всех сторон. Дивизия Фриана из корпуса Даву выступила из Вены 29 ноября в 9 часов вечера, и прибыла 30 ноября в 10 часов вечера в Никольс-бург, пройдя за сутки 70 км. Отдохнув несколько часов ночью, она снова двинется вперед, и 1 декабря будет уже поблизости от Брюнна, пройдя еще 45 км. Таким образом, солдаты Фриана меньше чем за двое суток прошли 115 км почти без отдыха! Корпус Бернадотта подошел вечером 30-го числа к окрестностям Брюнна. Драгунские дивизии также были поблизости.

В то время пока французские солдаты, превозмогая усталость и лишения, шли форсированными маршами, союзники с какой-то удивительной неторопливостью продвигались вперед. 30 ноября колонны русско-австрийских войск прошли... около 10 км! В этот день они упустили свой последний шанс атаковать Наполеона до подхода ожидаемых им подкреплений. Вполне понятно, что союзная конница, которая могла за час преодолеть расстояние до неприятеля, просто томилась от безделья, и весь день 30 ноября казачьи сотни и эскадроны русских и австрийских гусар маневрировали на пространстве, отделяющем враждующие армии. Со своей стороны, французская кавалерия перешла ручей Гольдбах и также развернулась на широкой равнине. То там, то сям завязывались небольшие конные стычки, французы большей частью уклонялись от боя, укрепляя союзное командование в его самоуверенном настроении.

Император также был весь день в седле. «В течение 30 ноября, — сообщает официальная реляция, — он объезжал холмы и долины между Ауэздом, Праце-ном и Гиршковицем. Он продвинулся так далеко вперед с небольшой свитой, что казаки напали на взвод его эскорта под командованием Доменилья»[32]. Император посетил также позиции пехоты на крайнем левом фланге. Здесь, между деревней Бозениц* и Брюннским шоссе, возвышается странного вида холм — Бозениц-берг. Он похож на кулич, поставленный посреди стола. Небольшого размера, но высокий, с крутыми склонами, и почти плоский сверху. Этот холм, на котором стоит небольшая часовня, французы сразу окрестили Сантон. В рядах французских полков было немало ветеранов египетского похода, они придумали это название, потому что так в Египте назывались подобные холмы. В результате Бозеницберг в исторической литературе превратился в Сантон.

Наполеон решил сделать Сантон опорным пунктом своего левого фланга. «Утром Его Величество император приказал 17-му легкому полку занять Сантон, — сообщает официальная реляция, — объяснив всю важность позиции, он приказал полку укрепиться и защищать при необходимости этот пост до последнего солдата... Полк, поклявшись скорее умереть, чем покинуть свой пост, поднялся на холм и принялся сооружать укрепления»[33].

Чтобы еще больше укрепить дух своих солдат, император приказал полковой музыке 17-го полка играть знаменитый революционный марш «Le chant du

***** Бозениц по-чешски называется Тварожна.**

depart»*. Звуки этого марша раздались по линии фронта, и их подхватили музыканты других армейских полков и гвардии. Воинственная музыка и отдаленные раскаты пушечной пальбы словно подчеркивали важность приближающегося момента. «Было около десяти часов утра, — вспоминает очевидец. — Мы стояли в ожидании, считая, что битва может вот-вот начаться. Солдаты застыли в строю с ранцами за плечами и с ружьем «к ноге», у офицеров шинели были надеты в скатку через плечо. Вражеские разъезды были совсем близко от наших постов. Иногда они обменивались выстрелами из карабинов. Время от времени раздавался гром французских и русских пушек... которые словно задавали такт этой военной симфонии. Каждый бросал взгляд на своих соседей по строю, и в ожидании боя все внимательно всматривались в лица командиров... Я много видел боев и сражений в моей жизни, но никогда не видел, чтобы офицеры и солдаты находились в подобном состоянии... Все, конечно, хотели битвы, но все понимали, что она будет ужасна. Мы знали, что враг многочислен... У нас не было пути отступления, их было четверо на одного. Чего нам было ждать? Нужно было победить или умереть!»[34]

Эти великолепные по точности воспоминания (разумеется речь не идет о знании автором численного соотношения войск) вносят некоторые нюансы в распространенное утверждение о полной уверенности в счастливом исходе боя в рядах Великой Армии. Без сомнения, солдаты верили своему полководцу и были готовы сражаться насмерть, но они прекрасно понимали, что победа может быть куплена очень дорогой ценой. Тот же офицер вспоминал: «Мы собирались в кружок вокруг старых воинов, которые сражались с русскими в Италии и под Цюрихом. Мы словно хотели прочесть в их лицах, чего нам нужно бояться и на что надеяться»[35].

Что касается императора, уверенный в своих силах, он тем не менее вел себя с редкой предусмотрительностью и осторожностью. Объехав позиции войск 30 ноября, он написал министру иностранных дел в Вену: «Господин Талейран, я желаю заключить мир немедленно. Я готов оставить Венецию Зальцбургско-му электору, а Зальцбург — австрийцам... Я не вижу проблем в том, чтобы разделить короны Франции и Италии... но только после моей смерти... Я готов вернуть *{австрийцам)* всю артиллерию, склады и крепости. Я не наложу более никаких контрибуций и платежей, кроме тех, какие уже были наложены...»[36]

Что значит это письмо накануне сражения? Судя по всему, император не исключал, что союзники ограничатся только маневрированием и не будут его атаковать до тех пор, пока не получат подавляющего численного превосходства. Посылая подобное письмо Талейрану, он еще раз давал знак, что не хочет войны и готов заключить мир на самых приемлемых для австрийцев условиях. Текст письма показывает, что Наполеон все так же оставался в заблуждении насчет Александра I — в заблуждении, которое в конечном итоге будет стоить ему и короны, и Империи. «Я обменялся письмами с императором России. Я вынес из этого то, что он добрый и достойный человек, которым, однако, заправляют его приближенные, продавшиеся англичанам...»[37]

В письме Талейрану император писал также, что завтра (1 декабря), скорее всего, будет битва. Как видно, Наполеон готовился к любому возможному варианту развития событий. Вечером 30 ноября он продиктовал свое знаменитое воззвание к войскам, которое, впрочем, было сообщено армии только на следующий день.

***** *«Песня выступления в поход» написана почти в то же время, что и «Марсельеза», когда волонтеры отправлялись на защиту революционной Франции. Эта песня была столь распространена в эпоху революции, что ее называли второй Марсельезой.***

Наступивший погожий день 1 декабря 1805 г. не стал, опять-таки, днем великой битвы. Под ярким, не по-зимнему теплым солнцем союзники с каким-то тупым упорством стали снова маневрировать почти что не сходя с места. За весь день их главные силы прошли в лучшем случае 12 км, да и то, двигаясь не на неприятеля, а по дуге вокруг него. Что касается французских войск, то именно 1 декабря была завершена их концентрация. 1-й корпус Бернадотта расположился на позициях позади левого фланга, дивизия Фриана и драгуны Бурсье подошли к аббатству Райгерн, сам маршал Даву лично прибыл в главную квартиру.

Кавалерия, как и в предыдущий день, проводила непрерывные рекогносцировки и сталкивалась на аванпостах. Наполеон также не оставался без дела. Савари рассказывает: «Император провел весь день на коне. Он инспектировал свою армию полк за полком. Он говорил с солдатами, он посетил все артиллерийские парки, побывал во всех батареях, дал инструкции всем офицерам и канонирам. Он лично побывал во всех госпиталях и позаботился о том, как будут транспортироваться раненые... Можно написать целый том о том, что он сделал за эти 24 часа»[38].

Французские войска, заблаговременно занявшие позиции, имели время основательно подготовиться к битве. Офицер из дивизии Сюше вспоминал: «Наши саперы и даже наши солдаты занимались тем, что ровняли поле, засыпали канавы и ямы, убирали ненужные нам стены и делали небольшие мосты через ручьи, чтобы наша артиллерия могла двигаться свободно справа и слева от дороги»[39].

Все силы Великой Армии были собраны в кулак, солдаты с восторгом и доверием встречали Наполеона, и поэтому он был в прекрасном настроении. «Я редко видел императора в таком прекрасном расположении духа, — вспоминает офицер его свиты, — как в течение всего этого дня. Раза два я видел, как он весело потирает руки, словно говоря себе: «Они в наших руках!» Это доверие разделяла и вся армия... Ничто не могло его поколебать. Это прекрасный день накануне сражения, когда солдаты верят в своего полководца»[40].

Примерно в 15 часов император вернулся на свой бивак, но едва только он передохнул немного, как ему сообщили, что на Праценском плато видны движения неприятеля. Наполеон тотчас же сел на коня и поднялся на холм Зуран, который и поныне возвышается неподалеку от бывшего Брюннского шоссе. Холм очень своеобразен. Краеведы утверждают, что это татарский курган XIII века. Так или иначе, Зуран высоко поднимается над полем (287 м над уровнем моря, около 80 м над уровнем равнины), и с него открывается великолепный вид почти на все пространство будущего сражения. Отсюда «с подзорной трубой в руках он направил свои взгляды на Праценское плато, — рассказывает Сегюр. — Там было видно большое движение русских войск. Можно было различить за первыми линиями неприятельские колонны, которые шли, выдвигая вперед свой левый фланг, к Ауэзду и озерам. При этом виде, затрепетав от радости,... он воскликнул: «Это позорное движение! Они сами идут в ловушку! До завтрашнего вечера эта армия будет разгромлена!»[41]

Впрочем, последние слова из мемуаров Сегюра приведены лишь для того, чтобы показать привычный взгляд на битву под Аустерлицем, и то, как позднейшая легенда трансформировала события в умах свидетелей.

Для того чтобы это понять, необходимо на время прервать нить хронологического повествования и обратиться к особенностям местности, где развернется битва, и, разумеется, к планам противоборствующих сторон, прежде всего к знаменитому плану Наполеона.

Поле Аустерлицкой битвы представляет собой равнину, ограниченную с севера отрогами гор, с юга рекой Литтавой и прудами Мениц и Зачан (см. схе-

му). С севера на юг проходит ручей Гольдбах. С востока поле сражения ограничено Раусницким ручьем, впадающим в реку Литтаву. Шоссе Брюнн — Ольмюц, по которому наступали союзники, проходит по северной стороне равнины, почти касаясь отрогов гор. В нескольких километрах западнее Гольдбаха, пройдя через Брюнн, оно изменяет на 90 градусов свое направление, повернув в сторону Вены. В центре этого обширного поля находится большая группа высот — Праценское плато, с двумя возвышающимися холмами: Працберг (324 м над уровнем моря) и Стары-Винохрады (298 м), в седловине между холмами лежит деревня Працен. Плато простирается приблизительно на 5—6 км в длину и на столько же в ширину, господствуя над всем полем битвы. В месте пересечения Брюннского шоссе и ручья Гольдбах с севера от дороги возвышается холм Сантон. Ручей Гольдбах затрудняет переход крупных масс войск с артиллерией. Его удобно форсировать только в деревнях Тельниц, Сокольниц, Пунтовиц и Гиршковиц, где имеются дороги и мосты. Важно также отметить, что местность, где развернется битва, довольно открытая. За исключением отдельных участков: ручья Гольдбах, реки Литтавы, южного склона Праценского плато и нескольких виноградников, поле сражения ровное. Везде без труда могла действовать пехота и почти что везде — кавалерия.

Достаточно одного взгляда на поле будущей битвы, чтобы понять, что Праценские высоты имеют очень важное значение как для наступающего, так и для обороняющегося. Господствуя над местностью, они являются ключом позиции. Как утверждает ряд источников, соратники Наполеона предлагали ему занять плато и дать оборонительный бой, опираясь на выгодную позицию. Однако император оставил Праценские высоты свободными. «Если бы я захотел помешать неприятелю пройти, я расположился бы здесь, — якобы заявил Наполеон, — но тогда произошла бы обычная битва, если же я, наоборот, отодвину свое правое крыло ближе к Брюнну, а они покинут эти высоты, они погибли безвозвратно»[42].

Действительно, подобная фраза встречается практически во всех записках тех, кто был рядом с императором в эти дни, и, без сомнения, в этой или примерно подобной форме она была сказана, возможно, не один раз. Ясно также, что если бы французы заняли Праценское плато, произошло бы простое фронтальное столкновение, так как мимо Праценских высот пройти невозможно, а для их обхода союзникам заведомо пришлось бы оставить свою операционную линию. По всей видимости, им пришлось бы атаковать в лоб. В таком случае император мог рассчитывать отразить их наступление, но не более. Ему же нужна была сокрушительная победа. Он надеялся заставить их сделать грубую ошибку в организации наступления и нанести сокрушительный контрудар. Об этом уже упоминалось в начале этой главы.

Почти все историки единодушно утверждают следующее: император рассчитывал, что союзники, очистив Праценские высоты для обхода французской армии с юга (на что Наполеон провоцировал их ослаблением своего правого крыла), должны были оголить свой центр, куда французский полководец и планировал нанести главный удар. Затем, обрушившись на массы войск левого фланга неприятеля, которые будут удержаны с фронта дивизиями Леграна и Фриана на линии ручья Гольдбах, прижать их к прудам и уничтожить если не полностью, то хотя бы частично. Примерно так на деле все и случилось. Но думал ли Наполеон об этом до боя, является ли все происшедшее осуществлением гениального предвидения?

Уже факты, приведенные в этой главе, заставляют усомниться в подобном предсказании будущего. В начале наступления союзников они двигались правым (северным) крылом вперед. И только 29 ноября произвели изменения в по-

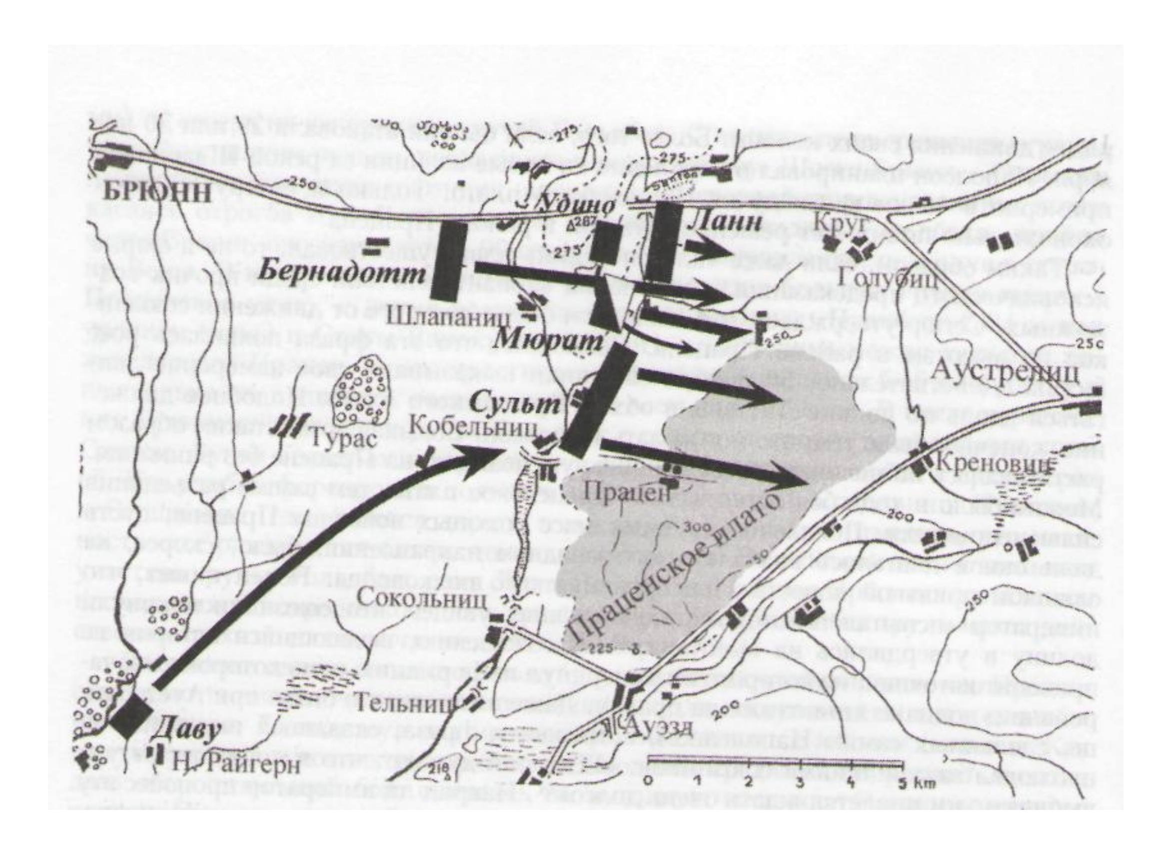
рядке движения своих колонн. Более того, если бы они атаковали 29 или 30 ноября, Наполеон планировал отступление на новые позиции за рекой Шварцавой примерно в 10 км к западу от Праценского плато. Только к вечеру 30-го он окончательно принимает решение дать бой в районе Працена.

Таким образом, если даже «классический» план существовал, то не в форме ясновидческого предсказания, а как некий вариант действий среди прочих возможных. Сегюр утверждает, что Наполеон был в восторге от движения союзников по высотам в районе Працена. Возможно, что эта фраза появилась post factum. Действительно, 30 ноября союзники выказывали свое намерение двигаться вдоль по долине Литтавы в обход Праценского плато. Подобное движение, конечно, было тем, что мог желать Наполеон. Союзная армия таким образом растягивалась по низинам, оставляя сильную позицию на Працене без внимания. Можно было в ходе боя легко занять Праценское плато, тем самым разъединив силы неприятеля. Появление крупных масс союзных войск на Працене, пусть даже они и двигались вначале в юго-западном направлении, было, скорее, не слишком приятной новостью для французского полководца. Колен пишет, что император «испытал некоторое разочарование, увидев, что союзники покинули долину и утвердились на высотах...»[43]. К сожалению, выдающийся историк не приводит источник, из которого он почерпнул информацию о «некотором разочаровании», однако это похоже на правду. Даже в заметках о битве при Аустерлице, сделанных самим Наполеоном, встречается фраза, сказанная им, когда он наблюдал за действиями союзников: «Если они думают, что я пойду их оттуда выбивать, им придется ждать очень долго»[44]. Навряд ли император произнес эту фразу, «затрепетав от радости». К вечеру союзные войска остановились посредине плато, и дальнейшее их направление движения было сложно предугадать.

Так или иначе, у императора сложился определенный план действий. Он был зафиксирован в единственном документе, не вызывающем сомнения с точки зрения времени его появления. Все прочее — это описания, сделанные уже после сражения как самим Наполеоном и его начальником штаба Бертье в официальных реляциях, так и участниками сражения в их рапортах и мемуарах. Все эти документы составлены после битвы, когда был известен ее результат и ход. Но этих документов очень много, и именно они на все лады перепевались историками Наполеоновской эпохи.

Первыми, кто увидел несоответствие в распоряжениях, отданных накануне, и тем, что якобы произошло в соответствии со строго задуманным планом, были французские историки начала XX века Морис Дюмулен и одновременно с ним Жан Колен. Наконец, в 1947 г. во французском военно-историческом журнале появилась статья Мишеля де Ломбареса о битве при Аустерлице, которая нанесла еще один удар по легенде. Ломбарес показал, что план императора постоянно подвергался модификациям. Разумеется, речь не идет о том, что Наполеон был исключительно импровизатором и все решал в последнюю минуту. Видно, как император совершенно четко поставил перед собой задачу нанести удар по союзникам в момент их наступления. Он готовил контрнаступление тщательно, он позаботился о том, чтобы все шестеренки военного механизма работали четко и без сбоев. Однако при всей своей прозорливости Наполеон не мог точно знать, что в конечном итоге конкретно предпримет неприятель. Поэтому, исходя из генеральной идеи, которая оставалась неизменной, он постоянно искал различные варианты решений, и эти варианты модифицировались практически постоянно.

С этой точки зрения совершенно наивно звучат слова Михайловского-Данилевского: «Вымышленные похвалы не нужны дивному полководцу. Сделан-

План Наполеона (согласно Генеральной диспозиции, подписанной вечером 1 декабря 1805 г.)

ное им в вечеру передвижение, и вообще распоряжения его к Аустерлицкой битве основывались на известности ему предположений наших»[45]. И тем более абсурдно то, что написал Долгорукий царю после битвы: «Армию Вашего Величества привели не столько, чтобы сражаться, сколько для того, чтобы отдать ее в руки врага, и что совсем гнусно — наша диспозиция была сообщена неприятелю»[46]. Если бы император имел в руках точные агентурные сведения, он, очевидно, не менял бы свои планы, не пытался всеми способами понять, что же происходит за завесой из кавалерийских отрядов, не совершал постоянные, подчас рискованные рекогносцировки.

Ну, а теперь самое главное — тот единственный документ, где документально зафиксирован план Наполеона такой, каким он был в 8.30 вечера 1 декабря 1805 г. Этот документ называется «Генеральная диспозиция на день 11 фриме-ра *(2 декабря)».* В Приложении этот документ приводится полностью, **и он** стоит того, чтобы его внимательно прочитать.

Те, кто знакомы с планом императора исключительно по традиционным описаниям, должны быть крайне удивлены. Диспозицию на день 11 фримера «классики» исторической мысли никогда не приводят в своих произведениях, хотя очень любят цитировать различные великие слова, якобы сказанные Наполеоном и приведенные в мемуарах, написанных лет так через 50 после событий.

Действительно, текст диспозиции ошеломляет, конечно, если его прочитать внимательно. Во-первых, здесь ни слова не говорится о прорыве центра неприятеля. Нет ни малейших намеков на то, что союзники должны быть окружены южнее Праценского плато и прижаты к прудам. В диспозиции вообще ничего не говорится о каких-либо действиях в этом районе поля сражения! И это при том, что, по традиции, упорно повторяется и рассказывается на все лады, как

Наполеон ставил перед своими маршалами задачу прорвать центр неприятеля и утопить его главные силы в прудах Мениц и Зачан.
Все внимание в диспозиции сосредоточено на действиях на северном участке поля сражения. Сюда направляются целиком две дивизии, подчиненные маршалу Ланну (Сюше и Кафарелли), сюда направлена вся кавалерия Мюрата, и сюда же должны двигаться обе дивизии маршала Бернадотта! При этом ни слова не говорится о том, что дивизия Леграна должна оборонять линию ручья Гольдбаха у деревень Тельниц и Сокольниц. Более того, дивизия Леграна должна действовать вместе с двумя другими дивизиями корпуса Сульта. Этому корпусу дается поручение, которое может озадачить любого военного специалиста. В 7 часов утра он должен, перейдя ручей Гольдбах, начать движение, которое обозначено следующим образом «марш поэшелонно правым крылом вперед»[47]. Что это значит? Если перевести на обычный язык, части Сульта должны были идти, выдвигая вперед правофланговые дивизии, но сохраняя при этом общее направление движения фронта. Но ведь фронт был развернут с севера на юг, следовательно, его движение должно было происходить в восточном направлении. Кстати, в ходе сражения части Ланна и Мюрата будут, строго соблюдая диспозицию, двигаться прямо на восток.

Теперь, наверное, читатель не удивляется, почему эту диспозицию не приводят историки. Она никак не соответствует «классическому» плану, и ее, в отличие от фраз, выдуманных post factum, непросто объяснить. Английский историк Кристофер Даффи, чтобы привести этот план в соответствие с традиционным описанием, иллюстрируя его, на схеме загнул все стрелочки движения корпусов в южном направлении. Но дело в том, что в диспозиции ни о каком «загибе» речь не идет.

Получается, что все силы французской армии сосредоточены на северном участке поля сражения, и именно этому участку уделено все внимание в документе. Конечно, можно заметить, что обычно диспозиции Наполеона ставили задачу только на первый этап боя, и что впоследствии всегда отдавались дополнительные приказания. Однако когда пишут об Аустерлице, обычно утверждается, что здесь все было продумано чуть ли не до самого конца. Из документа это никак не следует.

Интересно, что дивизии Фриана и драгунам Бурсье было предписано двигаться к правому флангу Сульта, который располагался у Кобельница. Таким образом, бой у Тельница и Сокольница явно не предполагался. Днем 1 декабря эти деревни занимали только два батальона — Корсиканских стрелков (около 500 человек) и Стрелков По (около 300 человек). Ясно, что эта горстка войск не могла остановить движение главных сил союзников.

Диспозицию на день 11 фримера очень сложно истолковать. Жан Колен и Мишель де Ломбарес считали, что она объясняется следующим образом: Наполеон считал в этот момент, что союзники будут обходить его с фланга, но не в районе Тельница и Сокольница, а несколько севернее, у Кобельница. Здесь он и собирался атаковать их колонны, с одного фланга дивизией Фриана, а с другого — корпусом Сульта. Если в отношении движения Фриана это вполне согласуется с текстом документа, то в отношении Сульта дело обстоит совсем иначе, ведь если строго исходить из диспозиции, ему предписывалось идти в прямо противоположную сторону!

«У нас мало сведений о форме атаки, избранной императором и предписанной вечером 1 декабря, — справедливо заключал Колен. — Но что очевидно, речь не шла о прорыве центра союзной армии»[48]. На этом известный историк и завершает свои рассуждения.

Больше всего поражает в диспозиции до странности подробные предписания для действий на северном участке фронта и концентрация здесь главных сил. Ни одной кавалерийской дивизии не выделено маршалу Сульту. Кроме его собственной кавалерийской бригады под командованием Маргарона (около 900 человек), никакой конницы в оперативном подчинении Сульта не находилось. Наоборот, на северном крыле в руках Мюрата было более 7 тыс. всадников.

Иногда подобное распределение кавалерии связывают с тем, что де в районе Праценского плато коннице действовать было сложно, а на северном участке фронта были открытые ровные поля. Нужно сказать, что Праценское плато — это не Альпы, и за исключением нескольких действительно крутых склонов, здесь поля ничем не хуже, чем в районе Блазовица и Брюннского шоссе. В конечном итоге в ходе боя здесь будет действовать и французская, и русская кавалерия, причем весьма успешно.

Складывается впечатление, что Наполеон по какой-то причине решил сначала разгромить войска союзников на северном участке фронта и лишить их путей отступления к Ольмюцу. При этом он собирался сдерживать временно, каким-то не очень ясным образом, наступление главных сил русско-австрийской армии. И только потом предполагалось развернуть весь фронт против неприятеля.

Все это не более чем предположение, потому что император, без сомнения, дал большое количество устных указаний, поясняющих его намерения. Мы не можем, к сожалению, «услышать» эти указания, так как все, что было написано позднее, искажено произошедшими событиями. Мемуарам здесь никак нельзя верить, а документов, которые бы разъясняли диспозицию, не существует. Единственное, что можно сказать совершенно определенно: традиционный взгляд на план императора не соответствует истине.

Впрочем, план планом, а на поле боя больше решает дело моральный дух армии, готовность людей к самопожертвованию, их вера в полководца, командиров и товарищей по оружию. С этой точки зрения Наполеон мог быть совершенно спокоен — его войска готовы были вступить в смертельный бой и, не колеблясь, идти вперед. Император это знал, это чувствовал всеми фибрами своей души, и поэтому на его биваке вечером 1 декабря царило какое-то необычайно веселое настроение. Вокруг него собрались его верные соратники — Ко-ленкур, Мюрат, Жюно, Мутон, Рапп, Лемаруа, Лебрен, Макон, Тиар, Сегюр и доктор Ивен. «Веселый вечер был словно весь пронизан нашим бодрым состоянием духа. Никогда еще разговор не был столь оживленным и радостным»[49], — вспоминал участник этого ужина капитан Тиар.

На веселых, закопченных бивачными кострами лицах, на золоте шитья и эполет мелькали красные отблески огня. Раздавались шутки, смех и звон бокалов. Тон радостному настроению задавал Жюно, который, выехав из Лиссабона и проскакав в галоп 2 800 км, успел нагнать армию прямо накануне сражения. Отправляя Жюно с дипломатической миссией, император обещал ему, что он его позовет, когда дело дойдет до сражения, и вот теперь отважный генерал был поистине счастлив, что он приехал вовремя, и хохотал, рассказывая об испанском кучере, который вез его в настоящую бурю, недовольно приговаривая: «Сеньор, эта погода — не для поездки послов». Отважный Жюно почему-то завел вдруг беседу о драматической поэзии.

«Наполеон, словно забыв о русской армии, о войне и о завтрашней битве, зажегся этим разговором, — рассказывает Сегюр. — «Послушайте, Корнель — вот настоящая сила таланта! Это был поистине государственный человек! Но пьеса «Тамплиеры» — ей не хватает политической концепции... Это ошибка думать, что сейчас трагические сюжеты исчерпаны, их существует великое множе-

ство в суровой политической необходимости. Нужно просто чувствовать и уметь играть на этой струне. Это настоящий источник сильных эмоций...»[50]

Внезапно, когда веселье было в самом разгаре, император поднялся из-за импровизированного стола и сказал: «Пойдемте-ка посмотрим гвардию». Нужно сказать, что в этот момент приподнятое настроение царило не только вокруг императорского костра. Солдатам раздали хорошую порцию водки, и только что было зачитано воззвание императора:

«Солдаты! Русская армия выходит против вас, чтобы отомстить за австрийскую ульмскую армию. Это те же батальоны, которые вы разбили при Голлабрунне и которые вы преследовали до сего места. Позиции, которые мы занимаем, могущественны, и в то время, *когда они двинутся на наши батареи, я хочу атаковать их фланги*'. Солдаты! Я сам буду руководить вашими батальонами. Я буду держаться далеко от огня, если вы, с вашей обычной храбростью, внесете в ряды неприятельские беспорядок и смятение; но если победа будет хоть одну минуту сомнительна, вы увидите вашего императора, подвергающегося первым ударам неприятеля, потому что не может быть колебания в победе, особенно в тот день, в который идет речь о чести французской пехоты, которая так необходима для чести нации.

Под предлогом увода раненых не расстраивать рядов! Каждый пусть будет проникнут мыслью победить этих наемников Англии, воодушевленных такой ненавистью против нашей нации. Эта победа окончит наш поход, и мы сможем возвратиться на зимние квартиры, где застанут нас новые французские войска, которые формируются во Франции; и тогда мир, который я заключу, будет достоин моего народа, вас и меня»[51].

«Едва мы приблизились к первым бивакам, — рассказывает Тиар, — как император был узнан, и все гвардейцы встали. Мы не прошли и 50-ти шагов, как император споткнулся о какое-то бревно и чуть ли не упал. К счастью, мы его вовремя поддержали. Тогда гренадеры по своей собственной инициативе схватили солому, на которой они лежали, и сделали из нее нечто вроде факелов, с которыми они стали освещать нам дорогу, наполняя воздух восторженными криками. Это событие словно зажгло электрическую искру — вдруг по всей линии запылали огни...»[52].

Нужно сказать, что о том, как начался этот необычный праздник, существует почти столько же версий, сколько при этом находилось свидетелей. Причем все утверждают, что император споткнулся именно на их биваке, и солдатам именно их дивизии пришла в голову идея осветить путь полководцу. Но, скорее всего, прав Тиар, и ликование началось именно с гвардейского бивака.

Напрасно Наполеон восклицал: «Тише! До завтра! Думайте сейчас только о том, как заточить свои штыки!», скоро весь фронт 70-тысячной армии стал наполняться яркими огнями импровизированных факелов. Отовсюду раздавался громовой крик «Это годовщина коронации!.. Да здравствует император!» «Этот крик любви и энтузиазма распространялся во всех направлениях, подобно импульсу, — вспоминал велит гвардии Баррес. — Это было всеобщее ликование, столь радостное и спонтанное, что сам император был ошеломлен. Все это было чудесно, восхитительно!»[53]

В официальной корреспонденции Наполеона вместо выделенной фразы сказано следующее: «...когда они будут идти, чтобы обойти меня справа, они подставят мне свой фланг», но на самом деле в первоначальном варианте эта фраза выглядит так, как она приведена в тексте книги. Фраза была изменена после сражения таким образом, что из достаточно общего высказывания она превратилась в некое провидение и секрет плана битвы, раскрытый целой армией.

«Останавливаясь на каждом шагу, — рассказывал адъютант Сульта, — и добродушно разговаривая с храбрецами, приветствовавшими его, император довел энтузиазм до самой высшей степени. «Пойдем сражаться сейчас же! — кричали одни, — Веди нас этой же ночью к славе!» Другие восклицали: «Битва будет в семь часов утра, победа в полдень!» Один из гренадер, словно отвечая на фразу прокламации, прокричал: «Императору не надо будет завтра подвергать свою жизнь опасности», другие во всю глотку орали»: Мы будем сражаться штыками!»... и тысячи других энергичных восклицаний раздавались отовсюду, и в каждом была любовь, восхищение и доверие солдат к командиру, ставшему их идолом... Едва только император покидал лагерь одной дивизии, как крики «Да здравствует Наполеон, наш непобедимый полководец!» провожали его и раздавались еще долго»[54].

Никогда еще армия не приветствовала так своего главнокомандующего, не встречала его такими изъявлениями преданности, восторга и готовности без колебаний отдать за него жизнь в смертельной схватке. Восхищенный, растроганный почти до слез, император воскликнул, вернувшись на свой бивак: «Вот самый прекрасный вечер в моей жизни!».

В то время когда французская армия ликовала в предвкушении победы, в стане союзников царило глубокое молчание. В эту ночь русский офицер написал в своем дневнике помпезным слогом сентиментальных романов: «Глубокая темнота ночи не освещается ни единым из светил небесных, некая ужасная тишина царствует в окрестностях, утомленные солдаты наши, с свойственным только русским спокойствием духа, крепко спят вокруг угасающих огней; одни стражи недремлющим оком проницают темноту ночную и, подавая друг другу извещательный голос, бодрственно охраняют погруженных в сон героев, собратий своих, от внезапного нападения лукавого врага»[55].

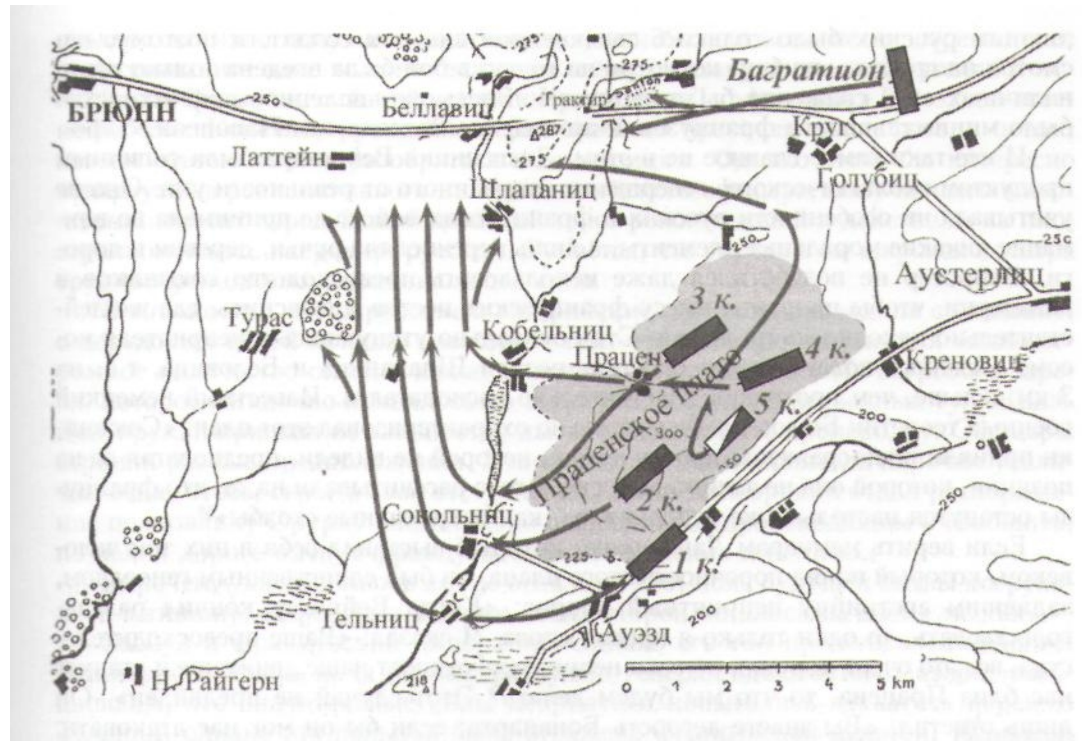
Не спали и генералы, которые должны были собраться для того, чтобы получить последние указания перед будущей битвой. Командный состав союзной армии собрался в эту ночь в штаб-квартире Кутузова в небольшом домике в деревне Крженовиц*. Долго ждали Багратиона, и поэтому не начинали заседания. Уже заполночь от него прискакал адъютант, который доложил, что князь не сможет прибыть на совет. Кутузов приказал начинать.

«Генерал Вейротер развернул на большом столе огромную, очень точную и подробную карту окрестностей Брюнна и Аустерлица и прочел нам диспозицию возвышенным тоном и с самодовольным видом, обнаруживавшими внутреннее убеждение в своих заслугах и в нашей бездарности, — вспоминал Ланжерон. — Он походил на профессора, читающего лекцию молодым школьникам; может быть, мы были действительно школьниками, но зато он был далек от того, чтобы быть профессором. Кутузов, сидевший и наполовину дремавший, когда мы собирались, кончил тем, что перед нашим отъездом совсем заснул.

Буксгевден слушал стоя и наверное ничего не понимал. Милорадович молчал. Пржибышевский держался сзади и только один Дохтуров внимательно рассматривал карту»[56].

Суть плана Вейротера, если изложить ее вкратце, состояла в следующем: главные силы союзников, разделенные на четыре колонны, должны были обойти французскую армию с юга, форсировав ручей Гольдбах в деревнях Тельниц, Сокольниц и Кобельниц. Затем они должны были повернуть на север и ударить

****Этот домик существует и поныне. Скромная комната, где собрались генералы, сильно отличается от замкового помещения, которое обычно себе представляют, когда речь идет об этом совете.***

План союзников

по неприятелю, который, по мысли Вейротера, находился между Турасским лесом и Беловицем. В общей сложности четыре обходящие колонны под командованием генералов Дохтурова, Ланжерона, Пржибышевского и Коловрата насчитывали около 56 тыс. человек при 212 орудиях под общим руководством генерала Букс-гевдена. В момент начала наступления обходящей группировки с фронта ее атаку должны были поддержать: пятая колонна (кавалерия) князя Лихтенштейна (около 5 тыс. человек при 24 орудиях) и «авангард» Багратиона (около 11 тыс. человек при 24 орудиях). Гвардия (около 10 тыс. человек при 40 орудиях) должна была следовать между Лихтенштейном и Багратионом на Блазовиц (подробное расписание колонн и полный текст диспозиции см. в приложении).

В общем, ничего особо замысловатого в этом плане не было. Однако форма диспозиции была такова, что могло показаться, что ее намеренно пытались запутать. Действительно, она настолько пестрела географическими названиями, что, по меткому замечанию генерала Ермолова, «более похожа была на топографическое описание Брюннского округа, нежели на начертание порядка, приуготовляющего целую армию к бою»[57]. Стоит принять во внимание, что диспозиция была написана по-немецки, и Вейротер читал ее также на немецком языке. Если русские генералы в подавляющем большинстве владели французским в совершенстве, то немецкий большинство из них знало плохо либо не знало вообще. Это также никак не способствовало пониманию этого длинного и замысловато написанного документа.

Согласно диспозиции получалось, что две трети армии были направлены по длинной дуге в обход, центр совершенно оголялся, **а** слабый правый фланг оказывался лицом к лицу с главными силами французов. Все это так напоминает «мудрейший» маневр Шмидта под Кремсом. Но там против 30 тыс. с

лишним русских было только 6 тыс. неприятельских солдат, и поэтому, несмотря на грубую ошибку, несмотря на то что в бой была введена только треть наличных сил, сражение было выиграно. Здесь же численное превосходство было минимальным, а французской армией командовал сам Наполеон.

И все-таки самое главное не в этом. Диспозиция Вейротера была типичным продуктом схоластического, совершенно оторванного от реальности ума. Она не учитывала ни особенности русских и французских войск, не принимала во внимание никакие моральные элементы, а лишь перечисляла ручьи, деревни и дороги. Вейротер не позаботился даже использовать превосходство союзников в кавалерии, чтобы прорвать завесу французских постов и выяснить, где же действительно находилась их армия. Стоя буквально уткнувшись в неприятеля носом, союзники полагали, что он стоит позади Шлапаница и Беловица, т.е. на 3 км дальше, чем противник действительно располагался. Известный немецкий военный теоретик Бюлов так блистательно охарактеризовал этот план: «Союзники приняли план сражения против армии, которой не видели, предполагая ее на позиции, которой она не занимала, и сверх того рассчитывали на то, что французы останутся настолько же неподвижны, как пограничные столбы»[58].

Если верить мемуарам Ланжерона, который выставил себя в них тем человеком, который понял порочность этого плана, он был единственным генералом, задавшим австрийцу неприятный вопрос: «Когда Вейротер кончил разглагольствовать, то один только я просил слова. Я сказал: «Ваше превосходительство, все это очень хорошо, но если неприятель откроет наше движение и атакует нас близ Працена, то что мы будем делать? Этот случай не предвиден». Он лишь ответил: «Вы знаете дерзость Бонапарта; если бы он мог нас атаковать, он сделал бы это сегодня». «Значит, вы не считаете его сильным?» — «Много, если он имеет 40 000 человек». — «В таком случае он идет к погибели, ожидая атаки с нашей стороны»...[59]

Так это было или нет, сказать невозможно. Мемуары Ланжерона — это практически единственный документ, в котором рассказывается о том, как проходил военный совет. Кстати, Л.Н. Толстой в своем великом романе «Война и мир» сделал необычайно яркое описание заседания совета почти строго следуя рассказу Ланжерона. Что совершенно очевидно, Кутузов промолчал. Несмотря на свои несомненные военные дарования, он не осмелился поднять голос против всей этой галиматьи. Увы, Михаил Илларионович был царедворцем. Очевидно, понимая, в какую пропасть ведет союзную армию подобное руководство, он не взял на себя ответственности перечить царю и его окружению. Все, на что он мог решиться, — это попытаться через гофмаршала графа Н.А. Толстого робко посоветовать Александру отказаться от его намерения дать сражение неприятелю таким образом. Но Толстой, в не меньшей степени ловкий и осторожный придворный, только замахал руками: «Je ne me mele que de sauces et des rotis. La guerre est votre affaire: faites-la![60]»*.

Что касается большинства русских генералов, то они даже не успели разобраться в вейротеровской ахинее. «Генерал-адъютант Уваров позван был в главную квартиру, откуда возвратился в скором времени, — вспоминал генерал Ермолов. — Немедля за ним прислан офицер с диспозициею на нескольких листах, наполненною трудными названиями селений, озер, рек, долин и возвышений и так запутанною, что ни помнить, ни понимать не было никакой возможности. Списать не было позволено, ибо надобно было успеть прочитать многим из начальников и весьма мало было экземпляров. Я признаюсь, что, выслушав оную,

**** О, нет! Я занимаюсь только соусом и жарким. Война — это ваше дело, так что вы ей и занимайтесь.***

столько же мало получил о ней понятия, как бы и совсем не подозревал о ее существовании; одно то ясно было, что назавтра атакуем мы неприятеля»[61].

За эту фразу английский историк Кристофер Даффи назвал Ермолова «ксенофобом». Конечно, русский генерал немного преувеличивал, говоря о том, что он совсем не мог разобраться в диспозиции. Однако было бы интересно взглянуть на реакцию какого-нибудь английского офицера, получившего в последний момент перед битвой длинный текст рекомендаций к действиям на иностранном языке, например, русском! Думается, что это была бы широкая палитра труднопереводимых эмоциональных слов.

В тот момент, когда русские и австрийские генералы проводили совещание, с передовых цепей пришло известие о том, что в лагере неприятеля видно огромное количество огней и какое-то непонятное движение. Из багрового зарева, которое загадочно появилось во тьме, раздавался таинственный гул. Князь Долгорукий приехал на аванпосты, пытаясь понять, что происходит. Офицеры строили разные предположения. Кто-то сказал, что неприятель нарочно увеличил огни, чтобы скрыть свое отступление. Тогда Долгорукий отдал распоряжение полковнику Орурку внимательно наблюдать за происходящим и сообщить, по какой дороге начнут французы свое отступление и бегство...

Впрочем, уже заполночь яркие огни потухли, поле будущей битвы погрузилось в тишину. Передовые посты с обеих сторон остались на своих местах...

Заснул и французский император. Однако его сон продолжался недолго. Примерно в 3 часа ночи он был разбужен генерал-адъютантом Савари, сообщившим, что значительные силы неприятеля попытались захватить деревню Тельниц, однако эта попытка была отражена французской пехотой. Наполеон тотчас же был в седле. Он распорядился немедленно послать за маршалом Суль-том, и с небольшим эскортом поскакал в глубокой темноте к своему левому крылу. «Луна в этот момент зашла, — рассказывает официальная реляция. — Стало холодно. На смену веселому шуму и празднику пришла гробовая тишина. Все спали. Император доехал до деревни Гиршковиц. Здесь, на главной улице деревни стоял наготове в качестве основного караула драгунский полк. Он *(Наполеон)* узнал из рапортов часовых, что ... до двух часов утра было слышно движение войск, направлявшихся на Тельниц и Сокольниц. Действительно, бивачные огни *(союзников)* распространились в эту сторону»[62].

Очевидно, в этот момент к Наполеону присоединился маршал Сульт с несколькими офицерами. Адъютант маршала Сен-Шаман вспоминал: «Император сам опросил командиров передовых постов. Все они сходились на том, что вражеская армия выдвигает свое левое крыло, чтобы нанести удар по нашему правому крылу. Действительно, до нас доносились звуки движения артиллерийских обозов. Слышно было, что лошади идут в эту сторону. «Вам придется подраться, маршал Сульт», — сказал император, поворачиваясь к нему. «Сир, я очень рад», — ответил маршал, почтительно приветствуя Его Величество»[63]. Сегюр сообщает, что Наполеон не удовлетворился этими сведениями и продолжил свою ночную рекогносцировку вплоть до Праценского плато, где он наткнулся на пост казаков. «Они *(казаки)* бросились внезапно на него и, вне всякого сомнения, убили бы или взяли его в плен, если бы не отвага и преданность конных егерей эскорта и не скорость, с которой император и его свита доскакали до наших биваков»[64].

Наполеон не был молодым поручиком, который мог развлекаться от нечего делать игрой со смертью. Если он проводил подобную рискованную рекогносцировку, то только потому, что сведения, полученные ночью, имели кардинальное значение для его плана действий. Действительно, судя по всему, только

после этой рекогносцировки Наполеон принял окончательное решение. Полковник Пуатевен записал в своем дневнике: «Движения, которые осуществлял неприятель напротив нашего правого крыла, заставили изменить диспозицию. Я думаю, что это было сделано в тот момент, когда маршал Сульт ночью увиделся с императором»[65]. Официальная реляция еще более категорична в этом отношении: «Отказавшись от косого боевого порядка, который он *(Наполеон)* принял изначально... он решил вогнать словно клин в центр неприятельских линий, разрезать надвое вражескую армию и затем сбросить в пруды тех, кто обходил его слева. У них не было бы пути отступления, так как мы должны были держать деревни *(Тельниц, Сокольниц)»*[66].

Если верить этой версии, в это время Наполеоном был принят классический план — тот, о котором постоянно говорят историки. Действительно, бригаде Мерля из дивизии Леграна было приказано защищать Тельниц и Соколь-ниц, а Фриану вместо того чтобы идти на Турасский лес, отныне предписывалось двигаться на помощь Мерлю. Иными словами, линия Гольдбаха отныне должна была удерживаться французской армией. Сохранился также письменный приказ, который Сульт направил ночью Сент-Илеру. Согласно этому приказу дивизия Сент-Илера вместо того чтобы двигаться позади Вандамма и форсировать ручей в деревне Гиршковиц, смещалась несколько южнее и должна была перейти его в деревне Пунтовиц. Наконец, первый корпус Бернадотта должен был следовать не вдоль по Брюннскому шоссе, а двигаться на Гиршковиц вслед за дивизией Вандамма.

Таким образом, схема действий кардинально изменялась. Колен в своей работе «Аустерлиц» назвал коррективы, внесенные в первоначальный план «малозначительными». Как кажется, наоборот, они были очень существенными. Основные силы теперь были направлены не на северное крыло, а ближе к центру. Значительно усиливался и южный фланг. Теперь император действительно собирался атаковать Праценские высоты и нанести удар по обходящей группировке союзников. Однако вот что интересно. Так как изменения были внесены в план буквально за несколько часов до битвы, схема действий не могла быть полностью перестроена и неизбежно сохранила в себе «рудименты» первоначальной идеи. Корпус Бернадотта хотя и был перенацелен, но, естественно, не мог уже изначально занять позиции для атаки на центр. Кавалерия Мюрата также осталась там, где она была. Так что план был новый, а расположение войск — старое. К чему это приведет в ходе битвы, будет видно из следующей главы.

Полки корпуса Сульта были подняты еще глубокой ночью. Маршал распорядился, чтобы его войска были готовы засветло, и уже в 3 часа ночи солдаты начали разбирать оружие. «Обычно это было время последнего отдыха, который предшествует столкновению, — вспоминал генерал Тьебо, тогда командир 2-й бригады дивизии Сент-Илера, — но для нас это был момент, когда в самой глубокой тишине... холодной ночью строились наши дивизии, и, чтобы обмануть бдительность врага, солдаты не потушили бивачные огни, а наоборот, подложили в них дров»[67]. В остальных корпусах подъем был немного более поздний, но в любом случае, в 6 часов утра все уже стояли на своих местах. С обеих сторон войска были готовы к великой битве...

1 Stutterheim La bataille d'Austerlitz. Paris, 1806. p. 19—21.
2 Цит. по: Revue d'histoire, 1907, № 76, p. 65.
3 Ibid., p. 65, 68.
4 Ibid., p. 66.
5 Ibid., p. 67.

[6] Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч., с. 154—155.

[7] Langeron A.F. Journal des campagnes faites au service de Russie. Рукописный фонд Российской национальной библиотеки. Ф. 73, № 276.

[8] Богданович М.И. История царствования Императора Александра I и России в его время. СПб., 1869, т. 2, с. 46-47.

[9] Langeron A.F. Journal... Рукописный фонд Российской национальной библиотеки. Ф. 73, №276.

[10] Ibid.

[11] Ibid.

[12] Savary A.-J.-M.-R., due de Rovigo. Memoires du due de Rovigo pour servir a l'empereur Napoleon. Paris, 1828, t. 2, p. 171-172.

[13] Correspondence... t. 11, p. 436.

[14] Savary A.-J.-M.-R., due de Rovigo. Op. cit. t. 2, p. 192.

[15] Ibid., p. 175-176.

[16] Ibid., p.176, 187, 188.

[17] Документы штаба М.И. Кутузова... с. 213.

[18] Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч., с. 161.

[19] Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова, с. 53.

[20] Langeron A.F. Journal... Рукописный фонд Российской национальной библиотеки. Ф. 73, № 276.

[21] Segur. Un Aide de Camp de Napoleon. Memoires general comte de Segur. Paris, . 1894, p. 239.

[22] Memoires du general baron Thiebault. Paris, 1893-1895, t. 3, p. 447-448.

[23] Savary A.-J.-M.-R., due de Rovigo. Op. cit. t. 2, p. 194

[24] Thiebault D.P.C.H. Memoires du general baron Thiebault. Paris, 1893-1895, t. 3, p. 448-449.

[25] Segur. Un Aide de Camp de Napoleon... p. 243.

[26] Savary A.-J.-M.-R., due de Rovigo. Op. cit. t. 2, p. 196.

[27] Langeron A. F. Journal... Рукописный фонд Российской национальной библиотеки. Ф. 73. № 276.

[28] Segur. Op. cit. p. 242-243.

[29] Savary A.-J.-M.-R., due de Rovigo. Op. cit. t. 2, p. 198.

[30] Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч., с. 165.

[31] Czartoryski A.-J. Memoires du prince Czartoryski et correspondence avec l'Empereur Alexandre I[er]. Paris, 1887, t. 1, p. 404-405.

[32] Цит. по: Revue d'histoire, 1907, № 77, p. 291.

[33] Ibid., p. 292.

[34] D'Heralde J.-B. Memoires d'un chirurgien de la Grand Armee. Paris, 2002, p. 83.

[35] Ibid.

[36] Correspondence... t. 11, p. 439—440.

[37] Ibid., p. 444.

[38] Savary A.-J.-M.-R., due de Rovigo. Op. cit., t. 2, p. 201.

[39] D'Heralde J.-B. Op. cit., p. 84.

[40] Thiard M.-T. Souvenirs diplomatiques et militaires du general Thiard, chambellan de Napoleon P[r]. Paris, 1900, p. 216-217.

[41] Segur.Op. cit., p. 249.

[42] Dumas, M. Precis des evenements militaires. Paris, 1822, t. 14, p. 140.

[43] Revue d'histoire, 1907, № 77, p. 301.

[44] Ibid.

[45] Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. с. 172—173.

[46] Цит. по: Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. с. 173.

[47] Correspondance... t. 11, p. 442.
[48] Revue d'histoire, 1907, № 77, p. 305.
[49] Thiard M.-T. Op. cit., p. 217.
[50] Segur. Op. cit. p. 249-250.
[51] Correspondance... t. 11, p. 440—441.
Lombares M. de. Devant Austerlitz — sur les traces de la pensee de l'Empereur // Revue historique de l'armee. 1947, № 3, p. 52.
[52] Thiard M.-T. Op. cit., p. 218-219.
[53] Barres J.-B. Souvenirs d'un officier de la Grande Armee. Paris, 1923, p. 55.
[54] Petiet A. Memoires du general Auguste Petiet, hussard de l'Empire, aide de camp du marechal Soult. Paris, 1996, p. 132.
[55] Глинка Ф. Письма русского офицера... с. 136.
[56] Langeron A.F. Journal... Рукописный фонд Российской национальной библиотеки. Ф. 73, № 276.
[57] Ермолов А.П. Op. cit., с. 55.
[58] Bulov von. Der Feldzug von 1805. t. 2, p. 66.
[59] Langeron A.F. Journal... Рукописный фонд Российской национальной библиотеки. Ф. 73, № 276.
[60] Maistre J. de. uvres complets. t. 10, p. 291.
[61] Ермолов А.П.Указ. соч., с. 54.
[62] Relation de la bataille d'Austerlitz gagnee le 2 decembre 1805. Paris., 1879, p. 55.
[63] Saint-Chamans A.-A.-R. de. Memoires du general comte de Saint-Chamans, ancien aide de camp du marechal Soult (1802-1823). Paris, 1896, p. 24.
[64] Segur. Op. cit., p. 253.
[65] Цит. по: Revue d'histoire, 1907, № 77, p. 309.
[66] Ibid.
[67] Thiebault D.P.C.H. Op. cit., p. 456.

ГЛАВА 14

БИТВА

Концентрация сил, энергия и твердая решимость победить или умереть со славой — вот три великих принципа военного искусства.

Наполеон.

Несмотря на плотный туман, который окутывал долины, к 6 часам утра французские солдаты и офицеры заняли исходные позиции и застыли в сомкнутых рядах батальонов и эскадронов, готовые к бою. «Вся армия была в парадной форме, — вспоминал участник сражения, офицер из корпуса Ланна. — На ногах были белые кюлотты и черные гетры. У простых пехотинцев — черные шляпы, у гренадеров и саперов — меховые шапки с красными султанами. Можно было подумать, что армия подготовилась к торжественному смотру. Земля была твердой, потому что ночью подморозило»[1].

К этому времени французские войска располагались следующим образом: на левом крыле поперек Брюннского шоссе стояла дивизия Сюше (подробное расписание войск и их численность см. в приложении). Ее батальоны были построены в колонны на дистанцию развертывания. В 200 метрах позади нее в таком же порядке располагалась дивизия Кафарелли. 17-й легкий полк (выделенный из дивизии Сюше), занимал Сантон. Вся эта пехота находилась в подчинении маршала Ланна. Кавалерийские бригады Трейяра и Мильо стояли на крайнем левом фланге у деревни Бозениц. Позади пехоты Ланна перед холмом Зуран располагалась гренадерская дивизия Удино*. Позади холма стояла императорская гвардия. Еще дальше, рядом с дорогой, стояли обе дивизии Бернадотта. Кавалерия под общим командованием Мюрата (дивизии Нансути, д'Опуля, Вальтера, Буайе и Келлермана) располагалась между правым флангом корпуса Ланна и деревней Гиршковиц. Дивизии Сент-Илера и Вандамма из корпуса Сульта расположились прямо перед выходами из деревень Пунтовиц и Гиршковиц. Третья дивизия корпуса Сульта — дивизия Леграна была разбросана на широком фронте: в деревне Кобельниц находилась бригада Левассера, а в Соколь-:-зше и Тельнице — бригада Мерля. Позади Тельница и Сокольница находилась также кавалерийская бригада Маргарона. Дивизия Фриана и драгунская дивизия Бурсье располагались у аббатства Райгерн. В общей сложности с учетом штабов, резервной артиллерии и артиллерийских обозов, Великая Армия насчитывала в своих рядах в этот день примерно 72,5—73 тыс. человек при 140 орудиях.

Что касается союзников, их главные силы строились в четыре огромные колонны на Праценском плато (1-я колонна — Дохтуров, 2-я колонна — Ланжерон, 3-я колонна — Пржибышевский, 4-я колонна — Коловрат). Позади них, также на плато, собиралась 5-я колонна (конница) под командованием Лихтенштейна. Впереди в районе Ауэзда находился авангардный отряд под командованием генерала Кинмайера. Между Голубицем и Коваловицем занял позицию отряд

**** Надо отметить, что вследствие ранения при Голлабрунне 16 ноября 1805 года, Удино :ыл заменен на посту командующего Дюроком; накануне 2 декабря Удино вернулся на свое место, чтобы принять участие в бою. По указанию Императора он командовал бригадами Лапланш-Мортьера и Рюфена, а Дюрок сохранил командование бригадой Дюпа.***

Багратиона. Наконец, русская гвардия выстроила боевые порядки чуть западнее Аустерлица (подробное расписание см. в приложении, а размещение войск — на плане). В общей сложности союзная армия насчитывала в этот день около 80 тыс. человек, располагая приблизительно 300 орудий.

Если в рядах Великой Армии все безукоризненно знали свою задачу, в рядах союзников было много неразберихи. Русские генералы получили диспозицию только около 6 часов утра, ибо ночью детище Вейротера переводилось с немецкого на русский и переписывалось. Многие из начальников плохо уяснили свои маршруты и боевые задачи.

Часть кавалерии Лихтенштейна (полки генерал-лейтенанта Шепелева), не получив вовремя диспозицию, двинулась в юго-западном направлении вместо того, чтобы идти на северо-восток. В результате длинная колонна всадников вынырнула из тумана прямо перед войсками Ланжерона. «Я предупредил ее генералов (о *неправильном направлении),* но генерал-лейтенант Шепелев сказал, что князь Лихтенштейн прислал ему приказ двигаться именно в этом направлении. Я его уверял, что это ошибка, но он стоял на своем и сказал мне, что если он окажется не там, где должен быть, он переменит место на рассвете, но в темноте он не знал, куда идти»[2], — рассказывает Ланжерон.

ТЕЛЬНИЦ И СОКОЛЬНИЦ, 7.30-10.30.

Основная масса союзных войск начала движение с рассветом, т.е. около 7 часов утра. В 7.30 утра отряд Кинмайера, опережавший остальные колонны примерно на 2 км, приблизился к деревне Тельниц, перед которой на небольшом холме стояли 2 батальона 3-го линейного полка. В тумане затрещали ружейные выстрелы. Это были первые выстрелы великого сражения.

Кинмайер двинул в наступление один батальон 1-го Шеклерского полка. Французы отразили атаку ружейным огнем. Тогда австрийский генерал послал вперед 2-й батальон Шеклерского полка. За высоту перед Тельницем завязался упорный бой. Несколько раз австрийцы бросались в атаку, ружейная пальба чередовалась с короткими штыковыми схватками. Французы отразили два штурма, но во главе третьего встал лично генерал Штуттерхайм, и французская пехота откатилась в деревню.

Австрийцы попытались с ходу штурмовать Тельниц. Окруженная виноградниками, живыми и каменными оградами, деревня представляла из себя серьезное препятствие. Генерал Штуттерхайм вспоминал: «Природа создала естественные укрепления вокруг деревни. Виноградники были окружены широким рвом, который французы использовали для обороны»[3]. Храбрых австрийских пехотинцев встретил убийственный огонь из-за всех изгородей и из всех домов — Шеклерский полк в беспорядке отхлынул назад.

Тогда генерал Карневиль, командовавший пехотой австрийского авангарда, ввел в бой оставшиеся у него 3 батальона. Загремела беспрестанная ружейная пальба. Атаки следовали одна за другой, «Шеклерский полк дрался отчаянно, две трети его было убито или ранено»[4], — писал Штуттерхайм. Но французы стояли насмерть. Третий линейный сражался за каждую улочку и за каждый дом.

Все же примерно после получасового боя французские батальоны подались под натиском превосходящих сил неприятеля. Австрийцам удалось ворваться в деревню, но торжество их было недолгим. В дело вступил последний резервный батальон 3-го линейного полка. Его атака была стремительной. Австрийцы в беспорядке ретировались.

Потрепанные батальоны Карневиля вынуждены были приводить себя в порядок у подножия захваченной высотки. Они дрались уже около часа, но 1-й колонны — колонны Дохтурова так и не было.

Действительно, наступление обходящих колонн было организовано в том же стиле, что и предыдущие маневры союзников. Совершив бесцельную прогулку в несколько километров, генерал-майор Шепелев получил, наконец, приказ от своего непосредственного начальника и, развернув кавалерию, пошел в обратном направлении. Длинная вереница его конницы перерезала дорогу пехотным соединениям. Ланжерон утверждает, что блуждание генерала Шепелева задержало 2-ю колонну на целый час. Быть может, генерал и преувеличивал немного, но нет сомнений, что в этот момент ожидание казалось ему бесконечным. Терпение Ланжерона лопнуло, и он отдал приказ проложить себе дорогу. Пехота пошла вперед и, прорезав колонну кавалерии, заставила на этот раз подождать всадников, остаток которых вынужден был пропустить перед своим носом нескончаемый поток пехотных батальонов...

Была задержана ошибочными маршами и пехота Дохтурова. Она показалась из Ауэзда только где-то около 8.30. Русский генерал, стараясь как можно быстрее оказать помощь австрийцам, отделил от колонны 1-й батальон 7-го егерского полка, Новоингерманландский и Ярославский полки. В дело вступили также первые подошедшие русские пушки.

У французов от 3-го линейного полка к этому моменту осталось в лучшем случае около 1 200 человек. Несмотря на все свое мужество, они не могли удержаться перед натиском значительно превосходящих сил. Русские и австрийцы ворвались в деревню, а Новоингерманландский полк развернулся у северного выхода из Тельница. Таким образом, к 9 часам утра проход через ручей Гольдбах был занят войсками Дохтурова.

В то время когда кипел этот бой, вторая колонна Ланжерона подошла к деревне Сокольниц. Это было в начале девятого утра. Деревню и соседствующий с ней Замок защищали только три батальона 26-го легкого полка. Несмотря на огромную разницу в силах, Ланжерон, не видя справа от себя колонну Пржибышевского, не спешил. Он развернул перед деревней свои батареи. Пока артиллерия грохотала, засыпая Сокольниц ядрами и гранатами, головные части Ланжерона развернулись в боевой порядок, а батальон 8-го егерского полка рассыпался цепью справа от основной массы войск.

Наконец, подошла голова колонны Пржибышевского, и также стала разворачиваться для атаки.

Часть русских пушек била по Замку — большой усадьбе рядом с деревней, занимаемой горсткой французской пехоты. Канонада продолжалась довольно долго, но орудия были расположены неудачно, и больших результатов, если не считать десятка сожженных домов, обстрел не дал. Несмотря на это русские войска приготовились к атаке. В то время как два батальона 7-го егерского полка с бригадой Штрика (6 пехотных батальонов) были назначены для атаки Замка, 8-й егерский (3 батальона) из колонны Ланжерона должен был атаковать Сокольниц. Под непрестанный грохот орудий темно-зеленые линии русской пехоты с барабанным боем и распущенными знаменами двинулись на штурм неприятельских позиций. 26-й легкий не мог устоять под давлением столь превосходящих сил. Его стрелки были выбиты из Замка. В это время 8-й егерский ворвался в деревню. 1-й батальон 26-го легкого был рассечен надвое. Одна половина отошла на запад, другая откатилась к югу в сторону Тельница. Генерал Миллер в этой атаке был тяжело ранен. Его место занял генерал Штрик.

В результате в начале десятого часа колонны союзников овладели теми проходами через ручей Гольдбах, через которые предписывалось двигаться

согласно диспозиции. Казалось бы, теперь они могли беспрепятственно продолжить свое обходное движение. Однако в этот момент произошло непредвиденное. Из тумана показались новые французские полки, шедшие прямо на Тельниц и Сокольниц. Это были части генерала Фриана, вместе с которыми следовала драгунская дивизия Бурсье.

Генерал Фриан выступил около 6 часов из Райгерна и двинулся по направлению на Турасский лес, как было предписано первоначальной диспозицией. Уважаемые историки, и в частности Колен, указывают, что Фриану еще ночью был отдан приказ об изменении направления движения. Этот приказ в письменном виде неизвестен. И совершенно определенно, что, даже если он и существовал, дивизия не получила его ни в 6, ни в 7 утра. Об этом совершенно однозначно говорит опубликованный рапорт Даву и неопубликованный рапорт Фриана, хранящийся в архиве исторической службы французской армии. «Она *(дивизия),* построившись поэшелонно, направлялась на Турас, — докладывал после битвы генерал Фриан своему непосредственному начальнику, — когда, дойдя до деревни Ребешовиц, мы получили приказ двинуться на Сокольниц»[5].

Этот приказ был отдан самим маршалом Даву. Действительно, двигаясь на Турас, Даву, Фриан и их солдаты с беспокойством вслушивались в грохот пушек и беспрестанные перекаты ружейной пальбы, доносившиеся справа. Внезапно показался кавалерист, мчавшийся во весь опор в их сторону. Это был адъютант, который доложил ситуацию в районе Тельница и Сокольница и передал, что Легран просит помощи. Нужно отдать должное маршалу Даву. Он ни секунды не колебался и, взяв на себя ответственность за самостоятельное решение, приказал идти на гром канонады.

Прошедшие за двое суток 115 км, чтобы прибыть к полю боя, солдаты Фриана уже не шли, а почти бежали на помощь своим товарищам по оружию. Бригада Геделе — 108-й линейный полк и две роты вольтижеров 15-го легкого — всего около 800 человек* была направлена на Тельниц, а бригады генералов Кистера и Лоше — на Сокольниц. Понимая, что дело решают минуты, Даву приказал 1-му драгунскому полку, который также находился в его оперативном подчинении, галопом скакать к Тельницу. Именно этот небольшой кавалерийский отряд • вместе с конными егерями Маргарона на какое-то время задержал развертывание русских и австрийских войск по выходе из деревни Тельниц.

Бригада Геделе обрушилась на Тельниц, внезапно вынырнув из тумана. Для союзников этот удар был как снег на голову. С криком «Да здравствует Император!» 108-й линейный ринулся в стремительную штыковую атаку. Новоингерманландский полк от неожиданности смешался и в панике бросился назад, увлекая за собой всех остальных русских и австрийских солдат. В несколько минут деревня была отбита французами, которые захватили 5 пушек и два знамени.

Разумеется, этот успех был результатом внезапности, а паника союзников — кратковременной. Пока русская и австрийская пехота врассыпную бежала из деревни, два эскадрона Гессе-Гомбургских гусар решительно контратаковали солдат Геделе. Французские пехотинцы вынуждены были перейти к обороне, и в этот момент солдаты 26-го легкого оказали им «медвежью услугу». Необходимо вспомнить, что половина батальона 26-го легкого, выбитая из Сокольница, откатилась как раз в этом направлении. Деморализованные неудачным боем, солдаты, появившиеся позади Тельница, не разобрав, где свои, где чужие,

**** Не следует удивляться столь малой численности бригады. Вследствие изнурительного форсированного марша из 7 тыс. солдат Фриана только 3 800 дошли до поля сражения, а остальные остались по дороге. Таким образом, в среднем в каждом полку было около 700 человек. Соответственно, в одной роте не было и 50 человек.***

открыли огонь по всему, что двигалось перед ними. Теперь на 108-й линейный также подействовал эффект внезапности. Изумленные, что по ним стреляют с тыла, пехотинцы Геделе в беспорядке бросились вон из Тельница.

Однако для первой колонны союзников ситуация осложнилась. Непонятно, какие еще французские части могли появиться из тумана. Генерал Буксгевден, находившийся при колонне, отныне стал действовать осторожно. Пока его пехота собиралась и строилась для новой атаки, артиллерия открыла огонь из нескольких десятков орудий. Пушки засыпали Тельниц ядрами и гранатами. А время все шло и шло... Наконец, после мощной артподготовки 12 русских и австрийских батальонов двинулись вперед. За ними в качестве резерва двигались еще 12 батальонов. С фланга и с тыла их наступление поддерживали почти 3 тыс. кавалеристов. У союзников здесь было почти в четыре раза больше войск!

£ Французские пехотинцы подпустили колонны неприятеля на дистанцию ружейного выстрела и дали смертоносный залп. Однако поток солдат в зеленых и коричневых мундирах не остановили огромные потери. Русская и австрийская пехота ворвалась в пылающую деревню, прошла ее насквозь, сметая все на своем пути. Но едва только батальоны союзников, пришедшие в беспорядок при проходе через деревню, попытались развернуться на ее западной стороне, как их смутила новая неожиданность.

К месту действия подошла драгунская дивизия Бурсье. «Видя, как наша пехота отступает, — докладывал генерал в своем рапорте, — я приказал атаку моей первой линии, состоящей из 13-го, 17-го и 27-го полков. Эта атака была выполнена в идеальном порядке и с образцовым хладнокровием... Результатом ее было то, что противник был отброшен за ров, находившийся позади него... Это дало времени нашей пехоте перестроиться и снова принять участие в бою»[6].

Разумеется, и эта блистательная контратака французов могла иметь лишь временный успех. Союзники подвели свои конные части (бригады Мориса Лихтенштейна и Штуттенхайма), и они прикрыли развертывание пехоты. В результате русские и австрийские батальоны прошли, наконец, через Тельниц и выстроились в боевом порядке на западном берегу ручья. Французы отошли, но не расстроили свои ряды. Буксгевден не осмелился продолжить наступление. Он ожидал тот момент, когда идущие справа от него колонны овладеют Сокольницем.

Бой у Сокольница развернулся по сценарию, очень похожему на то, что происходило в Тельнице. Когда русские войска 2-й и 3-й колонн уже, казалось бы, овладели деревней, с запада появились части Фриана. Тотчас в атаку бросился 48-й линейный, ведомый генералом Лоше. Наступление 48-го было неожиданным, и он с ходу выбил русские батальоны из Сокольница. Однако, оправившись от неожиданности, на него со всех сторон обрушились удары русских пехотинцев. Густые цепи стрелков охватили 48-й с флангов. Тогда Фриан бросил в наступление следующий полк. Это был 111-й линейный. Нужно отметить, что этот полк почти целиком был набран из уроженцев Пьемонта, и до этого еще не участвовал в бою. Фриан написал в своем рапорте:«111-й полк состоит из военнослужащих, которые еще не имели чести сражаться в наших рядах. Все они ждали момента, когда смогут заслужить себе лавры под французскими орлами. И вот долгожданный момент наступил 11 фримера. Полк в этот день заслужил своей отвагой вечную славу, достойную старых французских полков. Офицеры, унтер-офицеры и солдаты — все сражались с исключительной доблестью»[7].

Сокольниц был почти полностью отбит французами, но с русской стороны введены в дело новые подкрепления, и части Фриана были выбиты из деревни. Тогда маршал Даву бросил в наступление свой последний резерв — бригаду Кистера (15-й легкий и 33-й линейный полки). Снова деревня и Замок были

заняты французской пехотой. «15-й и 33-й едва только прибыли к месту действия, как, построенные в боевой порядок, двинулись на врага. Ничто не могло остановить их бурный натиск, — докладывал Фриан. — Неприятель, который стоял на пути, был уничтожен штыками»[8].

Бой за Сокольниц принял необычайно ожесточенный характер. Сражались за каждый дом и за каждую улицу. Объятая пламенем деревня была завалена грудами трупов русских и французов. Сам 47-летний генерал Луи Фриан показал себя героем. В разодранном мундире, забрызганном кровью, со шпагой в руке он дрался в первых рядах. Он появлялся там, где опасность была наиболее велика. «А ну, выше голову! Покажите-ка свои усы!» — кричал он гренадерам, ведя их в очередную атаку. В ходе отчаянного боя под ним было убито четыре коня! Позже, чтобы наградить его за проявленную в Аустерлицком сражении беспримерную отвагу, император прикажет поместить в его гербе четыре конские головы.

Вместо беспрепятственного прохода по мостам в деревнях Тельниц и Сокольниц союзники наткнулись на противника, оказавшего упорнейшую оборону. И хотя после кровопролитного боя Сокольниц был занят русскими войсками, командование 2-й и 3-й колонн не осмелилось продолжить движение вперед. Почему-то не подходила 4-я колонна, а сзади послышался гул пушек. Наконец, генералу Ланжерону сообщили, что в тылу наступающей группировки союзников идет бой. «Мне стало трудно понять то, что происходило, что могло сделаться с четвертой колонной и каким образом неприятель очутился позади нас. В этот момент я находился в деревне Сокольниц; я поручил генералу Олсуфьеву продолжать атаку, а сам поехал к бригаде Каменского»[9].

В результате к 10 часам утра, хотя деревни Тельниц и Сокольниц были в руках союзников, 1-я, 2-я и 3-я колонны остановились в ожидании дальнейшего выяснения ситуации. Таким образом, маршал Даву, генералы Фриан, Легран, Бурсье, Маргарон и их солдаты сделали почти что невозможное, по крайней мере, большее, чем от них могли ожидать. Девять тысяч французских солдат сковали на этом участке поля сражения почти 40 тыс. русских и австрийцев* (!), создав тем самым Наполеону идеальные условия для нанесения решающего удара.

ПРАЦЕНСКОЕ ПЛАТО, 7.30-11.30

Четвертая колонна союзников, действительно, не двигалась с места. Кутузов, не осмелившись открыто перечить молодому царю, «тихо» саботировал исполнение диспозиции Вейротера. Он понимал, что Праценские высоты — это ключ к позиции, и оставлять их крайне опасно. Поэтому, находясь, согласно предписанию, с войсками 4-й колонны, он не торопился, тем более что нарастающие звуки стрельбы со стороны Тельница и Сокольница никак не вписывались в прописанный Вейротером сценарий.

«В 9-м часу прибыли на поле сражения Императоры Александр и Франц, — пишет Михайловский-Данилевский. — Государя сопровождали генералы Сух-

**** Здесь нет противоречия со сказанным в 11 -й главе о невозможности противостоять многократно превосходящему неприятелю. Фриан и Легран не разбили 40 тыс. русских и даже не остановили их атаку, они именно сковали их боем. Русские генералы, озадаченные упорным сопротивлением, не осмелились бросить в бой все свои силы. Если бы они это сделали, они, разумеется, разбили бы Фриана и Леграна. Однако искусство французских командиров дивизий состояло именно в том, что своей отвагой и инициативными действиями они настолько озадачили Буксгевдена, что тот не посмел перейти в решительное наступление.***

телен и граф Аракчеев, генерал-адъютанты граф Ливен, Винцингероде и князь Гагарин, тайные советники князь Чарторыжский, граф Строганов и Новосиль-цов. Подъехав к Кутузову и видя, что ружья стояли в козлах, император Александр спросил его: «Михайло Ларионович! Почему не идете вы вперед?» «Я поджидаю, — отвечал Кутузов, — чтобы все войска колонны пособрались». Император сказал: «Ведь мы не на Царицыном лугу, где не начинают парада, пока не придут все полки». «Государь! — отвечал Кутузов. — Потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыном лугу. Впрочем, если прикажете!»[10]

Приказ был отдан, и войска 4-й колонны двинулись в предписанном диспозицией направлении. С холма Зуран, где находился Наполеон, это движение можно было хорошо рассмотреть в подзорную трубу. Здесь, в штабе императора, все рвались быстрее начать настоящую битву.

Уже в 7.30, как и было назначено, к походному шалашу Наполеона явились маршалы. Император был весел, он уже заканчивал свой утренний туалет. Поприветствовав своих соратников, он с улыбкой сказал им: «Ну что ж, господа, теперь пойдем начинать великий день!»

Настроение у всех было приподнятое. Маршалы и император, оседлав коней, выехали на вершину холма. Перед их взглядами открылось огромное поле, затянутое молочно-белой пеленой, из которой, словно острова в белесом море, торчали верхушки высот. Было еще тихо... Но вот издали, со стороны правого фланга послышалась канонада. Это было начало боя за Тельниц и Сокольниц. Наконец, в восемь с небольшим утра стало заметно движение союзников в районе Працена. В этот момент, разрезав туман, брызнули яркие лучи солнца, поднявшегося над горизонтом. Это знаменитое солнце — «солнце Аустерлица», о котором так часто будет впоследствии вспоминать Наполеон, словно специально ждало, чтобы осветить победное наступление Великой Армии.

«В этот торжественный миг маршалы создавали вокруг императора самый прекрасный ансамбль, который может представить себе воображение, — рассказывает Сегюр, — Чудесное зрелище! Сколько славы, собранной вместе! Сколько полководцев, справедливо и самым разным образом известных, окружают величайшего из воителей всех времен! Мне кажется, я сейчас вижу, как они, получая от него вдохновение, разлетаются, словно унося с собой молнии, чтобы разгромить силы двух Империй»[11].

Увидев движение союзников на Праценском плато, маршал Сульт сгорал от нетерпения броситься к своим войскам и дать им сигнал атаки. Но Наполеон, считая, что нужно позволить противнику спокойно завершить ошибочное движение, удержал маршала и, показав на Праценское плато, спросил: «Сколько вам нужно времени, чтобы занять эти высоты вашими дивизиями?» «Двадцать минут», — ответил маршал. «В этом случае, подождем еще четверть часа»[12].

Через несколько минут туман почти полностью рассеялся, и Наполеон отдал приказ наступать. Во все стороны полетели адъютанты. Маршал Сульт прискакал галопом к своим войскам, и дивизии Сент-Илера и Вандамма двинулись вперед. Полки Сент-Илера выбрали в качестве ориентира гору Працберг, а дивизия Вандамма двинулась на Стары-Винохрады. Однако, несмотря на предусмотрительность французского полководца, в момент начала атаки Праценское плато вовсе не было свободным. Вся 4-я колонна еще находилась на высотах, а бригада генерала Каменского из 2-й колонны была поблизости от них.

В авангарде 4-й колонны шел генерал Милорадович. У него было два мушкетерских батальона Новгородского полка и гренадерский батальон Апшеронс-кого полка с небольшим отрядом конницы. За ними следовали остальные батальоны Новгородского и Апшеронского полков, затем — Малороссийский

Битва при Аустерлице. Ситуация на 10 часов утра

гренадерский и Смоленский полки. «Едва Милорадович миновал с авангардом селение Працен, — писал Михайловский-Данилевский, — и начал входить в открытые места, как увидел грозное наступление французов»[13]. В рядах русских от неожиданности произошло минутное замешательство. Однако Милорадович успел построить на западной стороне деревни за оврагом, отделяющим его от французов, авангардные батальоны в развернутые линии.

Рапорт Милорадовича и рассказ генерала Тьебо, командующего 2-й бригадой дивизии Сент-Илера, отличаясь в ряде деталей, хорошо сходятся в этом пункте — в момент атаки часть русских войск уже была построена. Русские батальоны встретили бригаду Тьебо дружным залпом. 1-й батальон 14-го линейного полка от неожиданности рассыпался и побежал. «У меня не было времени на упреки *(командиру полка),* — вспоминал генерал Тьебо. — Я поскакал вперед и закричал, обращаясь к Маза, чтобы он собирал свой батальон, а затем, спрыгнув с коня, я встал во главе 36-го, и мы двинулись на деревню. Солдаты пошли в атаку с криком «Да здравствует Император!», а 2-й батальон 14-го линейного бегом развернулся в линию. Я повел их в атаку через овраг, куда мой конь не мог бы спуститься. Мы бросились на русских в штыки, и они обратились в бегство...»[14]

«...Два батальона мушкетерские не держались нимало, а обратившись в бегство, привели всю колонну в робость и замешательство»[15], — гласит реляция Кутузова*. Новгородцы смешались с апшеронцами и смоленцами. Паника и беспорядок охватили весь авангард. Толкая и давя друг друга, бросая полковые пушки, мушкетеры и гренадеры 4-й колонны покатились с высот. Генералы растерялись. Кутузов был задет пулей в щеку, никто не знал, что делать.

Милорадовичу невероятными усилиями удалось собрать часть бегущих. Едва построив несколько батальонов, он повел их в атаку. Граф Тизенгаузен, любимец Кутузова, его зять и адъютант, схватил знамя и увлек за собой еще один батальон. С криком «Ура!» русские полки устремились в штыки. Генерал Сент-Плер моментально развернул шесть батальонов своей дивизии и медленным шагом повел их навстречу неприятелю. Примерно в ста шагах от лавины русской пехоты строй дивизии Сент-Илера остановился, и по команде генерала французские войска дали убийственный залп.

Ряды русских полков смешались. От нового залпа упали сотни убитых и раненых, храбрый граф Тизенгаузен также пал, сраженный свинцом. Тогда пехота Сент-Илера, столь же уверенно, как она вела огонь, взяла штыки наперевес и бросилась в атаку.

Перепутавшиеся полки не выдержали стремительной атаки. Напрасно генералы показывали примеры доблести и отваги, все опять смешалось и покатилось к подножию высот, было брошено еще несколько пушек.

В это время в бой вступили передовые части Вандамма — бригада Фере (46-й и 57-й линейные полки). «Молния не могла бы ударить более стремительно, — писал в своем рапорте Сульт, — таков был порыв, с которым двинулась в атаку 2-я дивизия. Русская линия, которая стала на ее пути, была сразу опрокинута, а ее пушки захвачены»[16]. Теперь французские части укрепились на обеих возвышенностях Праценского плато — горе Працберг и горе Стары-Винохрады.

К этому моменту на помощь русским подоспели австрийские части. 16 батальонов генералов Юрчека и Роттермунда под общим командованием генерала

** В Российском военно-историческом архиве хранится целая подшивка бумаг, посвященных разбору обстоятельств, при которых произошло бегство Новгородского полка («Дело о бесславном поведении солдат и офицеров Новгородского мушкетерского полка». РГВИА. Ф. 1. Оп.1. № 984). В наказание за малодушие, проявленное на поле битвы, офицеры этого полка были лишены права носить темляки на шпагах, а нижние чины лишились своих тесаков.*

Коловрата двинулись в контратаку. Под их прикрытием русские полки получили возможность собраться и снова вступить в бой.

Сент-Илер также получил небольшое подкрепление — шесть 12-фунтовых пушек. Тьебо соединил свои три пушки с подъехавшими шестью в одну батарею и приказал ее командиру Фонтене начать стрелять только по команде и делать каждый выстрел ядром и картечью вместе. Артиллерийский офицер пытался возражать — пушки могли разорваться, но генерал был неумолим: «Пусть они выдержат хотя бы десять минут, этого хватит!» Тьебо рассказывал также: «Я проверил наводку орудий, так чтобы они стреляли в 15—20 туазах*. Я приказал положить рядом с каждой пушкой по 10 зарядов картечью и по 10 зарядов ядром, чтобы стрелять как можно быстрее. Я снова и снова повторил пехотинцам указание перед стрельбой тщательно целиться, наводя оружие на средину корпуса человека и на средину взводов, чтобы ни одна пуля не пропала»[17]. ;

Когда австрийская пехота подошла на расстояние, на которое были наведены пушки, французские солдаты внезапно открыли замаскированные жерла орудий, и артиллерия начала смертоносный огонь. Двойные залпы батареи Фонтене производили ужасное опустошение во вражеских полках. Было видно, как каждое попадание ядра с сопровождавшей его картечью вырывало из белых линий австрийской пехоты целые груды убитых и раненых. Пули косили первые шеренги. Не ожидавшие такого отпора австрийцы бросились врассыпную.

Нужно сказать, что здесь, так же как и в столкновении с пехотой Милорадо-вича, успех французских войск не был довершен, так как у Сент-Илера и Ван-дамма не было ни одного эскадрона конницы, чтобы преследовать бегущих.

Едва только австрийская атака была отбита, как над дивизией Сент-Илера нависла новая угроза. К месту боя подоспела бригада Каменского 1-го из колонны Ланжерона. Эта бригада, отставшая от передовых полков 2-й колонны, была направлена на Праценское плато Ланжероном, и он лично повел ее в атаку. Одновременно Милорадовичу удалось собрать часть рассеянных полков, которые он снова двинул в наступление, на этот раз против дивизии Вандамма.

Особо критическим стало положение дивизии Сент-Илера. Командир 2-й бригады этой дивизии генерал Тьебо так вспоминал этот момент: «Стоя на самой высшей точке Праценского плато, мы видели равнину до самого горизонта. Далеко на левом фланге были заметны войска маршала Ланна, которые вели бой с полками князя Багратиона. Между ним и нами... 1-я дивизия Бернадотта сражалась с резервом Великого князя Константина... Позади или где-то поблизости от нас не было ни одного французского отряда. Реляция императора говорит о том, что бригада Левассера была у нас в резерве, но никто из нас понятия о ней не имел... Перед нами и вокруг нас мы видели раз в пять больше врагов, чем у нас было бойцов... Когда мы встречались с Мораном, мы всегда вспоминали об этом моменте. «Я много воевал, — говорил он, — Я имел честь сражаться в Египте и во всех великих битвах, данных императором, но я не видел ничего подобного...» Сент-Илер позвал меня и Морана и сказал нам: «Господа, это становится немыслимым. Я предлагаю вам занять позицию позади, где мы могли бы обороняться». Едва он произнес последние слова, как полковник Пузе, командир 10-го легкого... буквально бросился на коне между нами... и, не дав ни Морану, ни мне времени открыть рот, воскликнул: «Мой генерал, отступать?! Если мы сделаем хоть шаг назад, мы погибли! У нас есть только один способ выйти отсюда с честью — это броситься очертя голову на врага и, главное, не дать им нас пересчитать»[18].

Конечно, рассказ генерала Тьебо, приведенный им в мемуарах, нельзя воспринимать буквально, особенно его утверждение насчет того, что союзники

** Туаз — около 2 м*

имели пятикратное численное превосходство. Уже только из фактов, представленных в этой книге, можно понять, насколько мало доверия заслуживают подобные легенды. Однако несомненно, что чувство опасности, которое он ощутил в этот момент, сохранилось в памяти генерала до самой смерти. Если в деталях он не точен, то общая ситуация, судя по всему, обрисована очень верно. Трудно сказать, сколько точно войск участвовало в решающем столкновении на Пра-ценском плато. Ряд русских и австрийских батальонов были приведены в такой беспорядок, что уже не участвовали в новых контратаках. Вероятно, союзники, хотя и не имели значительного численного превосходства, располагали количественным перевесом на 2—3 тыс. человек.

Подобный факт был бы совершенно немыслим, если бы у Наполеона с самого начала действительно существовал «классический» план прорыва центра союзников. Большинство историков не обращают внимания на ситуацию, сложившуюся на Праценском плато около десяти утра. В то время как на левом крыле французов были сосредоточены огромные конные массы, в то время как корпус Бернадотта совершал длинное движение в юго-восточном направлении, на направлении главного удара остались только две пехотные дивизии (из 10 находившихся на поле сражения) и ни одной кавалерийской.

В то время как бригада Каменского 1-го атаковала правый фланг дивизии Сент-Илера, на ее левое крыло наступали австрийские войска генерала Юрче-ка. Против дивизии Вандамма двинулись в бой австрийские батальоны Роттер-мунда, а также русская бригада генерал-майора Берга.

Берг уже водил свою бригаду в контратаку. Храбрый генерал, схватив знамя одного из полков, прямо не слезая с коня, бросался в пекло боя, увлекая солдат личным примером. Однако перед началом новой контратаки он был контужен картечью в ногу, его лошадь также была задета пулей, взбрыкнула и, скинув седока на землю, ускакала. «В таком положении не мог я сначала ступить на ногу, — рассказывал генерал Берг в документе, написанном вскоре после сражения, — так что некоторые из господ офицеров и унтер-офицеров, взявши меня на руки, хотели меня понести прочь, но я, увидевши, что полк отступал, сколько мог укрепился, взял двух унтер-офицеров, которые меня поддержали, и тут людей построил и привел их на гору... причем несли меня с одного фланга до другого, чтобы ободрять людей...»[19].

Если верить документу, составленному Бергом, его бригаде удалось отбить «гору», иначе говоря, сбросить Вандамма с возвышенности Стары-Винохрады. Скорее всего, ему удалось лишь несколько потеснить французские полки. Под смертоносным градом пуль и картечи наступление союзников захлебнулось. «Пыл этой атаки вскоре охладел, — вспоминал Штуттерхайм. — Превосходные силы неприятеля, его стойкость превратили наше стремительное наступление в медленный марш, сопровождаемый беспорядочным ружейным огнем»[20].

Несмотря на град пуль и картечи, пример нескольких генералов заставил солдат снова двинуться вперед, но сраженные шквалом огня храбрецы упали на землю. Были ранены генерал Юрчек и генерал Репнинский, пораженный сразу тремя пулями.

Генерал Берг вспоминал: «Вдруг весь фронт бросился назад. Увидев сие, я думал употребить последний способ, чтобы их удержать и потому я велел себя нести перед фронтом и, несмотря на то, что сзади и спереди по мне стреляли, я людям закричал, чтоб остановились и что я намерен тут прежде умереть, а назад не пойду. Через сие многие остановились и начали строиться...»[21]

В то время когда генерал Берг пытался увлечь свои войска в атаку на батальоны Вандамма, бригада Каменского 1-го наступала против дивизии Сент-Илера. Генерал Ланжерон в своем рапорте царю так рассказывал о действиях этой брига-

ды: «Французские колонны, остановленные бригадой графа Каменского, развернулись в 300 шагах от нее под картечным огнем и построились на два фаса: один — против этой бригады, а другой — против австрийцев; последние... стреляли снизу вверх и с малою действительностью. Французы находились значительно выше них и немного выше русских; как только они развернулись, они открыли огонь... Чтобы воодушевить наших солдат... я решил идти вперед. Команда была исполнена, как на учении. Французы отступили; первый батальон Фанагорийского полка, под начальством отличного офицера, майора Брандта, раненого, подошел так близко к французам, что взял два орудия, брошенных ими; но французские генералы и офицеры вернули своих солдат и поддержали их второй линией, которую мы только тогда увидали и наши батальоны, в свою очередь, отступили и заняли свою прежнюю позицию; взятые два орудия были брошены. Легкость, с которой наши шесть батальонов, построенные в одну линию, оттеснили французов... доказывает мне, что если бы мы имели некоторые войска из тех, которые бесполезно стояли в полутора верстах, мы отбросили бы французов до Пунтовица и отбили бы Праценские высоты»[22].

Факты, изложенные Ланжероном, хорошо подтверждают мысль, высказанную генералом Тьебо — успех боя на Праценском плато буквально висел на волоске. С обеих сторон войска сражались с доблестью и упорством, но солдаты Сент-Илера превосходили своего противника выучкой и боевым опытом, что и предопределило их успех.

«... Французские линии открыли очень сильный и убийственный ружейный и картечный огонь по бригаде Каменского, которая сразу потеряла много людей выбывшими из строя, — вспоминал в своих записках Ланжерон. — Она отвечала менее интенсивным и плохо направляемым огнем; большая часть наших солдат стреляла в воздух*; ради облегчения они побросали ранцы, но я должен сказать, что, несмотря на критическое положение, в котором они находились, на численное превосходство противника, на слабую привычку к войне и на впечатление, которое должна была на них произвести неожиданная атака в тыл и гром орудий, который большинство слышало в первый раз, они держались превосходно в продолжение почти двух часов, и в это время было убито наповал более половины людей двух полков»[23].

, Генерал Милорадович не щадил себя, чтобы собрать расстроенные батальоны и снова повести их вперед. Он постоянно был в огне. Не без злой иронии об этом писал Ланжерон: «Он чувствовал свою ошибку и делал все, чтобы показать себя перед императором. Так как у него был прекрасный очень быстрый английский конь, он носился на нем галопом вдоль фронта под ядрами и пулями. Он кричал, проклинал, ругался на солдат, все время оказываясь между ними и врагом. Император был убежден, что никто не вел себя так героически, как он»[24].

В критической ситуации отличился и дежурный генерал граф Волконский. Он схватил знамя Фанагорийского полка и бросился в самое пекло боя, увлекая за собой солдат. Тысячи голосов подхватили раскатистое «Ура!», и вся линия русских батальонов ринулась навстречу французским пулям. Вместе с русскими бросились вперед и австрийцы.

Линии синих мундиров снова извергли пламя и грохот ружейного залпа, и французские солдаты, взяв штыки на руку, с мрачной решимостью двинулись

**** Это было не по их вине; наших солдат учили всему, за исключением того, что нужно было знать. Они не умели стрелять; им великодушно отпускали по три пули в год для стрельбы в цель, а для этого и трехсот не было бы много. Некоторые полковые командиры проводили учения, используя пули из глины, но последние портили ружейные стволы. Вообще, если наши солдаты дурно стреляли, зато безукоризненно делали ружейные приемы. (Прим. авт.).***

навстречу волне русского натиска. Через минуту все потонуло в лязге штыков, ожесточенных криках, треске прикладов. Русские и французы не уступали друг другу ни в храбрости, ни в упорстве. Громоздя груды окровавленных тел, они почти 20 минут сражались с диким остервенением, практически не сходя с места. Австрийцы также соперничали в доблести со своими союзниками: Зальцбургский полк и батальон Ауэрсперга вели себя как герои, отмечал генерал Штуттерхайм.

«Что касается наших войск, — вспоминал генерал Тьебо, — невозможно найти таких похвал, которые были бы достойны их поведения. Они были несравненны в своем пыле, энергии и энтузиазме... Но как можно рассказать о храбрости наших солдат, не отметив доблести, с которой сражались русские? В этом отчаянном столкновении целые русские батальоны погибали на месте, и солдаты устилали своими телами землю так, что их трупы лежали, отмечая места, где стояли батальоны... До того момента, пока не наступили последние часы битвы, мы не брали пленных, кроме тех, кто сдавались сами... Впрочем, повсюду, кроме тех моментов, когда подобная беспощадность была вынужденной, наши солдаты с готовностью проявляли великодушие по отношению к русским, храбростью которых они восхищались»[25].

Пока войска Сент-Илера отчаянно оборонялись, дивизия Вандамма перешла в решительное наступление. Ее стремительный удар опрокинул те русские батальоны, которые сражались к северо-востоку от Працена. «Унтер-офицер Никитин, который меня поддерживал под правую руку, был убит, — вспоминал генерал Берг, — и как он упал, он и меня потащил с собою на землю. Замучен до крайности, не мог я скоро подняться, и солдаты думали, что я убит, и вдруг меня все оставили, и поднявшись, увидел я, что четыре неприятельских солдата меня окружили... и потащили к французскому маршалу Сульту* »[26].

Наступление Вандамма, приближение бригады Левассера окончательно решили дело. Русская линия заколебалась и бросилась бежать. «Напрасно Кутузов со своей свитой, император Александр и его адъютанты делали все, что могли, чтобы исправить столь ужасное поражение, которое, в сущности, было непоправимо, и восстановить порядок в войсках; им не удалось этого достичь. Император кричал солдатам: «Я с вами, я подвергаюсь той же опасности, стой!» — все было бесполезно: неожиданность и панический страх, бывший ее результатом, заставили всех потерять головы»[27].

Впрочем, Александр недолго пытался остановить бегущих солдат. Огромная толпа охваченных паникой русских и австрийцев хлынула вниз по склону. Штаб был увлечен этим потоком, и скоро вся свита Александра разбежалась в разные стороны. Даже верноподданнический Михаил овский-Данилевский вынужден был отметить: «Вообще, когда совершалось поражение четвертой колонны, смятение было так велико, что находившиеся при государе лица потеряли его из вида, сбились с дороги и присоединились к нему уже ночью, а иные через день, даже через два»[28].

Отныне исход битвы был предрешен. Войска 4-й колонны в беспорядке покатились в сторону Аустерлица. Генерал Милорадович, быть может, совершал ошибки в командовании войсками, зато прекрасно умел составлять рапорты. Вот как он мотивировал и описал бегство союзных войск: «Австрийцы, кои

**** Свидетельство Берга очень интересно. Оно опровергает едкие выпады по отношению к маршалу Сульту со стороны его подчиненного генерала Тьебо. «Маршал Сульт не исполнил во время битвы при Аустерлице никаких функций, соответствующих его званию, не разделил ни одну опасность с солдатами 4-го корпуса... Он появился перед дивизией Вандамма только в два часа пополудни, когда все основные бои уже закончились» (Thiebault D.P.C.H. Op. cit. t. 3, p. 507—508). Как видно, в момент решающего столкновения на Праценском плато, маршал Сульт находился в рядах дивизии Вандамма.***

было заняли позицию сзади, оставили оную и отступили назад. Столь гибельное положение, а сверх того, усталость людей, недостаток патронов, трудное местоположение и со всех сторон сильный неприятельский огонь привел до сего упорно сражавшихся солдат в беспорядок при отступлении оных. Я... собрал всех людей, кои проворно собрались, несмотря на пушечные выстрелы... повел я колонну в местечко Аустерлиц, дабы, взяв там патроны, примкнуть к действующему против неприятеля какому-либо полку»[29].

Разумеется, ни к какому полку толпы беглецов у Аустерлица не примкнули. В 11.30 для солдат 4-й колонны битва закончилась...

ОТ САНТОНА ДО БЛАЗОВИЦА, 7.30-10.30

В то время когда бой уже вовсю кипел на южном крыле и когда начиналась атака Сульта на Праценское плато, на северной стороне поля сражения пушки еще молчали. Между 7 и 8 часами утра части, подчиненные маршалу Ланну, и кавалерия Мюрата стали выдвигаться и строить боевой порядок на уровне холма Сантон. Непосредственно левым крылом к Сантону встала в две линии дивизия Сюше. Позади Сюше продолжала располагаться дивизия Кафарелли. Рядом с пехотой Мюрат развернул всю свою кавалерию*. Интересно, что дивизия Келлермана, построенная в две колонны, расположилась впереди дивизии Сюше. «Дивизия легкой кавалерии, облаченная в парадную форму, с принцем Мюра-том во главе проскакала мимо нас и развернулась впереди наших полков около 8 часов утра», — вспоминал д'Эральд, офицер из дивизии Сюше[30].

С другой стороны поля боя разворачивались войска князя Багратиона. Поскольку князь имел приказ не атаковать до успеха союзников на южном крыле, его войска, развернувшись в боевой порядок, не спешили начинать бой. Пехота под командованием генерал-адъютанта князя Долгорукого развернулась в две линии к северу от Брюннского шоссе. Кавалерия под командованием Уварова—к югу от шоссе. 6-й егерский полк занял деревни Голубиц и Круг.

С обеих сторон батальоны и эскадроны двигались в образцовом порядке. «Мы развернули каждый батальон в линию, держа ружья «под курок». Батальоны встали поэшелонно на дистанцию двести шагов в две линии так, чтобы батальоны первой линии не закрывали тех, которые стояли во второй»[31], — рассказывал д'Эральд, а офицер артиллерии написал: «Наши **150** орудий двинулись вперед и, пройдя через интервалы батальонов трех первых линий, развернулись в боевой порядок в 50—100 шагах от пехоты. Так как я командовал конной артиллерией, я поставил свои пушки немного впереди остальных батарей... Все наши движения были выполнены в таком же порядке и с такой же точностью, как если бы мы были на Марсовом поле. Мы стояли недалеко от неприятеля, однако огонь еще не был открыт...»[32] Одновременно с развертыванием дивизии Сюше она подалась «облическим»** шагом влево, а дивизия Кафарелли, стоявшая позади нее — вправо. Таким образом, обе дивизии оказались на одном уровне.

Маршал Ланн не спешил начинать бой, потому что войска Бернадотта явно запаздывали. Только около 10 часов утра его дивизии форсировали ручей Гольд-

**** Драгунская дивизия Вальтера — позади пехоты Кафарелли. Каждая бригада построилась в одну колонну, один эскадрон в затылок другому. Дивизия Буайе — правее в районе Гиршковица. Обе кирасирские дивизии — позади Вальтера в развернутом строю. Нансути справа, д'Опуль слева.***

Облический — косой шаг. При облическом шаге влево правой ногой шагали вперед, а левой — в сторону. Получалось так, что фронт смещался влево, сохраняя ориентацию по отношению к неприятелю. При облическом шаге вправо происходило то же самое, но в правую сторону.

бах между Пунтовицем и Гиршковицем и стали медленно продвигаться вперед в пространство между центром и правым крылом союзников. Велит гвардии Баррес вспоминал: «Первый корпус, который стоял позади нас, двинулся вперед, обойдя справа и слева холм *(Зг/ран).* Солдаты и офицеры кричали «Да здравствует Император!», подняв свои шляпы на шпагах, саблях и штыках. Маршал Бернадотт во главе своих войск также приветствовал императора подобным образом, и все это под грохот барабанов, под звуки военной музыки, под гул орудий и треск ружейной пальбы»[33].

Несмотря на энтузиазм солдат 1-го корпуса, их командир, видимо, считал, что осторожность — самая лучшая черта полководца, и его дивизии явно отставали от движения французских войск в центре. Войска Бернадотта никоим образом не помогли Сульту на Праценском плато, и к 10.30 развернулись в боевой порядок южнее Блазовица между частями Кафарелли и левым флангом Вандамма.

С русской стороны навстречу Бернадотту двигались части российской императорской гвардии под командованием великого князя Константина. Гвардия переправилась через реку Литтаву у Валькмюлле и пошла в направлении на Блазовиц. Примерно в километре к западу от переправы гвардейские части построились в боевой порядок. В первой линии развернутым строем встали знаменитые Преображенский и Семеновский полки. Между ними — гвардейская артиллерийская рота. Во второй линии — Измайловский полк и гвардейский егерский батальон. По флангам боевого порядка было поставлено по две пушки. Наконец, позади флангов пехоты расположились лейб-гусары и конная гвардия. Второй отряд гвардейцев, состоявший из лейб-гренадерского полка, кавалергардов и лейб-казаков, находился в этот момент далеко позади основных сил к востоку от Раусницкого ручья.

Интересно, что великий князь Константин не догадывался, что перед ним находится неприятель. Он считал, что войска, которые были видны напротив него, были австрийскими. Ядро, прилетевшее с французской батареи и вырвавшее ряд преображенцев, вывело Константина из заблуждения. Тогда великий князь решил выдвинуть вперед авангард и занять им деревню Блазовиц. Граф де Сен-При, французский эмигрант на русской службе, возглавил это наступление. Батальон лейб-гвардии Егерского полка и батальон семеновцев быстро заняли Блазовиц, выбив оттуда французских стрелков.

Однако в этот момент маршал Ланн, видя приближение частей Бернадотта, перешел в наступление. 13-й легкий полк из дивизии Кафарелли был послан для того, чтобы отбить Блазовиц. На поддержку ему были направлены два батальона 51-го линейного. 13-й легкий* под командованием полковника Кастекса устремился в атаку. Полковник, который сражался в первых рядах, был убит, но деревня была взята. Согласно французским рапортам, в деревне было взято в плен 300 русских гвардейцев и 250 было захвачено уже при отступлении из Блазовица. Остатки потрепанных батальонов присоединились к основной массе гвардии.

В этот момент слева от русских гвардейцев появились кавалерийские полки 5-й колонны князя Лихтенштейна. Впереди шел Уланский Его Высочества Цесаревича полк (10 эскадронов), за ним 18 эскадронов австрийцев". Едва только эта конница поровнялась с гвардией, она стала развертываться в боевой порядок. «Цесаревич Константин Павлович очень обрадовался прибытию 5-й ко-

**** В общей сложности полк насчитывал не более 1 380 человек и, следовательно, был примерно равен по численности двум гвардейским батальонам, занимавшим Блазовиц.***

***** Уже в момент выступления из лагеря от 5-й колонны были отделены 3 полка русской кавалерии под командованием генерала Уварова: Харьковский и Черниговский драгунские, Елисаветградский гусарский***

лонны, — рассказывает полковая история, — он подскакал к Уланскому имени Его полку, поздоровался с солдатами, обнял и поцеловал барона Меллера-Зако-мельского и, обратясь к фронту, сказал: «Ребята, помните, чье имя вы носите, не выдавай!» «Рады умереть!» — воскликнули все в один голос...»[34] Возбужденные речью своего покровителя, не дожидаясь австрийцев, уланы стройными рядами ринулись в атаку.

Это был действительно прекрасный по своему составу полк — отборные люди на отличных конях, новенькое обмундирование и экипировка. Его численность — около 1 300 человек* — равнялась таковой в некоторых французских кавалерийских дивизиях. Тем не менее офицеры и солдаты по большей части еще ни разу не участвовали в битвах и были совершенно неопытны, а кони не обстреляны...

Полк устремился вперед в бешеном порыве. Впереди с обнаженной саблей мчался генерал-лейтенант Эссен 2-й, командир всей русской кавалерии 5-й колонны. За ним ураганом пронеслись по полю плотные линии русских кавалеристов и с громовым «Ура!» обрушились на дивизию Келлермана.

Как уже отмечалось, легкая кавалерия Келлермана стояла в колоннах побри-гадно впереди пехоты. Правая — бригада Маризи — состояла из 4-го гусарского и 5-го конно-егерского полков. Судя по всему, атака русских улан была абсолютно неожиданной, а это в кавалерийских стычках — фактор определяющий. Французские гусары не успели ни развернуться в боевой порядок, ни контратаковать. Они были буквально сметены лавиной русской конницы. В рапорте о действиях легкокавалерийской дивизии дипломатично и коротко написано: «Эта атака казаков *{речь, разумеется, идет об уланах)* была столь яростной... что мы были вынуждены отступить до уровня нашей пехоты»[35].

Смяв французскую кавалерию, уланы продолжили свою отчаянную атаку и влетели на французские орудия. Октав Левавассер со своими пушками опять оказался в самой гуще схватки. «Ужасающие крики раздались из дыма, который закрывал от меня правую сторону, — вспоминал он, — галоп коней, звон сабель говорили о том, что это конная атака... Вся кавалерия великого князя Константина устремилась на мои орудия. Артиллеристы бросились кто под зарядные ящики, кто под пушки, другие принялись драться банниками... Я был прижат к нашим упряжным лошадям и сошелся в рукопашной схватке с офицером, который ударом сабли отрубил мне мизинец на правой руке. Вдруг его конь упал, сраженный пулей. Офицер бросился тогда к моему стремени и сказал мне *{по-французски):* «Согласитесь, мы с вами оба храбрецы». Он повторил несколько раз эти слова, оставшись рядом со мной и рассматривая себя как моего пленника»[36].

Пуля, сразившая коня русского офицера, была выпущена из рядов пехоты Кафарелли. Солдаты этой дивизии с таким же спокойствием, как на учениях, построились в батальонные каре, пропустили сквозь интервалы всадников Келлермана, а затем открыли убийственный огонь по русской кавалерии. Полк улан цесаревича оказался зажатым между стенами пехоты. Тысячи ружей обрушили шквал свинца на храбрых всадников. Уланы в беспорядке заметались между французскими каре. Один за другим трещали залпы в упор. Только что храбро атаковавший полк смешался в беспорядке. Безумно скакали исступленно ржущие кони, кавалеристы, не находя выхода из гибельной ловушки, десятками падали под ливнем свинца...

Почти в тот же миг раздался тяжелый топот мощных коней и звон оружия. Это были кирасиры и карабинеры Нансути, которые стеной обрушились на

**** Согласно строевому рапорту на 1 ноября 1805 г., в полку числилось 1386 строевых. Без сомнения, за месяц это число уменьшилось. Ориентировочно можно считать численность уланского полка 1 300 человек.***

мечущихся в смятении конников. А еще через несколько мгновений оправившиеся после неудачи гусары и конные егеря Келлермана налетели с фланга и тыла на пришедший в полный беспорядок полк. Половина улан была застрелена, зарублена, заколота, взята в плен (28 офицеров и 680 рядовых были убиты или пропали без вести согласно полковым документам)[37]. Командир полка генерал-майор Меллер-Закомельский был ранен пулей в грудь и попал в плен. Генерал-лейтенант Эссен 2-й был смертельно ранен. Остатки еще недавно блестящего полка крупным галопом понеслись в сторону войск Багратиона, спасаясь от преследования французской конницы. Однако на русских позициях собралось всего лишь 200 улан, остальные рассеялись. Многие не смогли удержать своих горячих необстрелянных донских коней, которые, закусив удила, унесли своих наездников в разные стороны. Это был полный разгром...

В это время дивизия Риво перешла в наступление. Его батальоны, пройдя Гиршковиц, стали развертываться в боевой порядок. Но к этому времени изготовились к атаке австрийские кавалерийские полки 5-й колонны. Лихтенштейн, прекрасный командир, «родившийся для битв», как сказал о нем Меттерних, бросает вперед Лотарингских кирасир и кирасир Нассау. Но белые эскадроны австрийцев встретил плотный огонь пехоты Риво. Тщетно австрийские генералы ведут снова и снова своих кирасир навстречу тесно сомкнутым колоннам. Французская пехота действует четко и слаженно, хладнокровно подпуская вражеских всадников на близкую дистанцию, а затем открывая убийственный огонь.

Генерал Карамелли был сражен насмерть французской пулей, Ауэрсперг, командир Лотарингского полка, также падает, обливаясь кровью, перед фронтом пехоты. Лихтенштейн был вынужден отказаться от дальнейших атак и увести свои расстроенные эскадроны от полного разгрома. Он отходит в сторону Праценских высот, где он снова попытается собрать их и прикрыть отступление союзной армии...

Великий князь Константин остался без кавалеристов Лихтенштейна. Он не получил никаких приказов и не знал, что делать. Осмотревшись вокруг и не видя поблизости ничего похожего на союзные войска, он решил, что самое лучшее в данной обстановке — присоединиться к центру союзных войск*. По его приказу гвардейские полки, построившись в колонны по отделениям, двинулись влево, в сторону Праценского плато, а чтобы прикрыть с фланга движение колонн на марше, были выделены отряды стрелков.

СНОВА ПРАЦЕНСКОЕ ПЛАТО, 11.30-13.00

Около 11.30 войска Сент-Илера и Вандамма, разбив 4-ю колонну союзников, остановились на Праценского плато. Что делать дальше, генералы не знали. Никаких приказов на этот счет не было. Однако их колебания продолжались недолго. Примерно в это время во главе своей свиты с эскортом из взвода гвардейских конных егерей показался Наполеон. «Вы все храбрецы!» — воскликнул он, обратившись к своим генералам. Император был явно доволен результатами боя. Однако нужно сказать, что эти результаты были, скорее всего, не совсем такие, на которые он рассчитывал накануне. На северном фланге дела шли успешно, однако медленное продвижение Бернадотта помешало достигнуть здесь быстрого и решительного успеха. С другой стороны,

**** Пехота гвардии к этому времени была ослаблена. Около 10 часов утра по просьбе Кутузова поддержать союзников на Праценском плато великий князь послал батальон Измайловского полка, вокруг которого соберутся остатки разбитых войск. Кроме того, понесли потери батальоны, сражавшиеся в Блазовице.***

дела на южном крыле обстояли даже лучше, чем рассчитывал французский полководец. Легран и Фриан сумели полностью блокировать продвижение вперед главных сил союзников. Наконец, на Праценском плато, благодаря редкой отваге и мастерству, французские полки добились блистательного успеха. В этих обстоятельствах император отдает приказ Сент-Илеру и Вандамму делать захождение левым крылом вперед, чтобы окружить и разгромить колонны союзников, топтавшиеся вокруг Тельница и Сокольница.

Итак, главным движением этого дня стал марш корпуса Сульта левым крылом вперед (по часовой стрелке). Стоит вспомнить, что в диспозиции было черным по белому написано: «маневром дня... должен быть марш вперед по-эшелонно правым крылом вперед». Как можно еще раз видеть, план, существовавший к 8 часам вечера 1 декабря, был изменен. Входило ли это изменение в указания, данные Сульту и другим маршалам ночью и на рассвете, сказать сложно. Ясно одно — что генеральная диспозиция на день 11 фримера подобного маневра не предполагала.

В то время когда Сент-Илер и Вандамм начали свое движение, к Працен-скому плато по указанию императора уже приближались части императорской гвардии. Именно в этот момент со стороны Крженовица были замечены какие-то массы войск, движущиеся к плато. Ясно, что это могли быть только русские полки. По приказу Вандамма в эту сторону была выделена часть бригады Шиннера (1-й батальон 4-го линейного и 2-й батальон 24-го легкого полков) для того, чтобы хотя бы на некоторое время задержать неприятеля.

Неизвестными войсками была русская гвардия под командованием Константина. Едва увидев справа от себя французские отряды, гвардейцы построились в боевой порядок. Тотчас преображенцы и семеновцы с криком «Ура!» бросились в штыки и опрокинули стрелков бригады Шиннера. В этот же момент в атаку двинулись конногвардейцы и лейб-гусары. На их пути оказались сомкнутые батальоны 4-го линейного и 24-го легкого полков. Едва русские гвардейцы увидели их, как тотчас же атаковали.

Майор Бигарре, командир 4-го линейного полка, так запомнил произошедшее: «Колонна из всей кавалерии русской императорской гвардии... развернулась на расстоянии ружейного выстрела от нашего батальона. Перед нами выкатили шесть орудий конной артиллерии, которые, открыв огонь картечью, посеяли беспорядок в рядах батальона... Первая атака *{русских кавалеристов) была* отбита огнем нашего каре в упор. Но следующую атаку третий русский полк *{речь идет об атаке поэшелонно одним и тем же полком)* произвел в тот момент, когда ружья были разряжены. Он прорвал каре, и его всадники, скача взад и вперед, порубили больше 200 человек... Командир батальона Ги и 10 офицеров были убиты и ранены в этом бою. Я получил больше 25 ударов палашом по голове, по плечам и по рукам. Впрочем, раны от них были не глубокие, а то и просто это были ушибы. 24-й полк легкой пехоты, который допустил ошибку и остался в развернутом строю, был также опрокинут этой кавалерийской атакой»[38].

Во время отчаянного рукопашного боя орлоносец 4-го линейного был зарублен, а знамя упало на землю. Полковая история конногвардейского полка так рассказывает о происшедшем: «3-й взвод 2-го эскадрона, под командою поручика Хмелева, сшибает с ног французского знаменосца. Правофланговый наш рядовой Гаврилов соскочил с лошади, поднял упавшее французское знамя и только успел передать его подскакавшему рядовому Омельченке, как был поражен неприятельскими штыками. Французы кинулись вперед, чтобы спасти свое знамя, но рядовые Ушаков и Лазунов подскакивают на выручку Омельченке. Завязался бой на жизнь и на смерть, но все-таки знамя остается за нами,

в руках Омельченки... Омельченко, Ушаков и Лазунов сами привезли к Наследнику Цесаревичу отбитое знамя»[39].

Эта версия, как кажется, соответствует действительности, хотя майор Би-гарре будет позже клясться и божиться, что ни он, ни его солдаты не заметили потери орла в дыму и пыли. Хотя не исключено, что те солдаты, которые пытались спасти знамя, были убиты или ранены*.

В тот момент, когда началась атака русской гвардии, на плато поблизости почти не было французских полков. Французская пешая гвардия была еще на подходе, и в распоряжении императора не было ничего, кроме гвардейской кавалерии. Маршал Бессьер рассказывает в своем рапорте: «Император отдал мне приказ двинуться вперед с кавалерией, чтобы поддержать 4-й полк линейной пехоты и 24-й легкой пехоты, сильно атакованные неприятелем". Я тотчас же приказал полковнику Морлану с двумя эскадронами конных егерей идти на левом крыле и атаковать вражескую пехоту... Я заметил, что противник желал обойти меня справа, и тотчас же послал генерала Орденера с тремя эскадронами конных гренадер, чтобы удержать его, а князя Боргезе еще с одним эскадроном я поставил уступом справа и позади от генерала Орденера. Это движение я приказал поддержать артиллерийской батарее командира эскадрона Догеро. Полковник Морлан бросился со своими войсками на вражескую пехоту и врубился в нее. Началась отчаянная рукопашная схватка. Конные егеря, понесшие потери от картечи и ружейного огня, на какой-то момент вынуждены были уступить перед численным превосходством, но они отступили в порядке»[40].

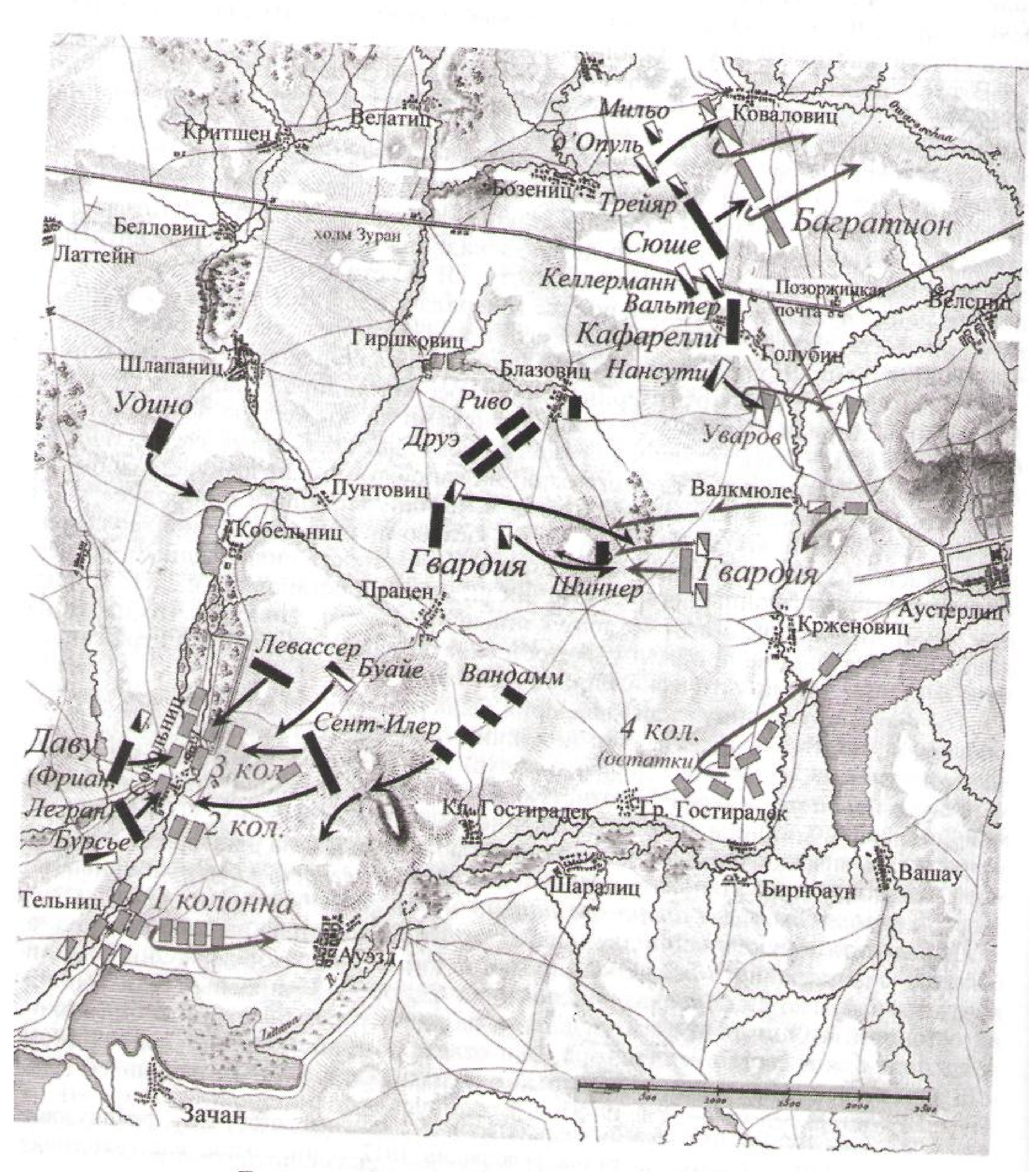
На самом деле атака Морлана была, без сомнения, неудачной. Русская пехота, используя естественные препятствия, и в частности виноградники, встретила французских конных егерей огнем и штыками и остановила их. Не слишком ясно, что делали в этот момент конные гренадеры. Похоже, что на этом этапе боя они либо не приняли участия в схватке, либо также были отражены, хотя и не понесли практически никаких потерь.

Тот факт, что французская кавалерия была опрокинута в начале боя между гвардиями, подтверждается воспоминаниями генерала Друэ: «Император... вызвал мою дивизию, чтобы поддержать центр. Чтобы скорее прийти на угрожаемый пункт, я пошел через болотистую местность и построил прямо на ходу мою дивизию в колонны пополубатальонно. Я атаковал русских. Их кавалерия устремилась вперед с большой решительностью и проскочила в интервалы между моей пехотой, чтобы атаковать *гвардейских конных егерей, которые приводили себя в порядок после атаки позади моей дивизии»^.*

В результате буквально в двух шагах от штаба возникло замешательство, а беглецы 4-го линейного оказались прямо рядом с императором. «Они бежали почти на нас и на Наполеона, — вспоминал Сегюр. — Напрасны были усилия их остановить. Они ничего не слушали и на наши упреки в том, что они покидают поле боя и своего императора, они отвечали лишь машинальным криком «Да здравствует Император!», который они издавали и бежали дальше со всех

Орел 4-го линейного полка был единственным знаменем, отбитым у французов в Аустерлицкой битве. Вплоть до самой революции 1917 г. это знамя, как священная реликвия, хранилось в полковой церкви Лейб-гвардии Конного полка.

***** По версии большинства русских источников, атака французских гвардейских эскадронов началась еще до разгрома 4-го линейного и 24-го легкого полков. Согласно этим источникам, атака французов была нацелена против русской пехоты. Когда она была отражена, в бой вступили лейб-гвардии конный и лейб-гвардии гусарский полки. Возможно, что поражение пехоты Шиннера и контратака Бессьера происходили примерно в одно время, поэтому участники путаются, определяя последовательность боя.***

Битва при Аустерлице. Ситуация на 12 часов

ног. Наполеон улыбнулся с сожалением и, сделав небрежный жест, сказал нам: «Оставьте их». Он сохранял абсолютное спокойствие»[42].

В этот же миг император позвал своего адъютанта генерала Раппа: «Там, кажется, беспорядок. Возьмите гвардейскую кавалерию и восстановите бой». Храбрецу Раппу не надо было повторять подобный приказ дважды. Он тотчас же схватил два эскадрона конных егерей, один — конных гренадер, роту мамелюков и устремился вперед. «Я отправился галопом и скоро увидел результаты разгрома. Кавалерия была среди наших каре и рубила наших солдат. Немного позади мы видели пешие и конные массы в резерве. Противник оставил свою добычу и стал разворачиваться навстречу нам. Несколько артиллерийских орудий прилетели в галоп, и я развернул их против них. Мы двигались в сомкнутом порядке... «Смотрите, — прокричал я. — Там топчут наших друзей, наших братьев по оружию! Отомстим за них, отомстим за наши знамена!»[43]

С громовым «Да здравствует Император!» егеря и мамелюки рванулись в бешеный галоп. Лейб-гусары и конногвардейцы не успели сделать нескольких шагов, чтобы разогнаться для атаки, и бешеный вихрь наполеоновских «кентавров» обрушился на почти неподвижную массу русских всадников. Яростные удары сабель конных егерей, свист кривых клинков мамелюков, дикие крики и вопли сражающихся на несколько мгновений наполнили Праценское плато.

«Хотя раненый и промокший, я поднялся и закричал: «К оружию!» — рассказывал лейтенант Дюпэн из 4-го линейного, который, подобно сотням солдат, лежал на земле, чтобы избежать ударов русских палашей, — по этому крику, тысячу раз повторенному, все, кто могли, встали и бросились помогать гренадерам и мамелюкам. Невозможно вообразить, насколько отчаянной была эта схватка и эта резня»[44].

Бой был яростный, но короткий, и вот уже опрокинутые, рассеянные лейб-гусары и конногвардейцы понеслись карьером, преследуемые стремительной волной французских кавалеристов. Эскадроны Раппа с ходу бросались на все, что им попадалось по пути: рубили, кололи, опрокидывали, брали в плен...

«Эта атака кавалерии императорской гвардии, — сказал Наполеон, — одна из самых прекрасных, которые когда-либо имели место, и делает честь равным образом и командиру, который ею руководил, и отборным войскам, которые ее исполнили. Какова бы ни была сила линий неприятеля, вставших на их пути, будь то кавалерия, будь то пехота, — ничто не смогло устоять под страшным ударом, все было опрокинуто»[45].

Отброшенные этим ударом русские гвардейские части начали отход кто в порядке, кто в беспорядке. «С этой минуты положение гвардии сделалось крайне затруднительным, — повествует История лейб-гвардии гусарского полка. — Ровная местность нигде не представляла выгодной позиции, между тем топкий ручей и ужасная грязь препятствовали движению войск... До переправы оставалось версты полторы. Неприятельские силы, с каждою минутою возраставшие числом, не давали нам ни минуты отдыха, а напротив, немедленно бросались в атаку, лишь только замечали, что мы останавливаемся...»[46]

Стрелки из дивизии Друэ поддержали атаку Раппа. Продвигаясь вслед за гвардейскими эскадронами, своим точным огнем они наносили большие потери отступавшим русским пехотным частям. Особенно сильно пострадали семенов-цы. Судя по всему, мамелюкам и конным егерям удалось врубиться в каре лейб-батальона Семеновского полка. Каре не было опрокинуто, но превратилось в бесформенную толпу, которая отчаянно отбивалась от наседающих французских всадников. В яростном бою вахмистр мамелюков Антуан Роне захватил одно из знамен батальона*.

***Скорее всего, речь идет о древке без полотнища. Взятие знамени подтверждают только французские источники**.*

В этот момент с противоположной стороны речки к плотине подходил второй эшелон русской гвардии. Впереди шли пять эскадронов кавалергардов и две сотни лейб-казаков. Эскадроны лучшего в России конного полка были не только в полном составе — на пять эскадронов приходилось 800 человек (!) — но и к тому же он был необычайным образом облачен в самую полную парадную форму, которая только существовала. Князь Репнин, исполнявший в этот день обязанности командира полка, вспоминал, что с утра они выступили, столь мало помышляя о битве, что «Кавалергардскому полку было приказано готовиться к инспекторскому смотру», и потому «начали чиститься, одеваться, пудриться, приделывать чепраки, вновь привезенные из Петербурга»[47].

Действительно, кавалергарды нагоняли армию на марше. Утром 2 декабря полк был еще в 14 км от Аустерлица, его офицеры понятия не имели, что в этот день состоится генеральное сражение, и только по звукам канонады узнали, что впереди кипит битва. «Пройдя Аустерлиц, — рассказывал князь Репнин, — увидели мы весь горизонт, покрытый боем». Едва полк успел переправиться через Раусницкий ручей по плотине у Валькмюлле, как прискакал великий князь Константин, который прокричал, обращаясь к полку: «Выручайте пехоту!»

Кавалергарды пришпорили коней и, поднявшись из долины реки, «увидели перед собой семеновцев, окруженных кавалерией, отбивающих у нее свои знамена. Кругом ни вправо, ни влево не видно было русских частей войск, видны были лишь кучки бегущих, а общим фоном этой картины была стена французской пехоты»[48].

Это был первый бой кавалергардов. Ни офицеры этого полка, элита санкт-петербургской аристократии, ни солдаты, лучшие в физическом отношении высокие рекруты, в большинстве своем никогда не нюхали пороха. Но положение обязывает. Они были первым полком российской конной гвардии, и потому, несмотря на неожиданность, несмотря на очевидное катастрофическое положение, кавалергарды с ходу развернулись к атаке. Трубы пропели короткий сигнал, и стройные эскадроны облаченных в белоснежные колеты всадников, увенчанных высокими черными касками с гребнем, сначала рысью, а потом галопом ринулись навстречу неприятелю.

Выбирать цель особенно не приходилось. Нужно было атаковать прямо перед собой. Поэтому три первых эскадрона, стоявших, как им и положено, на правом фланге полка, понеслись на французскую пехоту, а 4-й и 5-й эскадроны — прямо навстречу коннице Раппа*.

При виде атакующей русской кавалерии французские стрелки хлынули назад, «, а генерал Друэ остановил свои батальоны, стоявшие в сомкнутом строю. «Я дал приказ, — вспоминал он, — полковникам моей дивизии приготовиться, чтобы достойно ее *{конницу)* встретить. Когда русская кавалерия показалась в интервалах, на нее обрушился плотный огонь в упор. Она понесла большие потери и была обращена в бегство»[49].

На самом деле потери трех первых эскадронов кавалергардов были не слишком велики". Однако нет сомнения, что шквал перекрестного огня целой диви-

**** Вместе с этими эскадронами в атаке принимал участие 1-й взвод 1-го эскадрона под командой корнета Альбрехта. Этот взвод перед началом боя отвез штандарты кавалергардского полка в Аустерлиц. А затем, нагнав полк, встал в хвост колонны и потому оказался вместе с последними эскадронами.***

*****Из полковых документов известно, что первые три эскадрона потеряли |ранеными (все ранения огнестрельные) 19 рядовых. Разумеется, были и убитые, однако известно только общее количество убитых и пропавших без вести. Исходя из количества раненых, можно предположить, что в первых трех эскадронах было убито 5—7 человек.***

зии преодолеть было невозможно, и первые эскадроны, смешавшись, поскакали назад. Зато 4-й и 5-й врубились в ряды конных егерей и мамелюков. Завязалась отчаянная схватка. Опрокинутые конные гвардейцы и гусары воспрянули духом и снова бросились в бой. Для французской гвардейской кавалерии и лично Рап-па настал момент тяжелого испытания. Самого Раппа пытались окружить со всех сторон, его ранили в голову, а конь под ним был ранен пять раз! Но успех русских кавалеристов был недолгим. В бой устремились французские конные гренадеры на своих громадных черных конях. Как рассказывает легенда, они влетели в схватку с возгласом: «Заставим плакать санкт-петербургских дам!».

На этот раз свалка была ужасной. Конные егеря, кавалергарды, конные гренадеры, конногвардейцы, мамелюки — все смешались в дикой исступленной драке. Это был тот редкий случай в быстротечных обычно кавалерийских сшибках, когда исход боя решался в упорном, кровавом рукопашном бою. В течение четверти часа не было слышно ничего, кроме остервенелых криков сражающихся, лязга стали и хрипа коней... «Эта четверть часа показалась нам вечностью, — вспоминал пеший гренадер императорской гвардии Куанье, который из рядов своего батальона с тревогой всматривался в ужасную свалку, — мы не могли ничего разобрать в дыму и пыли. Мы боялись увидеть наших товарищей разбитыми, поэтому медленно двигались вслед за ними. Если бы они были опрокинуты, то наступила бы наша очередь»[50]. Но очередь Куанье не наступила. Клубок всадников заколебался, дрогнул, и вдруг хлынул в сторону узкой плотины Валькмюлле... Русская конная гвардия была разбита.

Через несколько минут к Наполеону и его свите подлетел кавалерист с обломком сабли в руке. Он резко остановил взмыленного забрызганного кровью коня прямо перед императором и громко воскликнул: «Сир! Мы опрокинули, изрубили русскую гвардию. Ее артиллерия взята!» Это был Рапп, который в разодранном мундире, без шляпы, с гордо поднятой всклокоченной головой сообщил Наполеону результаты легендарной атаки. Таким он вошел в историю на легендарном полотне Франсуа Жерара...

Это произошло около часа дня. Центр союзников был окончательно рассеян, русская гвардия покинула поле сражения. Спустя некоторое время к императору подвели захваченных в плен офицеров кавалергардов, и впереди них был князь Репнин.

—Ваше имя, сударь, — обратился император к князю.

—Князь Репнин.

—Вы командуете гвардией императора Александра?

—Я полковник и командир эскадрона в полку кавалергардов.

—Ваш полк достойно исполнил свой долг.

—Это самая прекрасная награда — получить похвалу от великого человека.

—Я с удовольствием воздаю вам должное. А кто этот молодой человек рядом с вами?

—Это сын генерала Сухтелена. Он служит поручиком в моем эскадроне.

—Не слишком ли он юн для того, чтобы сражаться с нами?

—Не обязательно состариться, чтобы стать отважным, — смело ответил поручик*.

—Прекрасный ответ, молодой человек. Вы далеко пойдете, — произнес Наполеон, и добавил: — Пусть этих господ отведут на мой бивак, пусть о них хорошо позаботятся и пусть доктор Ларрей осмотрит их раны. До свидания, князь Репнин»[51].

**** По одной из версий, Сухтелен ответил фразой из трагедии Корнеля: «Да, молод я, но для благородных сердец храбрость не ждет числа годов (Oui, je suis jeune, il est vrai, mais aux cceurs bien ne la valeur n'attends pas le nombre des annees)».***

ОТ ПОЗОРЖИЦА ДО БЛАЗОВИЦА, 10.30-16.30

После атаки улан цесаревича и взятия французами Блазовица бой на северном крыле продолжался, но обе стороны ограничивались артиллерийским огнем и отдельными кавалерийскими атаками. Согласно рапорту дивизии Келлермана, легкая кавалерия этой дивизии ходила в атаку восемь раз, причем половина этих атак была произведена еще до начала решающего столкновения между пехотными линиями. Вместе с гусарами и конными егерями Келлермана в атаку ходили и драгуны Вальтера. С ними скрещивали сабли русские гусары и драгуны Чаплица, Витгенштейна и Уварова.

В частности, сразу после того как 13-й легкий захватил Блазовиц, с обеих сторон в атаку опять устремилась кавалерия. Уваров, который командовал русской конницей на этом участке поля сражения, писал в своем рапорте следующее: «Увидал я цесарскую *{австрийскую)* инфантерию опрокинутою неприятелем и бегущую с левого фланга на правый перед моим фронтом. Неприятельская кавалерия, воспользуясь сим беспорядком, и за бегущею цесарскою инфантериею приблизилась к Елисаветградскому гусарскому полку, который храбро употреблял все возможное, чтоб удержать неприятеля, *не щадя даже цесарскую инфантерию*^[2]. Иначе говоря, русские гусары начали рубить австрийских пехотинцев!

Колен пишет: «Здесь произошло довольно странное и малоизвестное событие. Согласно многим французским реляциям среди защитников Блазовица были австрийцы, и русская кавалерия порубила их, в то время как они сдавались в плен 13-му легкому и 51-му линейному. Однако известно, что австрийской пехоты не было в Блазовице, и наши солдаты, очевидно, спутали их с русскими из-за схожести униформы. Так что, очевидно, русская кавалерия рубила свою собственную пехоту»[53]. Рапорт Уварова, в котором несколько раз подчеркивается, что бежали именно австрийцы, доказывает, что французские солдаты ничего не перепутали — русская кавалерия рубила именно союзников, а не русских солдат.

В истории лейб-гвардии Егерского полка, составленной на основе полковых документов, также говорится о том, что в Блазовице вместе с лейб-егерями были австрийцы, которые, «увидев французов, разбежались и кинули ружья»[54]. Откуда взялись австрийцы в Блазовице, действительно не очень понятно. В ряде русских , источников упоминается, что сюда был направлен один из австрийских батальонов колонны Коловрата. Кроме того, вместе с русской гвардией действовала австрийская батарея Цокки. Быть может, это были солдаты из ее прикрытия. Так или иначе, этот эпизод, хотя и не имел никакого серьезного влияния на ход боя, ярко показывает отношения, которые сложились между союзниками в эту войну.

Мюрат, видя перед собой странное зрелище, вначале не поверил, что это действует русская кавалерия. Он «подумал, что это баварцы*, и приказал *{своей конной артиллерии)* прекратить огонь, — сообщает рапорт начальника штаба Мюрата. — Принц оказался в опасности, и офицеры его штаба и эскорт должны были решительно атаковать, чтобы защитить его. Поняв свою ошибку, принц бросил в атаку кавалерию генерала Нансути, которая, выйдя из-за правого фланга пехоты, двинулась на врага, а он, со своей стороны, двинулся на нее. *И так началась великолепная и блистательная схватка конницы,* — повеству-

***** Как известно, баварцы не участвовали в битве при Аустерлице, но они были недалеко, сдерживая корпус Фердинанда. Судя по всему, во французской армии многие считали, что баварцы подошли или могли подойти к полю сражения. В любом случае, как только видели какую-то непонятную форму или войска, идущие в странном направлении, сразу говорили, что это баварцы. Тем более что в описанном происшествии участвовали не только русские гусары, но и драгуны, а они, как известно, носили высокие черные каски, очень напоминавшие каски баварской армии.***

ет далее рапорт в стиле средневековых хроник. — В течение четырех или пяти минут все смешалось, и с обеих сторон рубились саблями. Храбрые полки карабинер, поддержав свою старую репутацию, и второй полк кирасир опрокинули врага на его вторую линию. Тогда вступила в бой эта линия. С нашей стороны против нее вступила линия из кирасирских полков. Три атаки были проведены одна за другой, и повсюду враг был опрокинут, оставив много убитых на поле сражения. Эта прекрасная атака... сделала нас хозяевами высот рядом с Кругом и Голубицем так же, как и самими деревнями. Было взято также восемь артиллерийских орудий, и все неприятельские войска, стоявшие слева от дороги, были опрокинуты»[55].

Рапорт Уварова хотя, конечно, и выдержан в других тонах, но, в общем, подтверждает донесение штаба Мюрата. «Решился сам атаковать, — пишет Уваров, — и ударя неприятеля, вскакавши в его линию, продолжали рубиться с жестокостью, от чего урон с обеих сторон был весьма ощутителен. В сие ж время инфантерия и артиллерия неприятельская, подвинувшись на мои фланги, произвела такой огонь, что при всей храбрости полков, в команде моей бывших, принужденными нашлись отступить и ретироваться через речку»[56].

В это время Багратион произвел попытку отвлечь внимание французов атакой на их крайний левый фланг. Между Бозеницем и Сивицем он двинул в атаку 5-й егерский полк, поддержанный казаками и мариупольскими гусарами. Эта атака была отбита 17-м легким, гусарами Трейяра и конными егерями Мильо, а также огнем артиллерии с Сантона.

Пока на флангах кипела ожесточенная кавалерийская рубка, пехота с обеих сторон оставалась недвижимой. «Мы стояли в развернутом строю, по команде барабанной дробью огонь прекратился, — писал д'Эральд, вспоминая о том, как была отражена последняя атака русской кавалерии на дивизию Сюше. — В каждом батальоне командиры приказали выйти вперед *{на несколько шагов)* знаменосцу и фланговому с гидоном*, а затем выдвинули батальон на эту линию. Шеренги были выровнены, и была отдана команда «под курок». Маршал *(Ланн)* скакал взад и вперед вдоль нашего фронта. Мы не двигались... Наши вольтижеры, обученные в ходе кампании старыми солдатами, были единственными, кто вел бой, рассыпавшись в цепи... Русские ядра врезались в сомкнутые ряды. Наши солдаты встречали смерть, недвижно стоя на месте, держа ружья в соответствии с командой. Ядра и гранаты, которые попадали в землю перед нами, отскакивали рикошетом и, перелетая через строй пехоты, поражали иногда линию кирасир, которые снова встали в 600—700 шагах позади нас. Когда ядра попадали в кирасы, раздавался такой звук, как будто били по котлу. Было примерно 11 часов дня. К счастью для наших батальонов, русская артиллерия перенесла свой огонь на наши пушки, которые менее чем в три четверти часа были выведены из строя»[57]. Рапорт Сюше подтверждает слова его офицера: «Пехота, развернутая в линию, выдерживала с самым большим спокойствием орудийный огонь. Вырванные ядрами ряды тут же заполнялись. Приказ Его Величества был пунктуально выполнен, и, быть может, в первый раз на войне большая часть раненых самостоятельно добиралась до госпиталей»[58].

Только около полудня, после того как кирасиры Нансути окончательно отбросили кавалерию Уварова, французская пехота перешла в наступление. Дивизия Кафарелли почти что беспрепятственно заняла Круг и Голубиц. В это же время кирасиры д'Опуля, передвинувшись к левому флангу пехоты, вместе с драгунами Вальтера и легкой кавалерией атаковали русскую пехоту и казаков в районе Сивица и Коваловица.

**** Речь идет о небольшом значке, который фланговые носили воткнутым в дуло ружья.***

Теперь наступила очередь дивизии Сюше. По приказу маршала Ланна его дивизия сделала перемену фронта, выдвинув свой правый фланг вперед, и двинулась навстречу пехоте Багратиона, которая располагалась наискосок по отношению к главной дороге. Левый фланг русских батальонов упирался в Позор-жицкую почту, а правый находился немного впереди Коваловица. Увидев приближение французов, линия войск Багратиона двинулась навстречу им.

Участник этих событий д'Эральд, вероятно, надолго запомнил произошедшее дальше и оставил очень яркое и точное описание пехотного боя между дивизией Сюше и войсками Багратиона: «Раздались звуки русских рожков. Солдаты всех их батальонов... сняли ранцы... Русская артиллерия прекратила огонь, и линии пехоты двинулись на нас под звуки музыки. Мы стояли с ружьем «под курок» в полной тишине, наши роты вольтижеров отступали перед русскими батальонами, ведя убийственный огонь. Когда до неприятеля оставалось около 200 шагов, маршал Ланн, постоянно носившийся в галоп вдоль нашей линии, подъехал к барабанщикам... приказал бить атаку и ускакал. Генерал Сюше спрыгнул с коня и встал справа от гренадер, сказав, что в этой ситуации он хочет доказать им все свое доверие. Солдаты закричали «Вперед!», и по всей линии раздался громовой клич «Да здравствует Император!», который всегда предвещал смертельную схватку. Офицеры удерживали солдат, которые хотели идти слишком быстро... Перед нами был небольшой овраг, отделявший русских от французов. Наши стрелки держались в нем некоторое время, а затем оставили его, побежав в нашу сторону. Русские устремились вперед, перешли овраг и скорым шагом двинулись на нас со штыками наперевес. Наши батальоны, держа ружья «под курок», медленно шли навстречу. В десяти шагах от нас первая линия русских остановилась и дала залп. Французские батальоны взяли штыки на руку, идя стройными рядами, как на маневрах в Булонском лагере. Они ускорили шаг. Многие русские батальоны заколебались и повернули назад, другие встретили нас стоя на месте. Они получили залп в упор и были опрокинуты с первого удара»[59].

Одновременно с этим наступлением пехоты Мюрат выдвинул вперед свою кавалерию. Драгуны Вальтера и кирасиры д'Опуля вместе с легкой кавалерией Келлермана, Трейяра и Мильо поскакали в атаку слева и справа от пехоты. Все русские войска, стоявшие севернее Раусницкого ручья, были отброшены и начали отступать вдоль шоссе. В особенно трудную ситуацию попал Архангел огород-ский полк и его шеф генерал Каменский 2-й. «Упорно, но непродолжительно было сопротивление Каменского, — рассказывает Михаил овский-Данилевский. — Несколько раз конница окружала его, атакуя со всех сторон; в промежутки нападений французы громили его артиллериею. В один час выбыло из строя в Архангел огород ском полку с лишком 1 600 человек. Полк отступил в расстройстве, и здесь едва не погиб граф Каменский... При общем смятении упал он с лошади, пробитой ядром. Батальонный адъютант Закревский... предложил ему свою лошадь, и граф Каменский спасся на ней, выводя из огня остатки полка своего. Тогда, видя несчастный оборот дел в центре, князь Багратион начал отступать, сохраняя свое обычное хладнокровие»[60].

Конница Мюрата и пехота Ланна теперь двинулись вперед всем фронтом, опрокидывая все, что попадалось им на пути. «Никогда в битве не сражались с таким порывом, — гордый за своих кавалеристов, написал в рапорте Мюрат. — Никогда еще не шли вперед в таком порядке, никогда движения и эволюции не совершались с таким спокойствием и точностью, несмотря на град ядер, гранат, картечи и пуль, который сыпался на наши войска. Целые ряды выносили неприятельские снаряды, но они тотчас же смыкались, и ни один солдат не оставлял строя...»[61]

Наступающие батальоны и эскадроны французов опрокинули часть русского правого фланга в Раусницкий ручей. Особенно досталось кавалерии Уварова. Среди отступавших была и конная батарея под командованием Ермолова. Вот что он вспоминал об этом моменте: «Потеря наша наиболее умножилась, когда войска стеснились у канала чрезвычайно топкого, на котором мало было мостов, а иначе, как по мосту, перейти через оный было невозможно. Здесь бегущая конница наша бросилась вброд и потопила много людей и лошадей, а я, оставленный полками, при коих я находился, остановил свою батарею, предполагая своим действием оной удержать преследующую нас конницу. Первые орудия, которые я мог освободить от подавляющей их собственной кавалерии, сделав несколько выстрелов, были взяты, люди переколоты, а я достался в плен*»[62].

Самое удивительное при этом то, что генерал Багратион сумел, благодаря своей энергии и мужеству, оторваться от наседающих со всех сторон французских войск, вывести свои части из боя и отойти со своей пехотой к Раусницу, где русские полки привели себя хотя бы в относительный порядок. Части Багратиона сумели избежать разгрома еще и потому, что к ним в последний момент пришла неожиданная помощь. Со стороны Ольмюца на шоссе показалась 12-орудий-ная батарея. Это были австрийские пушки майора Фриренбергера. Подобно русской гвардии, они догоняли армию, и прибыли уже в самый разгар битвы. Австрийский офицер своевременно развернул свою артиллерию на удобной позиции на небольшом возвышении к северу от шоссе и при виде наступающих французских полков открыл ураганный огонь. «Стрельба велась так умело, что неприятель был вынужден отвести назад свои батареи, — отмечалось в австрийской реляции о битве, — и наступление всего французского левого крыла остановилось»[63].

Нет сомнений, что части Ланна и Мюрата были утомлены долгим отчаянным боем, и прибытие даже небольшого австрийского резерва сыграло значительную роль. Кроме того, Мюрат и Ланн слышали далеко позади себя справа грохот пушек. Они решили, что следует проявить осторожность. «Желанием Его Императорского Высочества *(Мюрата)* было продолжать преследование противника и захватить высоты Раусница и Аустерлица, куда он отступил, — написано в рапорте, составленном в штабе Мюрата. — Но на правом крыле все так же продолжался бой. Принц, не имея новостей... опасаясь, что Его Величеству могут потребоваться его войска, решил прекратить движение вперед, чтобы не удаляться от главных сил еще более. Было приказано остановить марш, чтобы в случае чего послать подкрепление Его Величеству»[64].

Примерно в 16.30 огонь прекратился по всей линии войск Мюрата и Багратиона. Отрядам дивизии Кафарелли, которые продвинулись за Раусницкий тучей, было приказано вернуться обратно. Французские войска остановились з результате поперек шоссе примерно в 2 км впереди Позоржицкой почты. Их левый фланг стоял немного западнее Коваловица, а правый фланг располагался вдоль Раусницкого ручья перед Голубицем.

СОКОЛЬНИЦ, АУЭЗД И ЗАЧАН, 13.30-16.30

В то время как войска Наполеона громили центр и оттесняли правый фланг союзников, южное крыло русско-австрийской армии продолжало оставаться не-

**** Ермолов был освобожден полковником Елисаветградского гусарского полка, кото-тый во главе нескольких драгун Харьковского полка отбил у нападавших храброго :онцера. В этой фразе нет ошибки — гусарский полковник действительно скакал с несколькими драгунами. Рядом с полковником не осталось ни одного человека из его галка, «по чему судить должно о беспорядке», замечает Ермолов.***

движимым в районе Тельница и Сокольница. Войска не двигались ни назад, ни вперед. Генерал Буксгевден, командующий обходящей группировкой, находился на небольшом холме к юго-востоку от Сокольница, а войска первой колонны стояли еще южнее. Генерал Ланжерон язвительно написал о своем непосредственном командире: «Гордый своим небольшим успехом в Тельнице, он, надувшись от сознания своей важности, неподвижно стоял на холме и не отдавал ни одного приказа. Его лицо было малинового цвета *(по причине опьянения),* и было такое впечатление, что он не понимает, что происходит вокруг. Я сообщил ему то, что произошло в Працене — что нас обошли, и что мы окружены врагом. Он мне грубо ответил: «Генерал, вы везде видите врагов». Тогда я ему малопочтительно ответил: «А вы уже в таком состоянии, что их не видите нигде!»[65]

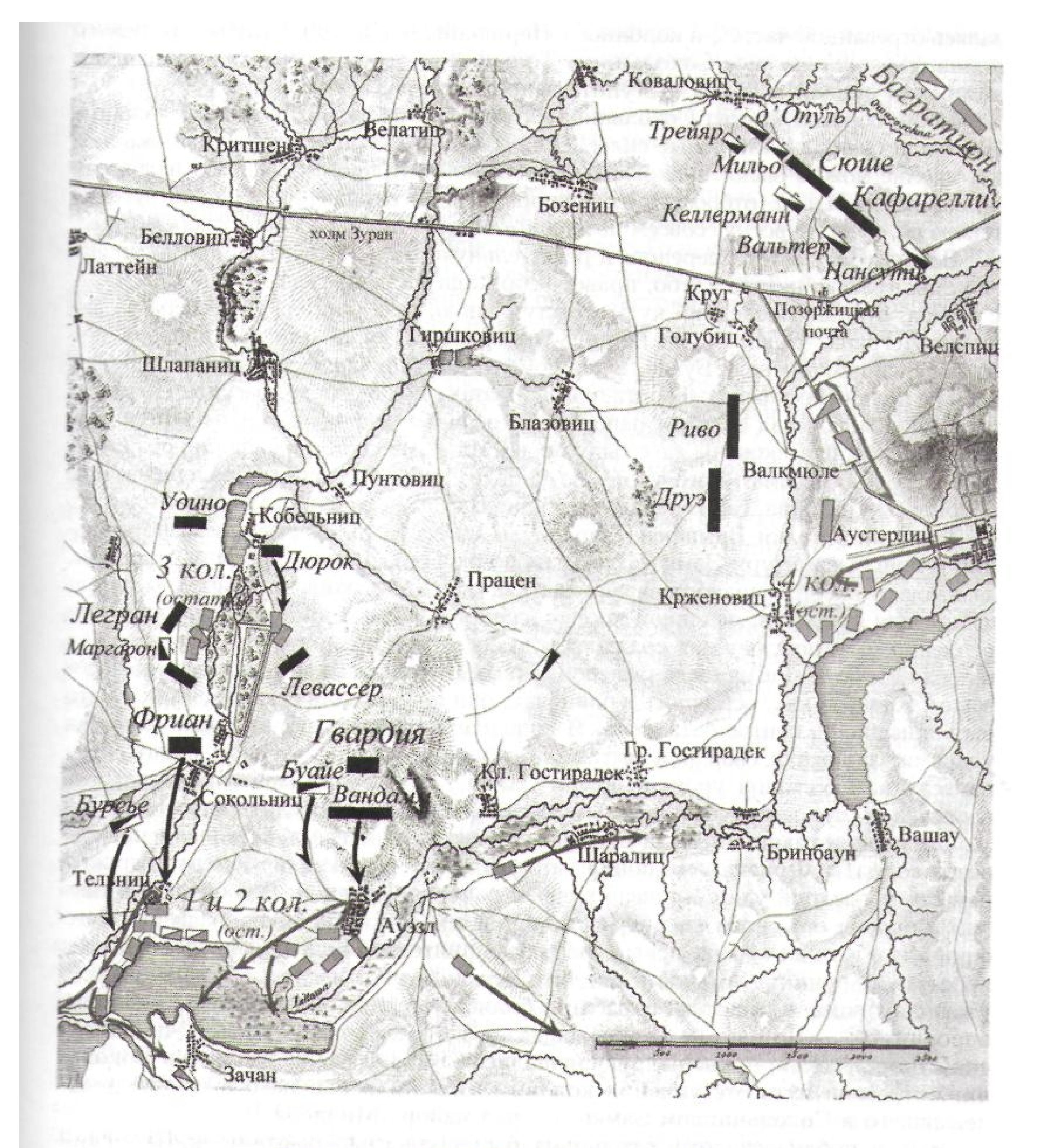
Факт нетрезвого состояния Буксгевдена невозможно проверить. Необходимо отметить, что между Ланжероном и Буксгевденом сложились более чем плохие отношения, и в своем рапорте главнокомандующему Буксгевден также нашел слова, чтобы ответить Ланжерону: «Граф Ланжерон известен мне был еще штаб-офицером. Я знал его весьма храбрым и здесь недостатка в отважности присвоить ему не могу. Но разность быть в сражении яко штаб-офицеру и яко генералу. Здесь, кроме личной храбрости и теории, потребны опыты, образующие нужной командующего характер и присутствие духа»[66].

Тем не менее совершенно очевидна пассивность и нерешительность командующего обходящей группировкой. Буксгевден получил от Кутузова приказ отступать в направлении Ауэзда и Гостерадека еще до полудня, однако по непонятным причинам он более двух часов простоял без дела, а главнокомандующий не проверил выполнение своего распоряжения.

В то время как войска союзников стояли в нерешительности, французские дивизии предприняли энергичное наступление. Дивизия Сент-Илера двинулась на Сокольниц и Замок в тыл Пржибышевскому и Ланжерону, а дивизия Ван-дамма начала перемещаться в сторону Ауэзда с целью отрезать путь отступления первой колонне. Едва Сент-Илер начал свой марш, как навстречу ему попался Курский полк, который Ланжерон направил на помощь бригаде Каменского. Два русских батальона оказались один на один с французскими колоннами, идущими со всех сторон, так как в это время с севера подходила бригада Ле-вассера, а позади Сент-Илера шла драгунская дивизия Буайе. Сам Ланжерон так описал произошедшее: «Два батальона Курского полка, отправленные мною на помощь графу Каменскому, не нашли его уже на Праценских высотах и даже не успели туда дойти... в одну минуту они были окружены, рассеяны, изрублены кавалерией, расстреляны артиллерией, одну половину потеряли убитыми, а другая была взята в плен. Орудия и знамена были взяты противником»[67].

После этой короткой схватки Сент-Илер продолжил свое движение на Сокольниц на помощь Фриану. Генерал Фриан со своей стороны проявил не просто мужество и стойкость в обороне, но и действовал с максимальной инициативой. Как только он понял, что противостоявшие ему войска обойдены с тыла, он тотчас, несмотря на численное превосходство неприятеля, перешел в наступление на Сокольниц и Замок. В результате колонна Пржибышевского оказалась скованной боем и не могла оторваться от наседавших французских полков. Над 3-й колонной нависла угроза полного окружения. Напрасно Пржи-бышевский послал адъютантов к Буксгевдену и Кутузову, чтобы сообщить им о своем положении и договориться о совместных действиях — ни один адъютант не доскакал даже до Ланжерона, не говоря уже о Кутузове.

Войска Пржибышевского занимали к этому времени оба берега Гольдбаха в районе Замка. На западном берегу стоял генерал-майор Штрик с четырьмя

Битва при Аустерлице. Ситуация на 14 часов

полками (Бутырский полк, 7-й егерский, Галицкий, два батальона Нарвского), на восточном — генерал Вимпфен с оставшимися батальонами (Азовский полк, Подольский и один батальон Нарвского). Часть русских войск укрепилась непосредственно в Замке. Кроме этого, вместе с войсками Пржибышевского оказалась отрезанной часть 2-й колонны — Пермский полк и один батальон Курского полка, стоявшие южнее Сокольница. Только 8-й егерский и Выборгский мушкетерский сумели вовремя отступить и продвигались к Ауэзду.

Таким образом, вокруг Сокольница и Замка сгрудились 22 русских батальона. Это были очень значительные силы. Если бы командование осуществлялось четко, вполне можно было, прикрыв тыл небольшим отрядом, броситься навстречу полкам Сент-Илера, отбросить их и прорваться из окружения. Однако русские генералы, судя по всему, совсем потеряли голову и лишь пассивно оборонялись.

Войска Сент-Илера перешли в решительную атаку. В центре, прямо на Замок, двинулась бригада Тьебо, правее — бригада Морана, левее — бригада Варэ, с севера, отрезая последний путь к отступлению, шла бригада Левассера из дивизии Леграна. Наконец, на помощь им прибыла 3-я драгунская дивизия под командованием генерала Буайе. В тот момент, когда французская пехота обрушилась на полки Вимпфена с фронта, слева их атаку поддержали драгуны. Пржибы-шевский докладывал в своем рапорте: «Резервные два полка *(Азовский и Подольский)* были атакованы же с тылу превосходными силами и, упорно сражаясь долгое время, весьма много урону потерпели: неприятельская кавалерия в них врубилась и разбила, сам генерал-лейтенант Вимпфен ранен и захвачен в плен»[68].

Разгромив полки Вимпфена, французы со всех сторон ринулись в Соколь-ниц и пошли на штурм Замка. Здесь, на подходах к Замку и в самом строении, завязалась ожесточенная кровавая схватка. «Проходы, конюшни, амбары, помещения для прислуги, основной корпус здания — все служило им *(русским)* укреплениями, и повсюду они сражались до последней возможности, — вспоминал генерал Тьебо. — Резня была ужасной. Приходилось побеждать человека за человеком. Я видел, как, оставшись в одиночку, они продолжали сражаться так, будто бы оставались в центре батальона. Я видел тех, которые, пораженные многими ударами, заряжали свои ружья так же спокойно, как на учебном плацу. Они нанесли нам большой урон, и штурм Замка... подтвердил мне справедливость выражения, что легче убить шесть русских солдат, чем победить одного»[69].

Не менее отчаянной была схватка за Сокольниц, где действовали прежде всего солдаты Фриана. «Я понял, что наступил решающий момент и нужно нанести последний удар, — писал в своем рапорте Фриан. — Я собрал 15-й легкий и бросил его снова вперед; я собрал затем 33-й линейный, развернул его фронт и обрушил его на левый фланг неприятеля. Полк бросился в атаку с яростью, опрокинул штыками все, что встало у него на пути. Повсюду была ужасная бойня. Отовсюду барабаны били атаку, неприятель был, наконец, опрокинут»[70]. «По словам Пржибышевского и Селехова, — писал Михайловский-Данилевский, — «все вдруг смешались». Французы вломились в Сокольниц, отрезали путь отступления колонн и полонили раненого в начале дела, лежавшего в Сокольницком Замке генерал-майора Миллера»[71].

В бою поблизости от Сокольница был полностью разгромлен Пермский мушкетерский полк. Он потерял убитыми, ранеными и пленными 1728 человек* и лишился шести орудий![72]

**** Полк имел в строю по ведомости на 1 (13) октября 1805 г. 2209 человек. Можно предположить, что 2 декабря, с учетом потерь на марше, он насчитывал не многим более 2000 чел. Таким образом, Пермский полк потерял в битве при Аустерлице около 86 % своего состава!***

Будущий генерал Лежен, тогда офицер генерального штаба, был послан императором к маршалу Даву и имел возможность увидеть Сокольниц сразу после взятия его французами. Наверняка страшная картина деревни, усыпанной трупами, загроможденной перевернутыми пушками и поломанными зарядными ящиками надолго осталась в памяти автора: «Большая улица Меница *{автор так ошибочно называет деревню Сокольниц)* длиной 400—500 шагов н очень широкая была полностью завалена убитыми и ранеными обеих армий, лежащими один на другом. Было почти невозможно проехать на коне среди этой груды разбитого оружия и поверженных тел»[73].

Заваленный трупами, залитый лужами крови Замок и разгромленный Сокольниц были на этот раз окончательно заняты французскими войсками. Однако Пржибышевскому удалось с частью войск вырваться из кольца окружения. Нестройные массы солдат двинулись по долине Гольдбаха на север в сторону Кобельница. Такое странное направление отступления было избрано, как утверждал генерал Пржибышевский, по совету австрийских «колонновожатых». Командир 3-й колонны надеялся присоединиться к войскам Коловрата, которые, по его предположению, все еще были где-то в районе Праценского плато. Всего из окружения вырвались две группы: одна — примерно 3 тыс. человек с самим Пржибышевским — пошла по западному берегу ручья прямо на Кобель-ниц, другая — примерно тысяча человек — по восточному. Совершенно очевидно, что, двигаясь прямо на центр бывшего расположения французской армии, они далеко уйти не могли. Тем более что император послал гренадер Удино на помощь войскам Фриана. Четыре свежих батальона* под командованием Дю-рока шли с севера почти что навстречу остаткам 3-й колонны.

Меньшая группа в тысячу человек натолкнулась прямо на них и без сопротивления сдалась. Другая, основная, вместе с самим командиром колонны тоже ушла недалеко. Ее буквально по пятам преследовали 36-й и 48-й линейные полки (один из дивизии Сент-Илера, другой из дивизии Фриана). Моральные и физические силы отступавших, которых без конца осыпали пулями и картечью, были вконец сломлены, и они уже собирались сложить оружие, как вдруг откуда-то появились французские гусары, которые врубились в колонну.

Это был полковник Франчески с 8-м гусарским полком. Полк весь день шел форсированным маршем к полю боя. Гусары скакали не щадя своих коней, боясь, что битва окончится без них и они не получат своей доли славы великого дня. Полк успел уже к самому концу, и до поля сражения дошло только 80 человек, все остальные остались по дороге, так как кони вконец выбились из сил. Теперь, увидев отступающую колонну, гусары, как бешеные, бросились на нее. Генерал Пржибышевский написал в рапорте: «Неприятельская кавалерия с стороны, напав, в них *{солдат колонны)* врубилась, чем еще более замешаны были и, лишась средств сопротивления, попались в плен»[74]. Генералы Пржибышевский, Штрик и Селехов отдали свои шпаги дерзким гусарам, а 3 тыс. солдат побросали ружья.

Франчески был в восторге от своего «подвига». Иного мнения придерживались генерал Фриан и его подчиненные. Эпизод с гусарами позже стал предметом разбора и препирательств между пехотными и кавалерийскими командирами. Вот что писал генерал Лоше в своем отчете по этому поводу: «После отчаянного и кровопролитного боя, который вела дивизия с семи часов утра до двух часов дня... русские войска оказались прижатыми к озеру, которое находится недалеко от Сокольница... 48-й линейный... преследовал отступающего непри-

**** Напомним, что гренадеры Удино были разделены на две части. Эта часть дивизии действовала под командованием генерала Дюрока.***

ятеля. К нему присоединился 36-й линейный полк из дивизии Сент-Илера... и нам удалось прижать вражескую колонну к Сокольницкому озеру и привести ее в такое состояние, что она уже не могла сражаться... как вдруг эскадрон 8-го гусарского вскакал в ряды противника. К этому времени неприятель уже побросал свое оружие... так что этот эскадрон, если он и готов был нанести сабельный удар, не имел случая воспользоваться своим оружием. Неприятельский отряд был в этот момент в самом большом беспорядке и решил сдаться полкам, с которыми он сражался с самого утра»[75].

Так или иначе, 3-я колонна была полностью разгромлена. Ее потери были поистине катастрофические. Только убитыми и пленными пехота этого отряда потеряла 5 280 человек из 8 000! Были захвачены все пушки и в плен попали также все генералы, командовавшие отрядами этой колонны.

Пока кипел отчаянный бой вокруг Сокольница, дивизия Вандамма продвигалась левее Сент-Илера, совершая захождение по часовой стрелке в направлении между Ауэздом и Тельницем. Однако дивизия Вандамма была сильно разбросана, и поэтому ее батальоны начали собираться поблизости от часовни св. Антония на южном склоне Праценского плато, фронтом на юг. Здесь высокий склон имеет уступ примерно на половине высоты плато. Именно на этом уступе готовились к новому бою французские батальоны, здесь же они поджидали отставшую артиллерию.

Почти прямо над ними, неподалеку от часовни расположился император со своим штабом. Трудно было бы разместить командный пункт в месте, более удобном, чем окрестности часовни св. Антония. Отсюда было видно, как на ладони, все, что происходило на южном участке поля сражения. Наполеон мог рассмотреть в подзорную трубу бой вокруг Сокольница, массы союзных войск, собиравшиеся в районе Тельница и Ауэзда, драгунскую дивизию Буайе, которая, разгромив отряд Вимпфена перед Сокольницем, шла теперь в обратном направлении на помощь к Вандамму.

, Примерно в это время император решил немного подкрепиться. «Ему принесли холодного мяса и кусок хлеба, — писал в своих воспоминаниях адъютант Сульта Огюст Петие. — Во время этого скромного обеда к нему привели взято-то в плен графа Ланжерона, французского эмигранта *{на самом деле речь идет о генерале Вимпфене, Ланжерон не был взят в плен).*

—Кто командует русской армией? — спросил его Наполеон.

—Сир, это император Александр, — ответил пленный.

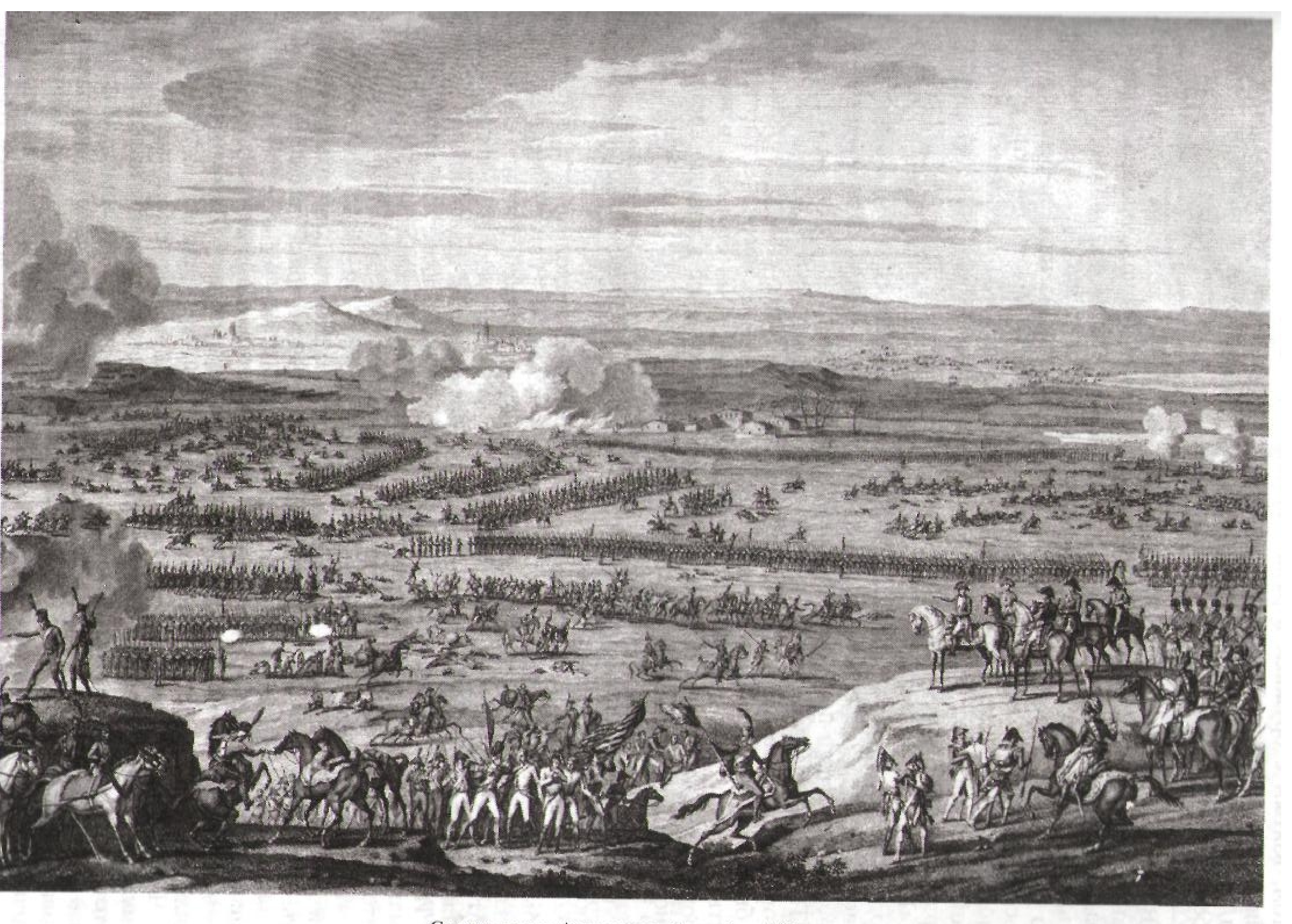
—Я спрашиваю у вас имя вашего главнокомандующего.

—Генерал Буксгевден*.

—А, ну тогда хорошо... Император Александр еще слишком молод. Потом, поменяв тему разговора, Наполеон распорядился, чтобы пленному налили вина в его серебряный стакан и, протянув его генералу, сказал:

— Пейте, господин Ланжерон, это бургундское, вам станет лучше.

Публикатор мемуаров Огюста Петие, специалист по биографии маршала Сульта Николь Готери, пишет: «Генерал Ланжерон... смущенный присутствием императора французов, не понял, без сомнения, вопрос... ибо армией командовал Кутузов». Как уже отмечалось, пленным генерал был не Ланжерон, а Вимпфен. И он вовсе не смутился, а ответил как раз очень точно, что подтверждает, кстати, подлинность этого эпизода. Для Вимпфена, как и для многих других генералов, командовавших на левом фланге, реальным руководителем был генерал Буксгевден. Он, конечно, не был главнокомандующим, но в день сражения он хоть бездарно, но направлял действия трех первых колонн. Никаких указаний от Кутузова эти войска не получали.

Сражение при Аустерлице. 2 декабря 1805 г.
Гравюра по рисунку Карла Верне из книги «Военные походы Наполеона Великого», подаренной Наполеоном Александру I при заключении Тильзитского мира

Господин Ланжерон, бургундец по происхождению, который, будучи эмигрантом, взятым с оружием в руках, весьма переживал за свою судьбу, был полностью успокоен столь легким упреком со стороны монарха, которого он не стал называть в этот момент узурпатором. Сделав глубокий реверанс, он с глубоким чувством воскликнул:
- Ах, Сир!..»[76].

В то время когда происходила эта сцена, войска 1-й колонны Дохтурова и остатки 2-й колонны Ланжерона двигались нестройными колоннами в сторону Ауэзда. Буксгевден, может быть, вследствие нетрезвого состояния, а может быть, по причине своей самоуверенности принял рискованное решение. Вместо того чтобы беспрепятственно отступить в южном направлении, он решил двигаться на запад, через Ауэзд на Аустерлиц. Для того чтобы это сделать, нужно было пройти через узкий проход между южным склоном Праценского плато и рекой Литтавой, в то время как на плато стоял сам император в окружении гвардии, дивизия Вандамма и драгуны Буайе.

«Наконец, — вспоминал Ланжерон, — граф Буксгевден со своей почетной гвардией из четырех полков, которые не сделали не одного выстрела, и с многочисленной артиллерией, двинулся назад... выставив перед собой 24 двенадцатифунтовых пушки под командование графа Сиверса»[77].

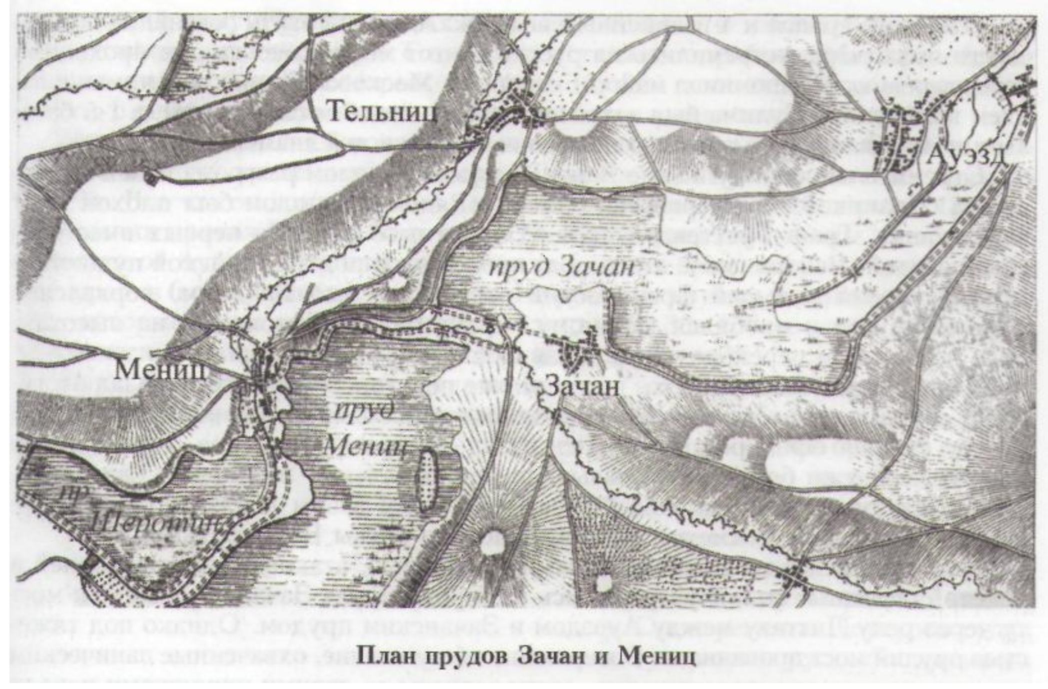
Так как дивизия Вандамма еще полностью не собралась, в атаку во фланг колоннами Буксгевдена бросилась дивизия Буайе. Однако атакующие эскадроны были встречены шквальным огнем русской картечи. «Сивере и его артиллеристы покрыли себя славой в этот опасный момент. Они стреляли и маневрировали так, как будто находились на учебном полигоне в мирное время»[78]. Одновременно часть кавалерии союзников выдвинулась, угрожая флангу драгун. В результате дивизия остановилась и повернула назад.

«Он *{Наполеон)* заметил, что французская драгунская дивизия, которая имела приказ опрокинуть русский арьергард, — вспоминал Сен-Шаман, адъютант Суль-та, — шла вперед слишком осторожно. Она произвела несколько атак, которые не были доведены до конца. Это рассердило императора. В этот момент ему на глаза попался офицер штаба, который прибыл от драгунской дивизии. «Возвращайтесь туда, — сказал ему император, — и передайте генералу, который ей командует, что он размазня!» Хорошенькое поручение для адъютанта!»[79].

Император послал генерала Гарданна, своего адъютанта, чтобы тот взял командование дивизией, а маршал Сульт поспешил предложить своих адъютантов, чтобы они возглавили атаку драгунских полков.

«Маршал послал меня, — вспоминал Огюст Петие, — а также моих товарищей Ламета и Сен-Шамана. Мы должны были передать генералу приказ атаковать, а если он его не исполнит, мы должны были передать приказ непосредственно полковникам... Император прокричал нам, когда мы уже посылали в галоп наших коней: дивизией, атакуйте и привезите мне русскую артиллерию!»[80]

Что произошло дальше, не совсем очевидно. Сен-Шаман описывает в своих мемуарах, как он с драгунами лихо опрокинул все, что стояло у них на пути. Зато другой адъютант, Петие, запомнил эту атаку несколько иначе. Если верить его воспоминаниям, драгунам, ведомым молодыми адъютантами, удалось ворваться на батарею и обратить в бегство отряд казаков. Однако, одержав первый успех, «драгуны то ли потому, что неприятельский огонь стал сильнее, то ли потому, что они были обескуражены предыдущим поведением генерала во время всего боя, вместо того чтобы использовать свой успех, повернули коней назад и ускакали галопом, несмотря на то, что мы всеми силами пыта-

План прудов Зачан и Мениц

лись остановить их... Генерал Гарданн ...сумел собрать дивизию и построить ее развернутым строем, но этот достойный и доблестный офицер не больше преуспел в своих действиях, чем мы. Нерешительность драгун вернула уверенность русским, их огонь стал усиливаться с каждым мгновением. Гранаты влетали в наши ряды, ядра, падая рядом, засыпали нас землей и вырывали целые ряды драгун, стоявших в бездействии»[81].

Как ни странно, официальный рапорт начальника штаба драгунской дивизии подтверждает вторую, более прозаическую версию: «Дивизия произвела несколько атак на русскую кавалерию и казаков. Но они были прикрыты с одной стороны озером, а с другой стороны — деревней... где собралась вражеская пехота. Поэтому противник не был опрокинут до тех пор, пока не подошла пехота»[82].

Таким образом, образцовые действия батареи Сиверса оттянули на целый час «момент истины» для союзной армии. Отважные действия русских артиллеристов позволили генералу Буксгевдену с частью пехоты форсировать Литтаву в Ауэзде и выйти из-под удара. Император, очевидно, мог бы бросить в бой гвардейскую пехоту, пока части Вандамма не были еще окончательно собраны, но он предпочел сохранить этот резерв на случай непредвиденных осложнений, и ввел в бой только гвардейскую артиллерию, которая открыла огонь с Праценского плато. Однако завершение боя за Сокольниц высвободило почти полностью дивизию Сент-Илера и бригаду Левассера.

Приближение этих частей к месту описываемых событий послужило сигналом к атаке. Полки дивизии Вандамма, давно ждавшие приказа идти вперед, обрушились со склонов плато на отступающие колонны. Атака французов была яростной и неудержимой. «Солдаты уже не просто шли в атаку, они летели на врага. Их командиры вынуждены были сдерживать их пыл. Не было ни одного, кто остался бы позади, и все пылали желанием отличиться еще больше. Невозможно было отличить новобранцев от старых воинов; этот день словно дал молодым солдатам десять лет опыта»[83].

Отчаянно дрался и 4-й линейный полк, жаждавший взять реванш за потерю своего орла. «Мы устремились на русских в тот момент, когда они проходили через деревню, — вспоминал майор Бигарре, — Московский полк под командованием полковника Сулима был захвачен в плен моим 2-м батальоном, а 1-й батальон взял в плен роту гренадер из того же полка и два знамени»[84].

Стремительное наступление Вандамма было началом разгрома войск левого крыла союзников. Ланжерон вспоминал: «Рядом с Ауэздом был плохой мост через канал. Граф Буксгевден прошел через него один из первых вместе со своей свитой. Вскоре после этого мост проломился под австрийской пушкой, и в то же время сильный французский отряд (это был Вандамм) ворвался в деревню Ауэзд и пробился к самому мосту. Батарея, стоявшая на высотах, била по нам при переходе через канавы»[85].

Было около 15.30. Войска, которые еще некоторое время тому назад отступали, сохраняя относительный порядок, охватила паника. Беспорядочные толпы, не слушая офицеров, бросились назад в сторону Тельница. Настигнутые французами уже больше не оказывали сопротивления и толпами сдавались. «Здесь случилась паника, и 4 000 человек были взяты в плен вокруг Ауэз-да»[86], — бесстрастно отметил в своем описании битвы Штуттерхайм.

Поражаемые со всех сторон ядрами и картечью, атакованные кавалерией и пехотой огромные толпы устремились в сторону пруда Зачан. Другие — к мосту через реку Литтаву между Ауэздом и Зачанским прудом. Однако под тяжестью орудий мост провалился. Совершенно обезумевшие, охваченные паническим страхом пехотинцы, кавалеристы, артиллеристы со своими упряжками искали спасения в бегстве вдоль пруда. В это же время 24 орудия гвардейской конной артиллерии под командованием полковника Куэна вылетели в галоп на край плато и обрушили на беглецов град ядер и картечи. Они били с такой короткой дистанции, что ни ядра, ни картечные залпы не терялись даром, а врезались в плотную толпу. Паника еще более усилилась, толкая и давя друг друга, тысячи беглецов бросились тогда на лед Зачанского пруда.

Лежен, свидетель этой сцены, живописно рассказывал: «Некоторым удалось перейти по льду, но когда основная масса дошла до средины, лед начал трескаться под их весом, и они остановились. Задние продолжали напирать, и в скором времени целая масса более чем в шесть тысяч человек, скользя и толкаясь, скопилась на льду. Внезапно под этой толпой, нагруженной оружием и снаряжением, проломился лед, и она исчезла в две секунды, так что ни один человек не смог спастись. Только кипение волн, вызванное тем, что тысячи людей были поглощены пучиной в одно мгновение, заставило нас затрепетать от ужаса»[87].

Самое удивительное то, что... этого не было. Десятки свидетелей этой сцены оставят драматические описания о том, как пучина озера поглотила тысячи людей. Те, у кого было наиболее богатое воображение, будут говорить о десяти и даже о двадцати тысячах человек! Но дело в том, что Зачан был не озером а огромным прудом для разведения рыбы. Его глубина была такова, что провалившиеся под лед оказались максимум по грудь в воде. Что касается артиллерийских упряжек, то они застряли в иле, и брошенные артиллеристами пушки остались в ледяной воде вместе с барахтающимися почти намертво прикрепленными к ним лошадьми. Последние, действительно, погибли, но не от того, что утонули, а от того, что замерзли, не имея возможности отцепиться от упряжек.

Рассказ Лежена приведен здесь в качестве примера того, как даже очевидцы произошедшего попадали под влияние последующих рассказов и наслоения вымыслов. Почти во всей популярной исторической литературе ярко повествуется о том, как пучина поглощала целые полки и батальоны. Однако после

публикаций документов местных архивов, которые в начале XX века были осуществлены краеведом А. Словаком, а также подробного разбора обстоятельств этих событий, который произвел Колен, сомнений быть не может — эпизод с гибелью тысяч людей в озере является вымыслом.

Через несколько дней после битвы под наблюдением генерала Сюше, назначенного к этому времени губернатором Брюнна, был произведен слив воды из прудов. Вот что он докладывал в документе, датированном 16 декабря 1805 г.: «Исполняя приказ Вашего Величества, я осуществил спуск воды из пруда поблизости от Ауэзда. Эта операция заняла 5 дней... Уже в первые дни понижение уровня воды позволило извлечь 12 русских пушек, и общее количество тех, которые были найдены в пруду, составило 36. 138 конских трупов и 3 человеческих тела — вот что нам удалось обнаружить»[88].

Итак, фантасмагорическая сцена потопления в озере целого корпуса относится к области легенд. Зато нет сомнения, что те, кто провалился под лед, пусть даже и по грудь, в ледяную воду, больше не были бойцами. Они бросали оружие и амуницию, и кто как мог, бежали прочь от опасности. В это время часть войск генерала Дохтурова и авангарда Кинмайера только еще выдвигалась из Тельни-ца. Увидев то, что происходит впереди, Дохтуров приказал немедленно повернуть назад оставшимся еще под своими знаменами батальонам и отступать вдоль берега Зачанского озера к Тельницу, чтобы, пройдя между озерами Мениц и Зачан, отходить в юго-восточном направлении. Одновременно Дохтуров отдал распоряжение Кинмайеру с гессе-гомбургскими гусарами и русскими казаками скакать вперед, пройти по плотине, разделявшей озера, а затем развернуться на высотах к югу от Зачана. Это было сделано для того, чтобы прикрыть отступающие колонны от возможной атаки французов на южном берегу Литтавы со стороны Ауэзда. Генерал Штуттерхайм с полками Орелли Шеволеже и Шеклерским гусарским должен был встать с северной стороны плотины, чтобы прикрыть проход от французов, надвигавшихся со стороны Сокольница.

«Неподалеку от Тельница, между этой деревней и деревней Мениц, находится довольно большой холм, который соприкасается с озером. Русская пехота отошла на этот холм под прикрытием австрийской кавалерии, которая, защищая ее, была засыпана картечью. Деревня Тельниц, как уже упоминалось выше, окружена рвами, и потому это обстоятельство использовали для обороны, чтобы дать возможность остаткам колонны уйти от преследования. Полк русской пехоты под командованием генерал-майора Левиза встал за этот ров. Его атаковали, и он доблестно сражался»[89].

Действительно, солдаты Дохтурова и их генерал проявили удивительную стойкость. «Невозможно в конце проигранной битвы и в положении столь отчаянном держаться столь хорошо, как генерал Дохтуров. Это позволило ему спасти последний путь к отступлению»[90], — написал впоследствии об этом генерал Матье Дюма, известный историк и очевидец событий.

Несмотря на упорную оборону, Тельниц не мог держаться долго. Его атаковала дивизия Вандамма, которая прошла по северному берегу Зачанского пруда. Одновременно дивизия Фриана с драгунами Бурсье двинулась на Мениц, обходя обороняющихся слева. Русская пехота была вынуждена оставить Тельниц. Ее отступление было прикрыто поистине самоотверженными действиями полка Орелли Шеволеже и австрийской батареи полковника Дегенфельдта. Шеволежеры понесли тяжелые потери, «но ничто не помешало этому храброму полку, — написал Штуттерхайм, — бесстрашно прикрывать отступление русской армии»[91]. Рядом с ними так же стойко сражался гусарский Шеклерский полк, который, не колеблясь, стоял под градом картечи. Полковник гусар был тяже-

ло ранен картечной пулей в голову. В конце концов последние группы русских пехотинцев переправились через плотину. Вслед за ними отошли гусары и ше-волежеры. Однако часть русской пехоты не смогла выйти к плотине и бросилась по льду Меницкого пруда. Здесь, так же, как и на Зачане, лед провалился, и сотни людей оказались в ледяной воде.

Было около 16.30. Вечерняя мгла спускалась на поле сражения. «Мокрый холодный снег начал падать уже примерно за час до этого, — вспоминал Лан-жерон. — Местность вокруг каналов была болотистой, и мы проваливались в грязь по колено. Не было ничего, чего бы не доставало, чтобы сделать наше положение совершенно ужасным»[92].

Войска обеих сторон совершенно выбились из сил, и продолжать битву уже ни у кого не было ни желания, ни возможности. Только генерал Жюно получил приказ взять дивизию драгун Буайе, два полка конных егерей, «чтобы преследовать многочисленные отряды русских, которые отступали по другую сторону озер. Он пересек деревню Ауэзд, не останавливаясь, — сообщает журнал дивизии, — затем преодолел многие препятствия, которые встретились по выходе из деревни, и наткнулся на русских около 8 часов вечера. Он преследовал их до 9 часов, и только ночь помешала ему двинуться дальше»[93].

Впрочем, действия этого кавалерийского отряда были исключением. На поле боя стало совершенно темно уже к 5 часам вечера. Люди и кони падали от усталости. Великая битва завершилась...

1 D'Heralde J.-B. Memoires d'un chirurgien de la Grand Armee. Paris, 2002, p. 87.

2 Langeron A.F. Journal des campagnes faites au service de Russie. Рукописный фонд Российской национальной библиотеки. Ф. 73, № 276.

3 Stutterheim. La bataille d'Austerlitz. Paris, 1806. p. 65.

4 Ibid.

5 S.H.D. 2C9.

6 Цит. по: Revue d'histoire, 1907, № 78, p. 510.

7 S.H.D. 2C9.

8 Ibid.

9 Langeron A.F. Journal... Рукописный фонд Российской национальной библиотеки. Ф. 73, № 276.

10 Михайловский-Данилевский А.И. Описание первой войны Императора Александ ра с Наполеоном в 1805 г., с. 181—182.

11 Segur. Un Aide de Camp de Napoleon. Memoires general comte de Segur., p. 255.

12 Relation de la bataille d'Austerlitz gagnee le 2 decembre 1805. Paris., 1879, p. 57.

13 Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. с. 182.

14 Thiebault D.P.C.H. Memoires du general baron Thiebault. Paris, 1893-1895, t. 3, p. 468.

15 Кутузов М.И. Сборник документов, т. 2, с. 265.

16 Цит. по: Revue d'histoire, 1907, № 78, p. 531.

17 Thiebault D.P.C.H. Op. cit., p. 471.

18 Ibid., p. 473-475.

19 РГВИА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 304.

20 Stutterheim. Op. cit. p. 82.

21 РГВИА. Ф. 26, Оп. 1. Д. 304.

22 Langeron A.F. Journal... Рукописный фонд Российской национальной библиотеки. Ф. 73. Д. 276.

23 Там же.

24 Там же.

25 Thiebault D.P.C.H. Op. cit., p. 477-478.

[26] РГВИА. Ф. 26. On. 1. № 304.
[27] Langeron A. F. Journal... Рукописный фонд Российской национальной библиотеки. Ф. 73. Д. 276.
[28] Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч., с. 186.
[29] Документы штаба М.И. Кутузова 1805-1806, с. 226-227.
[30] D'Heralde J.-B.Op. cit., p. 87.
[31] Ibid., p. 88.
[32] Levavasseur O. Souvenirs militaries d'Octave... p. 60—61.
[33] Barres J.-B. Souvenirs d'un officier de la Grande Armee. Paris, 1923, p. 56.
[34] Гавловский СИ. История Лейб-гвардии Уланского полка. СПб., 1866, ч. 2, с. 4
[35] S.H.D. 2C9.
[36] Levavasseur O. Op. cit., p. 61—62.
[37] Гавловский СИ. Указ. соч., ч. 2, с. 6. , .
[38] Bigarre A. Memoires du general Bigarre, aide de camp du roi Joseph. Paris. 1893. p. 175-176.
[39] Краткий очерк истории Лейб-гвардии Конного полка. СПб., 1907, с. 3—4.
[40] Цит. по: Revue d'histoire, 1907, № 80, p. 377.
[41] Drouet d'Erlon J.-B. Vie militaire ecrite par lui-meme. Paris, 1844, p. 27.
[42] Segur.Op. cit., p. 262.
[43] Rapp J. Memoires ecrits par lui-meme et publies par sa famille. Paris. 1823, p. 49.
[44] Цит. по: Castelot A. Napoleon. Paris. 1968, p. 83.
[45] Цит. по: Journal des Sciences Militaires, Paris, 1827, t. 8, p. 110.
[46] Манзей. История лейб-гвардии гусарского Его Величества полка 1775—1857. СПб., 1859. ч. II, с. 17-18.
[47] Письмо князя Н.В. Репнина-Волконского. РГВИА, Ф. 846. Оп. 16. Д. 3115.
[48] Панчулидзев С. История Кавалергардов. СПб., 1903, т. 3, с. 66.
[49] Drouet d'Erlon J.-B. Op. cit., p. 27.
[50] Coignet J.-R. Les cahiers du capitaine Coignet. Paris. 1883.
[51] Письмо князя Н.В. Репнина-Волконского. РГВИА. Ф. 846. Ош 16. Д. 3115.
[52] Документы штаба М.И. Кутузова 1805-1806, 1951, с. 222.
[53] Revue d'histoire, 1907, № 78, p. 542.
[54] История лейб-гвардии Егерского полка, 1796—1896. Составлена по архивным дан ным. СПб., 1996., с. 33.
[55] S.H.D. 2C9.
[56] Документы штаба М.И. Кутузова 1805—1806, с. 222.
[57] D'Heralde J.-B. Op. cit., p. 89.
[58] Цит. по: Revue d'histoire, 1907, № 78, p. 545.
[59] D'Heralde J.-B. Op. cit., p. 90.
[60] Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч., с. 197—198.
[61] S.H.D. 2C9.
[62] Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова 1798—1826, с. 57.
[63] Цит. по: Duffy C. Austerlitz 1805. London, 1977, p. 131.
[64] S.H.D. 2C9.
[65] Langeron A.F. Journal... Рукописный фонд Российской национальной библиотеки. Ф. 73, № 276.
[66] Кутузов М.И. Сборник документов., т. 2, с. 262—263.
[67] Langeron A.F. Journal... Рукописный фонд Российской национальной библиотеки. Ф. 3, Д. 276.
[68] Там же. с. 270.
[69] Thiebault D.P.C.H. Op. cit., p. 479-480.
[70] S.H.D. 2C9.

[71] Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч., с. 200.
[72] Там же., с. 202.
[73] Lejeune L.-F. Memoires du general Lejeune, 1792-1813. Paris, 2001, p. 29.
74 Кутузов М.И. Сборник документов, т. 2, с. 270.
[75] S.H.D. 2C9.
[76] Petiet A. Memoires du general Auguste Petiet, hussard de l'Empire, aide de camp du marechal Soult. Paris, 1996, p. 136.
[77] Langeron A.F. Journal... Рукописный фонд Российской национальной библиотеки. Ф. 73, Д. 276.
[78] Там же.
[79] Saint-Chamans A.-A.-R. de. Memoires du general comte de Saint-Chamans, ancien aide de camp du marechal Soult (1802-1823). Paris, 1896, p. 27.
[80] Petiet A. Op. cit., p. 137.
. [81] Ibid., p. 138.
[82] S.H.D. 2C9.
[83] Petiet A. Op. cit., p. 137.
[84] Bigarre A. Op. cit., p. 177.
[85] Langeron A.F. Journal... Рукописный фонд Российской национальной библиотеки. Ф. 73. Д. 276.
[86] Stutterheim. Op. cit., p. 95.
[87] Lejeune L.-F. Op. cit., p. 30.
[88] Цит. по: Alombert P.-C, Colin J. La campagne de 1805 en Allemagne. Paris, 2002, t. 5, p. 297.
[89] Stutterheim. Op. cit., p. 97-98.
[90] Dumas, M. Precis des evenements militaires. P., 1822, t. 14, p. 201.
[91] Stutterheim. Op. cit., p. 98.
[92] Langeron A.F. Journal... Рукописный фонд Российской национальной библиотеки. Ф. 73. Д. 276.
[93] Цит. по: Revue d'histoire, 1907, № 80, p. 397.

ГЛАВА 15

ИТОГИ

Из всех форм боя оборонительно-наступательное сражение — самое действительное... С классическим примером оборонительно-наступательного сражения мы познакомились на примере Марафона. Современным воспроизведением его может служить Аустерлиц.

Дельбрюк.
История военного искусства в рамках политической истории.

«Я был уже свидетелем проигранных битв, но я не мог даже себе представить такого разгрома, — вспоминал Ланжерон. — Нужно было быть очевидцем сумятицы, царившей в нашем отступлении, или, скорее, в нашем бегстве, чтобы составить о ней понятие. Не оставалось двух человек одной и той же роты вместе, все было перепутано и перемешано, солдаты бросали ружья и не слушались больше ни офицеров, ни генералов. Последние кричали на них, но совершенно бесполезно, и бежали так же, как и те»[1].

Действительно, это был полное поражение союзников. За исключением войск Багратиона, отступивших в относительном порядке, и части гвардии, вся остальная союзная армия представляла из себя нестройные толпы беглецов. Армия понесла огромные потери убитыми и ранеными. Но самое главное, она была сокрушена морально.

Нет сомнения, что и материальные потери были также тяжелыми. Точно их оценить очень сложно. Как уже не раз отмечалось, даже потери в небольших боях порой трудно поддаются точному учету, тем более сложно подсчитать с точностью до одного человека потери в сражении, после которого армия пришла в полный беспорядок. Михайловский-Данилевский — первый историк, который, опираясь на русские архивы, посчитал численность урона русских войск и привел следующие данные: безвозвратные потери русских составили, по его мнению, 21 тыс. человек. Так как потери австрийцев, по данным австрийских архивов, составили 5 922 человека, результирующая цифра потерь союзников при Аустерлице, писал историк, 27 тыс. человек. Со страниц его книги эта цифра перешла в большинство трудов по истории кампании 1805 г., по крайней мере, русских.

Нужно сразу отметить, что уже с точки зрения формальной в этом подсчете заложена грубая ошибка, так как 21 тыс. — это безвозвратные потери, т.е. убитые и пропавшие без вести, а 6 тыс. (в округленном подсчете) — это убитые, раненые и пленные австрийские солдаты. Поэтому складывать эти два числа — это примерно то же самое, что складывать метры и килограммы.

Знаменитый французский историк Колен очень скептически отнесся и к числу, которое дает Михайловский-Данилевский в качестве безвозвратных потерь русской армии. Он привел данные по количеству пленных, русских и австрийцев, взятых французской армией. Согласно архивным источникам, исследованным Коленом, общее количество взятых в плен русских и австрийских солдат составило 9 767 и 1 686 человек соответственно. Сохранились также данные по принадлежности к полкам взятых пленных. Известно, что среди пленных оказалось:

«Скажите генералу, что ... *{мемуарист не говорит, что, но можно предположить, что последовала непереводимая игра слов).* Принимайте командование

Курского полка— 736 человек,
Галицкого —874
Бутырского—791
Нарвского— 954
Подольского— 477
Азовского— 482
Новгородского —250
Гвардейцев — 110

«Можно заметить, что потери, которые дает Данилевский для 3-й колонны, абсолютно неточны, — пишет Колен. — 1 100 человек в Галицком полку, 1 600 — в Бутырском, 1 300 — в Нарвском, 180 — в Подольском и 400 — в Азовском... Потери Бутырского полка, таким образом, слишком велики, а потери Подольского и Азовского — слишком малы»[2].

На самом деле больших расхождений нет, ведь количество потерь, которое приводит Данилевский, — это не только пленные, но также убитые и разбежавшиеся. Поэтому нет ничего странного, что Бутырский полк понес почти в два раза большие потери, чем число зарегистрированных пленных этого полка. С другой стороны, очевидные расхождения данных в отношении Подольского полка еще ничего не доказывают. Нет сомнения, что при учете пленных также могли допускать ошибки.

Согласно ведомости от 25 декабря 1805 г. (6 января 1806 г.) « Об убитых и без вести пропавших в 20-е число ноября воинских чинах и строевых лошадях»[3], пехота и кавалерия русской армии потеряла при Аустерлице 19 311 человек (убитыми и без вести пропавшими). С другой стороны, существует ведомость по потерям артиллерии[4]. Согласно этой ведомости, при Аустерлице было убито и без вести пропало 815 русских артиллеристов. Наряду с этим имеется другая ведомость по потерям артиллерии[5], которая указывает на урон в 2 024 человека. Это та ведомость, которая была прислана Архивом Артиллерийского департамента по просьбе Михаил овского-Данилевского. Как видно, данные очень расходятся. Однако можно предположить, что сюда были включены потери и инженерных частей, а также нестроевых, которые отсутствовали в предыдущем документе. Наконец, современными исследователями установлено количество без-_ возвратных потерь русской гвардии при Аустерлице[6] — 871 человек. Если сложить эти цифры (взяв потери артиллеристов по 2-й ведомости), получается 22 206 человек. Получается почти то же самое, что дает Михаил овский-Данилевский.

Чтобы проверить, насколько порядок этих чисел соответствует истине, нужно обратиться к еще одной ведомости, составленной 8 (20) февраля 1806 г. Она называется «Ведомость о происшедшей убыли людям во время бывших с французами сражений, с означением оставленных за болезнью в австрийских госпиталях»[7]. Согласно этому документу, русские войска — пехота, кавалерия и артиллерия (без гвардии) — потеряли в ходе всей кампании 24 791 человека убитыми и пропавшими без вести, а 6 440 были тяжело ранены и остались в австрийских госпиталях. Если учитывать потери русской армии на марше, а также в сражениях при Амштеттене, Кремсе и Шенграбене, на долю Аустерлица останется не более 21—22 тыс. человек безвозвратных потерь, а то и меньше.

Ведомость от февраля 1806 г. можно считать наиболее достоверным документом, так как составлена она по возвращении в Россию, когда можно было провести точный подсчет потерь. Она доказывает, что порядок величины безвозвратных потерь, который дает Михайловский-Данилевский, вполне соответствует действительности, и подтверждает, что предыдущая ведомость составлена достаточно точно. При этом не следует забывать, что было бы абсурдом пытаться с точностью до одного человека оценить потери русской армии. Это было абсолютно невозможно сделать ни тогда, ни сейчас. Следует

помнить, что значительное количество солдат сбилось ночью с дороги, покинуло армию на марше на следующий день, но некоторые из них, проплутав много дней, в конечном итоге догнали свои полки. Подытоживая, можно сказать, что русская армия действительно потеряла при Аустерлице около 21—22 тыс. человек убитыми и пропавшими без вести. А если быть еще более математически строгим, эту цифру надо было бы округлить до 20 тыс., так как мы имеем дело с массой приблизительных цифр, и невозможно подсчитать результирующее значение точнее, чем внося поправку ± 2 000.

Гораздо сложнее дело обстоит с дальнейшим подсчетом, ведь, оценивая потери, мы обязаны считать и раненых солдат. Обычно соотношение, как уже упоминалось, составляет 3—4 раненых на одного убитого. Но сколько было убито русских солдат? Это совершенно неясно. Если исходить из того, что все 21—22 тыс. человек, которые потеряла русская армия, — это убитые и пленные, учитывая также, что, по французским данным, в плену наполеоновских войск оказалось 9 767 русских солдат, получается, что русские войска потеряли убитыми совершенно невообразимое количество людей — более 10 тыс.! При этом раненых должно было быть как минимум 30 тыс. Иначе говоря, почти все русские солдаты должны были быть убиты, ранены или взяты в плен, что является, разумеется, полным абсурдом.

Совершенно очевидно, что среди пропавших без вести было огромное количество разбежавшихся — те, кто уже не захотел или не смог вернуться в свои полки. Местные архивы хранят сведения о необычайной враждебности, с которой моравские крестьяне относились к русским солдатам, о жестоком обращении крестьян с беспомощными русскими ранеными упоминают и мемуары французских солдат и офицеров. Подобная враждебность вполне понятна, если учесть, что враждующие армии соревновались одна с другой в грабежах и насилиях, но ясно, что, по крайней мере, по отношению к французам местное население вынуждено было держаться почтительно, вымещая всю свою злобу на проигравших. Таким образом, судьба разбежавшихся, особенно тех, кто был без оружия и уходил небольшими группами или поодиночке могла быть, мягко говоря, незавидной. С другой стороны, стоило суметь пройти достаточное расстояние и дойти до незатронутых войной районов, например, до соседней Венгрии, как можно было встретить совершенно другой прием. Нет сомнений, что часть разбежавшихся солдат просто-напросто не пожелала возвращаться.

Таким образом, что произошло с более чем 10 тыс. русских солдат, мы можем только гадать. Понятно, что русские понесли значительные потери убитыми. Практически все источники сходятся на том, что этих убитых было больше, чем французов, но сколько? Сравнивая с количеством убитых французов (см. ниже), можно предположить, что было убито от 3 до 4 тыс. русских солдат. При таком количестве погибших число тяжелораненых могло достигать 4 тыс. и более человек. Именно они составили часть 6 440 солдат, оставленных в австрийских госпиталях. Остальные — это те, кто был ранен в предыдущих боях. При этом количество легко и средне раненых, т.е. тех, кто мог следовать за полками, должно было быть примерно 8 тыс. человек. Но ведь и среди них были разбежавшиеся, что вконец запутывает все подсчеты. Наконец, среди пленных также было очень много раненых.

В результате можно дать только очень приблизительное число потерь русской армии при Аустерлице. С учетом раненых, оставшихся при полках (но не зшевших более возможности сражаться), можно предположить, что русские войска потеряли 25—28 тыс. человек. Как уже упоминалось, австрийцы потеряли около 6 тыс. человек. Таким образом, очень приблизительно (а иначе в этом

случае считать невозможно) можно оценить совокупные потери союзников при Аустерлице в 30—35 тыс. человек*.

Кроме этого, французы захватили 160 русских пушек и 37 австрийских, а также около 300 зарядных ящиков и фур. Наконец, в плен попали два генерал-лейтенанта (Пржибышевский и Вимпфен) и шесть генерал-майоров. По французским данным, Великая Армия захватила в качестве трофеев 45 знамен (29 русских и 16 австрийских), и это число обычно упоминается в европейских исторических произведениях, посвященных Аустерлицкой битве. На самом деле вопрос знамен довольно сложный. Дело в том, что основная масса знамен была захвачена в момент сдачи в плен крупных отрядов. В суматохе для русских солдат и офицеров не представляло особой сложности сорвать полотнище с древка и спрятать его. В России значимым считалось только полотнище, так как оно было освящено в церкви. Древко же с навершием рассматривалось как предмет вещевого довольствия. Во французской армии в эпоху Наполеона, по крайней мере, до регламента 1811 г., согласно которому были введены дорогие, вышитые золотом полотнища, все внимание уделялось орлу-навершию, который считался главной эмблемой части. Неудивительно поэтому, что русские солдаты, пряча полотнища, считали, что спасают полковую святыню, а французы, захватывая древко с навершием, считали, что взяли важный трофей.

По подсчетам генерала Андоленко (фамилия не должна вводить в заблуждение — это французский генерал русского происхождения), армия Наполеона захватила от 14 до 17 «полных» знамен", т.е. тех, где присутствует и древко, и полотнище[8]. Остальные — это, по всей видимости, просто палки с навершием. Известны истории спасения 19 полотнищ, возвращенных в полки, в частности, солдатами, бежавшими из плена.

Тем не менее какое бы количество знамен ни захватили французы, приведенные результаты говорят сами за себя. Союзники потеряли если не половину армии, то, как минимум, 40 % ее состава, а также две трети пушек и огромное количество материальной части. Кстати, в большинстве полков русские солдаты сняли свои ранцы перед боем. В результате, как можно легко догадаться, они оказались лишенными самых элементарных, необходимых им предметов.

Наполеон полностью добился поставленной задачи, причем этот результат был куплен относительно небольшой ценой. В отношении французских войск вопрос потерь не представляет особой сложности. Согласно рапортам, представленным императору, армия потеряла 1 305 убитых, 573 пленных (скорее, без вести пропавших) и 6 940 раненых[9], итого 8 818 человек. На самом деле, не следует обманываться точностью этих сведений. Как всегда и везде, даже самые точные рапорты дают только порядок величин.

В недавнее время французскими исследователями Даниэль и Бернаром Кен-тенами была произведена титаническая работа по установлению истинного количества потерь Великой Армии при Аустерлице. Они просмотрели все послужные списки солдат и офицеров всех полков, участвовавших в битве при Аустерлице. В результате были выявлены все те, у кого в графе, где значится дальнейшее прохождение службы, стоит лаконичная запись «убит при Аустерли-

**** Мы считаем, что данные австрийских архивов также могут быть неточными. Кроме того, они не учитывают разбежавшихся, которые, без сомнения, имелись и в австрийских рядах. Понятно, что большая часть разбежавшихся австрийцев вернулась впоследствии к своим частям, но на какое-то время они перестали быть бойцами и потому их также нужно включить в число потерь.***

***** 5 знамен Подольского полка, 3 — Азовского, 2 (5?) — Курского, 2 — Нарвского, 1 — Архангелогородского, 1 — Пермского.***

це». Таких (вместе со смертельно раненными) оказалось 1 537 человек. Из них 1 генерал, 109 офицеров и 1428 унтер-офицеров и солдат. При этом авторы отметили, что сверх этого в послужных списках полков, участвовавших в битве, имеется еще 400 человек, судьба которых точно неизвестна, и которые вполне могут быть погибшими при Аустерлице. Например, те, у которых отмечено, что они «выбыли по причине долгого пребывания в госпитале», где они оказались после получения ран при Аустерлице, или те, кто умер в госпитале «по причине ранения», неизвестно где полученного, но некоторое время спустя после Аустерлица, и т.д.

Возможно, неопределенных судеб еще больше, так как последняя графа послужных списков порой вообще не заполнена или в ней обозначена такая надпись, за которой может скрываться все что угодно. Тем не менее работа, проделанная Даниэль и Бернаром Кентенами, столь масштабна, что не оставляет сомнений в порядке величины потерь французской армии убитыми при Аустерлице. Так как все те солдаты, судьбы которых они отнесли к неопределенным, с большой степенью вероятности являются умершими от ран, полученных при Аустерлице, можно сделать уверенное заключение — Великая Армия потеряла в этом сражении порядка 1800—1900 человек убитыми и умершими от ран. Приведенное выше число раненых вполне согласуется с этими цифрами. В результате можно с большой долей вероятности утверждать, что французская армия потеряла при Аустерлице около 9—9,5 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Умер от ран один из генералов (Валюбер), был потерян один батальонный орел (4-го линейного полка).

Таким образом, победа, одержанная французским императором, была сокрушительной. Заключение официальной реляции М.И. Кутузова царю может рассматриваться лишь как горькая ирония: «Сим кончилось генеральное сражение 20-го ноября, в продолжение которого российские войска, ободренные присутствием вашего императорского величества, показали новые опыты мужества и неукротимости. Почти до самой полночи стояли они в виду неприятеля, который не дерзал уже более возобновлять своих нападений; потом, по данному им повелению, двинулись они к местечку Чейчу...»[10]

Каким образом Наполеону удалось одержать столь убедительную победу? В чем причины этого события? Уже не раз было отмечено, что традиционный взгляд на Аустерлицкую битву и успех императора французов как следствие некоего гениального и хитроумного плана, где все, вплоть до мельчайших деталей было продумано чуть ли еще не в Булонском лагере, должен уступить, место более реалистичной оценке. Действительно, в течение долгого времени Аустерлиц был неким мифом. Начало этому мифу положил сам император в своем 30-м бюллетене от 3 декабря 1805 г. Свое окончательное оформление легенда приобрела в знаменитой работе Тьера «История Консульства и Империи». Вот, что писал выдающийся классик французской исторической науки: «Наполеон с гениальной прозорливостью предугадал, что русские будут отрезать его от дороги на Вену и окажутся тем самым между его армией и прудами... Ослабив свое правое крыло, усилив центр, он устремился с основными силами на Пра-ценское плато, которое было оставлено неприятелем, разрезал его армию надвое и низверг ее в пучину»[11]. Ну, и наконец, в работе одного из историков конца XIX века, Пейера, описание произошедшего совершенно превращается в сказку. Историк утверждал, что события развивались так, как будто Наполеон «командовал в этой битве войсками обеих сторон»[12].

Как ни странно, в этом вопросе авторам наполеоновской легенды не только не противоречили, но и даже вторили русские историки. Согласно больший-

ству русских исторических трудов, Наполеон сосредоточил подавляющее численное превосходство, захватил Праценское плато и тем самым сделал невозможной дальнейшую борьбу. При таком изображении событий вся ответственность за поражение переносилась на плечи одного Вейротера, который «завел» русскую армию, чуть ли не как Иван Сусанин поляков, и намеренно ее погубил, выдав все секреты французскому командованию.

Немалую роль в «популяризации» этой легенды сыграл и выдающийся роман Толстого «Война и мир». Нужно сказать, что великий романист описал ход войны 1805 г. очень точно. Что же касается русского общества накануне войны, его характеристика в романе дана просто блистательно, она точнее и глубже тех, что встречаются во многих последующих исторических произведениях, написанных в России на эту тему. Однако что касается самой битвы, Толстой, с одной стороны, поддался общепринятому взгляду, а с другой стороны, несколько упростил события для достижения лаконичности художественного образа. Вот, как он описывает то, что случилось в русских рядах на Праценском плато в момент начала французской атаки: «Но в тот же миг все застлалось дымом, раздалась близкая стрельба, и наивно испуганный голос в двух шагах от князя Андрея закричал: «Ну, братцы, шабаш!» И как будто голос этот был команда. По этому голосу все бросились бежать».

Этот образ внезапного наступления и случившегося затем смятения перекочевал дальше на страницы всех русских исторических произведений. Логическим обоснованием паники в русских рядах служило гигантское численное превосходство французов.

Генерал Леер, известный русский военный теоретик и историк второй половины XIX века, словно вторя Толстому, но переводя художественные образы в сухой военный язык, объясняет поражение русских тем, что на решающем участке фронта Наполеон создал подавляющее превосходство в силах. Согласно Лееру, в центре поля сражения сражалось 46 600 французских солдат против 30 150 союзников. Действительно, если сложить, с одной стороны, численность корпуса Сульта (без бригады Мерля), корпуса Бернадотта, резервной кавалерии Мюрата, гвардии и гренадер Удино, а с другой стороны, силы 4-й и 5-й колонн союзников и русскую гвардию, так оно примерно и получится (48 800 против 27 520). Но дело в том, что известный теоретик лукавит. Действительно, у Наполеона в центре было больше войск, но битва решилась не в центре вообще, а конкретно на Праценских высотах, где реально с французской стороны сражались только две дивизии — Сент-Илера и Вандамма, в общей сложности 16 тыс. человек. У союзников в бою за Праценские высоты приняла участие 4-я колонна, бригада Каменского и часть кавалерии из 5-й колонны, в общей сложности не менее 20 тыс. человек*.

Численного превосходства на решающем участке в решающий момент времени не было создано французским полководцем. Если бы войска 4-й колонны двигались с большими предосторожностями, выслав вправо к Пунтовицу и Гиршковицу хотя бы элементарную рекогносцировку, атака Сент-Илера и Вандамма не была бы внезапной (кстати, в отсутствии этой рекогносцировки упрекает Милорадовича его оппонент генерал Ланжерон). Французам пришлось бы брать штурмом сильную позицию, занятую равным или даже превосходящим по численности противником. Более того, абсурдное стояние Буксгевдена лишило союзников еще как минимум 10—12 тыс. человек, которые также могли принять участие в бою за плато.

**** Мы не учитываем Курский полк, так как он подошел после разгрома основных сил 4-й колонны.***

Но эти части не оказались на месте, где решалась участь сражения... Но самое интересное, что, подойди они даже к Праценскому плато и возьми его обратно, союзники бы все равно проиграли сражение. Наполеон выиграл бы его по-другому, нанеся какой-нибудь другой своевременный удар, о котором позже историки бы написали, что он был задуман французским полководцем чуть ли не за школьной скамьей.

Конечно, план Вейротера был никуда не годен. Но как в свое время великолепно сказал Клаузевиц, на войне не так важно, что делать, как важно то, как важно действовать решительно и целеустремленно. Если бы во главе союзной армии стоял твердый волевой человек, который обладал бы всей полнотой власти и инициативы, он сумел бы даже при этом плане избежать катастрофы. Но присутствие императора Александра I при армии сломало всю нормальную пирамиду военной иерархии. Царь лишил Кутузова действительного руководства, но сам не взял командования в свои руки. Сверх того, появился еще Вейротер, который де-факто захватил часть командных полномочий. Бедой союзников был не только схоластический ум Вейротера, чрезмерная мягкость и дипломатичность Кутузова, самоуверенность Александра и влияние его «молодых друзей», но и то, что никто из перечисленных лиц в действительности не командовал. Все запуталось до предела, в армии на уровне генералитета царил полный хаос. Каждый делал то, что ему пришло в голову в данную минуту. «О сражении Аустерлицком можно сказать, что каждой части войск предоставлено было действовать отдельно, с условием при том ни себе не ожидать, ни другим не давать вспомоществования, и для лучшего успеха полезно было бы даже забыть, что на том же самом поле и в то же самое время были еще и другие русские войска»,[13] — справедливо указывал генерал Ермолов.

Казалось бы, в армиях, представлявших монархические державы, принципы иерархии должны были бы строго соблюдаться. На самом деле волею судеб получилось так, что командование союзной армией превратилось чуть ли ни в трибуну для дискуссий. В результате у всех, от генерала до солдата, возникло ощущение, что ими командуют из рук вон плохо и никто не знает, что делать. Постоянная путаница в организации всех маневров, непонимание цели и задач, несогласованность, отсутствие нормальной связи — вот результат утраты единоначалия. В критический момент, когда началась борьба за Праценское плато, не надо было обладать семью пядями во лбу, чтобы понять, что здесь решается судьба битвы. Однако никто не знал даже, к кому обращаться. Командовали все, и никто никого не слушал. В результате даже удачные действия отдельных отрядов не могли ничего дать. Всех увлекал всеобщий хаос.

В рядах же французских войск было полное абсолютное единство командования. Да, Великая Армия представляла страну и общество, вставшие на путь преобразований, которые в конечном итоге, многие годы спустя, приведут к установлению в Европе буржуазно-демократических порядков. Однако напрасно было бы искать следы чего-либо подобного в армии императорской Франции. Армия была системой полностью иерархичной, где принцип единоначалия выполнялся неукоснительно. Все безгранично верили своему полководцу и знали, что он добьется победы. Генерал голландского происхождения Дед ем де Гель-дер, вспоминая о маршале Даву, написал такую замечательную фразу: «Я знаю, что он был далеко не всегда любезен, но я буду всегда горд тем, что я служил под его командованием... С ним мы были уверены, что нами хорошо командуют, а это кое-что значит, и маленькие неприятности компенсируются великими достоинствами»[14]. Эту фразу с еще большим основанием можно было применить к самому Наполеону. Каждый солдат и офицер знал, что им хорошо командуют, что любой приказ отдан не зря и имеет смысл для достижения общей победы.

" Одновременно с этим нельзя не отметить превосходство боевого опыта французских генералов и старших офицеров. Большинство из них сражались с самого начала войн Великой французской революции. Они командовали на поле сражения уверенно, чувствовали себя под огнем, словно в своей родной стихии. Генерал де Голль в своей книге «Франция и ее армия» прекрасно резюмировал этот образ военачальника в годы успехов империи: «Они... были молоды, для них был тяжел отдых, а не работа. Выкованные из стали, они, не колеблясь, выносили тяготы кампаний, переносили холод, жару, дождь, не слезая с коня целыми днями, обходясь без сна, питаясь чем попало. Сражаясь уже в течение многих лет, они делали это, имея опыт зрелых годов. К тому же с ними был Наполеон, он брал на себя все, что касалось стратегических комбинаций, и оставлял им то, в чем они были несравненны: инстинктивное умение действовать в самых сложных ситуациях, отвагу, воздействие личным примером на солдат...»[15]

Полное единоначалие сочеталось в рядах Великой Армии, по крайней мере в это время, с блистательной инициативой в рамках поставленной задачи и, более того, умением взять на себя ответственность даже действовать вопреки приказу, когда такая необходимость совершенно очевидна. Самым лучшим примером является решение Даву о движении на помощь войскам, оборонявшим Тельниц и Сокольниц. Трудно найти слова, чтобы по заслугам воздать должное активности, отваге и умелому командованию генералов Фриана, Сент-Илера, Вандамма, Леграна. Все они не просто сражались героически, а постоянно принимали самостоятельные решения, твердо руководили войсками в настоящем пекле.

Наконец, нельзя не отметить отличную выучку французских войск. Долгие месяцы учений в Булонском лагере не прошли бесследно. Генерал Штуттер-хайм отдал должное замечательным боевым качествам своего неприятеля: «Французская пехота действовала со спокойствием и точностью, сражалась с доблестью и слаженно выполняла самые дерзкие маневры»[16]. Почти так же, только в отличие от интеллигентного австрийского генерала, более простой фразой сказал о французах в этой битве простой русский солдат: «Неприятель хорошо маневрировал, о! хорошо, не хуже Суворова!»[17]

Чтобы сравнить боевые навыки, достаточно сопоставить атаку улан цесаревича и действия легкокавалерийской дивизии Келлермана. По численности они были почти равны. Как уже отмечалось, накануне боя в рядах русских улан стояло 1 300 человек. В рядах дивизии Келлермана — около 1 500. Дивизия Келлермана произвела 8 атак с большим или меньшим успехом и потеряла 46 человек убитыми (что означает общие потери около 200—250 человек). Уланы цесаревича произвели только одну атаку. Она оказалась первой и последней, потому что после нее, как уже указывалось, собралось только 200 человек. Все остальные были убиты, ранены, взяты в плен или рассеяны по полю сражения. Только безвозвратные потери полка составили 708 человек!!

Кстати, потери русских улан еще раз свидетельствуют, что отваги русским солдатам было не занимать. Однако когда господствует ощущение, что все кругом делается безалаберно, что бы ты ни совершил, все равно это ничего не изменит, руки опускаются даже у самых храбрых. Если к этому добавить еще и «трогательные» отношения между союзниками, постоянно ходившие в русских рядах разговоры о том, что немцы предают, бегут и т.п., можно легко представить, что те, кто в нормальной обстановке готов был к самопожертвованию, восклицал: «Ну, братцы, шабаш!»

Получается, что победа была достигнута Великой Армией не потому, что был придуман какой-то особый хитрый маневр, а просто потому, что армия была лучше: лучше налаженное управление войсками, прекрасное умение ма-

неврировать, высокий моральный дух, взаимовыручка на поле боя. Может показаться, что при такой оценке причин успеха забыт главнокомандующий армией. Но это совсем не так. Если Великая Армия была лучше управляемой и лучше сражалась, это потому, что в нее вселил победный дух император Наполеон. Он создал эту армию, он ее обучил, он заставил ее поверить в себя, в успех, в товарищей по оружию, он дал ей принципы чести и доблести. В каждом эпизоде сражения, на всех его участках он присутствовал незримо. Поэтому, если победа и была одержана, то Великая Армия целиком и полностью обязана Наполеону, но совсем не в том смысле, в котором это обычно говорят. Его заслуга не в том, что он «придумал» прорвать центр неприятеля, а в том, что это он сделал.

Война — это искусство не замысла, а исполнения. На каждом шагу руководителя, командира, полководца останавливают тысячи препятствий: неизвестность, непонимание или неправильная передача его распоряжений, крайнее физическое напряжение, постоянная борьба с опасностью, сознание большой ответственности за принятие того или иного решения — все это вместе создает порой такие непреодолимые трудности, что для совершения самого простого на бумаге действия требуется несгибаемая воля и отвага, ведомые могучим и ясным умом. Война — это не передвижение бессловесных деревянных шахматных фигурок, а «область физических страданий и усилий... область опасности». Чтобы преодолеть их, полководец должен «пламенем своего сердца, светочем своего духа... воспламенить жар стремления у всех остальных»[18], заставить людей поверить в себя так, чтобы они без колебаний шли навстречу смертельной опасности.

Что же касается того, как придумать обойти фланг неприятеля или как прорвать его центр, все это относится к тому, о чем великий Клаузевиц презрительно написал: «Обычно средства и формы, которыми пользуется стратегия, являются столь простыми, а благодаря своему постоянному повторению столь знакомыми, что для здравомыслящего человека может показаться только смешным, когда ему приходится так часто слышать от критики преувеличенно напыщенные о них отзывы. Тысячу раз уже проделанный обход превозносится то как черта блестящей гениальности, то как глубокая проницательность, то даже как проявление самого всеобъемлющего знания. Могут ли быть в книжном мире более нелепые бредни? Еще смешнее становится, если к этому добавить, что та же самая критика, исходя из самого пошлого взгляда, исключает из теории все духовные величины и хочет иметь дело лишь с одними материальными. Таким путем все сводится к двум-трем математическим соотношениям равновесия сил и численного превосходства во времени и пространстве да к нескольким углам и линиям. Если бы в самом деле все сводилось лишь к этому, то из такой дребедени едва ли удалось бы составить даже задачу для школьника»[19].

Наполеон, без сомнения, все это чувствовал, понимал сознательно или бессознательно. Однако он прекрасно также знал, что для среднего обывателя подобные глубины понять невозможно. Именно поэтому, заботясь о своем престиже и популярности, во всех официальных отчетах будет рассказываться о том, как все действия противника были заранее предугаданы, а каждый мельчайший шаг французских войск был расписан заранее. Нужно сказать, что его ближайшие подчиненные не заметили или сделали вид, что не заметили, изменения в первоначальном плане. Впрочем, их все это мало заботило. Они разгромили врага и не слишком вдавались в то, что было написано в диспозиции за день до сражения. Ее текст беспокоил их не более чем прошлогодний снег.

Вечером 2 декабря, несмотря на усталость, холод и непогоду, Великая Армия ликовала. Гвардии пришлось в глубокой темноте пересечь практически все поле сражения, так как штаб императора расположился на Позоржицкой по-

чте. Хотя есть было нечего и шел то ли дождь, то ли мокрый снег, вокруг костров не утихали шумные голоса. «Вся ночь прошла в разговорах, — вспоминает солдат гвардии Баррес. — Каждый говорил о том, что поразило его в этот незабываемый день. Мы не могли обсуждать личные подвиги, так как наш батальон занимался только тем, что ходил туда-сюда, но мы разговаривали о той катастрофе, которую видели на озерах, об отваге раненых, которых мы встречали на нашем пути, о бессчетных обломках, покрывавших поле сражения... Мы также обсуждали, как будет называться битва, но так как никто не знал ни одного названия... вопрос остался не разрешенным»[20].

Офицер гренадер Удино так запомнил ночь после битвы: «За блестящим днем 11 фримера последовала тяжелая ночь, проведенная на биваке прямо на поле сражения среди мертвых и умирающих... Стало холодно, а обломков разоренных деревень не хватало, чтобы поддержать наши огни... Но опьянение победой перекрывало для нас все лишения. Что было тяжелее, чем холод и голод, это слышать в тишине ночи жалобы несчастных раненых, которые лежали без помощи на ледяной земле. Те из них, кто могли передвигаться, подползали к нашим огням и располагались среди нас. Много русских и австрийцев, разбросанных повсюду битвой, также приходили погреться вместе с нами. Для постороннего наблюдателя это, наверное, выглядело необычно, видеть как, сбившись в одну кучу, дружелюбно сидели вокруг пылающих угольков те люди, которые убивали друг друга еще несколько часов до этого»[21].

Забота о раненых была одной из первых мыслей императора. Приняв решение разместиться на Позоржицкой почте, он так же как и гвардейцы, пересек все поле сражения: «Было уже совсем темно, — вспоминал Савари. — Он приказал, чтобы все, кто его сопровождал, соблюдал тишину, чтобы слышны были крики раненых. Он сам направлялся в их сторону, спрыгивал с коня, давал им выпить водку из походной кухни, которая следовала за ним. Я был рядом с ним всю эту ночь, в течение которой он оставался допоздна на поле сражения. По его приказу эскадрон эскорта занялся тем, что снимал шинели с убитых русских*, чтобы покрыть ими раненых. Он приказал разжечь большие огни рядом с ними и приказал разыскивать повсюду военных комиссаров и не удалился к себе до тех пор, пока они не прибыли... Он приказал им не покидать раненых до тех пор, пока все они не будут в госпиталях»[22].

Что касается русского императора, то ему было не до раненых. Некоторое время он находился недалеко от Аустерлица с отрядом Милорадовича, ожидая Кутузова. Не найдя его, царь отдал приказание войскам отступать в юго-восточном направлении на Венгрию к селению Ходеёжиц, которое было назначено местом сбора армии. Князю Багратиону было поручено командовать арьергардом. В глубокой темноте, под снегом, смешанным с дождем, русская армия начала отступление. Около полуночи толпы отступавших подошли к Ходеёжи-цу. Деревня была наполнена солдатами всех возможных полков, с оружием и без оружия, ранеными, мародерами, обозами. С царем осталось всего трое человек: лейб-медик Виллие, берейтор Ене и фельдъегерь Прохницкий. Императорский экипаж с вещами и запасом пищи потерялся.

Только по случайности Александр I нашел хотя бы одного штабного офицера, которым оказался Чернышев, адъютант генерала Уварова. С помощью

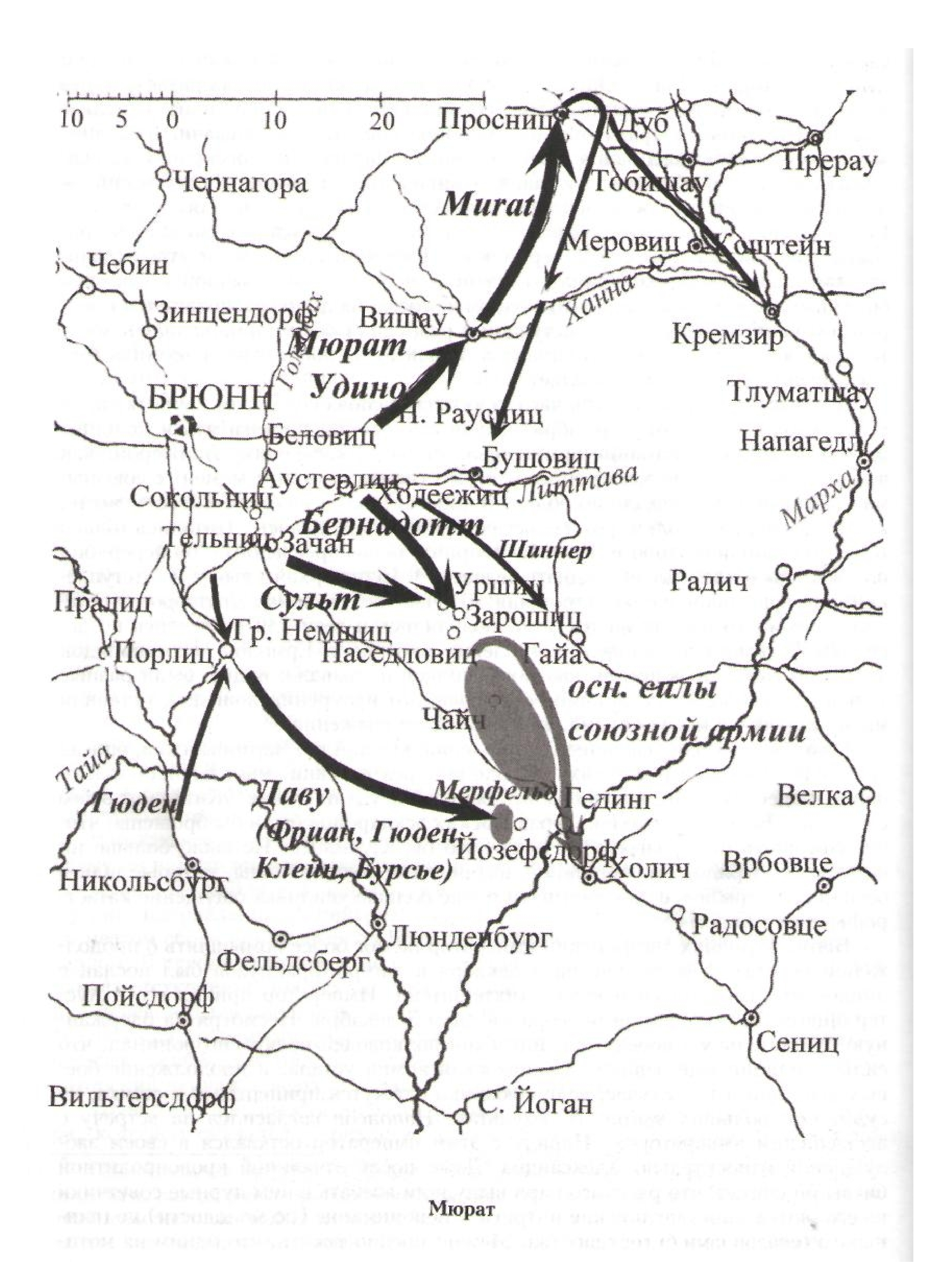
**** По регламенту, в 1805 г. у французской армии вообще не было шинелей. Правда, солдаты на походе использовали самые разнообразные нерегламентированные виды одежды, чтобы было что надеть поверх мундира в холодное время. Однако таких хороших длинных шинелей, какие были в русской армии, у французов не было. Шинели появились в войсках Наполеона только в 1806 г.***

Чернышева удалось, так же почти случайно, отыскать Кутузова. Обменявшись с ним несколькими словами, Александр со своей «свитой» поскакал в ночи дальше, в сторону Чайча. Однако до этого городка он не смог добраться. Через несколько километров ему пришлось сойти с коня в деревне Уршиц. «Трудности, перенесенные в сражении, прискорбное впечатление неудачи, душевное волнение, словом, соединение нравственного и физического беспокойства усилили болезненное состояние Государя, — пишет Михаил овский-Данилевский, — и Он принужден был остановиться... в крестьянской избе, где для успокоения Его не было ничего, кроме соломы. Голова его горела, и в нем оказались признаки болезни, называемой холериною»[23]. Впрочем, злые языки утверждали, что так называемая «холерина» была не чем иным, как обычной медвежьей болезнью. Лейб-медик узнал, что в одном из соседних домов располагается император Франц. К нему в дом постучали и разбудили обер-гофмаршала Ламберти, попросив у него немного вина для больного. Однако ответ союзника был лаконичен: вина самим не хватает.

Александр спал только три часа, а чуть свет снова сел на коня и поскакал в Чайч. Сюда же утром 3 декабря начали постепенно подтягиваться колонны разбитых войск. Состояние армии было самым ужасающим. Ланжерон, как всегда язвительно, но метко описал то, что творилось в этот момент с союзными войсками: «Все бежало по большой дороге, никого не было на своем месте; корпуса, дивизии, полки, роты — все совершенно смешалось... Питались только тем, что грабили по дороге. Если бы неприятель нас преследовал, он перерубил или взял бы в плен тысяч двадцать человек»[24]. Штуттерхайм вынес из отступления примерно такие же воспоминания: «Ночью она *{колонна Дохтурова)* потеряла еще много народу из тех, что заблудились в лесу или рассеялись по деревням»[25]. Таким же увидел отступление союзников Ермолов: «...беспорядок дошел до того, что в армии, казалось, полков не бывало: видны были разные толпы... В сей день, по причине совершенного изнурения лошадей, оставили мы на дороге не менее орудий, как и на месте сражения»[26].

Наконец, еще один свидетель отступления, князь Адам Чарторыйский, описал его в следующих выражениях: «Проходя через деревни, мы слышали только вопли людей, которые искали забвения своей неудачи в вине. Жители от этого страдали... Если бы несколько французских эскадронов были бы брошены, чтобы завершить наш разгром, не знаю, что бы случилось. Не было больше ни полков, ни отрядов коалиционной армии, одни только банды, которые шли в беспорядке, грабя все на своем пути и еще больше усиливая ощущение катастрофы своим видом»[27].

В этих условиях австрийский император не мог более помышлять о продолжении борьбы. Уже в ночь на 3 декабря в лагерь французов был послан с дипломатической миссией князь Лихтенштейн. Император принял его в Аус-терлицком замке, куда он перебрался днем 3 декабря. Несмотря на одержанную блистательную победу, французский полководец прекрасно понимал, что силы коалиции еще велики. Французская армия устала, и продолжение боевых действий в том случае, если союзники окажутся припертыми к стенке, не сулит ему больших выгод. В результате Наполеон согласился на встречу с австрийским императором. Наряду с этим император оставался в своем заблуждении относительно Александра. Даже после отчаянной кровопролитной битвы он считал, что русского царя вынудили воевать с ним дурные советчики из его окружения, английские интриги и непонимание (по молодости) подлинных интересов своего государства. Можно предположить, что одним из мотивов согласия на скорое прекращение военных действий являлось нежелание

10 5 0 10 20
Проснц
Дуб
Прерау
Чернагора
Murat
Тобичау
Меровиц
Коштейн
Чебин
Ханна
Зинцендорф
Вишау
Кремзир
Мюрат
Удино
Тлуматшау
БРЮНН
Н. Раусниц
Беловиц
Напагедл
Бушовиц
Аустерлиц
Ходеежиц
Литтава
Сокольниц
Марха
Бернадотт
Тельниц
Зачан
Шиннер
Уршиц
Радич
Прадиц
Сульт
Зарошиц
Гр. Немшиц
Порлиц
Наседловиц
Гайа
осн. силы
Чайч
союзной армии
Тайа
Мерфельд
Гединг
Велка
Гюден
Даву
(Фриан, Гюден,
Клейн, Бурсье)
Йозефсдорф
Холич
Врбовце
Никольсбург
Радосовце
Люндендбург
Фельдсберг
Пойсдорф
Сениц
Вильтерсдорф
С. Йоган

Мюрат

Наполеона чрезмерно озлоблять своего сегодняшнего противника, которого он рассматривал как будущего потенциального союзника. Быть может, также поэтому настоящего преследования разбитого врага Наполеон не организовал.

Известный историк Колен, который уже не раз упоминался на страницах этой книги, справедливо отмечал: «Никогда еще армия не находилась в положении более благоприятном, чем армия Наполеона после победы при Аустерлице, для того, чтобы предпринять безотлагательное преследование. Оставалось 4 дивизии пехоты практически нетронутыми: 1-й корпус *(две дивизии),* гвардия и гренадеры Удино. Драгуны Бомона *(Буайе)* и Бурсье понесли в бою лишь небольшие потери. Драгуны Клейна *(не участвовавшие в битве)* только что прибыли к аббатству Райгерн, а дивизия Гюдена находилась в Никольсбур-ге. Наполеон мог, таким образом, уже вечером 2 декабря бросить на преследование союзников настоящую армию, почти равную по численности той, которая сражалась в этот день»[28].

Однако этого не было сделано. Частично, без сомнения, виновата крайняя усталость войск и плохая погода. С другой стороны, у императора были сомнения относительно направления отступления союзников. Не исключена возможность, что он предполагал, что значительная часть их войск, а может быть и вся армия, будут отступать на северо-восток по шоссе Брюнн — Ольмюц. В этом случае они были бы, без сомнения, настигнуты кавалерией Мюрата. Перенос штаба в ночь на 3 декабря на Позоржицкую почту, в противоположную сторону от истинного направления отступления неприятеля, связан, скорее всего, именно с этим. «Поместив свою генеральную квартиру на Ольмюцкой дороге, император доказал, что он думал, что русская армия начнет отступать именно на эту крепость»[29], — вспоминал Тиар.

Наконец, постарался и Мюрат. Он проявил весьма сомнительную инициативу, приказав драгунам Буайе, которые находились буквально на плечах союзников, прибыть на противоположный конец поля сражения, туда, где находился сам маршал.

Однако всех этих мотивов, кажется, недостаточно для того, чтобы объяснить почти что полное отсутствие преследования вечером 2 декабря и малую активность на следующий день. Вероятно, не последнюю роль в этом сыграли политические соображения.

Уже утром Наполеон мог догадаться, что союзники не отступают на Ольмюц. По его приказу капитан Тиар с конными егерями отправился на разведку в южном направлении. «Едва я проскакал с моим отрядом несколько сот туа-зов *(по дороге на Венгрию),* как я убедился, что вся вражеская армия прошла по этой дороге, ибо вся она была покрыта обломками, свидетельствовавшими о разгроме. Недалеко от меня справа можно было видеть увязшие в грязи и брошенные пушки»[30].

Информацию о пути отступления союзников император получил около 10.30 утра. Около И часов он отдал приказ преследовать неприятеля по дороге на Гёдинг. Нужно сказать, что к этому времени преследование, хотя и весьма символическое, уже велось. Еще ночью маршал Сульт отправил вслед за отступающими союзниками бригаду Шиннера. Наконец, еще утром корпус Берна-дотта также двинулся, хотя и медленно, в юго-восточном направлении.

Сам маршал Сульт получил приказ о начале преследования только в 15.30. В ответ он написал следующее: «День уже подходит к концу, погода плохая, и я ничего не выиграю, если начну движение этим вечером. К тому же генерал Шин-нер с 5 батальонами будет сегодня в Уршице»[31]. В результате главные силы Суль-та остались на своих прежних позициях, гвардия расположилась в Аустерлице.

Но самое главное, что наиболее мобильные части, а именно кавалерия, бросились по дороге на Ольмюц. Легкая кавалерия и дивизия Вальтера прошли в этот день 40 км в этом направлении. За ними, хотя и несколько медленнее, двигались кирасирские дивизии Нансути и д'Опуля. Наконец, в этом же направлении следовали и пехотные дивизии Ланна, а также гренадеры Удино. Кавалерия Мюрата захватила многочисленные неприятельские обозы с боеприпасами, сотни пленных, а также целые стада быков, направлявшиеся в качестве продовольствия для союзной армии. Эти трофеи и в особенности продовольствие, которого так не хватало войскам, были, конечно, важны. Однако для того, чтобы их захватить, было бы достаточно одного кавалерийского отряда.

События 3 декабря еще раз подтверждают концепцию, согласно которой Наполеон не планировал первоначально нанесение главного удара по центру союзной армии. Если бы такой удар планировался заранее, было бы немыслимо, чтобы вся кавалерия была сосредоточена на левом фланге, где собирались вести лишь вспомогательные действия, оставив направление главного удара и, следовательно, направление будущего преследования совершенно без конных войск. Это еще одна причина того, что преследование неприятеля было на удивление слабым.

В общем, можно сказать, что, несмотря на обозы, захваченные на Ольмюц-кой дороге, день 3 декабря был во многом упущен французской армией. Причем основные массы кавалерии вообще удалились в сторону от отступающей армии союзников.

Вечером, несмотря на готовящуюся на завтра встречу императоров, дивизии Великой Армии получили приказ активнее преследовать неприятеля. В частности, Мюрат должен был отправить легкую кавалерию Мильо, драгунскую дивизию Вальтера и кирасирскую д'Опуля вслед за отступающей союзной армией. Однако этот приказ было уже сложно исполнить, так как кавалерии пришлось бы совершать долгий марш в обратном направлении. Судя по всему, 4 декабря к месту событий прибыли только 8-й гусарский и 21-й драгунский полки. Маршал Сульт должен был вместе с Бернадоттом двигаться через Чайч на Гёдинг. Император потребовал от них решительного наступления. Однако самую главную роль мог сыграть в этот день корпус Даву. Неутомимый маршал выступил с дивизией Фриана уже в 9 часов вечера и отправился вслед за армией союзников.

На следующий день 4 декабря две пехотные дивизии, Гюдена и Фриана, с двумя кавалерийскими, Клейна и Бурсье, двинулись на Гёдинг по самой кратчайшей дороге, таким образом, что они имели все шансы отрезать путь отступления остаткам союзной армии. На пути у них встали войска генерала Мерфельда. По иронии судьбы, это были остатки того отряда, который Даву вдребезги разбил при Мариа Целль. Мерфельду удалось окольными путями увести около 4,5 тыс. человек. Они не успели принять участие в битве при Аустерлице, но зато смогли сразу после сражения выполнить функцию арьергарда и прикрыть разбитые войска от наступления корпуса Даву.

В этот момент утром 4 декабря положение наиболее значимых отрядов было следующим: главная масса остатков союзной армии находилась в районе Чай-ча. В нескольких километрах севернее находился арьергард Багратиона. Прямо на него через Уршиц двигались основные силы Бернадотта и Сульта. Корпус Ланна из Раусница был направлен через Станиц в обход правого фланга союзной армии. Однако от союзников Ланна отделял почти целый переход по про-селочным дорогам, и он не мог серьезно помешать их отступлению. Зато левый фланг союзников, который обходил Даву, оказался под серьезной угрозой. К утру 4 декабря Даву находился примерно в 15 км от Гёдинга, иначе говоря, он был ближе к этому городу и единственной переправе через реку Марху, чем

войска союзников, находившиеся у Чайча. Единственным отрядом, который мог помешать Даву занять Гёдинг, был отряд Мерфельда. Над остатками союзной армии нависла угроза потери пути отступления.

С самого утра драгуны Клейна двинулись вперед и завязали бой на аванпостах. К часу дня подошла пехота и вместе с драгунами перешла в наступление. Передовые части австрийцев были отброшены, и около 3 часов дня французы подошли к Йозефсдорфу, который находился всего лишь в 3 км от Гединга. Здесь стояли главные силы Мерфельда. Тотчас же французская пехота и кавалерия стала строиться для боя. «Все предвещало блестящую победу, — можно прочитать в походном журнале дивизии Клейна. — Наши войска... были преисполнены самого высокого боевого духа. Уже драгуны и легкая кавалерия завязали схватку с передовыми частями. 3-я дивизия *{пехотная дивизия Гюдена)* занимала позицию для атаки. Мы стояли развернутой линией перед Йозефсдорфом»[32].

Однако внезапно в том месте, где рубились передовые отряды конницы, появились австрийские офицеры, которые размахивали белыми платками и кричали что есть мочи: «Перемирие! Перемирие!» Когда же бойцы остановились, сам генерал Мерфельд лично отправился в передовые цепи, чтобы переговорить с генералом Клейном и убедить его остановить наступление.

Когда об этом доложили маршалу Даву, он был в бешенстве и немедленно прискакал на место событий и, найдя Мерфельда, высказал ему все, что он думает по поводу перемирия, в энергичных солдатских выражениях. Но австрийский генерал и его помощник полковник Вальмоден клялись всеми святыми и божились, что заключено перемирие и скоро будет подписан мир. Тогда Даву заявил, что если через час он не получит об этом письменного уведомления, он немедленно возобновляет атаку. В русский штаб был послан старший адъютант Даву полковник Бурк. Но полковник далеко не уехал. Едва он пересек австрийские линии, как его остановил пост русских гусар и не пожелал пропускать дальше. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в этот момент не прискакал князь Гагарин, личный адъютант императора Александра. Он привез Даву записку от царя, впопыхах написанную карандашом. Вот ее содержание: «Я разрешаю генералу Мерфельду сообщить французскому генералу, что германский и французский императоры находятся сейчас вместе и беседуют, что заключено перемирие и что напрасно проливать кровь храбрецов. Александр»[33].

Наконец, через несколько мгновений прискакал другой гонец, который привез письмо чернилами, написанное Кутузовым, где также официально подтверждалось, что заключено перемирие.

Делать было нечего — Даву остановил войска, и сражение под Гёдингом не состоялось. Михайловский-Данилевский пишет: «Без исключения все писатели полагают плен императора Александра неизбежным, если бы Даву не остановился и, пользуясь своим многолюдством, продолжал теснить графа Мерфельда. Никто не взял на себя труда разобрать дело, и все поверили писателям, когда единогласное показание их уничтожается взглядом на карту»[34].

Взгляд на карту как раз показывает обратное: французы уже были в двух шагах от Гёдинга, а Александр со своим эскортом — примерно в 15 км неподалеку от Чайча. Правда, здесь нужно сделать следующее замечание: если бы встреча австрийского и французского императоров не проходила действительно в этот момент, царю незачем было бы задерживаться в Чайче, и он мог бы еще раньше уйти за реку Марху. При заключении же перемирия Даву не имел права атаковать Мерфельда. Это действительно так, и действительно пленение царя при любых условиях было бы достаточно проблематичным. Зато судьба его армии навряд ли может вызывать сомнения. Главные силы русских были значительно дальше от переправы, чем войска Даву. В случае отсутствия перемирия

ничто не могло бы помешать маршалу разгромить Мерфельда и встать на пути отступающих колонн. Учитывая то состояние, в котором находились остатки союзных войск, их судьба была бы предрешена. Даву достаточно было раздавить слабый австрийский отряд и хотя бы несколько часов удерживать дезорганизованные массы. В это время Бернадотт и Сульт нанесли бы им удар в хвост, и остаткам союзной армии пришлось бы, очевидно, сложить оружие.

Если этого не случилось, то только потому, что в 2 часа дня состоялась встреча Наполеона и Франца П. Местом для этого исторического события была выбрана мельница «Спалены Млын» между деревнями Зарошиц и Наседловиц. Мельница находится посреди просторной долины. На северном склоне расположились французские полки, шедшие в авангарде, и гвардейские батальоны, которые для этого специально совершили форсированный марш из Аустерлица. «Французская императорская гвардия с развевающимися знаменами, в высоких меховых шапках, увенчанных алыми султанами, одетая словно для парада, стояла на склоне долины с нашей стороны, — вспоминал Сегюр. — Останки австрийских войск стояли вдали перед нами на противоположном склоне»[35].

Так как мельница была разорена, а погода — прекрасной, император решил, что лучше провести встречу на воздухе. Гвардейцы навалили дров, чтобы зажечь на всякий случай огромный костер.. «Костер разгорелся, — продолжает рассказывать Сегюр. — Наполеон спрыгнул с коня. Конные егеря эскорта положили ему кучу соломы. Другие прибили доску к срубленному дереву, чтобы оба императора могли сесть. Наполеон улыбнулся и сказал мне: «Ну вот и порядок... А ведь потребовалось шесть месяцев, чтобы составить церемониал встречи Франциска I и Карла V!»[36]

Капитан Тиар также был свидетелем исторического момента. Вот что он вспоминал: «Император Австрии заставил себя подождать. Наполеон уже было начал опасаться, не вышла ли какая-нибудь ошибка. Но вот наконец мы увидели много карет и большой отряд кавалерии. Это были экипажи Франца II, которого эскотировал дивизион гусар Кинмайера и дивизион улан Шварцен-берга. Императора сопровождали также многочисленные генералы, и среди них князь Иоганн фон Лихтенштейн. Тотчас же барабаны гвардии забили встречный марш, а трубы протрубили «поход». Зрелище было восхитительным, а то, что должно было произойти, придавало всему оттенок величественности. Мы все стояли, затаив дыхание от нахлынувших на нас чувств. Наполеон подошел к дороге, помог Францу II выйти из кареты, обнял его и произнес несколько слов, которых я не разобрал. Почти наверняка он говорил об англичанах, потому что я совершенно четко услышал, что австрийский император сказал: «Англичане — это торговцы человеческим мясом». Император подвел своего гостя к костру и остался один на один с ним. Маршал Бертье, несмотря на то что часто пишут, стоял поодаль. У Наполеона было очевидное желание говорить наедине, и он вежливым жестом предложил князю Иоганну отойти в сторону. Но, кажется, как можно было судить по целой пантомиме Франца, он стал настаивать, чтобы князь остался»[37].

Разговор императоров продолжался почти два часа. Точно его никто не слышал, до французских и австрийских офицеров, стоявших в стороне, доносились лишь отдельные фразы. У французов они не вызвали особого почтения к особе Франца II. Сегюр вспоминал: «Несколько взрывов смеха этого монарха нас удивили. К ним примешивались жалобы на то, что казаки разграбили ферму, которая ему особенно нравилась. Быть может, мы слышали не очень хорошо, но нас неприятно удивило то, что император большой страны в момент испытаний для своего государства был занят такими мелочами»[38].

Последними словами, которые донеслись до офицеров, были следующие: «Итак, Ваше Величество обещает мне, что больше не будет начинать войны?» — сказал Наполеон, на что Франц с жаром ответил: «Да, я клянусь и сдержу свое слово!».

На этом встреча закончилась. Французский император любезно проводил Франца до его кареты, а потом, вскочив на своего арабского коня, весело воскликнул, обращаясь к своей свите: «Господа, мы возвращаемся в Париж! Можете считать, что мир заключен!»

Музыка гвардии заиграла торжественный марш, и до этого молчаливые ряды солдат вдруг ожили, и тысячи голосов огласили долину радостным криком «Да здравствует Император!».

На этом война с третьей коалицией для Наполеона закончилась. Он был уверен, что урок Аустерлица надолго запомнится и молодому русскому царю, и австрийскому императору. Наполеон был уверен, что великодушные жесты должны будут расположить к нему Александра, который ввязался в эту войну по глупости. Тотчас же в его ставку он в очередной раз послал генерала Савари.

Посланец Наполеона посетил сначала штаб австрийского императора, а затем вместе с генералом Штуттерхаймом отправился на встречу с Александром, который к этому времени уже благоразумно переправился на другой берег реки Мархи и расположился в небольшом замке в городке Холич. По словам Савари, он приехал в ставку царя 5 декабря еще до рассвета, примерно в 4— 5 утра. К его удивлению, Александр был уже одет и на ногах. Разговор начался со взаимных комплиментов, а затем Савари передал Александру условие, при котором боевые действия прекращались немедленно. Этим условием была немедленная эвакуация русскими войсками австрийских земель. «Хорошо, я согласен, — сказал Александр, — но какие гарантии ожидает от меня ваш повелитель?..» «Он попросил меня передать Вашему Величеству, — ответил Савари, — что ему достаточно будет вашего слова. Как только оно будет дано, я должен прибыть к войскам маршала Даву и остановить их движение». На что Александр удовлетворенно ответил: «Я даю вам это слово. Я тотчас же займусь исполнением того, что было согласовано. — А затем добавил: — Если обстоятельства более счастливые приведут вас в Петербург, я надеюсь, что сделаю приятным ваше пребывание там»[39]. Посланец императора даже не догадывался, что подобный случай должен был представиться ему очень скоро...

Возвращаясь обратно, Савари имел возможность увидеть русские войска на марше. Вот что он увидел: «Мы *{автор мемуаров и Штуттерхайм)* вынуждены были подождать, пока русская армия переходила через реку. Я спешился... и стал считать. Мимо меня прошло не более 26 тыс. человек всех родов оружия без пушек и без зарядных ящиков. Многие шли без оружия, у большинства не было ранцев. Было очень много раненых, однако они стойко шли сомкнутыми рядами вместе с остальными»[40].

Отныне боевые действия заканчивались. Официально перемирие было подписано 6 декабря в Аустерлицком замке. Последние выстрелы этой войны на главном театре военных действий прозвучали за день до этого вечером 4 декабря под Иглау. Так как эрцгерцог Фердинанд не мог знать об идущих переговорах, он атаковал баварские части, оставшиеся один на один с ним после ухода корпуса Бернадотта. У генерала фон Вреде было примерно в два раза меньше войск, чем у Фердинанда, и он после упорного боя оставил Иглау. Однако через несколько дней сюда вернулся корпус Бернадотта. В соответствии с условиями перемирия Иглау находилось в зоне французской оккупации, и город был оставлен войсками Фердинанда.

Наполеон по праву мог гордиться своей армией. В труднейшей стратегической ситуации его солдаты и генералы добились блистательной победы. Еще 3 декабря в Аустерлицком замке император написал свою знаменитую прокламацию, обращенную к войскам, которую в этот день могла услышать только гвардия. Теперь она стала известна всей армии:

«Солдаты! Я доволен вами. В день Аустерлицкой битвы вы оправдали мои надежды на ваше бесстрашие и увенчали ваши орлы бессмертной славой. Армия в 100 тыс. человек под командованием императоров России и Австрии менее чем в четыре часа была разгромлена и рассеяна. Все те, кто избежали ударов вашей стали, потонули в озерах. Сорок знамен, штандарты российской императорской гвардии, сто двадцать пушек, более 30 тысяч пленных — вот результаты этого дня, ставшего навеки знаменитым. Эта пехота, которую так хвалили, будучи в превосходном числе, не смогла устоять под вашим ударом, и отныне у вас нет равных. Так, в два месяца эта третья коалиция оказалась разгромленной и поверженной. В скором времени будет подписан мир, но как я и обещал своему народу перед переходом через Рейн, я заключу только такой мир, который даст нам гарантии и вознаградит наших союзников.

Солдаты! Когда французский народ возложил на мою голову императорскую корону, я доверился вам, чтобы поддерживать ее в блеске славы, который только может дать ей ценность в моих глазах. Но в этот же момент наши враги хотели ее разрушить и унизить! Они хотели сделать то же самое с железной короной, завоеванной кровью стольких французов. Они хотели вынудить меня возложить ее на голову наших злейших врагов! Это были самоуверенные и безумные планы, которые вы повергли в прах в день годовщины коронации вашего императора! Вы научили их, что если легко храбриться и угрожать нам, то нелегко нас победить.

Солдаты! Когда все, что необходимо, чтобы обеспечить счастье и процветание нашего отечества, будет сделано, вы вернетесь во Францию. Там вы будете предметом моего внимания и благодарности. Мой народ увидит вас с радостью, и вам достаточно будет сказать: «Я был в битве при Аустерлице», чтобы тотчас вам ответили: «Вот храбрец!».

,' Наполеон»[41].

[1] Langeron A.F. Journal... Рукописный фонд Российской национальной библиотеки. Ф. 73. Д. 276.

[2] Revue d'histoire, 1907, № 80, p. 408.

[3] Кутузов М.И. Сборник документов., т. 2, с. 235—236.

[4] Там же, с. 237-238.

[5] Там же, с. 239.

[6] А. Васильев. Русская гвардия в сражении при Аустерлице 20 ноября (2 декабря) 1805 г. // Воин, № 3.

[7] Кутузов М.И. Указ. соч., с. 362—363.

[8] Andolenko S. Aigles de Napoleon contre Drapeaux du Tsar. Paris, 1969.

[9] Revue d.histoire, 1907, № 80, p. 409.

[10] Кутузов М.И. Указ. соч., с. 259.

[11] Thiers A. Histoire du Consulat et de l'Empire. Paris, 1847, t. 6, p. 330.

[12] L. Peyre. Napoleon et son temps. L'Empire. Paris, 1888, p. 43.

[13] Ермолов А.П. Записки Еромолова А.П. М., 1991, с. 60.

[14] Van Dedem de Gelder A.-B.-G. Un general hollandais sous l'Empire. Memoires du general baron de Dedem de Gelder. Paris, 1900, p. 193-194.

[15] Gaulle C. de. La France et son armee. Paris, 1985, p. 130.

[16] Stutterheim. La bataille d'Austerlitz. Paris, 1806. p. 103-104.
[17] Аустерлиц. Воспоминания суворовского солдата. СПб., 1903, с. 14.
[18] Клаузевиц К. О войне, т. 1, с. 84.
[19] Там же, с. 186-187.
[20] Barres J.-B. Souvenirs d'un officier de la Grande Armee. Paris, 1923, p. 59.
[21] Fantin des Odoards L.-F. Journal du general Fantin des Odoards... 1895, p. 73—74.
[22] Savary A.-J.-M.-R., due de Rovigo. Memoires du due de Rovigo pour servir a l'empereur Napoleon. Paris, 1828, t. 2, p. 209.
[23] Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч., с. 221—222.
[24] Langeron A.F. Journal... Рукописный фонд Российской национальной библиотеки. Ф. 73. Д. 276.
[25] Stutterheim. Указ. соч., с. 106.
[26] Ермолов А.П. Указ. соч., с. 59.
[27] Czartoryski A.-J. Memoires du prince Czartoryski et correspondance avec 1'Empereur Alexandre P^{r}. Paris, 1887, t. 1, p. 410.
[28] Revue d'histoire, 1907, № 80, p. 411.
[29] Thiard M.-T. Souvenirs diplomatiques et militaires du general Thiard, chambellan de Napoleon Ier. Paris, 1900, p. 239.
[30] Ibid, p. 240.
[31] Цит. по: Revue d'histoire, 1907, № 80, p. 415.
[32] Ibid., p. 448.
[33] Цит. по: Savary A.-J.-M.-R., due de Rovigo. Op. cit., p. 223.
[34] Михайловский-Данилевский А.И. Ук. соч., с. 225.
[35] Segur. Un Aide de Camp de Napoleon. Memoires general comte de Segur. Paris, p. 270.
[36] Ibid.
[37] Thiard M.-T. Op. cit., p. 243-244.
[38] Segur. Op. cit., p. 272.
[39] Savary A.-J.-M.-R., due de Rovigo. Op. cit., p. 220-221.
[40] Ibid., p. 221.
[41] Correspondance... t. 11, p. 443—444.

ЭПИЛОГ

Даже на окончательный, решающий акт всей войны в целом нельзя смотреть как на нечто абсолютное, ибо побежденная страна часто видит в нем лишь преходящее зло, которое может быть исправлено в будущем последующими политическими отношениями.

Клаузевиц. О войне.

В то время когда в стане французов праздновали победу и с восторгом ожидали триумфального возвращения на родину, остатки русских войск согласно договору по этапам покидали австрийские владения. В Брюнне начались мирные переговоры между австрийскими уполномоченными князем Лихтенштейном и графом Гиулаем, с одной стороны, и министром иностранных дел Франции Талейраном — с другой. Война для всех кончалась. Но она не закончилась для императора Александра I.

Буквально через несколько часов после встречи с Савари в Холиче царь приказал графу Строганову ехать в Лондон, чтобы «узнать о намерениях английского правительства и *обещать ему прежнее единодействие России...* Генерал-адъютанту князю Долгорукову отправиться в Берлин... и *обещать, если Пруссия решится воевать с Наполеоном... поддерживать ее всеми силами России,* предоставляя на первый случай в распоряжение прусского короля корпуса Беннигсена и графа Толстого»[1].

Нет, Александр не был наивным молодым человеком, которого подтолкнули к войне «недобрые» советники. Теперь, после Аустерлица, его ненависть к Наполеону стала только еще более лютой и непримиримой. Аустерлицкий позор не станет, как на то надеялся французский император, уроком для самоуверенного юноши. Он лишь укрепил Александра в его намерении свергнуть Наполеона любой ценой, не останавливаясь ни перед какими потерями. Еще не остыли жерла французских и русских пушек, а Александр уже готовил новую войну.

Пруссия к этому моменту созрела для выступления. Не зная еще об аустер-лицком разгроме, король собирался оставаться верным Потсдамскому договору. Однако когда князь Долгорукий и генерал Штуттерхайм привезли в Берлин известие о перемирии, король, как всегда, вернулся к своим колебаниям. Русский посланник Алопеус и австрийский представитель граф Меттерних уговаривали его немедленно объявить войну. С другой стороны, французский посол, рассказывая об успехах Наполеона, обещал Пруссии большие выгоды от союза с Французской империей. В этих условиях Фридрих Вильгельм не отважился на рискованный шаг. Как и все люди нерешительные, он пожелал отсрочить момент истины. В результате он отложил окончательный вердикт до момента получения известий о переговорах графа Гаугвица.

Последний был сторонником профранцузской ориентации во внешней политике Пруссии. Вполне понятно, что под влиянием Аустерлицкого триумфа императора эта тенденция Гаугвица стала еще более очевидной. Рассказывают, что во время его пребывания в Вене он гордо носил знаки ордена Почетного легиона, полученные им от Наполеона, с восторгом говорил о победе французского императора и о его гении. В результате вместо объявления войны французскому императору Гаугвиц заключил союзный договор, подписанный в Шенбруннском дворце 15 декабря 1805 г. Согласно условиям этого договора в обмен на поддержку Фран-

ции, уступку Наполеону герцогства Клевского и Невшателя, а Баварии — княжества Анспах (того самого, из-за которого Пруссия чуть-чуть не оказалась в рядах третьей коалиции), Фридрих Вильгельм III получал вожделенный Ганновер. Клаузевиц вспоминал: «В Берлине по поводу поведения Гаугвица сначала поднялся большой шум, что было вполне естественно, так как его послали, чтобы объявить войну, а он вернулся с союзом... Но на совете, который был созван по этому поводу... трактат был принят с одним изменением... Обмен территориями должен был произойти только после заключения общего мира, то есть с одобрения Англии, а до тех пор Пруссия должна была оккупировать Ганновер войсками»[2].

Шенбруннский договор лишил Александра всяких надежд на немедленное выступление Пруссии. Но как это ни удивительно, даже переговоры пруссаков с французами не могли обезоружить решившего идти до конца царя. Находясь в Тешене, он отдал распоряжение Кутузову о том, чтобы тайно направить корпус генерал-лейтенанта Эссена в Пруссию и тем самым подтолкнуть прусского короля к выступлению! У дипломатически корректного Михаила Илларионовича, очевидно, глаза вылезли на лоб, когда он читал рескрипт царя. Несмотря на свою покладистость, он вынужден был ответить категорическим отказом: «Таковое движение не может не встревожить французское правительство и не навести, может быть, заботы австрийскому двору; сохранить оное в тайне есть вещь невозможная, ибо должно отправить кого-либо предварительно для заготовления продовольствия, нужного сему корпусу, что немедленно учинится известным в главной квартире французской; тогда кто отвечает, что Бонапарте, позволяющий себе все на свете, не пошлет корпус прямою дорогою для пресечения дороги и нападения на сей под командою генерал-лейтенанта Эссена»[3]. В результате русские войска продолжили свое отступление, и новая коалиция против Наполеона временно не состоялась.

Что же касается французского императора, то он, даже отдаленно не подозревая о подобных демаршах Александра, продолжал надеяться на сближение с Россией. По его приказу все офицеры и солдаты русской армии были без всякого обмена пленных освобождены. Накануне отъезда князя Репнина Наполеон пожелал с ним говорить. Вот что рассказал Репнин в своем письме об этой интереснейшей встрече: «В Брюнне собралось нас раненых 6 кавалергардских офицеров и 17 уланских, с храбрым их начальником Меллер-Закомельским; по всей справедливости, мы не могли довольно нахвалиться обращению с нами; почтеннейшие французские генералы посещали нас часто, особенно генерал Рапп, который, удостоверившись, наконец, что мне возможно было выехать, объявил мне приглашение Наполеона явиться к нему на другой день в полдень; меня ввели во внутренние покои занимаемого им архиерейского дома. Через несколько минут вышел Наполеон и, оставшись один со мною, начал разговор следующими словами:

—Как ваши раны, князь Репнин?

—Все в порядке, Сир.

—Я попросил вас прийти для того чтобы поручить вам передать еще раз императору Александру мои пожелания мира. Почему мы ведем войну, когда мы...

—Сир, прошу простить меня за мою дерзость и за то, что я вас прерываю, но я должен сказать, что я — только солдат, далекий от международной политики и от императорского двора. Я не могу дать на это никакого ответа.

—Я прошу у вас только об одном: передать императору Александру слово в слово то, что я вам сейчас скажу.

—Это долг верности по отношению к моему государю.

—Послушайте меня, вы сможете встретиться с императором через несколько дней, если он еще находится при армии. Скажите ему, что если бы он

выслушал мои предложения и согласился встретиться на аванпостах, тогда я бы подчинился воле его благородной души. Ему достаточно было бы объявить мне свои намерения для достижения спокойствия в Европе, и я бы подписался под ними. Но вместо этого он послал ко мне наглого хлыща, который посмел дерзко вести себя с главнокомандующим французской армии во главе его войск. И что из этого вышло? Мы сразились, и теперь только я имею право высказывать мои желания. Но мы можем еще найти путь к сближению, пусть он пришлет мне в Вену своего уполномоченного представителя, но только не одного из этих придворных, которые наполняют его штаб. Правда далека от монархов. Александр родился на троне, а я стал императором сам, но мои бывшие товарищи, мои бывшие командиры не осмеливаются больше мне ее говорить, как не говорят ему правды его придворные.

Но давайте поговорим о сражении. Что за мысль была растянуть вашу армию и разделить ваши колонны, как вы это сделали? Нужно было сконцентрировать войска, собрать армию в кулак, для того чтобы всю ее целиком бросить на врага.

—Но, Сир, я уже имел честь вам говорить, что я всего лишь полковник, моя роль смотреть вперед и драться с тем, кого я вижу перед собой, а не пытаться проникнуть глубже этого. Для меня главное повиноваться, а не рассуждать.

—Репнин, вы полная противоположность Долгорукому, вы слишком скромны. Но я должен сказать, император Александр все равно должен был проиграть это сражение. Для него оно было первое, а для меня — сороковое.

— Сир, я убежден, что после урока, который вы преподнесли, у него не будет необходимости дать столько же битв, чтобы взять реванш.

—Я вижу, вы сердитесь.

—Я бы не посмел, но солдат не может быть безразличен к тому, что говорят о его государе.

—Ну что ж, полковник, давайте не будем друг на друга обижаться, для нас это будет несложно, потому что я вас уважаю.

—Для меня это большое счастье. Я сохраню на всю жизнь воспоминание о вашем благосклонном приеме.

—Прощайте, Репнин, я возвращаю вас вашему государю как доказатель-
г ство моего стремления восстановить дружеские отношения, которые связывали нас раньше»[4].

Красивые жесты Наполеона в отношении русских пленных, призванные послужить сближению двух империй, остались без ответа. Оба государства продолжали оставаться в состоянии войны, и никаких мирных переговоров между Францией и Россией не было начато. Следует также вспомнить, что у России к этому времени оставались войска, находившиеся если и не в боевом контакте с французами, то, по крайней мере, в состоянии близком к началу военных операций. Этими войсками были корпус Толстого на севере Германии и корпус генералов Ласси и Анрепа в Неаполе.

Аустерлиц решил участь этих далеких фланговых операций. Как уже отмечалось, на севере Германии союзные генералы никак не могли решить, что же им делать. Едва только закончился военный совет 18 декабря 1805 г. в Люнебур-ге, как в штаб союзников прискакал генерал-адъютант царя князь Гагарин. Известие об Аустерлицкой битве, которое он привез, потрясло всех. «Слушая рассказ князя Гагарина о поражении, — писал Михаил овский-Данилевский, — наши офицеры сначала не верили ему, принимали слова его за вымысел, не постигая возможности поражения русских»[5]. Однако когда союзные генералы «постигли» рассказ Гагарина, их решение было принято. Английское командование тотчас вспомнило о дороге к своим кораблям, и, кроме того, из Лондона

пришло приказание немедленно возвращаться в Англию. Выдающийся русский историк описал это отправление в благостных тонах: «Через несколько дней прибыли суда в Куксгавен. Англичане поплыли в свое отечество, а граф Толстой пошел в Россию, оставя на много лет в памяти жителей примерную подчиненность, отличавшую русское войско в двухмесячное пребывание его в Ганновере»[6]. Для шведского короля, который оказался один на один с потенциальным противником, отправление русских и англичан представлялось в иных тонах. Очевидцы утверждали, что он был в бешенстве.

Так закончился «великий северный поход» корпуса Толстого. Огромные средства, потраченные на эту экспедицию, были выкинуты на ветер, а завоевания, по большей части, не простирались дальше покорения в Зулингене «Матильды, дочери почтмейстера» (см. главу 11). Впрочем, война есть война, и ее необходимо было торжественно завершить. Поэтому в честь корпуса Толстого прусский король дал празднество, прекрасная королева появилась перед войсками в «зеленом амазонском платье с красными выпушками», что, разумеется, подчеркивало ее любовь не только ко всему военному, но в особенности к русской армии*. Ну и, как положено, в ходе боевых действий была поставлена достойная точка. Прусский король наградил русских генералов орденами...

Если боевые действия на севере Европы напоминали комедию, то на юге, в далеком Неаполитанском королевстве, скорее трагедию.

Стоит вспомнить, что после долгих приготовлений в декабре 1805 г. союзная русско-англо-неаполитанская армия после продолжительных колебаний перешла в «наступление». Как уже отмечалось, все боевые действия ограничились выдвижением русских и англичан на несколько десятков километров к северу от Неаполя и бесполезным походом неаполитанских полков через горы на северо-восточную оконечность королевства.

Едва гордый марш вперед союзных армий остановился и русские и английские генералы облюбовали достойные их персон виллы в окрестностях Неаполя, пришла новость, подобная огненной надписи, появившейся на стене во время пира Валтасара. Сообщение об Аустерлицкой битве и заключении перемирия между французами и австрийцами стало известно в Неаполитанском королевстве в самых первых числах января 1806 г. Кроме этой новости пришла еще одна: 35-тысячный французский корпус под командованием маршала Мас-сена двигался на Неаполь. Тотчас же генералы союзной армии собрались на совет. Мнение английского главнокомандующего Крейга было простым и до предела ясным: нужно сесть на корабли и отправиться домой.

Русские генералы были менее категоричны. Они также считали, что защищать Неаполь не имеет смысла, однако генерал Анреп предложил отступить в Калабрию на крайнюю южную оконечность Итальянского «сапога» и, используя трудно доступный характер местности и поддержку с моря, держаться здесь, по крайней мере, вплоть до получения конкретных указаний от своих правительств. Это решение было принято большинством совета (3 января 1806 г.). Что же касается неаполитанских войск, им предписывалось, не теряя времени, перейти горы в обратном направлении и присоединиться к союзным войскам. Генерал Дама, который командовал неаполитанцами, написал: «Кровь застыла у меня в жилах, когда я прочел эти фатальные строки. Я не знал, что сказать моим войскам. Я страдал от того, что должен приказать... марш, которым самый последний солдат должен был быть возмущен... Неужели новость о движении 35 тысяч человек должна была продиктовать решение совершить столь

Наиболее распространенным цветом мундиров в русской армии был зеленый, а цвет отделки — красный.

разрушительное отступление, когда в наших руках были неприступные оборонительные позиции, когда у нас было ополчение, ресурсы крепостей и многочисленное население, которое мы приготовили к обороне? »[7]

Сам генерал поскакал в Неаполь, но здесь его ждала еще более жестокая новость: в генеральную квартиру русских войск прибыл полковник Шепелев с депешами генералу Ласси и посланнику России в Неаполе Татищеву. Депеши были подписаны князем Чарторыйским и содержали в себе указания от правительства, которые ожидало командование. Официально предписывалось покинуть территорию Италии и далее было любезно добавлено: «Поскольку нет сомнения в том, что это решение произведет очень сильное впечатление на двор. при котором вы пребываете, соблаговолите, ваше превосходительство, довести до сведения его сицилийского величества, что оно было продиктовано абсолютной необходимостью, и что наш августейший повелитель весьма сожалеет о том. что он не смог в этом случае оказать ему более эффективную помощь. Вы добавите, что император никогда, однако, не перестанет проявлять самый живой интерес к Королевству обеих Сицилии и что его императорское величество в будущем воспользуется любыми возможностями, чтобы доказать искренность своих чувств... Вы поможете их величествам всеми добрыми советами, за которыми они могут к вам обратиться, и наметите в то же время меры, необходимые для осуществления погрузки и вывода войск его императорского величества...»[5]

Кроме рекомендаций помощи неаполитанскому королю «добрыми советами» Татищев получил также неофициальное послание. Это письмо было, очевидно, написано под влиянием нахлынувших чувств, и потому, в отличие от официального, весьма сумбурно. Зато произошедшее в Моравии и мотивы необходимости ухода из Италии излагались весьма откровенно. Неофициальное письмо Чарторыйского еще не публиковалось, и здесь впервые приводятся выдержки из него:

«У меня нет времени рассказывать вам обо всех несчастьях, — писал Чарто-рыйский, — которые нас преследовали. Если говорить в двух словах, Австрия выведена из войны, а нас сильно побили... Задача, которую вам необходимо выполнить, — это перевести нашу армию в надежное место, не подвергая опасно-,. сти английский корпус. Французы не преминут пойти на вас со всеми силами. Вы должны спасти Неаполь, если это возможно. Двор *{неаполитанский)* должен подчиниться обстоятельствам и выпутываться из переделки... В общем, дело еще не кончилось. Неизвестно, будет ли заключен мир с Австрией. Если Бонапарт не пожелает отомстить Пруссии и нам, война, очевидно, не будет продолжаться... Теперь император *{Александр)* решил удалиться от дел, но не желает договариваться с Бонапартом, с которым мы остаемся во вражде... Вы будете. мой дорогой Дмитрий Павлович, в бешенстве, отчаявшись в столь роковой развязке. Мы также в смятении, мы поражены, как все это кончится, неизвестно»[9].

Несмотря на все протесты, слезы и проклятия королевы, уговоры генерала Дама, русские и английские войска начали отступать к Неаполю и готовиться к посадке на суда. Это событие произвело неизгладимое впечатление на всех, кто был его свидетелем. «Отступление, о котором г-н Ласси объявил, — писал генерал Дама, — началось на следующий день. Но какое отступление! Как поверить в это, не видев его? Противник был еще около Рима, только маленькие отряды появились в двух переходах от границы... а уже панический ужас охватил англичан. Они бежали в смятении из мест их расположения к Неаполю. Перейдя по понтонному мосту через реку Гарильяно, они подожгли его, бросая зажженные доски и перекладины в реку. Офицеры неаполитанских понтонеров с трудом сумели не дать им продырявить медные понтоны... Пока я говорил еще

только об англичанах, но мы узнали на следующий день, что русский полк, который отступал по дороге из Абруццких гор, узнав о бегстве англичан и не зная его причины, потопил паром у Вальтурно после того как использовал его для переправы. В тот момент, когда союзники прибыли, я надеялся поставить их в пример нашим необстрелянным солдатам. Теперь я надеялся только на то, что они побыстрей забудут их позорный пример»[10].

Союзники не ограничились, мягко говоря, поспешным отступлением. Англичане потребовали, чтобы для их безопасности при погрузке неаполитанское правительство выделило крепость Гаэту. Вероятно, это было уже слишком даже для неаполитанской королевы. Комендант Гаэты получил приказание не пускать английские войска на территорию крепости. В результате англичане произвели посадку на суда в Кастела-Маре южнее подножия Везувия, а русские — в заливе Байя. Посадка прошла с 18 по 20 января, а 21 января 1806 г. русская эскадра подняла паруса и взяла курс на юг. Англичане сделали это еще раньше. Неаполитанское королевство было предоставлено своей судьбе...

В то время когда происходили эти события, франко-австрийские переговоры были уже завершены. Начавшись в Брюнне, они были перенесены затем в Прессбург (современная Братислава). Этот город находился на демаркационной линии, проведенной между французской и австрийской армиями. С французской стороны вся рутинная работа по переговорам осуществлялась министром , иностранных дел Талейраном, однако все принципиальные вопросы решались самим Наполеоном. 12 декабря 1805 г. он прибыл из Брюнна в загородный дворец австрийского императора Шенбрунн. Отсюда он руководил переговорами, здесь же он непрерывно проводил смотры своих войск, которые спешно пополнялись подкреплениями. В случае неудачи переговоров должны были снова заговорить пушки. Однако после того как Пруссия договорилась о союзе с Наполеоном, австрийские представители стали уступчивее. Они вынуждены были согласиться почти на все условия, на которых настаивал французский император, и 26 декабря 1805 г. Прессбургский мир был подписан.

Согласно условиям этого договора Австрия потеряла значительную часть своих земель. Самой чувствительной потерей были Венецианские владения с провинциями «Терра Ферма»: Фриулем, Истрией и Далмацией, которые были присоединены к Итальянскому королевству. Одновременно австрийский император вынужден был отказаться от Тироля, который переходил во владения Баварии. Правда, в обмен Австрия получала княжество Зальцбургское и Берх-тольсгабен, которые в 1803 г. перешли во владения эрцгерцога Фердинанда, бывшего великого герцога Тосканского. Бавария вогмещала эрцгерцога, уступив ему церковные земли Вюрцбурга, которые она также получила в 1803 г. Несмотря на эту маленькую компенсацию, потеря Тироля, одного из самых древних владений Габсбургского дома, была, пожалуй, наиболее болезненна для австрийской монархии. Территориальные приращения за счет Австрии получал и герцог Баденский. Он приобрел Ортенау, часть Брейсгау и Констанц. Наконец, Вюртемберг также округлил свои владения за счет пяти городов на Дунае, части Брейсгау и Швабии. В общем, австрийская монархия потеряла 4 млн. подданных (из 24 млн.) и 15 млн. флоринов годового дохода (из 103 млн.).

Как видно из этого перечисления, Франция непосредственно не получала никаких территориальных приращений. Однако усиливались ее союзники, и прежде всего Италия, которая фактически являлась частью империи. Видно также, что Наполеон стремился создать новую Германию, привязать к своим интересам государства запада, и прежде всего юго-запада Германии. Бавария и Вюртемберг не только приобретали значительные территории, но и получали статус королевств.

Больше всего, конечно, усилилась Бавария. Баварский электор был награжден за свой союз с Францией не только короной, но и 600 тыс. новых подданных, а его государство расширилось на 27 тыс. кв. км. Наконец, для того, чтобы окончательно скрепить франко-баварский союз, баварская принцесса Августа выходила замуж за приемного сына Наполеона вице-короля Италии Евгения Богарне.

Если в Германии речь шла о системе союзов, то в Италии Наполеон распоряжался самостоятельно. Отныне почти весь Апеннинский полуостров оказался в руках императора французов. Оставалось только Неаполитанское королевство Бурбонов, но его дни были уже сочтены. Наполеон не пожелал слушать никаких предложений со стороны королевы Марии-Каролины. 14 декабря, когда Талейран только заикнулся о том, чтобы найти какой-то компромисс в неаполитанском вопросе, Наполеон дал ему резкую отповедь: «Оскорбления этой жалкой королевы повторяются в каждом письме... Я буду трусом, если я прощу подобные выходки...» А 27 декабря из Шенбрунна он обратился к итальянской армии с громоподобной прокламацией: «Солдаты! Неаполитанская династия отныне должна прекратить свое царствование. Ее существование несовместимо со спокойствием Европы и честью моей короны. Идите же вперед и сбросьте в море эти жалкие батальоны тиранов морей*!»[11]

Неаполитанская королевская чета, покинутая своими союзниками, бежала на Сицилию. 14 февраля 1806 г. французские войска вступили в Неаполь, а на следующий день в столицу королевства под торжественные звуки оркестров, звон колоколов и грохот орудийного салюта въехал Жозеф Бонапарт. Отныне старший брат императора стал неаполитанским королем.

Наконец, летом 1806 г. завершатся процессы, начавшиеся в Германии после подписания Прессбургского мира. 12 июля был подписан договор между Францией и государствами запада и юго-запада Германии, следствием которого было создание так называемого Рейнского союза. В него вошли Бавария, Вюртем-берг, Баден, Берг, Гессен-Дармштадт, Франкфурт и ряд мелких княжеств", всего 16 государств. Рейнский союз был прежде всего военным. В случае войны немецкие союзники должны были выставить для поддержки французских войск 63 тыс. солдат. Со своей стороны Наполеон обязался, что в случае угрозы «немецкой независимости» он выставит 200 тыс. человек для защиты государств — членов союза.

Образование Рейнского союза означало окончательную утрату Габсбургами власти и влияния в германских государствах. А это означало окончательное крушение древнего, просуществовавшего почти тысячу лет, Рейха — Священной Римской империи германской нации. Понимая бесполезность дальнейшего существования номинальной империи, 6 августа 1806 г. Франц II отказался от титула Императора Священной Римской империи германской нации и отныне стал «просто-напросто» императором Австрии под именем Франц I.

Все эти пертурбации резко изменили соотношение сил в Европе. Если до этого речь шла об усилении Франции, о приобретении владений, которые можно было рассматривать как передовые укрепления вокруг осажденной вражескими коалициями крепости, то теперь империя Наполеона явно переросла понятие французской государственности. Именно с этого момента впервые стали раздаваться слова об Империи Карла Великого. Государство Наполеона было пока

Наполеон имел в виду англичан. Он, разумеется, еще не знал, что эти «жалкие отряды», еще не увидев его армию, сядут на корабли и покинут Неаполь.

" Герцоргства Нассау, Нассау-Узинген и Аренберг, княжества Гогенцолерн-Хехин-ген, Гогенцоллерн-Зигмарингерн, Сальм-Сальм, Сальм-Кирбург, Изенбург-Бирштейн,Лихтенштейн и графство Лейен.

еще далеко от того, чтобы быть «империей Европы», но это уже была не Франция, а нечто другое. Баланс сил на континенте был явно нарушен. Теперь тем более врагам Наполеона было сложно примириться с гигантским усилением его государства. Получался замкнутый круг: чтобы отразить нападение коалиций, Франция усиливалась; чем больше она усиливалась, тем больше ее ненавидели враги и тем больше была вероятность создания новой коалиции.

Вплоть до начала войны 1805 г., а тем более до начала франко-английского конфликта в 1803 г., Франция все-таки оставалась в пределах, которые могли рано или поздно принять европейские державы. Для этого нужен был только долгий период мира. Война, развязанная коалицией в 1805 г., похоронила эту надежду. Наполеон не мог не потребовать компенсации, не мог отказаться от возможности получения новых гарантий и нового усиления своей империи. В результате она увеличилась настолько, что на это уже не могли спокойно взирать европейские державы. Генерал Тьебо утверждает в своих мемуарах, что один из его друзей после заключения Прессбургского мира предрек дальнейшую судьбу наполеоновской империи. Обычно такие пророчества делаются задним числом, но даже если это так, интересная фраза заслуживает того, чтобы ее процитировать. «Я согласен, — сказал некто г-н Морен, — что император — это самый великий полководец всех времен, а наша армия — самая сильная в мире. Но хоть он и победил, его победы создали ему больше врагов, чем они дали ему славы. Хотя он и завоевал новые земли, каждое новое завоевание больше его ослабляет, чем укрепляет... Так что его врагам нужно только ждать. Сейчас слабость их останавливает, но их ненависть растет. Я не говорю, что он подошел к краю пропасти, но я хочу сказать, что он туда идет»[12].

Впрочем, таких, как г-н Морен, во Франции в этот момент было немного. Она ликованием встречала великого полководца и думала только о триумфах. «Париж был весь в эйфории энтузиазма, как и вся Франция, — вспоминал Октав Левавассер, вернувшийся с боевой раной на родину, — повсюду превозносили до небес доблестную армию, которая в три месяца совершила такой невообразимый поход и разбила соединенные силы России и Австрии. Повсюду в общественных местах народ чествовал офицеров и солдат, гордых своей победой. Вокруг них собиралась ликующая толпа, и вся Европа ими восхищалась. Моя рука на перевязи заставляла людей еще больше говорить мне добрых слов. Император своей победой заставил замолчать все враждебные голоса. Он вырос в глазах Франции, и она видела только его славу»[13].

* *

Третья коалиция была повержена. Но война 1805 г. открыла собой беспрерывную череду конфликтов. Обычно в них принято винить Наполеона, а войны, которые сотрясали Европу, называют наполеоновскими. И это не без оснований. Огромное усиление Франции было связано с тем, что по ней сначала прокатилась всесокрушающая волна Великой революции, а потом, использовав все лучшее, что принесли с собой революционные изменения, уничтожив хаос и анархию, Наполеон создал поистине великое и процветающее государство. Однако глава этого государства был не только гениален, но он был молод, энергичен, быть может, даже слишком. Ясно, что в этих условиях его внешняя политика не могла быть иной, кроме как наступательной. Тем не менее это еще не значило, что в Европе должен был вспыхнуть гигантский военный конфликт. Обратим внимание, что война первой коалиции против революционной Франции имела яркую идеологическую окраску, а союз монархических держав сло-

жился фактически спонтанно. С годами, особенно учитывая, что во Франции на смену ультрареволюционерам пришло жуликоватое правительство Директории, идеологическая составляющая конфликта все более и более сходила на нет. Теу не менее и вторая коалиция также родилась на свет не по злой воле какого-тс одного человека, а ее появление объяснялось целым набором мотивов: идеологических, геополитических, торговых и финансовых. Члены коалиции выступили против Франции весьма единодушно, и, несмотря на последовавшие разногласия, каждый в этой войне имел свою заинтересованность.

Люневильский и Амьенский мир завершили революционные войны. Идеологические противоречия между Францией и европейскими монархическими державами свелись в это время к минимуму. Разногласия по территориальным вопросам, несмотря на остроту отдельных споров, все же не были такими, чтобы ради них непременно нужно было начинать огромную европейскую бойню. Бонапарт искренне желал мира, а в отношении России его намерения вообще не вызывают никаких сомнений. Его единственной и давней мечтой был русско-французский союз. В этих обстоятельствах были все условия для того. чтобы в Европе в конечном итоге воцарился мир. Если этого не произошло, тс в этом виноваты не столько объективные обстоятельства, сколько деятельность одного человека — русского императора Александра I.

Без сомнения, франко-английские противоречия оставались очень острыми Без сомнения, английская буржуазия жаждала устранить с мировой арены опасного торгового и промышленного конкурента в лице новой Франции. Без сомнения, английские купцы не переваривали Бонапарта, в котором видели человека, живущего совершенно в иной плоскости, чем они. Тем не менее вся эта злоба и зависть не смогли бы вылиться в войну, если бы англичане не чувствовали за собой поддержки на континенте. По-пиратски в одиночестве рыскать по морям не имело никакой перспективы, если бы на суше правящие круги Великобритании не находили никакой опоры. Ряд современных французских историков, очевидно, примеряя к прошлому образы современности, когда голос слабой России почти не слышен в решении международных вопросов, говорят о влиянии Александра на франко-английский спор с легкой иронией. Но Россия того времени была совершенно другой страной. Ее могучую армию опасались в Европе. Она была единственной державой, которая могла, не боясь, вести любую войну на континенте и в случае поражения всегда спокойно укрываться в своих бескрайних просторах. Позиция и мнение такой державы не могли не сыграть определяющую роль. Если в 1803 г. английские олигархи решили растоптать Амьенский мирный договор, то только потому, что они видели, что Россия не только не будет противостоять их амбициям, но, наоборот, поддерживает и одобряет их.

Эта позиция целиком и полностью личная инициатива Александра. Ничто — ни геополитические интересы, ни даже общественное мнение не заставляли русского царя безоглядно поддерживать наглые претензии британских толстосумов. Подавляющее большинство правящего класса России стояло за независимую внешнюю политику страны в стиле Петра Великого и Екатерины Великой, той, которая осмелилась заставить уважать на морях русский флаг и выступила инициатором «вооруженного нейтралитета». Да, русские дворяне ненавидели французскую революцию, но Бонапарт был уже не революция. Это прекрасно, кстати, понял Павел I, взявший курс на сближение с Францией. Это прекрасно понимали и многие представители русского правящего класса. Не следует забывать, что все они жили под влиянием французской культуры, говорили, читали и писали по-французски. Безоглядная, забывшая все интересы страны поддержка Англии была совершенно не в интересах большинства

русского дворянства. Если в правительстве и было несколько горячих англофилов, то только потому, что этого хотел царь. Захотел бы он по-другому — были бы другие люди, потому что, следует еще раз подчеркнуть, никакого императива во вражде с Францией у России не было.

Наоборот, приличные отношения с Францией при сохранении торговых отношений с Англией были самым лучшим способом для России сбить наглую спесь британских олигархов и притормозить слишком честолюбивые стремления молодого консула. Но Александр выбрал совершенно другую политику. Он развязал англичанам руки. Как только началась англо-французская война, она обострила все противоречия, накалила обстановку на континенте. Однако и в этой ситуации война России с Францией никак не следовала автоматически из создавшейся ситуации. Александру потребовались поистине титанические усилия, чтобы заставить другую крупную державу континента Австрию, вступить в антифранцузский союз. В отличие от первых двух коалиций, третья совершенно не была спонтанной. Австрию загоняли в нее пинками. В результате Россия получила ту войну, которую она должна была получить. В памяти русских офицеров и солдат австрийцы остались как дурные союзники, нерешительные и постоянно клонящиеся к «предательству». А как еще могли себя вести австрийцы, которых затащили в коалицию против воли не только большинства австрийского народа, но и против воли даже австрийского генералитета?

Русские историки часто говорят о войне 1805 г. как о войне превентивной. Якобы Наполеон с самого начала только и думал, что напасть на Россию, и нужно было его остановить. Как кажется, документы и материалы, приведенные в этой книге, убедительно доказывают, что теория превентивной войны не выдерживает ни малейшей критики. Война 1805 г. не предотвращала будущие военные конфликты, а, наоборот, их спровоцировала. Расширение Франции за счет Пьемонта или Генуэзской ривьеры мало затрагивало интересы России, а тем более не угрожало ее безопасности. Первый консул, а впоследствии император постоянно подчеркивал свою приверженность концепции русско-французского союза. Конечно, он делал это не по причине какого-то особого пристрастия к русскому народу, а искал в этом свои выгоды. Но что мешало России умело использовать хорошие отношения с Францией для того, чтобы найти в них выгоды для себя?

Итак, Россия, а вместе с ней и вся Европа были втянуты в глупую, ненужную, кровопролитную войну, за которую большую, если не всю часть ответственности несет император Александр. План войны был следствием ее политической подоплеки. Царь хотел вовлечь в коалицию как можно больше держав, стать кумиром Европы. Поэтому силы союзников были разбросаны на огромном пространстве континента. С огромными трудностями, ценой гигантских материальных затрат десятки тысяч русских солдат были переброшены одни на север, другие на юг Европы для того, чтобы увлечь в коалицию новые страны. С точки зрения стратегической это распыление сил оказалось совершенно бесполезно. Наполеон действовал так стремительно, сконцентрировав силы на главном направлении, что фланговые «диверсии» привели только к пустой растрате сил и удару по воздуху.

На главных театрах военных действий, южно-германском и северо-итальян-ском, война развивалась так же, как и следовало ожидать. Понимая, что главная борьба произойдет в Германии, австрийское командование послало тем не менее свои лучшие полки в Северную Италию, потому что здесь командовал эрцгерцог Карл. Он не получил руководство на решающем участке, так как был противником этой войны, но как брата императора его не могли совсем «обидеть». Выдви-

нутую вперед армию поручили бездарности, каким был генерал Макк, и это так же произошло по политическим соображениям, ибо незадачливый генерал бы.: одним из немногих сторонников войны.

Опять-таки по политическим соображениям Макк начал наступление гораздо раньше всех остальных, стремясь, с одной стороны, оправдать оказанное ему доверие, а с другой стороны, опять из соображений политики. Он надеялся вовлечь в антифранцузский союз Баварию и другие государства юго-запад^ Германии. В результате получилось такое абсурдное размещение войск, коте рое не мог бы сделать и намеренно засланный в штаб вражеский агент. В т: время когда меньшая часть австрийской армии буквально побежала вперед *в* Баварию, ее большая и лучшая часть спокойно стояла на равнинах Ломбардии и не начинала военные действия в ожидании, что из всего этого получится. Б то же время только малая часть русских войск (Подольская армия Кутузова* двинулась в Австрию, причем расстояние от армии Кутузова до армии Макка было такое, что надеяться на их совместные действия перед лицом активного неприятеля просто не приходилось.

Но это еще были не все нелепости ситуации. Основные массы русских Б этот момент были сосредоточены на границе с Пруссией, угрожая ей войной Б случае, если она не вступит в коалицию! Об этом уже подробно рассказывалось, но хотелось бы еще раз подчеркнуть, что, если бы царь и князь Чарто-рыйский привели бы в действие свой бредовый план, Россия потерпела бы такую внешнеполитическую катастрофу, что даже аустерлицкое поражение показалось бы детской игрушкой. К счастью для Александра, ошибочное решение Наполеона о проходе его войск через прусский анклав Анспах помогло избежать этого абсурдного по своей сути конфликта. Однако даже это обстоятельство не может послужить оправданием подобного плана.

Что касается Наполеона, его действия в стратегическом масштабе нужно признать образцовыми. Обычно принято расписывать как шедевр хитрости Е искусства окружение армии Макка в Ульме. Но на самом деле, как уже неоднократно повторялось, Наполеон не ставил перед собой изначально задачу окружения и пленения австрийцев. Он хотел обойти и разгромить австрийскую армию, а как это должно было случиться, для него было непринципиально. Если в конечном итоге армия Макка попалась в плен, то причина этому больше всего — полная бездарность этого генерала.

В ходе Ульмского марш-маневра далеко не все шло гладко. Зато в основных, глобальных стратегических расчетах император не просто был прав, £ гениально прав. Если план войны союзников был похож на варварское нагромождение хаотических конструкций, план и действия Наполеона подобны античному храму. Здесь не было ничего лишнего, но ничего добавить тоже было невозможно. Император совершенно четко выбрал для себя главный объект воздействия. Он абстрагировался от всего второстепенного («не обращайте вни- , мания на то, что может сделать неприятель в Ганновере или в других местах.. Когда мы разделаемся со 100 000 австрийцев, которые сейчас перед нами, у нас будет возможность заняться и другими делами...»). На всех прочих театрах военных действий оставался тот минимум войск, который был необходим, или ; не было оставлено вообще никаких войск, если временно этими участками можно I было пожертвовать. На направлении главного стратегического удара было сосредоточено подавляющее численное превосходство. Использованы все методы ; для его достижения, и политика шла рука об руку со стратегией. Германские государства, на которые рассчитывали австрийцы, стали союзниками Наполеона, а их контингенты также участвовали в войне на стороне Великой Армии.

В результате под Ульмом была достигнута сокрушительная победа. Противник был поражен в самое чувствительное место. В некоторых других обстоятельствах одной такой победы было бы вполне достаточно.

Если бы во главе Подольской армии стоял иной человек, чем Кутузов, который хотя бы на одну десятую позаимствовал схоластических мудростей Макка, судьба русских войск была бы предрешена. Однако в лице Кутузова на поле стратегических действий Наполеон нашел достойного противника. Без сомнения, у видавшего виды русского полководца не было порыва и энергии его значительно более молодого противника. В области оперативных и тактических комбинаций ему также было бы трудно спорить с Наполеоном. Хотя солдаты любили Кутузова, он не обладал и той харизмой, которая была характерной чертой французского императора. Однако старого полководца отличал блестящий политический ум, тонкая проницательность и глубокое понимание стратегических проблем.

Отступление Кутузова от Браунау до Брюнна нужно признать поистине образцовым, конечно, не с точки зрения порядка на марше (его было почти невозможно соблюдать в тяжелейших переходах перед лицом предприимчивого, храброго и более многочисленного неприятеля), а с точки зрения того, что малейшая ошибка, допущенная русским полководцем, стала бы для его армии последней. Малейшая задержка, малейшие схоластические размышления в стиле Макка, малейшие колебания перед вопросом, что делать, оборонять или нет рубеж реки Энса, Вену и т.п., и его армия была бы окружена, разгромлена, раздавлена, взята в плен. Но Кутузов не допустил ни одного стратегического просчета, сумел нанести контрудар под Кремсом, выстоял даже тогда, когда не по его вине французская армия шла из Вены наперерез русским. Все это заслуживает, без сомнения, самой высокой оценки. При этом следует обратить внимание, что Кутузов в этой ситуации действовал совершенно самостоятельно. Ему никто не мешал, никто не вставлял палки в колеса, а если быть еще более точным, он просто сумел, сохраняя при этом дипломатические внешние формы, просто-напросто наплевать на все советы и указания свыше.

Однако подвиг Кутузова и его солдат остался без продолжения, что вполне очевидно. И это тоже вытекало из общего политического характера войны. Если Кутузов действовал, в конечном итоге, успешно (если можно назвать, конечно, успешным беспрерывное отступление), то это происходило из-за того, что он как бы временно абстрагировался от общих задач войны и думал только об одном — о сохранении своей армии.

Прибытие Александра к войскам не могло не вернуть боевые действия в рамки политических задач войны. Как уже отмечалось, решение Александра о немедленном наступлении связано далеко не только с влиянием придворных фанфаронов типа Долгорукого, не понимавших силы французской армии. Войска могли, конечно, отступать дальше, но какова была бы при этом судьба русско-австрийского союза, далеко не очевидно. После катастрофы под Ульмом, неудач в Италии и Тироле, потери Вены война опостылела подавляющему большинству австрийских солдат, офицеров и генералов. Нечего и говорить о мирном населении, страдавшем от пожаров, грабежей и насилий. В этой обстановке австрийский император в любой момент мог не выдержать и заключить мир. Тогда бы вся идея коалиции рассыпалась, как карточный домик.

Конечно, сказалась молодость царя, самоуверенность его адъютантов и «молодых друзей», умелые действия Наполеона по созданию видимости того, что Великая Армия ослабла, а он боится наступления союзников. И все же, пожалуй, в не меньшей, а может быть, и в большей мере на решения союзного командования повлияла политическая составляющая.

В Аустерлицком маневре император Наполеон опять проявил себя блистательным стратегом и поистине великим полководцем. Но, как и под Ульмом. величие Наполеона состояло не в том, что он якобы продумал все мельчайшие ходы до конца. Более того, его провидческий план, который историки обычно ему приписывают, появился уже задним числом. Однако гений полководца заключается не в том, чтобы нарисовать на карте стрелочку красным карандашом, даже если эта стрелочка нарисована в нужном месте. Наполеон сумел поистине инстинктивно чувствовать неприятеля, умело заставил его совершить преждевременное стратегическое наступление, верно рассчитал время контрудара, а самое главное, словно незримым духом пронизывал всю армию, заставлял каждого солдата и офицера верить: «Победа будет за нами! Что бы ни случилось, наш полководец заранее все продумал, все знает и всегда с нами». Это умение одухотворять армию, наполнить ее верой в то, что она сражается за правду и справедливость, вести себя так, чтобы каждый солдат был готов броситься в огонь ради своего императора — вот самый великий дар Наполеона.

Наконец, следует отметить тактическое мастерство, которому французские войска обучились в ходе революционных войн и закрепили пройденное на практике под руководством Наполеона в Булонском лагере. Это тактическое мастерство, блистательное умение командовать на поле боя генералов и офицеров помогло французским батальонам и эскадронам выйти победителями даже в самых тяжелых ситуациях, когда, казалось бы, по всем «нормальным» пространственно-численно-временным соотношениям они должны были проигрывать.

Все это сделал Наполеон. Аустерлиц не столько был победой французской армии над союзниками, сколько победой Наполеона и созданной его гением и энергией армии.

Именно в этом смысле Аустерлиц является «победой-образцом». Это действительно образец стратегического искусства, образец умелого командования и торжества решимости и воли.

После сокрушительного поражения, которое понесли союзники, войну они продолжать больше не могли. Все рассказы ряда русских историков о том, что Аустерлиц на самом деле это уж не такое страшное поражение, что армия могла еще дальше продолжать борьбу, относятся к области фантазии. Война была решена одним ударом, в один день, можно сказать, почти что в один час. С этой точки зрения Аустерлиц напоминает некоторые великие битвы древности. Можно вспомнить, что в Средневековье делали различие между «войной» и «битвой». Война — это нормальное состояние общества того времени: небольшие набеги, осады, стычки. Битва же — это божий суд, к которому готовились, как к торжественному ритуалу, и которая по своей сути не являлась «войной», потому что она неизбежно должна была ее закончить*. Так и случилось под Аустерлицем. После битвы войны больше не было. Уже через день было подписано перемирие.

Конечно, отсутствие преследования после Аустерлица является в значительной степени следствием наличия первоначального плана Наполеона, который был изменен по ходу дела. В результате кавалерия осталась почти вся в стороне от направления главного удара, и, более того, Мюрат на следующий день сгоряча погнал ее еще дальше в сторону от того места, где она должна была быть. Конечно, французская армия устала, а мокрый снег с дождем и грязь по колено не способствовали бурному желанию мчаться преследовать разбитого неприятеля. Совершил просчет и Сульт, задержав выступление своих войск до утра 4 декаб-

**** Такой битвой-образцом в Средневековье являлась битва при Бувине 27 июля 1214 г. где французское рыцарское войско наголову разгромило коалицию феодалов под командованием германского короля.***

ря. Однако если бы Наполеон захотел, он мог наверстать упущенное и если не 4 декабря, то через день, через два уничтожить, рассеять, взять в плен практически все, что осталось от союзной армии. Во многом он не сделал этого по политической причине. Буквально через несколько дней после битвы в разговоре с Гаугвицем император сказал: «Россия будет со мной, быть может, не сегодня, но через год, через два, через три года. Время стирает все воспоминания, и из всех союзов это будет тот, который мне больше всего подходит»[14].

Увы, Наполеон не знал, с кем он имеет дело. Во главе России стоял человек, который поставил себе во главу угла только одну задачу — удовлетворить свое чувство личной зависти и мстительности по отношению к Наполеону. «В Европе нет места для нас обоих. Рано или поздно один из нас должен уйти!» — заявит чуть позже Александр I в беседе со своей сестрой Марией Павловной.

Кроме того, желание обезопасить себя в будущем, извлечь максимальную выгоду из победы, завело Наполеона слишком далеко. Его империя и появившиеся вокруг нее вассальные государства стали слишком много весить в европейской политике. Баланс сил был нарушен, и с подобным государством стало весьма непросто поддерживать равноправные взаимоотношения. Поражение при Аустерлице разбудило также дремавшие силы. Русское дворянство и в особенности офицерский корпус отныне желали реванша. Конечно, все это было еще достаточно далеко от сильных антифранцузских настроений в русском обществе в период войны 1812 г. Однако это было уже не то в основном безразличное и иногда даже благожелательное отношение к Бонапарту в годы его Консулата. Всего лишь через несколько дней после Аустерлица в Москве так судили о происшедшем: «Конечно, потеря немалая в людях, но народу хватит у нас не на одного Бонапарте, как говорят некоторые бородачи-купцы, и не сегодня, так завтра подавится, окаянный»[15].

Неудивительно, что прелиминарные условия мирного договора, подписанные в Париже 20 июля 1806 г. русским посланником Убри, были отвергнуты Александром. Война еще только начиналась...

1 Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч., с. 233.
2 Клаузевиц К. 1806 год. М., 1937, с. 56-57.
3 Кутузов М.И. Сборник документов., т. 2, с. 306.
4 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3115.
5 Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч., с. 262.
6 Там же., с. 265.
7 Damas R. Memoires du comte Roger de Damas. Paris, 1912, 1914, t. 2, p. 418.
8 Внешняя политика России XIX и начала XX века... т. 2, с. 652.
9 Langeron A. F. Journal... Рукописный фонд Российской национальной библиотеки. Ф. 762. Д. 149.
10 Damas R. Op. cit., p. 420..
1 Correspondance... t. 11, p.
12 Thiebault D.P.C.H. Memoires du general baron Thiebault. Paris, 1893-1895, t. 3, p. 541.
13 Levavasseur O. Souvenirs militaires d'Octave Levavasseur... p. 67.
14 Цит. по: Sorel A. L'Europe et La Revolution franchise. Paris, 1905, t. VII,
15 Жихарев СП. Записки современника. М., 2004, с. 137.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ТАКТИКА В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Те, кто хорошо знаком с тактическими приемами начала XIX века, вполне могут пропустить это приложение. Однако для тех, кто сталкивается с подобной проблемой впервые, понять эту книгу просто невозможно без чтения небольшого экскурса в область тактических приемов Наполеоновской эпохи.

ИМПЕРАТИВ ВООРУЖЕНИЯ

Как и во все времена, в начале XIX века приемы боя зависели прежде всего от нескольких составляющих, и прежде всего от вооружения и моральных характеристик армии. С начала XVIII века главным и почти единственным оружием пехоты стало длинное кремневое ружье со штыком. Длина ружья (без штыка) обычно превышала 1,5 метра, а длина клинка штыка равнялась 40 см и более. Ружье заряжалось патронами, которые представляли из себя бумажные трубки с отмеренным зарядом пороха и свинцовой пулей. Солдат скусывал бумажный патрон со стороны, противоположной пуле, высыпал немного пороха на полку кремневого замка, а основная часть заряда высыпалась в канал ствола, куда шомполом забивалась и пуля с бумагой, игравшей роль пыжа. Для производства выстрела нажимали на спусковой крючок, приводивший в действие механизм замка. Курок с кремнем ударял по огниву — изогнутой металлической пластинке, от этого удара высекались искры и одновременно открывалась полка с порохом, так как нижняя часть огнива служила крышкой для последней. Воспламенение пороха на полке через затравочное отверстие передавалось заряду в канале ствола — происходил выстрел.

Скорострельность подобного ружья не могла быть очень большой. Однако она и не была столь малой, как это обычно представляют в популярной литературе. Максимальная скорость заряжания и стрельбы доходила до 5—6 выстрелов в минуту. Однако речь идет об опытных стрелках на полигоне. В реальной | боевой обстановке солдат средней обученности давал от 2 до 3 выстрелов в минуту. Тем не менее с подобной скоростью вели огонь только в критические моменты. Основной проблемой, ограничивающей скорострельность, являлось загрязнение канала ствола гарью, образующейся при сжигании черного пороха. Наставления той эпохи предписывали тщательно промывать и прочищать " ствол ружья после 60—65 выстрелов. Эту непростую операцию можно было выполнить только полностью разобрав ружье, следовательно, вне боевой обстановки. Таким образом, даже в ходе большой битвы, при условии неограниченного подвоза патронов, солдат не мог дать более 60—65 выстрелов. Поэтому многие военные практики той эпохи рекомендовали не гнаться за частотой пальбы, а стрелять только с короткой дистанции и прицельно.

Теоретическая дальнобойность ружья была довольно велика. При угле возвышения, близком к 45 градусам, пуля пролетала около 1 км. Однако при таком наклоне ствола и при такой дальности попасть во что-либо было совершенно невозможно. «Учебник для пехоты», изданный во Франции в эпоху Наполеона, рассматривал дистанцию в 450 шагов (около 300 метров) как расстояние, с которого можно было вести относительно действенный огонь. Тем не менее авторы учебника сомневались в целесообразности подобной стрельбы и считали, что стрелять следует только по противнику, находящемуся на дистанции не более 300 шагов (200 метров).

К таким оценкам были близки и выводы известного военного автора того времени полковника Бардена. Он писал: «Все выстрелы на расстоянии, большем, чем 234 м (120 туазов)*, и особенно на значительно большей дистанции, производят незначительный эффект и, следовательно, приводят к пустой трате боеприпасов и делают наше оружие менее опасным для врага»[1].

Кроме гладкоствольного оружия, уже начиная с конца XV века мастера научились изготовлять «штуцера» (карабины) с нарезами в канале ствола. Пуля из такого оружия летела значительно дальше и била точнее. Однако изготовить нарезные стволы в рассматриваемую эпоху было очень дорого. Наконец, самым главным недостатком штуцеров было то, что заряжались они так же, как и ружья, через дуло. Пулю, обернутую в специальную промасленную тряпочку, приходилось тщательно заколачивать специальной колотушкой. Разумеется, подобная операция требовала в 2—3 раза больше времени, чем заряжание обычного ружья. В случае если стрелок по какой-то причине не забил пулю в ствол до упора, т.е. до контакта с пороховым зарядом, нарезной штуцер могло просто-напросто разорвать. Наконец, гарь от черного пороха после нескольких десятков выстрелов полностью забивала нарезы, и штуцер требовал основательной и сложной чистки.

Именно поэтому подобным оружием в Наполеоновскую эпоху были вооружены только отдельные формирования. У австрийцев это были знаменитые тирольские стрелки, которые набирались из охотников, хорошо знакомых с употреблением охотничьего нарезного оружия. В тех армиях, где было невозможно найти таких «самородных» стрелков, использование штуцеров было крайне ограничено, потому что обучить простого солдата пользоваться этим капризным оружием было непросто. Французы и русские практически не употребляли штуцера. В 1805 году во французской армии нарезным оружием были вооружены только отдельные унтер-офицеры вольтижеров, а в русской армии — унтер-офицеры егерских полков, да и то, позднее, в 1808 году, штуцер был отменен и у них.

У штуцера был еще один недостаток — он не мог быть длинным. Потому что в этом случае операция по забивке пули в нарезной ствол стала бы поистине почти невообразимым делом. Поэтому даже снабженный большим штыком, штуцер был куда менее полезен в рукопашной схватке, чем большое гладкоствольное ружье. Не следует забывать, что ружье вместе с прикрепленным штыком представляло собой оружие почти двухметровой длины. Каждый пехотинец, прикрепив штык к концу ствола, получал фактически мощную «полупику». Именно поэтому, а не из-за того, что мастера той эпохи не умели делать короткие стволы, ружья делались длинными. Разумеется, длинный ствол улучшал и точность стрельбы, но все же главной причиной изготовления столь длинных ружей была необходимость дать в руки каждого пехотинца одновременно надежное огнестрельное и холодное оружие.

Несмотря на важность ручного огнестрельного оружия, главные потери в конце XVIII — начале XIX века наносила на поле боя артиллерия. Как это ни странно, пушки стреляли практически с той же скорострельностью, что и ружья. В критические моменты артиллеристы могли давать до 4 выстрелов в минуту и даже более. Впрочем, с такой скоростью стреляли не часто. При продолжительной быстрой стрельбе ствол сильно накаливался, и заряд, вложенный в пушку, мог взорваться в тот момент, когда его забивал артиллерист.

**** Ясно, что Барден за действительную дистанцию огня условно принял дальность полета пули при горизонтальном положении ствола, причем выраженную в туазах. Отсюда такая странная для оценочной цифры точность — 234 м.***

Заряд в эту эпоху представлял собой заранее заготовленную дозу пороха, насыпанную в мешочек из плотной ткани (картуз). Ядро прикреплялось металлическими полосками к «Шпигелю» (деревянному поддону), который в свою очередь соединялся с картузом. Во Франции подобный заряд, похожий на современный унитарный патрон, появился в 60-е годы XVIII века. Примерно Е это же время он получил распространение и в других европейских армиях.

Основным видом снарядов для артиллерии были ядра, отлитые из чугуна. Во второй половине XVIII века была усовершенствована картечь. Отныне картечные пули либо отливались из чугуна, либо были коваными. В России их продолжали делать из свинца до 1809 года. Они укладывались в специальные жестяные банки, которые прикрепляли, подобно тому, как это делали с ядром, к картузу. Количество картечных пуль в одной банке варьировало в зависимости от калибра и размера пуль (в основном от 60 до 150 пуль диаметром от 2(до 50 мм). Картечный выстрел, сделанный с близкого расстояния, мог нанести страшные потери сомкнутому строю пехоты или кавалерии.

Наконец, еще одним видом снарядов были гранаты — полые чугунные шары, заполненные внутри порохом, воспламеняющимся от специального запала. Из обычных пушек стрелять гранатами было невозможно, т.к. давление в канале ствола было слишком большим, и граната могла разорваться, не вылетев из орудия. Поэтому, чтобы стрелять гранатами, во Франции использовались специальные короткоствольные гаубицы. В России была создана своеобразная система орудий, которые назывались единорогами. Единорог был короче обычной пушки, но значительно длиннее гаубицы. Из него можно былс стрелять как ядром, так и гранатой. Ясно, что вследствие более короткого, чем у обычной пушки, ствола точность стрельбы ядром из единорога была меньше, чем из пушки, а при стрельбе гранатой существовала опасность, хотя и не очень высокая, ее преждевременного разрыва. Зато единорог стрелял значительно дальше гранатой, чем французская гаубица. По своему классу его следует отнести к промежуточному между пушкой и гаубице типу оружия.

Дальнобойность артиллерийских орудий начала XIX века могла достигать 4 км и более при угле возвышения ствола, близком к 45 градусам. Однако полевые лафеты того времени не позволяли задавать подобные углы возвышения, тем более что в этом не было никакой необходимости. Ядро вообще не разрывалось, а граната поражала неприятеля только в небольшом радиусе. В результате стрелять по противнику, которого нельзя было непосредственно видеть, было бесполезным занятием.

Эффективная дальнобойность ядрами и картечью показана в таблице.

Дистанции эффективного огня для орудий различных калибров[2]

	Ядро/граната (м)	Дальняя (крупная) картечь	Ближняя (мелкая) картечь
12-фунтовая пушка 8-	1 100	700	500
фунтовая пушка 4-	1 000	600	400
фунтовая пушка	900	500	300
Гаубица	900	400	

Все сказанное относится к оружию начала XIX века, однако почти полностью применимо к вооружению середины и второй половины XVIII века. Небольшой прогресс наблюдался только в развитии артиллерии. Во Франции в 1765—1774 гг. была введена артиллерийская система Грибоваля, которую почти

все современники единодушно считали наиболее удачной. В России в 1805 г. была введена так называемая аракчеевская система артиллерии, которая также использовала все последние технические разработки своего времени. Подобно системе Грибоваля, она была почти что совершенной для своего времени.

ИМПЕРАТИВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ

Впрочем, усовершенствования в области вооружений не носили принципиального характера. Зато тактика сильно изменилась в эпоху Великой французской революции. Эта трансформация объясняется не усовершенствованием оружия, а изменением облика войны и морально-политического состояния армий.

В XVIII веке война была исключительно делом правительств. В Европе эпохи Просвещения давно угасли острые религиозные распри, а национализм был практически еще неизвестен. Классические монархии обладали достаточными материальными средствами, чтобы набрать многочисленное войско. Однако в то время никто и понятия не имел об идеологической обработке масс и пропаганде. Считалось, что офицеры должны выполнять свой долг, руководствуясь дворянско-рыцарскими представлениями о чести, а солдаты представляют собой некую инертную массу, в любом случае не рвущуюся в бой. Это наложило печать на тактику европейских армий того времени.

Из того, что было сказано о технической составляющей, ясно, что ружья того времени могли давать значительный эффект только при их массовом употреблении. Особенно действенен был огонь залпами. Очевидно, что такой огонь проще всего вести группой, построенной ровными шеренгами и действующей по команде, поданной голосом. Так естественным образом родился батальон в развернутом строю, а так как максимально возможное количество людей, которыми можно командовать голосом (при условии сомкнутого строя) 500—900 человек, то это количество стало обычной численностью батальона. Батальон пехоты, построенный в три шеренги, ведущий максимально частый залповый огонь, становится основой всех боевых порядков.

Этот строй оказался удобен не только с точки зрения применения оружия, но и по причинам морально-политического характера. «...Тактика вполне соответствует составу армии, — справедливо отмечал Дельбрюк, — рядовому ничего не остается делать самому, ему надо только слушаться: он идет, маршируя в ногу, имея справа — офицера, слева — офицера, сзади — замыкающего; по команде даются залпы и, наконец, врываются в неприятельскую позицию, где уже не ожидается действительного боя. При такой тактике добрая воля солдата, если он только остается в руках офицера, не играет особенной роли, и можно было рисковать подмешивать в строй чрезвычайно разношерстные элементы»[3].

Так совершенно естественно родилась тактика, получившая позже название линейной, основой которой являлся уже упомянутый развернутый в трех ше-реножную линию батальон, выровненный как на параде, с офицерами и унтер-офицерами позади и на флангах. Между тонкими линиями отдельных батальонов невозможно было оставить большие интервалы, так как фланги и тыл каждого из них были очень уязвимы, в результате армия строилась, по сути дела, в единый огромный боевой порядок, состоявший чаще всего из двух поставленных одна за другой на дистанции 200—300 метров линий развернутых батальонов. Кавалерии оказалось нечего делать в ином месте, кроме как на флангах этого построения. Так боевой порядок армии стал неуклюжим и тяжеловесным. Так как всякий разрыв боевой линии грозил тем, что неприятель вломится в него, армия, если она желала предпринять какой-либо маневр или передвижение, вынуждена

была действовать как одно целое, над ней, как сказал Клаузевиц, царило «проклятие единства» — отсюда медлительность и негибкость всех маневров.

Конечно, данное описание — не более чем общая схема. Не следует, как это делается в ряде трудов, сводить все многообразие форм борьбы в XVIII веке только к приемам линейной тактики. Как на теоретическом, так и на практическом уровне в течение всего столетия происходил поиск иных возможных форм борьбы. Еще в начале XVIII века французский генерал Фолар выступил с идеей применения в бою глубоких колонн пехоты, с помощью которых он надеялся прорвать тонкие линии врага[4]. Идеи Фолара позже поддержал другой французский военный теоретик Мениль-Дюран[5]. В военной литературе Франции той эпохи возникнет даже бурная полемика между сторонниками «тонкого боевого порядка» и «глубокого боевого порядка». Последний получит название «французского», так как, согласно мнению его авторов, он более соответствовал французскому характеру с его порывистой отвагой и энтузиазмом.

Батальонные и полковые колонны не раз применялись в ходе Семилетней войны французскими войсками, их использовали в боях под Бергеном, Зон-дерсгаузеном, Минденом и Клостеркампом...

Рассыпной строй стрелков также не был изобретением американских повстанцев в ходе войны за независимость США. «Вольные батальоны» Фридриха II, «легкие легионы» французской армии, кроаты и пандуры австрийцев сражались почти всегда только таким способом.

Однако все теоретические диспуты и практические эксперименты оставались маргинальными по отношению к основной форме боя. Вплоть до Великой французской революции линейная тактика, как естественным образом вытекающая из всех социальных, политических, моральных и материальных условий войны, оставалась доминирующей.

Великая французская революция произвела не только глобальное потрясение политических и социальных основ европейского общества. Она вызвала к жизни невиданные, дремавшие дотоле силы, она разбудила джинна национальных и идеологических страстей, она бросила в огонь людей, одержимых жаждой победы, пылом и революционным энтузиазмом. Разве могли эти многочисленные батальоны новобранцев, впервые взявших в руки оружие, маневрировать с такой же точностью, как вымуштрованные прусские, австрийские, саксонские, гессенские полки? Комитет Общественного спасения постановил 2 февраля 1794 года: «Общим правилом должно стать всегда действовать массами и наступательно, при каждом случае бросаться в штыки и преследовать врага до полного уничтожения»[6]. Необученные батальоны не могли удержать равнение в линиях и превращались в толпы стрелков, ведущих частый огонь без команды, другие, шедшие за ними, сбивались в подобие колонн, «так как все равно не собирались стрелять»[7], и решительно шли вперед. «Когда град пуль и ядер врага становился все более жестоким, — рассказывает очевидец, — офицер или солдат, а порой и представитель народа запевал гимн победы. Генерал поднимал на острие шпаги свою шляпу, над которой развевался трехцветный плюмаж, чтобы его видели издалека и храбрецы могли следовать за ним. Солдаты бросались вперед бегом, первые шеренги брали штыки на руку, барабаны били атаку, воздух наполнялся криками, тысячу раз повторяемыми: Вперед! Вперед! Да здравствует Республика!»[8].

Конечно, если бы французов было меньше или равное число с обученными вражескими солдатами, они навряд ли смогли бы добиться победы подобными импровизациями, но на стороне республиканцев было численное преимущество, дерзкий порыв и самозабвенная отвага. В результате все премудрости линейной тактики начали рассыпаться перед этим шквалом.

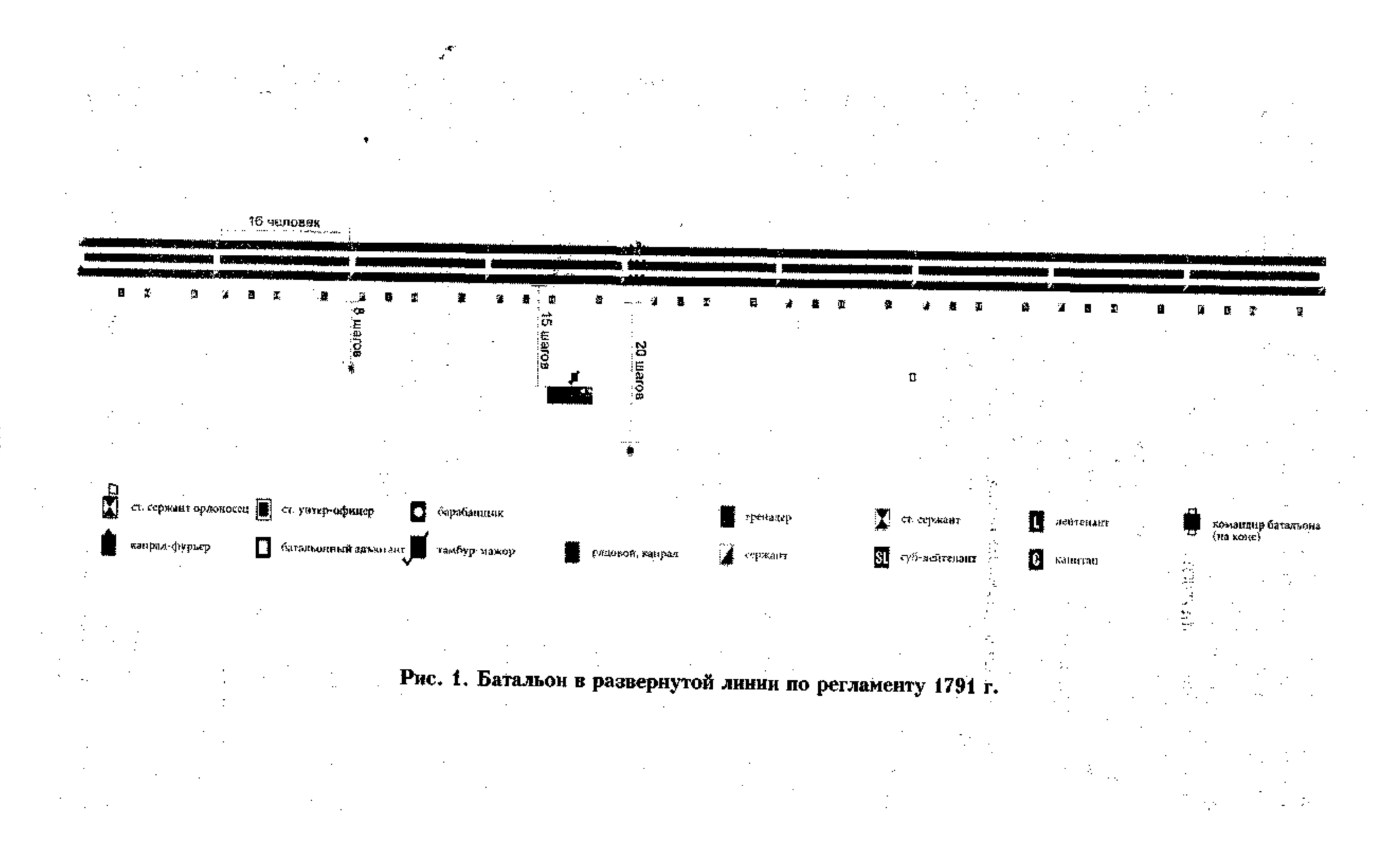

Рис. 1. Батальон в развернутой линии по регламенту 1791 г.

Впрочем, как только французские войска стали более обученными и закалились в боях, они сумели использовать все то логичное и продиктованное техническими императивами, что было в линейной тактике. Цепи стрелков и батальонные колонны, смело идущие в штыковые атаки, отныне соседствовали во французской армии с развернутыми линиями. Гибкая система ведения боя, сохранившая из линейной тактики все полезное, все то, что определялось техническими возможностями оружия, но отбросившая все рутинное, стала естественной для всей республиканской армии. В своих первых походах Бонапарт ничего не изменил в боевых формах, выработанных революционными войсками, он просто мастерски использовал их на полях сражений и добивался блестящих результатов, более того, тактика французских войск фактически не претерпела изменений и в период Консульства, и в первых походах Империи.

В русской армии подобную тактику, где линии соседствовали с колоннами и рассыпным строем, мастерски использовал Суворов. Великий полководец сумел развить подобную тактику, используя высокий моральный дух русской армии, базировавшийся на национальных и религиозных чувствах русского солдата. Важным составляющим фактором послужил также и мощный подъем, который вызывал в войсках ореол непобедимости Суворова. Однако со смертью этого знаменитого полководца вновь вернулись к господству старых приемов, и в войну 1805 г. русская армия вступила, используя в основном привычные для XVIII века тактические формы.

Устарелой тактики придерживались и австрийцы. Особенно ревностно соблюдались старые принципы в рядах прусской армии. Однако поражения коалиции в войнах 1805—1807 гг. приведут к коренным изменениям в тактических приемах русских, австрийских и прусских войск. Уже в войну 1809 г. австрийская армия вступит во многом обновленной, ее тактические приемы отныне станут повторять французские образцы. Реформы Шарнгорста и Гнейзенау полностью изменят и тактику пруссаков. Наконец, поражения 1805—1807 гг. приведут и к глобальным изменениям в русской армии. Можно сказать, что всего лишь через 3—4 года после войны 1805 г. вся Европа примет на вооружение тактику наполеоновских войск. Впрочем, нужно подчеркнуть, что даже в ходе войны 1805 г. тактические различия проявлялись не столько на уровне построения отдельных боевых единиц, а прежде всего в том, как использовались и взаимодействовали войска на поле сражения. Учитывая, что объем данной работы не позволяет рассмотреть особенности тактических приемов всех армий, принявших участие в войне III коалиции, мы остановимся лишь на тактике французской армии.

ТАКТИКА ПЕХОТЫ

Основой для всех действий французской пехоты продолжал оставаться строевой устав 1791 г. Вполне понятно, что, разработанный на основе опыта сражений XVIII века, регламент предполагал в качестве основного построения пехоты развернутую трехшереножную линию батальона (см. рис. 1). В этой линии солдаты стояли очень тесно по фронту, в среднем на одного человека приходилось меньше одного шага*, и каждый должен был слегка касаться локтями соседей справа и слева. Достаточно близко друг от друга располагались и шеренги — на дистанции одного фута (расстояние измерялось от ранца солдата передней шеренги до груди солдата задней). Позади линии располагалась боль-

**** Регламент не указывает точно, какое пространство отводится по фронту на человека, однако в одном из наставлений маршала Даву для своего корпуса указывается, что батальон, имеющий 213 человек по фронту, должен занимать 152 шага (или 100 м).***

шая часть унтер-офицеров и офицеров, исключение составляли капитаны, которые должны были стоять на правом фланге своей роты, и часть сержантов, которые также находились в строю. Конкретное местоположение каждого из солдат, унтер-офицеров и офицеров хорошо видно на рисунке (см. рис. 2).

Важно отметить, что при построении в боевой порядок каждая рота получала название «взвод» (peloton)*, два рядом стоящих взвода назывались «дивизионом» (division). Это было связано с тем, что организационная единица и единица строевая не совпадали. По той или иной причине в ротах могло оказаться разное количество солдат, строевые же маневры требовали одинакового количества людей в подразделениях. Поэтому людей из рот, где их было с избытком, ставили в те роты, где их не хватало, в результате строевой взвод хотя и соответствовал приблизительно роте, но полной идентичности не было.

Регламент предполагал, что данное построение должно было быть основным, более того, фактически единственным используемым в бою. Именно *поэтому построение батальона в развернутую линию называлось построением «en bataille», т.е. просто боевым.* Вообще в регламенте все перестроения взвода, дивизиона или батальона, приводящее к тому, что данное подразделение оказывалось в развернутой сомкнутой линии, называлось перестроением в «боевой порядок».

Итак, трехшереножная сомкнутая линия батальона являлась, по мысли авторов регламента, основным и естественным построением. Модулем же ее, из которого, как из кубиков, выстраивалась как линия, так и все прочие построения, был взвод. В отличие от пехоты XVII века, которая для похода, боя или парада принимала построение, где совершенно по-разному, с различными дистанциями и интервалами размещались бойцы, батальон рассматриваемого периода был составлен из как бы не разрушаемых, не расчленяемых кирпичиков. Преобразование одного построения в другое осуществлялось за счет изменения положения взводов, которые делали захождения плечом вперед, перемещались вперед или назад, вправо или влево, сохраняя при этом внутри себя неизменным положение практически всех солдат и офицеров.

Например, основным строем для передвижения батальона по дороге или по полю была колонна повзводно. Строилась она следующим образом: командир батальона отдавал приказ:

1. Par peloton a droite	Повзводно направо
2. Marche	Марш

По второй команде каждый взвод заходил левым плечом вперед на 90°. В результате получалась последовательность построенных один за другим взводов (см. рис. 3).

Необходимость двигаться и маневрировать развернутой линией батальона, быстро «ломать его фронт»** и обратно строиться в линию привела и к появлению особой строевой стойки солдата, соответствующего шага и всей системы обучения, которые могут показаться сейчас весьма неудобными, но которые

Речь идет лишь о строевой единице, а не организационной. Именно поэтому в России XVIII в. употребляли специальный термин «плутонг» (искаженное франц. peloton), чтобы не путать со взводом организационным.

***** «Ломать фронт батальона» (Rompre le bataillon) означало превратить линию батальона в набор так или иначе стоящих взводов или дивизионов, в частности описанное выше построение колонны повзводно могло быть охарактеризовано как «сломать фронт батальона по взводам направо.»***

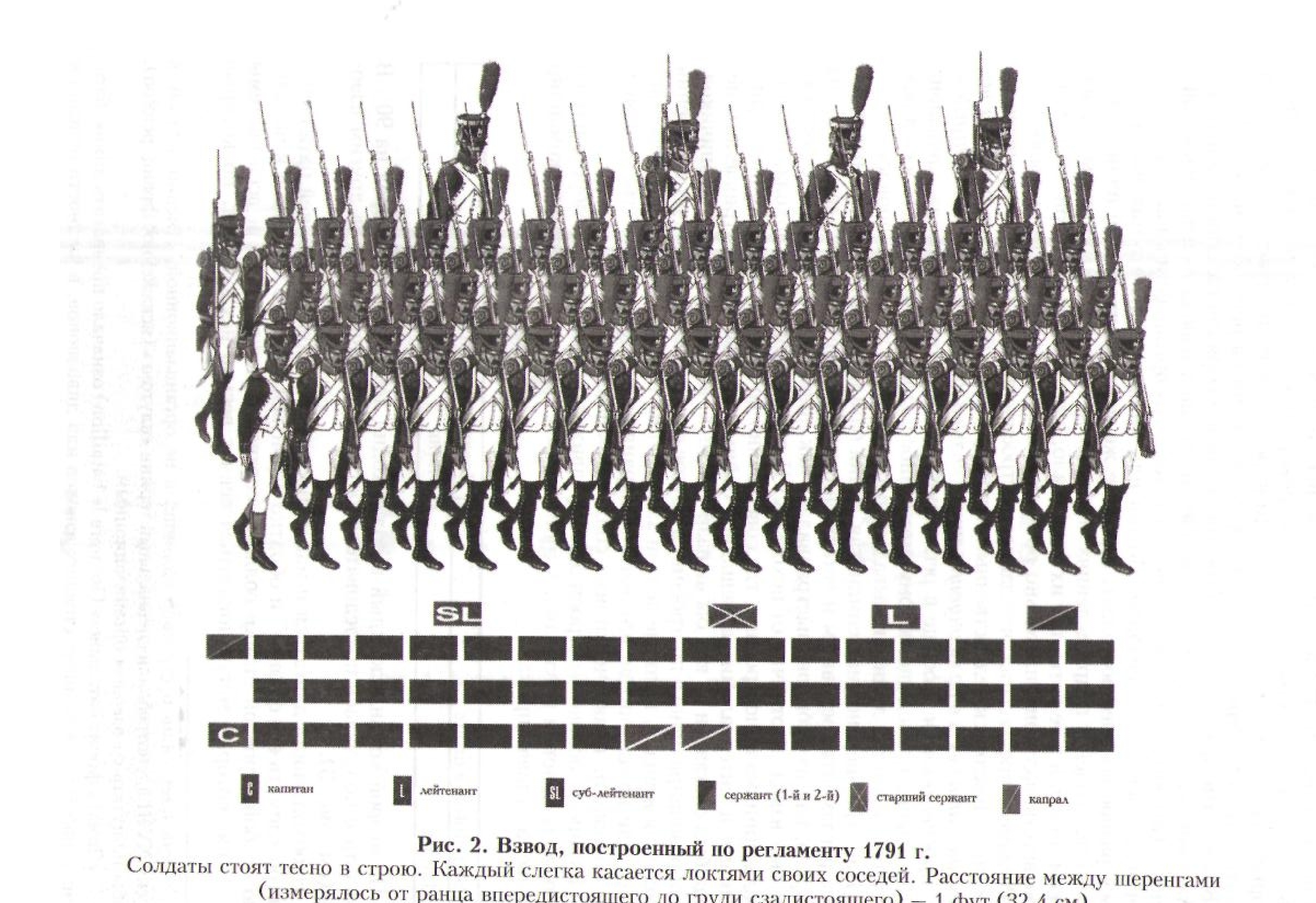

Рис. 2. Взвод, построенный по регламенту 1791 г.
Солдаты стоят тесно в строю. Каждый слегка касается локтями своих соседей. Расстояние между шеренгами (измерялось от ранца впередистоящего до груди сзадистоящего) – 1 фут (32,4 см)

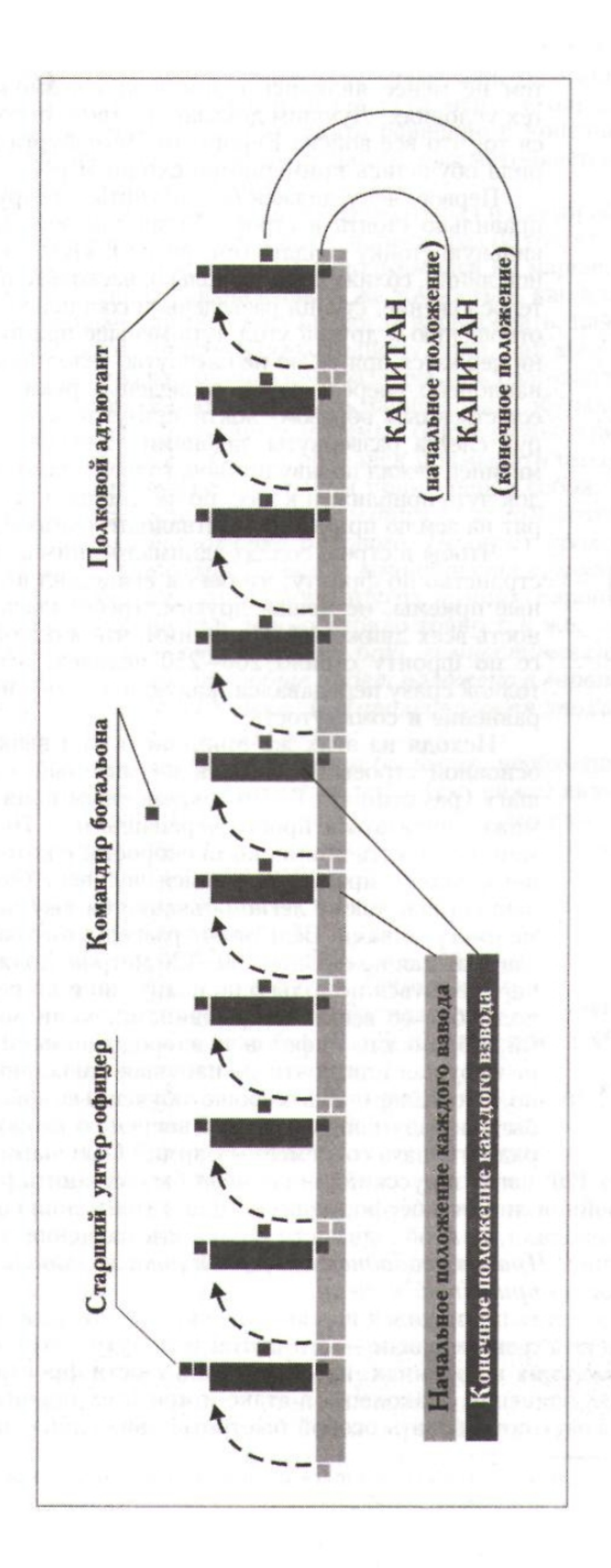

Рис. 3. Построение батальона в колонну повзводно

Рис. 4. Строевая стойка солдата по регламенту 1791 г.
(Рисунок из издания 1809 г.)

тем не менее являлись единственно возможными в тех условиях. Лучшим доказательством этого является то, что все войска Европы от Петербурга до Мадрида обучались примерно по сходным регламентам. Первое, чему должен был обучиться рекрут, — это правильно стоять в строю. Устав так описывал правильную стойку солдата (см. рис. 4): «Каблуки на одной линии, сближенные настолько, насколько позволяет телосложение, ступни разведены и составляют одна по отношению к другой угол чуть меньше прямого, колени держатся прямо, но не натянуты, тело прямо и чуть наклонено вперед, плечи разведены, руки держатся естественным образом, локти прижаты к телу, кисти рук слегка развернуты ладонями наружу так, чтобы мизинец лежал по шву штанов, голова прямо, подбородок чуть приближен к шее, но не слишком, глаза смотрят на землю примерно в пятнадцати шагах»[9].

Чтобы в строю солдат занимал минимальное пространство по фронту, чтобы он выполнял все ружейные приемы, не мешая другим, требовалась собранность всех движений. Напомним, что в одной шеренге по фронту стояло 200—250 человек! Малейший толчок сразу передавался, как волна, и мог нарушить равнение и сомкнутость.

Исходя из этих же принципов был выработан и основной строевой шаг, так называемый «обычный шаг» (pas ordinaire)*. По современным понятиям, он может показаться просто черепашьим — 76 шагов в минуту, то есть примерно та скорость, с которой идет неторопливо прогуливающийся человек. Столь медленный шаг также легко объясняется уже названными императивами. Ведь линия развернутого батальона, занимавшая по фронту 100—120 метров, должна была перемещаться не только по плацу, но и по реальному полю боя со всеми его рытвинами, камнями, кустами, обломками лафетов и изуродованными телами, не нарушая или почти не нарушая равнения! Понятно, что даже очень хорошо обученные войска, если бы они вздумали двинуться вперед со скоростью парадного шага современных армий (100 шагов в минуту во французской и 120 шагов в русской), не сумели бы сохранить равнение, превратились из стройной линии в бесформенную толпу. Движения солдата во время шага также исходили из необходимости сохранять равнение и сомкнутость в огромной линии. *Правая свободная от ружья рука не давала отмашки, а держалась плотно прижатой к телу.*

Кроме «обычного шага» применялся и ускоренный шаг, который, впрочем, также был не особенно стремительным — сто шагов в минуту. Этот тип шага применялся при движениях в колоннах, где вследствие узости фронта гораздо легче было сохранить равнение. Наконец, «в атаке и при всех прочих обстоятельствах, которые могут потребовать особой быстроты движений», использо-

**** В русском уставе он называется «тихий шаг» и точно соответствует, как по скорости и технике, так и по его применению «обычному шагу» французской армии.***

вался особо ускоренный шаг или, как его называли, «шаг атаки» (pas de charge) — 120 шагов в минуту, однако, отмечал регламент, «подразделение, идущее таким шагом, не сможет долго держать равнение и конечно же скоро придет в беспорядок, поэтому шаг этой скорости рассматривается как выходящий за рамки нормального обучения»[10].

Наконец, добавим, что устав предусматривал и самый обычный человеческий шаг, который назывался «походным шагом» (pas de route). Как можно догадаться из его наименования, этот шаг использовался на марше. Скорость походного шага не была зафиксирована с такой же точностью, как для остальных (так как солдаты на марше шли не в ногу) и могла варьировать, начиная от 85—90 шагов в минуту. Солдаты, двигаясь по-походному, шли, как кому удобно, оружие также неслось произвольным образом, разрешалось разговаривать и петь.

Рекрута, который постиг правила маршировки, обучали заряжать, стрелять и выполнять прочие ружейные приемы: брать ружье «под курок», «держать вольно» и т.д. Наконец, солдат обучался примыкать штык и «брать на руку», то есть выставлять ружье со штыком прямо перед собой. Вероятно, современный читатель будет удивлен, но *последним приемом исчерпывалась вся индивидуальная боевая подготовка рядового. Никаких уроков штыкового боя, а тем более каких-либо других видов единоборств с оружием или без оружия не давалось.* Отметим, что во всех других армиях Европы: австрийской, русской, прусской, испанской дело обстояло точно так же.

Начало обучению рукопашному бою, гимнастическим приемам, физической подготовке солдата вообще будет положено в европейских армиях лишь во второй четверти XIX века, и Наполеоновская эпоха в этом смысле еще целиком принадлежит XVIII веку.

Для того чтобы понять, почему это было так, необходимо уяснить, что главным оружием пехоты, а также и кавалерии (см. ниже) являлись не ружья, штыки и сабли, а строй. В отсутствие мощного стрелкового оружия победу одерживал в конченом итоге тот, кто подходил к неприятелю максимально сплоченным. Каков бы ни был строй: будь то линия, ведущая залповый огонь, или колонна, идущая скорым шагом в штыки, — успех действий его определялся решительностью и слаженностью, а главное ощущением единства и чувством локтя товарища. Нечего и говорить, что кавалерийскую атаку мог уверенно встретить только плотно сомкнутый пехотный строй, ощетинившийся сталью штыков. Именно поэтому, несмотря на выделение стрелковых цепей, игравших отныне большую роль в ходе боя, базой и становым хребтом боевого порядка были сомкнутые построения.

Насколько была важна эта база, хорошо иллюстрирует эпизод из знаменитой битвы на Березине 28 ноября 1812 года. Вследствие сильно пересеченной местности генерал Сабанеев повел в атаку рассыпным строем две пехотные дивизии. Маршал Ней использовал ошибку русского генерала и, несмотря на то, что дело происходило в лесу, бросил в неожиданную контратаку кирасирские эскадроны. Результатом было то, что несколько сотен кавалеристов опрокинули две дивизии, захватили две тысячи пленных, а остатки войск Сабанеева кирасиры преследовали почти 4 км!

Подобный эпизод является лучшим доказательством того, насколько важно было, несмотря на потери от артиллерийского огня и огня от стрелковых цепей, сохранять главные силы в сомкнутых строях. Разумеется, потери от стрелкового оружия в колоннах и линиях были выше, чем в рассыпном строю, но в отсутствие опоры на сомкнутый строй поражение и разгром были гарантированы. Поэтому вся психология боя Наполеоновской эпохи строилась прежде всего на том, чтобы выработать у солдата привычку спокойно стоять во весь рост в

сомкнутом строю. Офицеры стремились даже к тому, чтобы солдаты не наклонялись под ядрами и пулями. Это делалось не из пустого тщеславия, а потому что логика была очень простой: сначала солдат наклонится, потом он увернется, а потом убежит... Поэтому после каждого попадания ядра, вырывавшего из строя убитых и раненых, раздавалась команда: «Сомкнуть ряды!» Каждый должен был чувствовать локоть товарища, оставаться на глазах у офицера.

При сближении пехотных масс сомкнутые линии открывали огонь только с короткой дистанции (застрельщики, разумеется, вели бой и до и после). Огонь мог даваться залпом целого батальона или отдельными его частями (огнь по-полубатальонно, огнь повзводно).

Однако самым «любимым» методом огня французской пехоты был так называемый «огонь двумя шеренгами» (feu de deux rangs), при котором достигалась максимальная скорострельность. Для его начала командир батальона отдавал следующие команды:

Feu de deux rangs	Огонь двумя шеренгами
Bataillon	Батальон
Armes	Товсь

После того как все солдаты первых двух шеренг с заряженными ружьями становились наизготовку, отдавалось распоряжение:

Commencez le feu	Зачинай

По этой команде в каждом взводе целились и стреляли два солдата крайнего правого ряда, затем тотчас за ними — солдаты второго ряда, затем третьего, четвертого и т.д. (напоминаем, что «рядом» по уставу как французской, так и русской армии называются солдаты, стоящие один в затылок другому). Огонь таким образом прокатывался по фронту каждого взвода*. После первого организованного выстрела каждый вел огонь так, как это было ему удобно, и, в частности, солдаты второй шеренги уже не обязаны были стрелять одновременно со своим соседом спереди. Огонь начинал беспорядочно, но с большой скоростью «метаться» по всей линии батальона. Интенсивность этого огня была очень велика. Достаточно сказать, что батальон средней численности (т.е. около 700—750 человек) при весьма скромной степени обученности солдат давал около 1 000— 1 200 выстрелов в минуту** или приблизительно 16—20 выстрелов в секунду!

Это был настоящий шквал огня, линия батальона окутывалась пороховым дымом, в котором с ужасающим непрекращающимся треском ежесекундно вспыхивали несколько десятков снопов вылетающего из ствола пламени. Пытаться остановить такую пальбу командой голосом было бы просто бесполезно, поэтому сигнал для прекращения огня подавался с помощью короткой барабанной дро-

**** Так как огонь при этой системе стрельбы перекатывался вдоль строя по рядам, он назывался еще «огонь рядами» (feu de file), последнее выражение было и в русской военной терминологии начала XIX века.***

***** Стреляли две шеренги, т.е. около 500 человек; принимая за минимальную нормальную скорострельность 2—2,5 выстрела в минуту, мы получим 1000—1250 выстрелов. Из этой суммы нужно вычесть несколько десятков неизбежных осечек. С другой стороны, учитывая, что, согласно регламенту, солдаты третьей шеренги должны были заряжать ружья, постоянно обмениваясь с солдатами второй шеренги, эта цифра могла быть и несколько больше. Правда, этот маневр — передачу ружей — редко делали на войне. В общем же 1000—1200 выстрелов в минуту могли быть даны батальоном без особого усилия.***

би. Добавим, что во время производства стрельбы командиры взводов и знаменосец с охраной отходили назад, на один шаг позади третьей шеренги.

Устав 1791 г. нацеливал на обучение солдат в духе линейной тактики. Нового строевого устава в годы Революции и Консульства не было выработано. Однако это не мешало сражаться по-новому. Тем более, что появились многочисленные наставления, составленные тем или иным командиром, которые добавляли то, чего не хватало в уставе.

Одним из важнейших построений стала батальонная колонна (нужно отметить, что построение в колонны упоминается уже в регламенте 1791 г., однако не объяснялось, в каких случаях ее нужно было строить и что дальше делать). Именно в колоннах в основном передвигались по полю боя, именно колонны под прикрытием огня цепи стрелков атаковали врага в штыки. Основной колонной была «колонна к атаке подивизионно» (дивизион — два рядом стоящих взвода). Подобная колонна «строилась на центр». Это означало, что центральные 4-й и 5-й взводы батальона оставались неподвижными, а остальные с правого и с левого крыла скорым шагом отходили за них (см. рис. 5). Получались четыре (иногда пять)* стоящих одна за другой коротких линий, расстояние между которыми равнялось фронту «секции» (половины взвода). Таким образом, если считать батальоны в 600—700 человек, колонна насчитывала примерно 50—55 человек по фронту, а в глубину 12 полных шеренг плюс 4 неполных (шеренги замыкающих), что представляло собой прямоугольник, имевший около 25 метров по фронту и 40 метров в глубину (см. рис. 5).

Главным строем для отражения кавалерийских атак стали батальонные каре. Эти каре получались в результате очень простых движений (см. рис. 6). Батальон, стоявший в колонне подивизионно на взводных дистанциях (т.е. каждый дивизион располагался в затылок за предыдущим на расстоянии, равном длине фронта взвода), получал приказ:

1. Garde a vous — pour former le carre	Смирно, приготовиться к построению в каре
2. Forme le carre par peloton de droite et de gauche — en bataille	Строй каре, повзводно направо и налево в боевой порядок
3. Marche!	Марш!

По последней команде правые взводы 2-го и 3-го дивизионов заходили левым плечом вперед, а левые взводы тех же дивизионов — правым.

4-й дивизион примыкал вперед и делал поворот кругом. Барабанщик, знаменосец и командир батальона уходили в центр каре.

Для боя в стрелковых цепях в 1805 г. чаще всего использовались роты вольтижеров, созданные буквально накануне кампании (в 1804 г. — в легкой пехоте и в 1805 — в линейной), а также в ряде случаев батальоны легкой пехоты целиком. Обычно стрелки располагались попарно. В то время как первый номер стрелял, второй, держа оружие заряженным, стоял наизготовку. После производства выстрела первый номер снова заряжал оружие и только после этого стрелял второй номер. И затем в обратном порядке. Это делалось для того, чтобы каждая двойка стрелков всегда имела наготове одно заряженное ружье. Позади цепи стрелков всегда находились небольшие сомкнутые группы из той же роты, из которой были

**** Согласно регламенту, в каждом батальоне было по одной роте гренадер. Эти роты для боя объединялись в отдельный гренадерский дивизион, приданный первому батальону, в результате этот батальон оказывался состоящим не из 4, а из 5 дивизионов. Если же батальон действовал отдельно от полка, то рота (строевой взвод) гренадеров стояла на правом фланге развернутой линии и при построении колонны к атаке уходила за середину последнего дивизиона.***

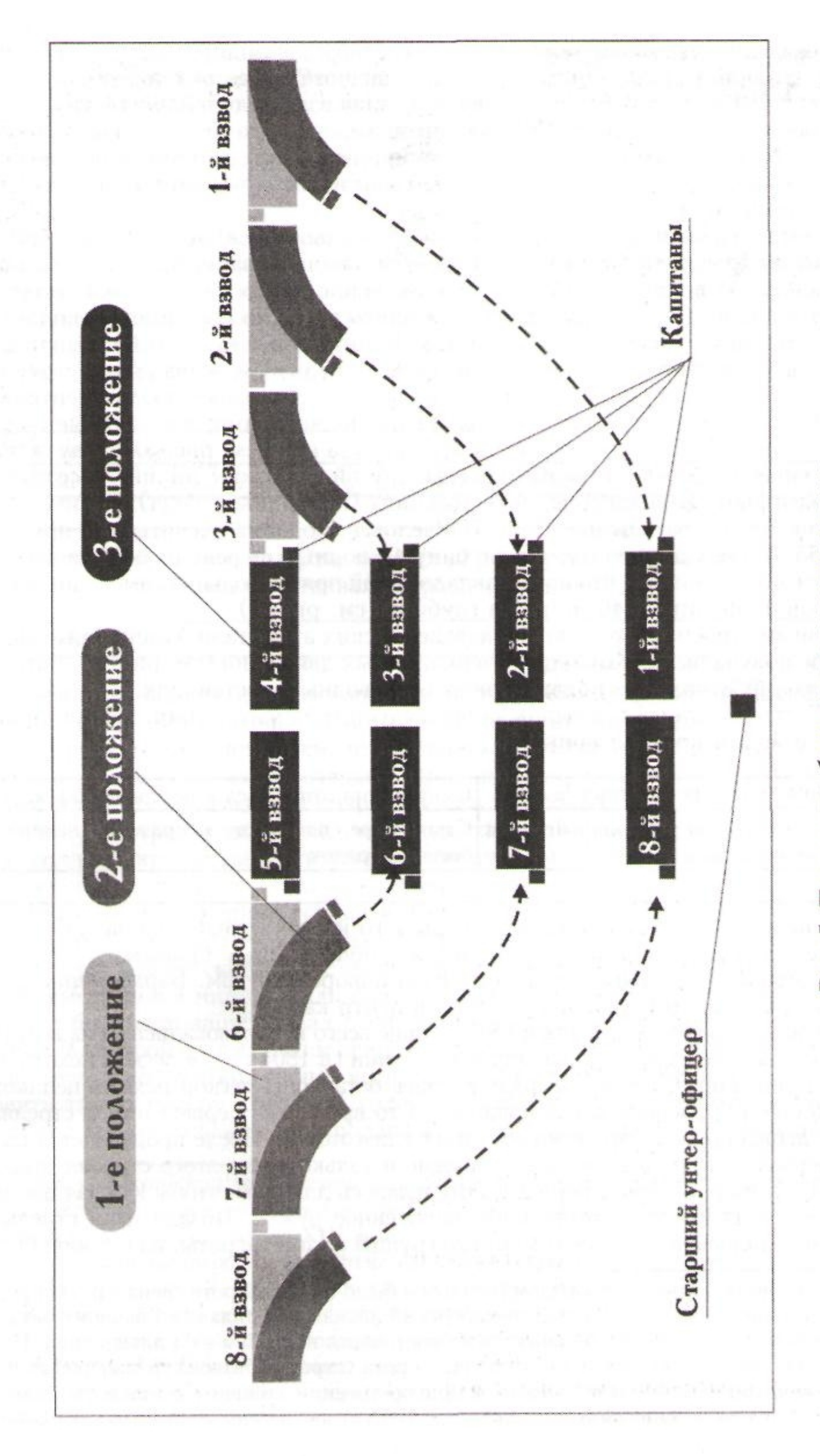

Рис. 5. Построение батальона в колонну к атаке

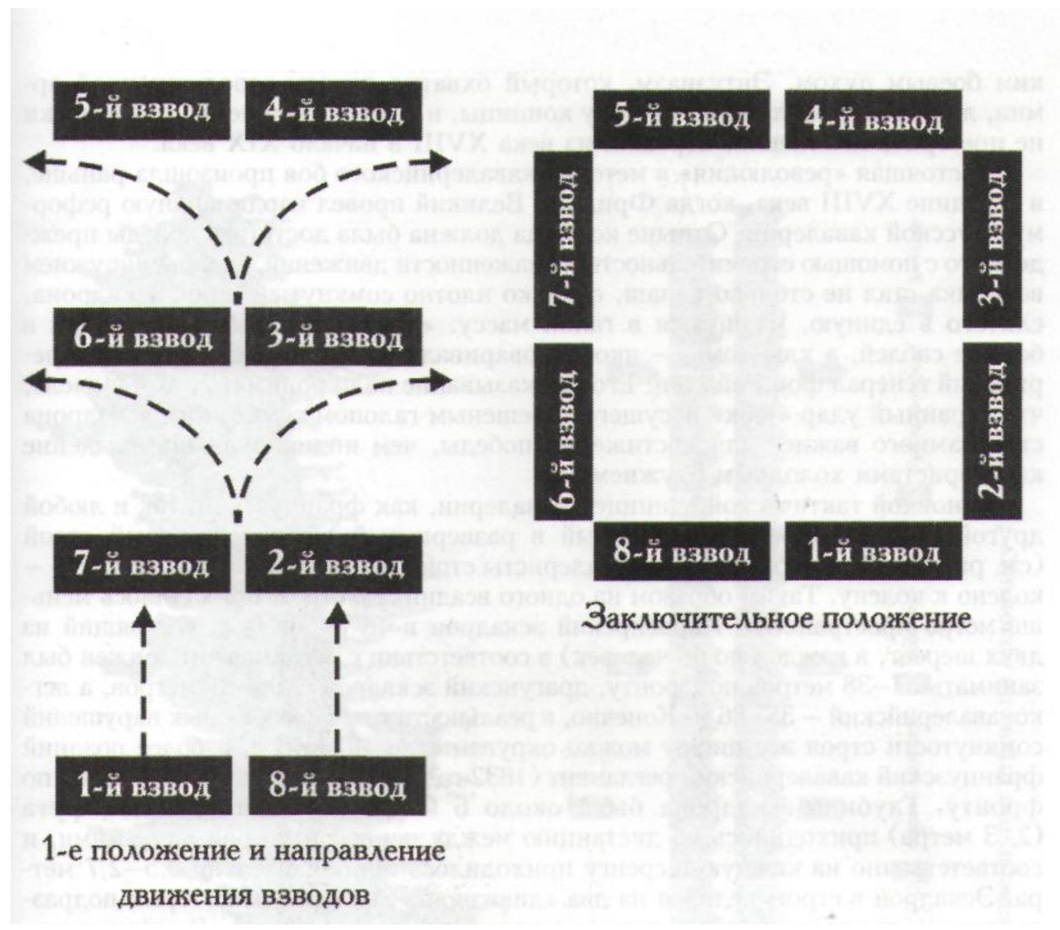

Рис. 6. Построение батальона в каре

выделены стрелки. В случае опасности стрелки должны были быстро отойти к этим группам. Они же в свою очередь отходили к основным силам.

Тактика французской пехоты стала гибкой, лишенной формализма и шаблонности. Батальоны в ходе боя постоянно меняли свои построения: для движения выстраивались в колонны, разворачивались затем в линии, чтобы уменьшить потери от огня, снова сворачивались в колонны, выдвигая цепи стрелков, снова развертывались в линии, чтобы встретить залпами наступающую пехоту врага, или строили каре, чтобы отразить налет конницы. Наконец, в решающий момент батальоны в мгновение ока строили колонны к атаке и бросались на врага в штыки... «Обычный» шаг употребляли все реже, чаще всего использовался ускоренный, наконец, стрелки при необходимости перестраивались, маневрировали и атаковали врага бегом.

ТАКТИКА КАВАЛЕРИИ

В отличие от пехоты на тактику кавалерии не оказали большого влияния события Великой французской революции. Престиж службы в конных войсках, необходимость многочисленных «технических» знаний для службы в кавалерии, корпоративная солидарность опытных профессионалов были причиной того, что конные войска даже в наемных армиях XVIII века отличались высо-

ким боевым духом. Энтузиазм, который охватил пехоту революционной армии, лишь мало повлиял на тактику конницы, и ее боевые приемы, фактически не претерпев изменений, перешли из века XVIII в начало XIX века.

Настоящая «революция» в методах кавалерийского боя произошла раньше, в середине XVIII века, когда Фридрих Великий провел кардинальную реформу прусской кавалерии. Отныне конница должна была достигать победы прежде всего с помощью стремительности и слаженности движений, главным оружием всадника стал не столько палаш, сколько плотно сомкнутый строй эскадрона, слитого в единую, мчащуюся в галоп массу: «Кавалерия одерживает верх в бою не саблей, а хлыстом», — якобы говаривал знаменитый прусский кавалерийский генерал фон Зейдлиц. Его высказывание надо понимать в том смысле, что таранный удар-«шок» несущегося бешеным галопом сомкнутого эскадрона стал намного важнее для достижения победы, чем индивидуальное владение кавалеристами холодным оружием.

Основной тактической единицей кавалерии, как французской, так и любой другой, был эскадрон, построенный в развернутый двухшереножный строй (см. рис. 7). В каждой шеренге кавалеристы стояли очень близко друг к другу — колено к колену. Таким образом на одного всадника в строю приходилось меньше метра пространства. Кирасирский эскадрон в 48 рядов (т.е. состоящий из двух шеренг, в каждой по 48 человек) в соответствии с регламентом должен был занимать 37—38 метров по фронту, драгунский эскадрон — 36—37 метров, а легкокавалерийский — 35—36 м. Конечно, в реальности из-за неизбежных нарушений сомкнутости строя эту цифру можно округлить до 40 метров, а более поздний французский кавалерийский регламент (1832 года) считал даже 39—48 метров по фронту. Глубина эскадрона была около 6 метров, из которых два фута (2/3 метра) приходились на дистанцию между первой и второй шеренгами, и соответственно на каждую шеренгу приходилось приблизительно 2,5—2,7 метра. Эскадрон в строю делился на два «дивизиона», каждый из которых подразделялся на два взвода — итого четыре взвода в каждом эскадроне. В действительности эскадрон организационно состоял из двух рот, но по той же самой причине, что и в пехоте, необходимость уравнять количество людей в строевых подразделениях приводила к тому, что дивизион не соответствовал в точности роте. «Избыточных» кавалеристов отправляли либо в другой дивизион, если там не хватало людей, либо их отряжали в отдельный взвод фланкеров, строившийся в резерве за линией эскадронов.

Так же как и в пехоте, развернутая линия была справа, слева и сзади обрамлена унтер-офицерами и офицерами. Каждый взвод, в свою очередь, имел на флангах бригадиров, поддерживающих равнение во время всех перестроений. Отличие заключалось в том, что в кавалерии перед фронтом линии также находились офицеры. Как вполне понятно, в пехоте подобное расположение исключалось — оно помешало бы залповому огню. В кавалерии такого затруднения не было, и поэтому большая часть офицеров (кроме капитана второй роты, стоящего в замке) находилась перед строем вверенных им солдат, показывая своим подчиненным пример неустрашимости.

Интересно отметить, что в армии Наполеона не существовало специального эскадронного командира, им был капитан, командовавший первой ротой (дивизионом). Что же касается офицера в звании командир эскадрона (chef d'escadron). он командовал двумя эскадронами и согласно регламенту находился в бою на несколько шагов впереди в интервале между вверенными ему подразделениями.

Аналогично пехотным батальонам эскадроны кавалерии совершали эволюции не за счет перестроения составляющих их бойцов, а с помощью изменения

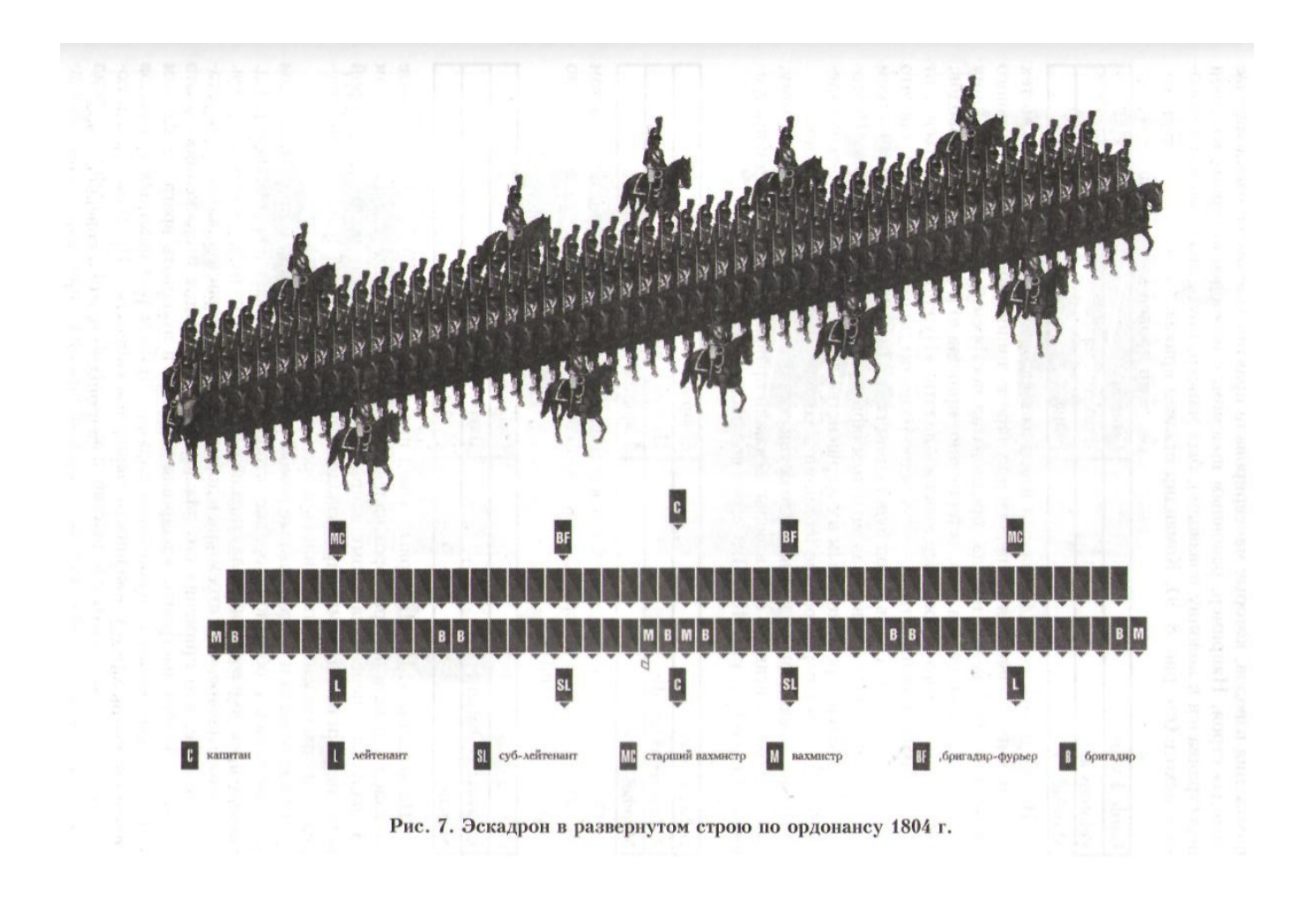

Рис. 7. Эскадрон в развернутом строю по ордонансу 1804 г.

положения взводов, которые маневрировали практически как не расчленяемые «атомы» строя. Например, основным приемом, с помощью которого эскадрон перестраивался в колонну повзводно, был маневр, почти аналогичный таковому в пехоте (см. рис. 8, 9). Командир отдавал приказ:

Garde a vous	Смирно
Pelotons a droite	Взводами направо
Marche!	Марш!

По последней команде каждый взвод заезжал левым плечом вперед до тех пор, пока не оказывался на перпендикуляре к линии своего первоначального положения. Регламент, правда, предполагал построение в походную колонну по четыре и даже по два, что, естественно, приводило к расчленению взводов, однако в бою этого не рекомендовалось делать: «Нужно воздерживаться... от всякого движения по четыре — одно ядро развалит подобную колонну так, что ее будет не узнать. Пусть взвод будет единственным минимальным тактическим подразделением»,[11]— советовал молодым офицерам полковник де Брак. Поэтому главным маневром, которым в совершенстве должны были овладеть кавалеристы, являлось перестроение из линии в колонну повзводно и обратно.

Развертывание из колонны могло осуществляться в порядке, обратном тому, который был описан, то есть взводы заезжали правым плечом вперед и выстраивали линию (см. рис. 10). Для этого подавались команды:

Garde a vous	Смирно
A gauche en bataille	Налево в линию
Marche!	Марш!

Очень часто необходимо было выстроить линию, ориентированную в том же направлении, в котором двигалась колонна (см. рис. 11) Это делалось по следующим командам:

Garde a vous	Смирно
En avant en bataille	Вперед в линию
Marche!	Марш!

По команде «Марш!» первый взвод проезжал вперед 20 шагов, остальные же взводы делали полуразворот налево (demi a gauche) и двигались под углом 45 градусов к первоначальному направлению. Доезжая до линии, на которой встал первый взвод, командиры взводов командовали заезд левым плечом вперед, и подразделение становились в боевой порядок.

Существовали и более сложные комбинации перестроений, в которых взводы компоновались в обратном порядке, строили линии назад контрмаршем и т.д. Однако практики военного дела старались воздерживаться от подобных маневров.

Самое главное, чего стремились добиться от кавалеристов, как авторы устава, так и те, кто применял его каждодневно в походах и сражениях, — это умения вовремя выстроить эскадроны в линию и атаковать врага сомкнутым строем на максимально возможном аллюре. Причем ряд опытных генералов ценили сомкнутость и слаженность выше, чем скорость: «Не думайте, что порыв всегда решает схватку в действиях кавалерии против кавалерии, — писал известный военный теоретик и талантливый штабной работник генерал Жоми-

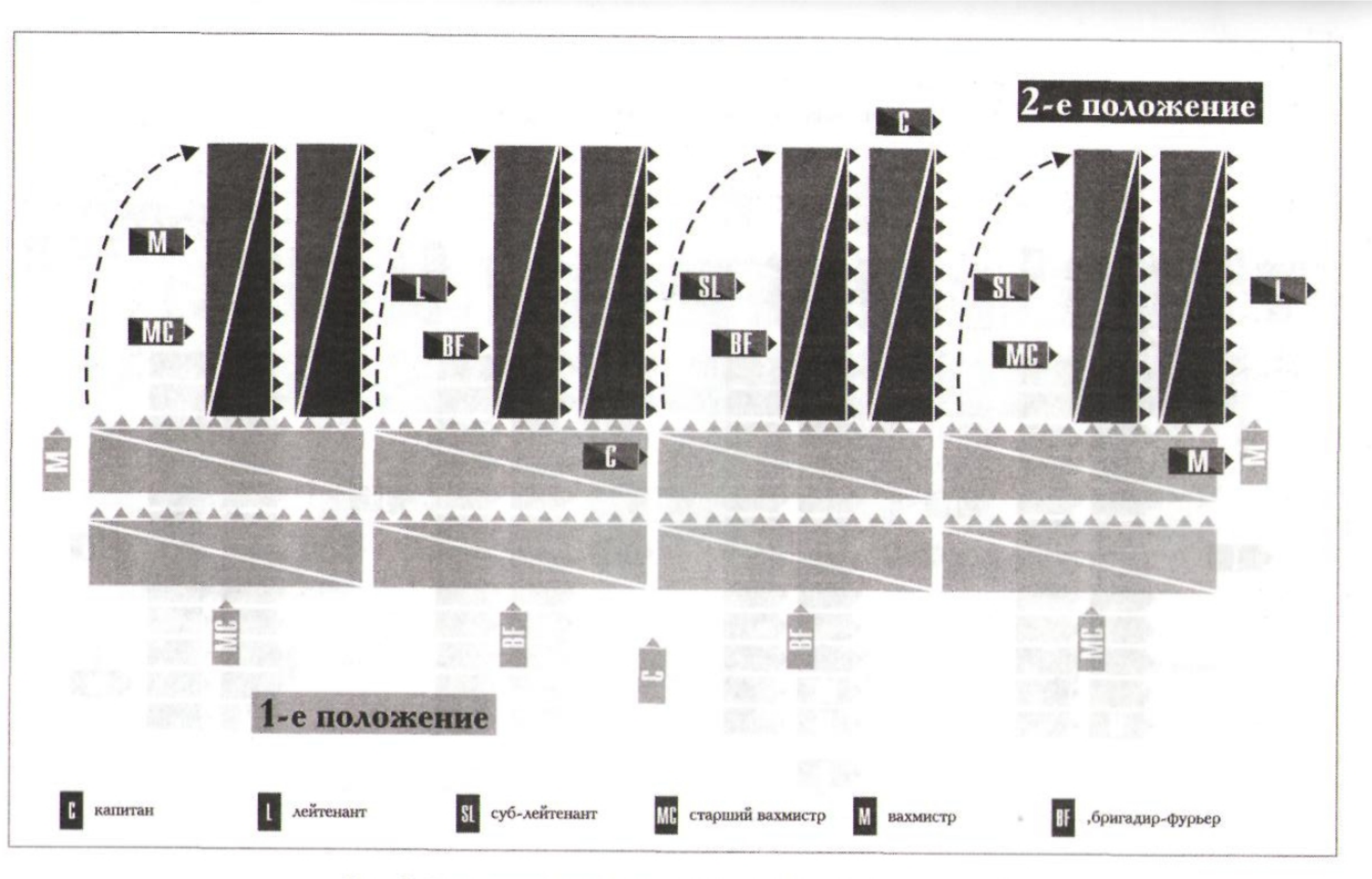

Рис. 8. Построение эскадрона в колонну (повзводно направо)

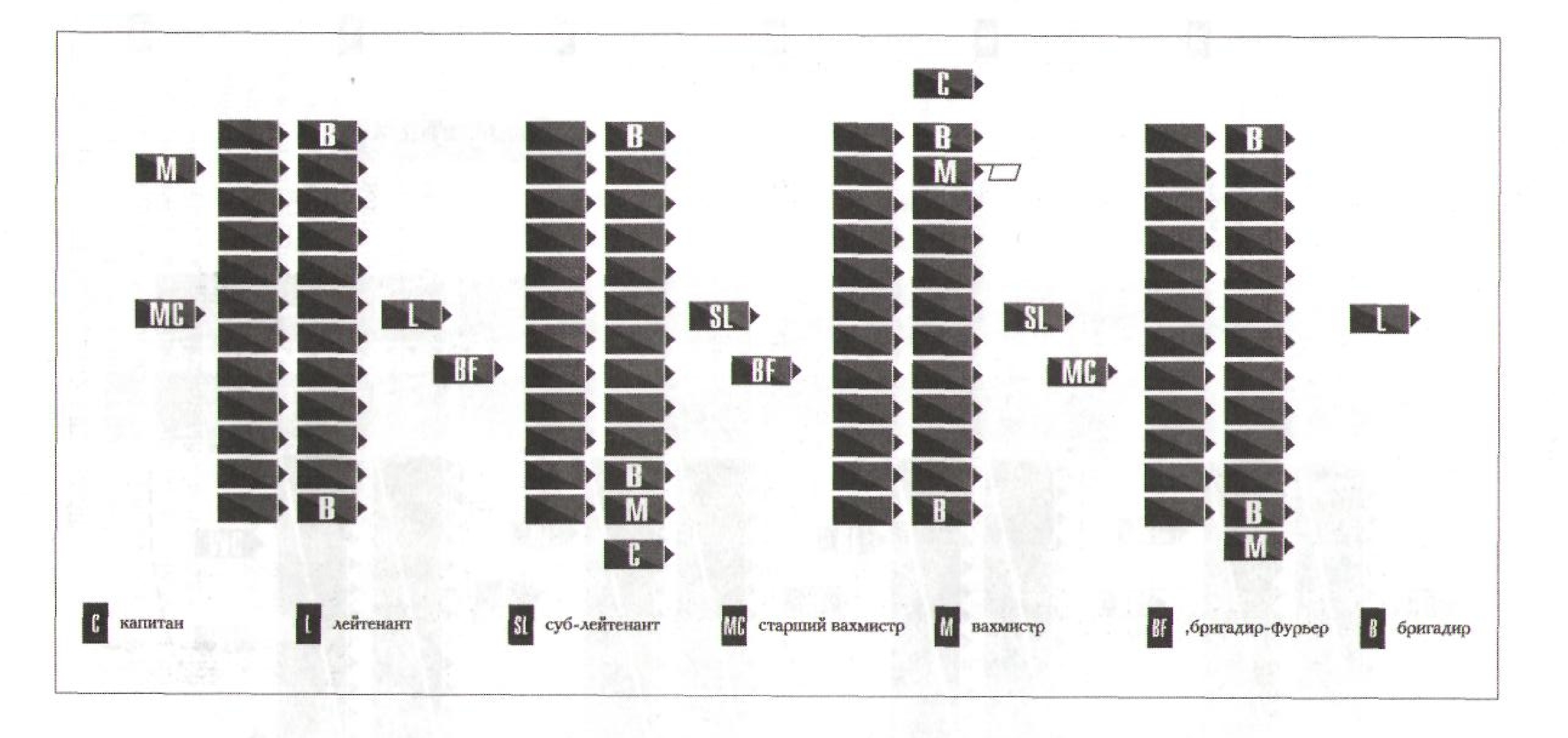

Рис. 9. Эскадрон в колонне повзводно

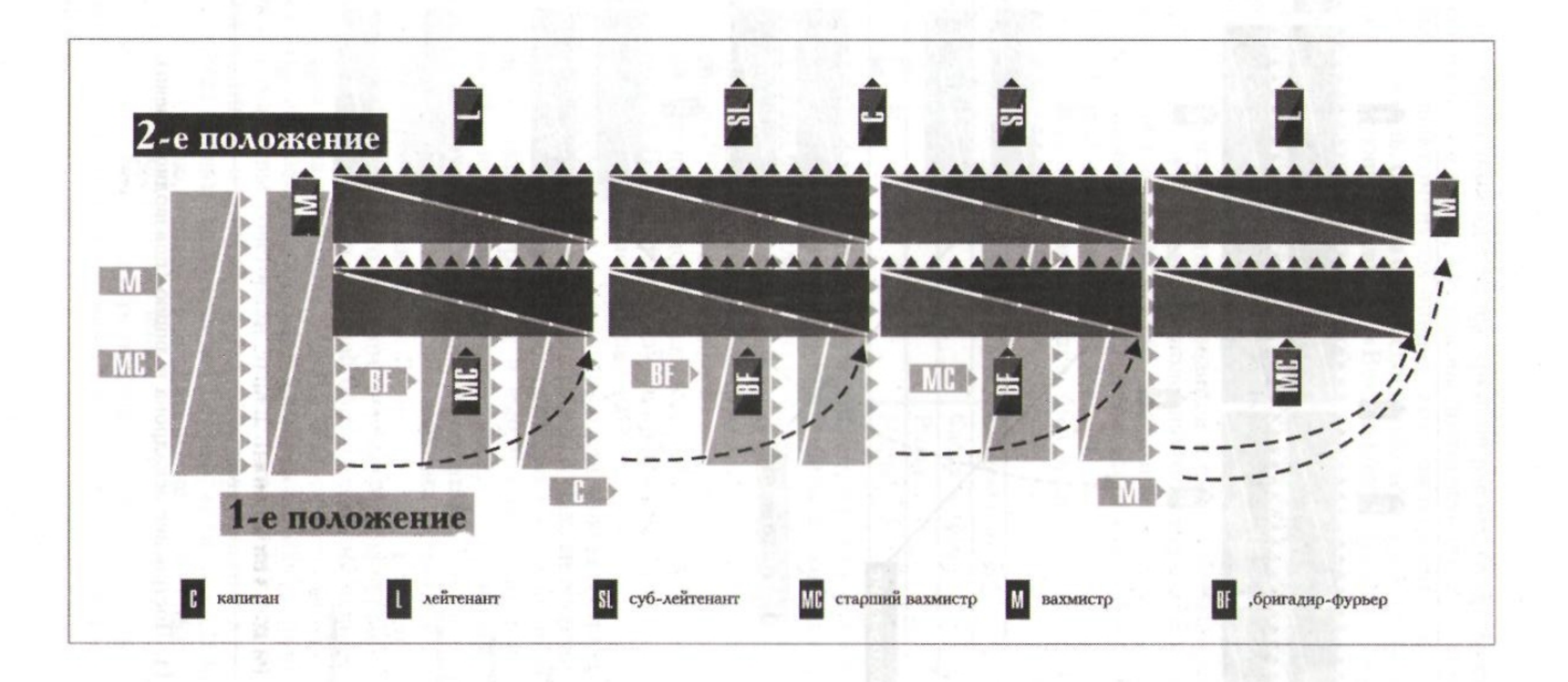

Рис. 10. Построение эскадрона в линию (поззводно налево)

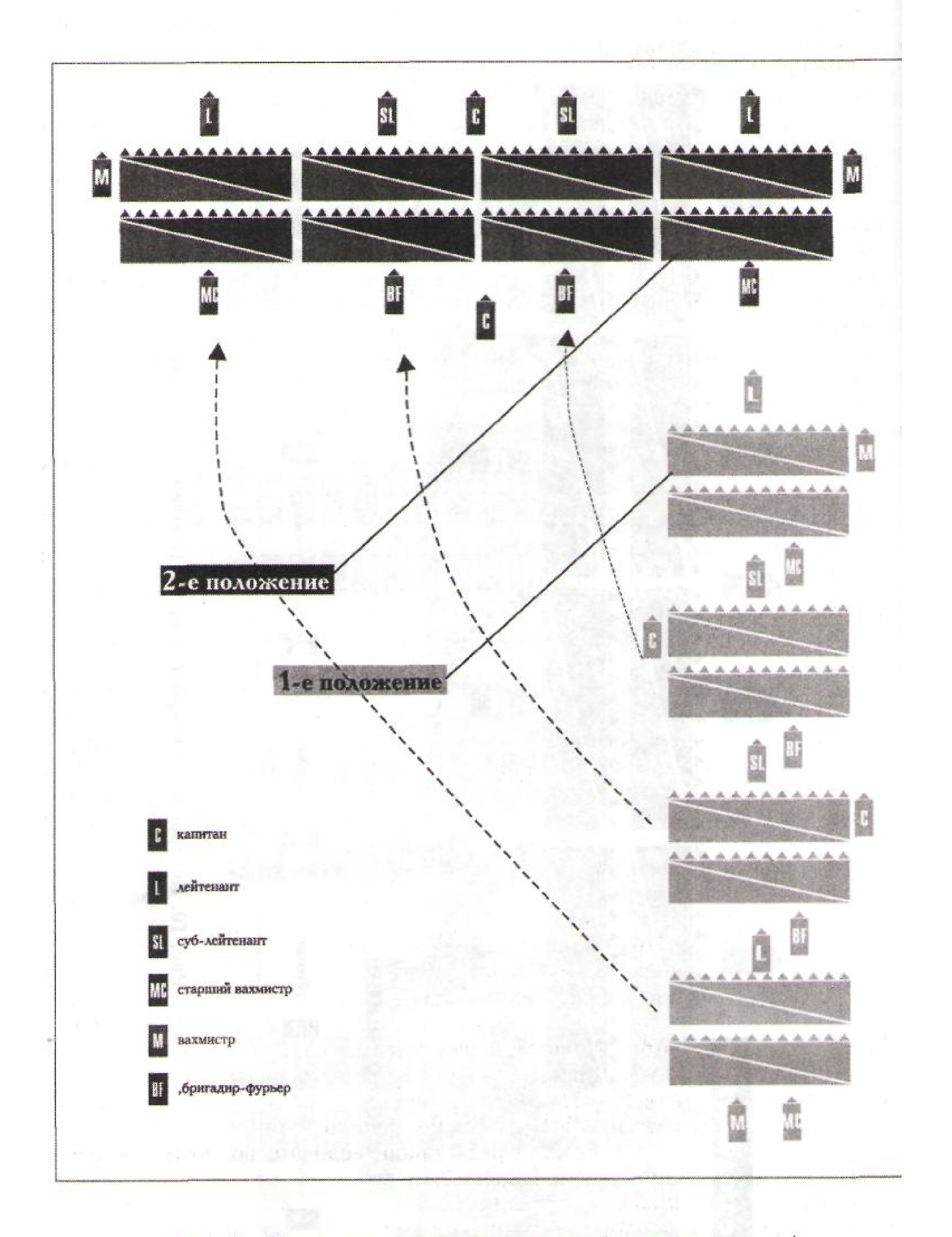

Рис. 11. Построение эскадрона в линию (повзводно налево)

ни. — Когда противник идет на вас крупной рысью, будет неосторожным ходом броситься на него в галоп, так как вы достигнете его в беспорядке, а столкнетесь с компактной сомкнутой линией, которая опрокинет ваши рассеянные эскадроны... Лассаль, один из самых способных генералов, сказал, видя вражескую кавалерию, атакующую галопом: «Вот погибшие люди!»... Действительно, эти эскадроны были опрокинуты атакой на рыси»[12].

В общем же действия конницы представляли собой постоянные перестроения из колонн в линии и обратно. На поле боя кавалерия появлялась обычно в колоннах повзводно или подивизионно, затем занимала назначенные ей позиции, разворачиваясь в линию или, еще чаще, в линии эскадронов. В ходе боя ей приходилось часто менять эти позиции и выдвигаться на исходный рубеж к атаке, что опять-таки делалось в колоннах повзводно. Наконец, наступал самый важный для кавалерии момент, когда приходил приказ атаковать, тогда колонны снова разворачивались в линии эскадронов и бросались вперед сомкнутой стеной с саблями наголо.

Момент, предшествующий атаке, был волнующим и величественным. По команде:

Garde a vous pour charger	Смирно к атаке!
Sabre a la main	Сабли наголо!
Au trot...	Рысью...
Marche!	Марш!

раздавался лязг стали, вынимаемой из ножен, и гул от ударов сотен копыт. Эскадроны трогались с места и медленно набирали скорость. Командиры в это мгновение должны были «следить за тем, чтобы точно соблюдалось направление движения, не допускать ни малейших колебаний рядов, смыкать насколько возможно плотно своих людей и смотреть за тем, чтобы они сохраняли абсолютное молчание»[13]. Через сто пятьдесят шагов после начала атаки, когда всадники уже шли крупной рысью, раздавалась команда: «В галоп... Марш!» (Аи galop... Marche!). По этому приказу, повторенному вслед за полковником всеми старшими офицерами полка, кавалеристы давали шпоры лошадям. Земля тряслась от грохота копыт, с лязгом бряцали ножны о стремена, но всадники, храня молчание, постепенно превращались в сгусток энергии, ожидая последнего сигнала. И вот, когда до противника оставалось примерно сто метров, командир привставал в стременах и выкрикивал одно лишь слово: Chargez! (дословно: Атакуйте!). Этот короткий приказ словно взрывал весь сжатый до этого порыв. Трубачи полка громко трубили атаку. Кавалеристы привставали в стременах, сабли первой шеренги наклонялись острием в грудь врага, сабли второй приподнимались для удара. Громовое «Vive 1'empereur!» сотрясало воздух, кони, шедшие до этого галопом, переходили на карьер... Еще мгновение, и безумный шквал людей и лошадей обрушивался на неприятеля...

Так должна была происходить атака согласно регламенту. И так в действительности тысячи раз ходили в бой эскадроны Великой Армии. Опытные кавалерийские командиры советовали: перед атакой, если это возможно, «распорядиться подтянуть подпруги у лошадей и дать солдатам выпить глоток водки. Иногда, чтобы придать кавалеристам порыва, если они должны атаковать пехоту или артиллерию, неплохо поставить их ненадолго под пули стрелков или под ядра (!). Войска, которые понесли потери, атакуют с большим напором, ибо они не только желают взять реванш за потери и отомстить, но их также легко убедить, что атаковать менее опасно, чем оставаться на месте, и что мощный быстрый удар освободит их от необходимости быть мишенью и поги-

бать поодиночке без результата. Общее правило: когда атака уже начата, ведите ее до конца и держитесь во что бы то ни стало. Тогда вы одержите победу... У атаки есть свой момент порыва, момент схватки, затем момент колебания, а затем может наступить момент, когда придется отходить. Будьте твердыми в: второй и третий момент, и победа будет за вами...»[14]

Действительно, решительность и упорство были характерными чертами атаз французской кавалерии эпохи Наполеона. Пусть кавалеристы были подчас пл>:- *I* хо обучены, пусть их кони не отличались блестящей выездкой скаковых жере" цов, но у них была отвага, порыв, товарищеская солидарность и взаимопомощи слаженность в массовых действиях и, наконец, их вели блестящие кавалерии- | ские командиры Лассаль, Мюрат, Монбрен, Кольбер, Пажоль, Брюйер, Корби но... В результате французская конница била гораздо лучше, чем обученные сидящие на прекрасных немецких конях эскадроны пруссаков и австрийце! Чего только стоит одно преследование отряда эрцгерцога Фердинанда в октя* ре 1805 года! За пять дней боев четыре тысячи французских драгун и легк;:: кавалеристов, поддержанных горстью пехоты, разгромили целый корпус, в кот: ром было много отличной кавалерии, взяли в плен 12 тысяч человек, захвати": 128 пушек, 11 знамен и сотни зарядных ящиков.

ТАКТИКА АРТИЛЛЕРИИ

Подобно пехоте и кавалерии, артиллерия не получила каких-либо принци-] пиально новых уставов в эпоху Революции и Империи, зато ее боевое применение стало принципиально иным. Но прежде чем говорить об этом, несколько слов о базовых маневрах.

Для выезда на боевые позиции, если позволяло пространство, дивизио:-: разворачивался в линию (en bataille). В пешей артиллерии каждую пушку поставленную на передок, везли, поддерживая равнение с соседними. Артиллеристы шли по сторонам от орудий, в том положении, которое они должны были занять в момент заряжания и стрельбы. Позади, на расстоянии 30—40 метров, везли зарядные ящики, каждый из них следовал за своей пушкой.

По достижении назначенного места отдавался приказ: «En batterie» (дос-' ловно — «в батарею!», т.е. в боевой порядок). По этой команде линия останавливалась, артиллеристы снимали лафет с передка и отвозили упряжку с передком назад, провозя ее слева от орудия, если смотреть в сторону неприятеля, затем пушка разворачивалась в боевое положение вокруг своего левого колеса.

Орудия выравнивались строго в линию, причем равнение должно было соблюдаться по их осям. Правила предусматривали расстояние между пушками батареи 4 туаза (около 8 метров). Нормальным положением считалось такое, при котором орудия большего калибра стояли на правом фланге батареи, а гаубицы — на левом. Однако, разумеется, при необходимости этот порядок менялся.

В конной артиллерии все было практически идентично, разница заключалась в том, что пушки должны были быть поставлены на отвозы (prolonge), «как только они прибудут на учебный полигон или поле боя»[15]. В момент движения Б линии артиллеристы располагались не по бокам орудий, а позади них, в колонну по два, равняясь на орудийные колеса. Наконец, по прибытии на место развертывания, прежде чем встать в боевой порядок, отдавалась предварительная команда «Стой, спешиться» (Halte, pied a terre). Разворот упряжек осуществлялся при ослабленном натяжении отвоза, чтобы сократить радиус развертывания.

Разумеется, передвижение развернутой линией хотя и было выгодным — позволяло тотчас же поставить батарею в боевой порядок, — но не всегда было возможным. Поэтому, чтобы маневрировать в любых условиях, предполагалось

построение артиллерии в колонны, чаще всего по отделениям или по одному орудию. Эти колонны строились способами, очень напоминающими те, которые применялись в кавалерии для построения колонн повзводно налево, направо и вперед. Например:

Par section a droite, rompez la division	По отделениям направо в колонну (дословно — «сломать фронт дивизиона»)
Marche!	Марш!

По этой команде, как и в кавалерии, каждое подразделение заезжало ле вым плечом вперед на 90 градусов, и выстраивалась колонна (см. прил. 26). Такая же команда отдавалась и при построении колонны по одному орудию (слово «отделение» заменялось лишь на слово «орудие») налево или направо. Развертывание из колонн в линию также осуществлялось методами, очень на поминающими кавалерийские (см. рис. 12):

Sur la premiere piece (section) deployez la colonne	На первое орудие (отделение) развернуть колонну
Piece (section) de gauche, oblique a gauche	Левые орудия (отделения) облически налево
Marche!	Марш!

Первая пушка (отделение) продолжала двигаться вперед, остальные же, приняв влево, выезжали с ней на одну линию.
Существовали и другие методы построения колонн и их развертывания.

Несмотря на молчание наставлений по многим вопросам, никоим образом нельзя сделать вывод о том, что французская артиллерия маневрировала неуверенно и хаотично, путаясь в своих многочисленных пушках, упряжках, зарядных ящиках и передках. Здесь, как и везде, солдаты и офицеры Великой Армии действовали, исходя из огромного опыта, и действовали образцово. Все мемуары единодушно отмечают слаженность, четкость и профессионализм наполеоновских артиллеристов.

Однако батареи императорской армии добивались замечательных успехов не только благодаря образцовой выучке. Наполеоновская эпоха внесла значительные коррективы в область артиллерийской тактики. Если на уровне элементарных маневров батареи все оставалось почти таким же, как и накануне революции, то стиль их действий в бою стал совершенно иным.

Еще в 70-е годы XVIII века в работах ряда французских военных теоретиков появляется идея об иных способах применения артиллерии, чем те, которые были характерны для линейной тактики, где в полевом бою пушки, обычно относительно равномерно распределенные по фронту, лишь усиливали огонь пехоты, но не выполняли самостоятельных тактических задач. Гибер в своем нашумевшем произведении «Общий этюд о тактике» (1777), дю Пюже в «Эссе об употреблении артиллерии в полевых сражениях» (1771). дю Тей в книге «Об употреблении новой артиллерии в полевой войне» (1778) предрекали новые способы употребления орудий.

Основная мысль этих произведений состоит в том, что батареи должны использовать концентрацию своих усилий на важнейших участках боевой линии: «Цель артиллерии — не убивать понемногу людей из всего неприятельского фронта, а опрокидывать, разрушать избранные части этого фронта»[16], — писал Гибер. Одновременно Гибер и дю Тей настаивали на активных действиях артиллерии: «Нужно, чтобы батареи... привыкли маневрировать с отвагой, вставать даже на опасно выдвинутые вперед позиции и поддерживать друг друга

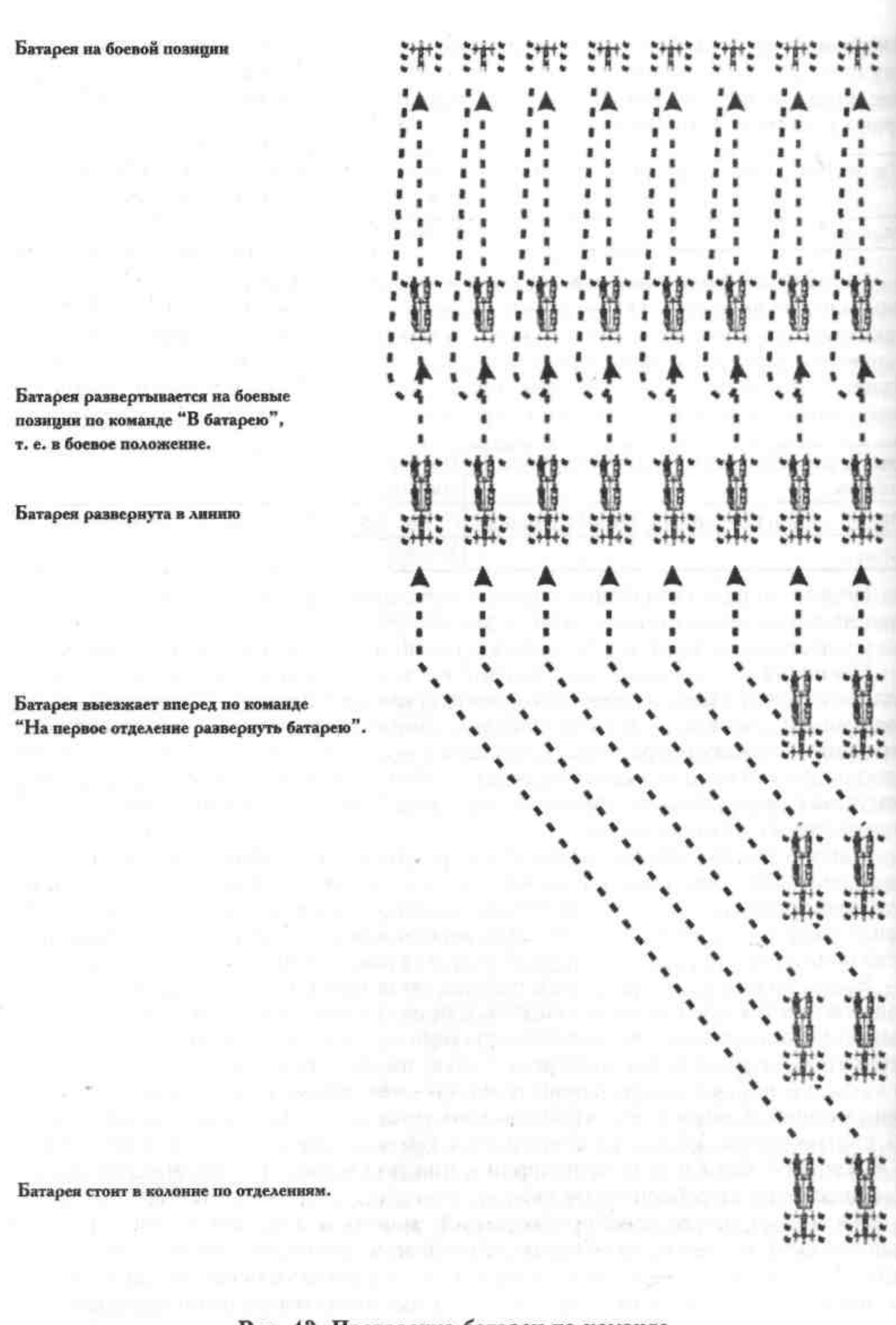

Рис. 12. Построение батареи по команде «На первое отделение развернуть колонну»

огнем, не думать о том, прикрывают ли их другие войска, если огонь пушек может сыграть решающую роль, наконец, снимать орудия лишь тогда, когда враг, так сказать, сядет на них верхом, потому что именно последние залпы в упор — самые решительные. Нужно, чтобы артиллеристы думали прежде всего не о сохранении своих орудий, которые в конечном итоге есть лишь легко заменяемые машины, но о том, чтобы стрелять как можно эффективнее...»[17]

Эти смелые для своего времени мысли были не только реализованы на практике французской артиллерией в ходе войн Революции и Империи, можно сказать больше: действительность превзошла самые дерзкие ожидания теоретиков. Известный финский военный историк Матти Лауэрма в своем прекрасном исследовании «Французская полевая артиллерия в эпоху революционных войн» высказывает мнение, что первым примером артиллерийской атаки являются действия конной артиллерии республиканской армии в сражении под Аарлоном 9 июня 1793 года, когда в критический момент боя французская батарея Сор-бье, будущего героя войн Империи, дерзко выдвинутая на дистанцию 50 метров от врага (!), открыла ураганный огонь по австрийцам и, проложив дорогу для кавалерийской атаки, решила участь схватки[18].

Трудно сказать, действительно ли этот эпизод был первым примером такого рода в истории войн, известно, как легко создаются «приоритеты» в подобных открытиях, однако не вызывает сомнения, что революционные войны стали поворотным моментом в тактике артиллерии. Ясно также и то, что именно Бонапарт был тем генералом, который систематически стал применять эту смелую и эффективную тактику в ходе боев вверенной ему Итальянской армии.

Со времени первых походов Бонапарта тактика, основанная на концентрации огня и на решительных наступательных действиях, становится типичным образом действий французских батарей. Наполеоновские артиллеристы совершали в реальных боях маневры, которые намного превзошли своей отвагой дерзкие идеи Гибера и дю Тея. Последний считал, например, довольно смелым маневром выдвижение пушек на дистанцию 800 метров от неприятеля, а конные батареи армии Наполеона подлетали галопом к врагу на пистолетный выстрел!

«Самый лучший принцип *{действий конной артиллерии)* — это подъезжать как можно ближе и палить как можно чаще»[19] — так резюмировал будущий генерал, тогда полковник артиллерии, Фуа первую составляющую тактики конных батарей. Его старший коллега генерал Леспинасс, командовавший артиллерией в Итальянской армии Бонапарта, коротко сформулировал вторую составляющую: «Не разбрасывать пушки по боевой линии, но всегда занимать мощными батареями выгодные позиции и крушить врага массированным огнем»[20].

ДЕНЬ БИТВЫ

«В день битвы, — советовал Ней в своем наставлении, написанном накануне кампании 1805 года, — все гренадеры бригад, дивизий или армии *{здесь подразумевается армейский корпус)* будут собраны вместе, чтобы составить резерв, который должен будет решить исход дня мощным ударом... Все войска будут тщательно проинструктированы перед боем, и, если обстоятельства позволят, генералы обратятся к солдатам с призывом исполнить свой долг, они не забудут упомянуть, что храбрецов ждет награда, и объяснят справедливость дела, за которое будут биться войска, и необходимость победить врага.

Генералы и командиры частей будут оставаться на своих местах, чтобы исполнить все движения и маневры, которые прикажет осуществить главнокомандующий. Генералы имеют право в этот день увеличить количество пер-

сонала своих штабов, взяв себе для этого по одному офицеру или унтер-офн-церу из кавалерийских полков, а также по одному конному полковому адъютанту или конному старшему унтер-офицеру от полков пехоты, чтобы передавать приказы подчиненным и рапорты начальникам. Важные рапорты необходимо передавать главнокомандующему через штатных офицеров штаба...

Багажи, экипажи, фургоны с провиантом и т.д. необходимо собрать позади резервов на все время, пока будет длиться бой, все ранее выделенные в их распоряжение отряды должны вернуться к своим частям — резерв их заменит. Артиллерийский и понтонный парк, прочие воинские обозы останутся в расположении резерва, но если последний должен будет перейти в наступление, командующий резервом должен оставить батальон пехоты и эскадрон кавалерии для охраны парков, о чем он обязан предупредить главнокомандующего...»[21]

Указывая, какие подготовительные действия необходимо выполнить перед боем, Ней, однако, не описывает, как, по его мнению, должен выглядеть «нормальный» боевой порядок армии (корпуса), а также ничего не говорит о взаимодействии родов войск в ходе боя. На этот вопрос отвечает генерал Преваль ъ своем проекте полевого устава: «Когда войска окажутся вблизи от неприятеля, они будут построены в несколько линий, если это позволяет их количество. Если же возможно будет выстроить лишь две линии, необходимо поставить несколько батальонов за крылья второй линии. Каждая линия может состоять из войск, построенных в колонны или в развернутых строях, в зависимости от условий местности и обстоятельств...

Резерв следует располагать позади центра или важных пунктов позиции, он должен быть, насколько это возможно, составлен из элитных частей пехоты к кавалерии, ибо его цель — довершать разгром врага, либо восстанавливать хо~ неудачно разворачивающегося боя, либо прикрывать отступление. Возможность быстрого ввода резерва в бой — одно из его важнейших качеств.

Кавалерия должна быть распределена поэшелонно на крыльях, если условия местности позволят ей там сражаться, ибо ее главная сила в атаке. Кавалерия обязана действовать с отвагой и стремительностью, стараясь охватить врага, никогда не ждать неприятельской атаки, а самой бросаться вперед, но самое главное — всегда сохранять сомкнутость рядов и потому переходить в галоп _ лишь в ста шагах от противника...

В боях и операциях необходимо всегда стараться захватить инициативу, принуждая врага к обороне. Так как в бою всегда есть ключевой пункт, нужно подготовить все к тому, чтобы атаковать его внезапно и с превосходящими силами...

Император предполагает, что корпуса, дивизии и бригады будут взаимно помогать друг другу. Его Величество не рассматривает как удачу, и более того, считает вредным успех, достигнутый генералом на одном пункте за счет неудачи другого, которому первый мог бы помочь...»[22]

Текст Преваля хорошо резюмирует боевую практику наполеоновской армии. Почти слово в слово с ним совпадают и тактические рекомендации генерала Тьебо в его известном «Генеральном учебнике штабной службы». Единственным дополнением последнего источника в отношении боевых порядков является то, что «изолированная дивизия, имея хороший резерв, может сражаться в одной линии, потому что редко поле боя бывает столь узким, что можно будет *(без опасности охвата)* построить ее в две линии»[23]. Тьебо добавляет также, что при построении нескольких линий они должны находиться на расстоянии 300 шагов одна от другой.

Говоря о линиях, генералы Преваль и Тьебо имеют в виду совсем не обязательно развернутые строи, речь идет, напротив, скорее, о выровненных между собой на одном «уровне» батальонных, реже полковых колоннах.

Бой обычно завязывали цепи батальонов легкой пехоты или выделенные роты вольтижеров. Одновременно артиллерия выдвигалась на позиции и откры-. вала мощный огонь: «Задачей артиллерии при подготовке атаки является подавление неприятельских батарей. В обороне же необходимо вести огонь по тем войскам противника, которые двигаются в атаку. В обоих случаях артиллерия должна концентрировать свой огонь, ибо он эффективен лишь при условии его максимального массирования»[24].

Под прикрытием огневой завесы в пороховом дыму продвигались вперед линии пехоты в батальонных колоннах. В кампанию 1805 года нередко при приближении к врагу на дистанцию действительного ружейного огня колонны, шедшие с большими интервалами по фронту, развертывались в линии. Стрелки тогда отходили к флангам или за фронт линий, а батальоны открывали огонь «рядами». Впрочем, французская пехота не особенно долго занималась пальбой.

«... Огонь пехоты — лишь вспомогательное средство и не составляет ее единственную силу, — писал генерал Тьебо, — особенно в нашей армии, где он только сдерживает порыв, который нужно стараться усилить; поэтому нужно стрелять как можно меньше и лишь в тех случаях, когда надо остановить неприятеля, выиграть время, чтобы оценить его позиции и маневры... выполнив эти задачи, необходимо построить колонны и идти на врага. Это движение, поддержанное самым жарким артиллерийским огнем, должно начинаться Медленно, постепенно его нужно ускорять, но, не теряя слаженности и порядка, твердо сохраняя заданное направление; нужно, чтобы войска шли прямо вперед, поддерживая равнение колонн, которые должны обрушиться на врага... одновременно в максимально возможном количестве пунктов... В ста шагах от неприятеля колонны удвоят шаг и в двадцати пяти бросятся на него бегом»[25].

Учебник Тьебо дает практические рекомендации для развития успешной атаки: «Когда враг будет опрокинут... только легкая пехота и гренадеры будут его преследовать, впрочем, не слишком увлекаясь и держась в связи с войсками первой линии. Что же касается тех частей, которые осуществили атаку, они тотчас же приведут себя в порядок и снова двинутся обычным шагом, стараясь, чтобы он был неторопливым и укороченным, чтобы порядок был как можно быстрее восстановлен до того, как артиллерия, которая во время атаки не оставалась позади для ведения огня, не войдет в новую боевую линию.

Если атака была произведена вместе с кавалерией, то только несколько эскадронов драгун, егерей или гусар, назначенных с самого начала для этой цели, займутся преследованием неприятеля, все остальные соберутся и двинутся вперед в самом строгом порядке на тех участках фронта, где позволяют условия местности и обстоятельства.

Действительно, можно предположить, что опрокинутая первая линия неприятеля отхлынет через интервалы второй и что войска этой второй линии двинутся вперед, чтобы отбить потерянное пространство и попытаться вырвать победу из наших рук. Поэтому наши войска, добившиеся первого успеха, не должны его переоценивать, а сделать все, чтобы новый натиск был удачным.

Этот новый бой будет происходить по тем же правилам, что и предыдущий... но нужно, чтобы войска были вовремя поддержаны или заменены свежими, для этого вторая линия и резерв будут следовать за первой... Если воинская удача будет благоприятна, останется лишь получить от победы все, что она может дать... Кавалерия, поддержанная некоторой частью пехоты и легкой артиллерией, может сыграть тогда самую блестящую роль... Если же, напротив, сделав все усилия, чтобы победить, Вы будете принуждены к необходимости уступить числу врага... или непредвиденному случаю, порой решающему

участь битв, не следует пытаться собрать войска под сильным огнем неприяте- | ля, ибо это невозможно... и приведет лишь к тому, что увеличит испуг солдат их надо остановить и построить лишь там, где они будут укрыты от огня z откуда их снова можно будет повести в атаку... Если же неприятель одержи! успех по всему фронту, необходимо провести отступление в шахматном порядке... Причем если это отступление неминуемо, необходимо отдать приказ : нем, не колеблясь, и совершить, двигаясь «проходом линий» («par un passage des lignes» — *то есть когда вторая линия пропускает сквозь свои интервал': батальоны первой, а затем, задержав на некоторое время неприятеля, отступает сквозь интервалы вновь построившейся позади первой линии и т. д.* < или же, сомкнув батальоны в плотные «массы», если со стороны неприятеля угрожает лишь кавалерия, или в каре, если враг может бросить на вас кавалерию, поддержанную артиллерией.

Важно, чтобы командующие всех рангов помнили, что в критические моменты боя, особенно когда судьба должна склонить чашу весов успеха в ту ИЛЕ иную сторону, необходимо, чтобы они показывали войскам пример личным мужеством, что одно дело приказать солдатам двинуться на врага и совсем другое -лично повести их вперед, и что в такие моменты пример... делает во сто крат больше, чем приказы и диспозиции, и что битвы выигрывают самые упорные»[26].

Приведенные выдержки из малоизвестных наставлений, составленных практиками войны, очень хорошо демонстрируют обобщенную картину боя эпох:: Империи, и в частности то, как действовали французские войска на полях сражений войны 1805 г.

1 Bardin. Memorial de 1'officer d'infanterie. Paris, 1809, t. 1, p. 427.

2 Guibert J.-A.-H. de. Essai general de Tactique. Paris, s.d.

Du Teil J. De l'usage de Partillerie nouvelle dans la guerre de campagne en 1778. Paris 1924, p. 27-29.

Durturbie T. Manuel de l'Artilleur. Paris, 1794, p. 65, 67-68.

3 Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М. 1938, т. 4, с. 254.

4 Folard J.-C. de. Nouvelles decouvertes de la guerre, dans une dissertation sur Polybe Paris, 1724.

5 Mesnil-Durand F.-J. de. Projet d'un Ordre Francois en tactique ou la Phalage coupe'r et doublee. Paris, 1755.

Mesnil-Durand F.-J. de. Fragments de Tactique. Paris, 1774.

Mesnil-Durand F.-J. de. Collection de diverses pieces et memoires, Necessaires pour achever d'instruire la grande affaire de Tactique... Amsterdam, 1780.

6 Цит. по: Bertaud J.-P. La revolution armee. Les soldats citoyens et la Revolution franchise. Paris, 1979. с 230.

7 Foy M.-S. Histoire de la guerre de la Peninsule. Bruxelles, 1827, t. 1, p. 85

8 Ibid., p. 85-86.

9 Reglement concernant l'exercice et manoeuvres de l'infanterie du 1" aout 1791. Paris 1809, p. 13.

10 Ibid., p. 82.

11 Brack F. de. Avant-postes de cavalerie legere. Paris, s.d., p. 165.

12 Jomini A.-H. de. Precis de l'art de la guerre. // Bibliotheque historique et militaire.. t. 5, Paris, 1844. p. 920.

13 Thiebault D.-P.-C.-H. Manuel general du service des etats-majors generaux e: divisionnaires. Paris, 1813, p. 418.

[14] Brack F. de. Op. cit., p. 185-186.
[15] Ibid.
[16] Guibert J.-A.-H. de. Essai general de Tactique. Paris, s.d., p 209.
[17] Ibid., p. 214.
[18] Lauerma M. L'Artillerie de campagne francaise pendant les guerres de la Revolution. Evolution de l'organisation et de la tactique. Helsinki, 1956, p. 193—194.
[19] Цит. по: Girod de l'Ain. Vie militaire du general Foy. Paris, 1900.
[20] Lespinasse A. de. Essai sur l'organisation de l'arme de l'artillerie. Paris, an VIII (1800), p. 58.
[21] Ney M. Op. cit., p. 390-392.
[22] Preval C.-A. de. Op. cit., p. 124-128.
[23] Thiebault D.-P.-C.-H. Op. cit., p. 290-291.
[24] Preval C.-A. de. Op. cit., p. 125.
[25] Thiebault D.-P.-C.-H. Op. cit., p. 294-295.
[26] Ibid., p. 295-299.

Приложение 2

РАСПИСАНИЕ ВЕЛИКОЙ АРМИИ

(на момент перехода через Рейн)

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ВЕЛИКОЙ АРМИИ - ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ИМПЕРАТОР И КОРОЛЬ НАПОЛЕОН I

НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА - ВОЕННЫЙ МИНИСТР МАРШАЛ БЕРТЬЕ

рассылающий приказы его величества

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ПРИНЦ МЮРАТ,

заместитель главнокомандующего, распоряжающийся армией в отсутствие Его Величества, главнокомандующий резервом карабинер, кирасир и драгун, когда Его Величество находится при армии

ЛИЧНАЯ СВИТА ИМПЕРАТОРА

Кабинет

Секретарь — Меневаль, генерал Кларк

Топографический кабинет — Бакле д'Альб, кап. штаба Делашас

Адъютанты Императора — дивизионный генерал Жюно (генерал-полковник гусар) (в дороге), дивизионный генерал Кафарелли, дивизионный генерал Лористон, дивизионный генерал Савари, бригадный генерал Лемаруа, бригадный генерал Рапп, бригадный генерал Бертран, бригадный генерал Мутон полковник Лебрен

Обер-шталмейстер — дивизионный генерал Коленкур

Шталмейстер — Канизи

Гофмаршал — дивизионный генерал Дюрок (временно замещал Удино напосту командира гренадерской дивизии — см. ниже). При нем полковник Тортель, командир батальона Оже, командир батальона Рагуа, капитан Сегюр.сублейтенат Ташер

Гувернер пажей — бригадный генерал Гарданн

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ

НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА - ВОЕННЫЙ МИНИСТР МАРШАЛ БЕРТЬЕ:

Адъютанты — ком. эск. Жирарден, кап. Кольбер, Лежён, сублейт. Огюст Перигор, лейт. Лагранж, сублейт. Арман Перигор

Бригадные генералы, состоящие при штабе: Паннетье (находится при генеральной квартире), адъютант — кап. Фроман; ген. Рейль, адъютанты — лейт. Рейль и Мину; ген. Рене, адъютант — лейт. Совтер

Полковники штаба, состоящие при генеральном штабе — Лекамю и Дальтон

Капитаны штаба, состоящие при генеральном штабе — Симонен, Фальков-ский, Левайан, Депире, Монтолон, Детерно, Трикар, лейт. Сарер и Лонгрю

Инспектор по смотрам — Дюфрен, исполняющий функции инспектора по смотрам и военного комиссара при начальнике генерального штаба

Полковник штаба Валлонг — помощник начальника генерального штаба

Старшие офицеры, состоящие при начальнике генерального штаба — ком. эск. Денуае, ком. бат. (инж. войск) Блейн, ком. бат. Перигор, ком. эск. Байи Монтион, ком. эск. Дальвимар

Польские офицеры, состоящие при генеральной квартире: полковник Акса-митовский, ком. бат. Юнг

Военная администрация, состоящая при начальнике генерального штаба: Главный комиссар-распорядитель — младший инспектор по смотрам Жуан-виль, при нем состоит бригадир жандармерии и 6 жандармов Инспектор по смотрам — военный комиссар Денние-сын Военные комиссары — Жакмино (ответственный за продовольствие), Жа-кине (ответственный за фураж), Бонфуа (ответственный за госпиталя), Сермэ (временный ответсвенный за военнопленных), Фрожье (временный)

Административные службы при начальнике генерального штаба:

хлебно-продовольственная: начальник службы Ле Пейан, кладовщик Дови-ньи, при нем помощник и 6 бригад булочников

мясо-продовольственная: начальник службы Маменьар, бухгалтер Пьестр и два служащих, три бригады мясников

служба фуража: начальник службы Жиге, кладовщик Ноэль с одним помощником

служба госпиталей: начальник службы — главный хирург Пуссиельг, при нем два хирурга второго класса, генеральный директор Лежандр, при нем два госпитальных фургона

служба военных экипажей: начальник службы Сарле, почтовая служба Жюльак

типография — директор Левро

телеграфная служба — директор Шапп

Генеральный вагенмейстер — полковник Вольф, помощник вагемейстера — Филипп

Полки, состоящие при штабе: 21-й драгунский полк, 3-я рота второго батальона саперов

Жандармерия: командир полковник Лауэр, 61 конный жандарм

Отделы штаба

Общее бюро

Начальник общего бюро — див. генерал Андреосси (aide-major general, chef de l'etat-major general), адъютанты — кап. Вальмобель и лейт. Розели

Бригадные генералы — Рейнвальд, Зайончек, адъютанты — ком. эск. Пьер, кап. Рюффар; Фондервайт

Полковники штаба — Астрель (зам. начальника общего бюро), Ломе, Пас-сенж, Бёрман (при генеральной квартире), Петие, Шевалье, Бернер (ответсвенный за конвоировку военнопленных), при нем кап. Крессан

Командиры батальона, состоящие при штабе: Бушар и Томьер

Капитаны штаба Салле, Делорм, Мартевиль, Диени, Верден, Шателен, Дюкудра, Юг-Шато

Польские штабные офицеры: ком. бат. Становский и кап. Болеста

Квартирмейстерская служба

Начальник — заместитель начальника генерального штаба (aide-major general, marechal des logis) дивизионный генерал Матье Дюма, адъютанты — ком. бат. Ларок, лейт. Дампьер, лейт. Клермон Тонпер

Полковники штаба — Лобардьер и Ромёф

Капитаны штаба — Лебрен, Воклеп и Тома

Топографическая служба

Начальник — заместитель начальника генерального штаба (aide major general, directeur du service topographique) бригадный генерал Сансон

Командиры батальона — Мартине, Гийемино

Инженеры-географы — Лапи, Шнейдер, Де Кастри, Готье, Паран, Дидье Жорж, Берле, Гольц *Старшие офицеры различных чинов, состоящие при генеральном штабе:* Полковники Леклер, Берже, Нибайе, Бержерон, Мютеле Командиры батальонов Савио, Аррье, Хартман, Грейдлер, Блондель, Ла-шоль, Боскюр, Реви, Фурн

Штаб артиллерии при генеральном штабе

Начальник — дивизионный генерал Сонжи (первый генерал — инспектор артиллерии), адъютанты — ком. бат. Догеро, кап. Берже, кап. Дюрель

Начальник штаба — бригадный генерал Пернети, адъютанты кап. Марион лейт. Дульсе Зам. начальника штаба — полк. Сенармон

Капитаны штаба артиллерии — Юло, Маразен, Фурси, Колен, Анрион. Дежен, Бернар, Мишон

Штаб инженерных войск при генеральном штабе

Начальник — дивизионный генерал Мареско (первый генерал — инспектор инженерных войск), адъютанты — ком. эск. Маливуар, ком. эск. Перрен, кап. Дешалар

Начальник штаба — майор Дюкудре

Начальник инжененрных войск в Аугсбурге — командир батальона Рузье

Капитаны штаба — Курле, Филибер, Лебель (ожидается из Франции), Лоран, Давид, Планьоль. Лейтенанты штаба — Риоле, Сальтон, Жаммен

Общая администрация

Генерал-интендант Великой Армии — государственный советник Петие Военные комиссары — Монтьери (находится в Аугсбурге), Мазо, Барто-мёф, Друэн

Административные службы при генеральной квартире Генеральный казначей Руген Главный врач Кост Главный хирург Перси Главный фармацевт Пармантье Управляющие хлебно-продовольственной службой Деньо и Бажё Управляющий мясо-продовольственной службой Валлетт Управляющий службой фуража Лонуа Управляющий службы отопления Андре Управляющий лагерной службой Риксе Управляющий службой госпиталей Мурон Директор транспортной службы Тевенен

Жандармерия при генеральной квартире: 1 лейтенант, 2 вахмистра, 4 бригадира, 33 жандарма

Инспекторская служба

Главный инспектор по смотрам Вильманзи

Инспектор по смотрам Фририон (инспектор по смотрам, ответственный за управление имуществом, принадлежащим австрийскому правительству в районах, занятых французской армией)

Инспектор по смотрам Моринье

Помощник военного комиссара Деламар

1-й АРМЕЙСКИЙ КОРПУС

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ - МАРШАЛ БЕРНАДОТТ

Начальник главного штаба — дивизионный генерал Л. Бертье Командующий артиллерией — дивизионный генерал Эбле Командующий инженерными войсками — полковник Морио Офицеры штаба — 33 человека

Дивизионный генерал	Бригадные генералы	Полк	Кол-во бат., эск. или рот	Человек
		1-я дивизия		
Друэ	Фрер Верле	27-й легкий	3	2 069
		94-й линейный	3	1 947
		95-й линейный	3	2 161
		Всего:	9	6 177
		2-я дивизия		
Риво	Дюмулен Пакто	8-й линейный	3	1 900
		45-й линейный	3	1 822
		54-й линейный	3	1 937
		Всего:	9	5 659
		Всего пехота:	18	11 836
Кавалерийская дивизия				
Келлерман	Пикар Ван Маризи	2-й гусарский	3	431
		4-й гусарский	3	444
		5-й гусарский	3	355
		5-й егерский	3	436
		Всего:	12	1 666
	Артиллерия и инженерные войска			
		пешая арт.	3	224
		конная арт.	4	318
		арт. обоз	6	465
		рабочие	1/2	43
		понтонеры	1	116
Всего артиллерия и инженерные войска:			14 1/2	1 166

Всего в строю 14 668 человек и 34 орудия

2-й АРМЕЙСКИЙ КОРПУС ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ - ДИВИЗИОННЫЙ ГЕНЕРАЛ МАРМОН Начальник главного штаба — дивизионный генерал Виньоль Командующий артиллерией — бригадный генерал Тирле Командующий инженерными войсками — дивизионный генерал Лери

Дивизионный генерал	Бригадные генералы	Полк	Кол-во бат., эск. или рот	Человек
		1-я дивизия		
Буде	Кассань Суае Десе	18-й легкий	2	1 476
		35-й линейный	2	1 626
		11-й линейный	3	2 199
		Всего:	7	5 301
		2-я дивизия		
Груши	Дельзон Лакруа	84-й линейный	3	2 045
		92-й линейный	3	2 345
		8-й линейный ба-тавский	2	1 033
		Всего:	8	5 393
		3-я дивизия (батавская)		
Дюмонсо	Ван Адель Нуэта	1-й и 2-й линейные батавские	2	1 154
		1-й линейный батавский	2	1 183
		2-й линейный батавский	2	1 018
		Полк Вальдек	2	1 064
		6-й линейный батавский	2	1 144
Всего: Всего пехота:			10 25	5 563 16 257
		Казалерийская дивизия		
Лакост	Герен д'Эскиньи	6-й гусарский	3	512
		8-й гусарский	3	414
		батавские драгуны	3	364
		батавские гусары	2	390
Всего кав. дивизия			11	1 680
		Артилле рия и инженерные войска		
		фр. пешая арт.	4	352
		батав. пешая арт.	5	491
		фр. обоз батав. обоз	6 4	453 266
		батав. конная арт.	1	108
		фр. рабочие	1	72
		батав. понтонеры	отд.	30
		фр. саперы	1	88
		батав. саперы	1	85
		фр. минеры	1	80
		батав. минеры	1	75
Всего артиллерия и инженерные войска:			25	2 100

Всего в строю 20 037 человек и 26 орудия

3-й АРМЕЙСКИЙ КОРПУС
:
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ - МАРШАЛ ДАВУ

Начальник главного штаба — бригадный генерал Дольтанн Командующий артиллерией — дивизионный генерал Сорбье Командующий инженерными войсками — бригадный генерал Андреосси

Дивизионный генерал	Бригадные генералы	Полк	Кол-во бат., эск. или рот	Человек
		1-я дивизия		
Биссон	Демон	13-й легкий	2	1 629
	Билли	17-й линейный	2	1 817
	Эпле	30-й линейный	2	1 570
		51-й линейный	2	1 648
		61-й линейный	2	1 550
		Всего:	10	8 214
		2-я дивизия		
Фриан	Лоше	33-й линейный	2	1 689
	Грандо	48-й линейный	2	1 522
		108-й линейный	2	1 567
		111-й линейный	2	1 778
		15-й легкий	2	905
		Всего:	10	7 461
		3-я дивизия		
Гюден	Пети	12-й линейный	2	1 583
	Готье	21-й линейный	2	1 792
	Кистер	25-й линейный	2	1 750
		85-й линейный	2	1 603
		Всего:	8	6 728
		Всего пехота:	28	22 403
		Кавалерийская дивизия		
	Виаллан	1-й егерский	3	380
		7-й гусарский	3	324
		2-й егерский	3	331
		12-й егерский	3	513
		Всего Кавалерийская дивизия:	12	1548
		Артиллерия и инженерные войска		
		пешая арт.	4 1/2	380
		конная арт.	1	90
		арт. обоз	5	485
		рабочие и оружейники	1/2	50
		понтонеры	1/2	43
		саперы	2	162
		Всего артиллерия и инженерные войска:	13 1/2	1210

Всего в строю 25 161 человек и 48 орудий

4-й АРМЕЙСКИЙ КОРПУС
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ - МАРШАЛ СУЛЬТ

Начальник главного штаба — дивизионный генерал Салиньи Командующий артиллерией — бригадный генерал Пернетти Командующий инженерными войсками — полковник Пуатевен

Дивизионный генерал	Бригадные генералы	т-г	Кол-во бат., эск. или рот		
1-я дивизия					
Сент-Илер	Тьебо	10-й легкий	2		
Моран	14-й линейный	2	1 764		
Варе	36-й линейный	2	1 780		
43-й линейный	2	1 766			
55-й линейный	2	1 752			
Всего:	10	8 604			
2-я дивизия					
Вандамм	Шинер	24-й легкий	2		1
Фере	4-й линейный	2	1 889		
Кадра	28-й линейный	2	1 730		
46-й линейный	2	1 733			
57-й легкий	2	1 854			
Всего:	10	8 710			
3-я дивизия					
Легран	Левассер	12-й легкий	2		1
Мерль Бруар	Корсиканские стрелки	1	766		
стрелки По	1	722			
3-й линейный	3	2 049			
18-й линейный	2	1 604			
75-й линейный	2	1 895			
Всего:	11	8 768			
Всего пехота:	31	26 082			
Кавалерийская дивизия					
Маргарон	8-й гусарский	3	433		
11-й егерский	4	633			
26-й егерский	3	405			
16-й егерский	4	для памяти*			
Всего кавалерийская дивизия:	12	1481			
Артиллерия и инженерные войска					
пешая арт.	6	579			
конная арт.	1	92			
арт. обоз	6	451			
рабочие	V,	46			
понтонеры	1	62			
Всего артиллерия и инженерные войска:	14[1]/,	1 230			

Всего в строю 28 793 человека" и 36 орудий

* 575 человек перешли Рейн только 14 октября. *" Не считая 16-го егерского.

5-й АРМЕЙСКИЙ КОРПУС

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ - МАРШАЛ ЛАНН Начальник главного штаба — бригадный генерал Компан Командующий артиллерией — бригадный генерал Фуше Командующий инженерными войсками — полковник Кирженер

Дивизионный генерал	Бригадные генералы	Полк		Кол-во бат., эск. или рот	Человек
	1-я дивизия (гренадеры и вольтижеры				
Удино	Лапланш-Мортьер Дюпа Рюффен	1-й элит.п.	бат. 13 лин.		684
			бат. 58 лин.		747
		2-й элит.п.	бат. 9 лин.		662
			бат. 81 лин.		692
		3-й элит.п.	бат. 2 легк.		702
			бат. 3 легк.		744
		4-й элит.п.	бат. 28 легк.		719
			бат. 31 легк.		717
		5-й элит.п.	бат. 12 легк.		682
			бат. 15 легк.		699
		Всего:		10	7 048
2-я дивизия					
Газан	Грендорж Кампана Рейнвальд	4-й легкий		3	1 732
		100-й линейный		3	2 068
		103-й линейный		3	2 144
		58-й линейный		2	1 000
		Всего:		И	6 944
*3-я дивизия**					
Сюше	Бекер Валюбер Клапаред	17-й легкий		2	1 857
		34-й линейный		3	2 250
		40-й линейный		2	1 670
		64-й линейный		2	1 675
		88-й линейный		2	1 702
		Всего:		11	9 154
		Всего пехота:		32	23 146
Кавалерийская дивизия					
	ком. див. Фоконе, Трейяр	9-й гусарский		3	344
		10-й гусарский		3	335
		13-й егерский		3	339
		21-й егерский		3	331
		Всего:		12	1 349
Артиллерия и инженерные войска					
		пешая арт.		4	393
		конная арт.		1	100
		рабочие		У/	49
		понтонеры		'/2	45
		арт. обоз		5	240
		саперы		4	283
		минеры		1	84
		Всего артиллерия и инженерный войска:		16	1 194

Всего в строю 25 689 человек и 34 орудия

* Эта дивизия стала 4-й 4-го корпуса, а 5-й корпус стал состоять из двух дивизий.

6-й АРМЕЙСКИЙ КОРПУС
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ - МАРШАЛ НЕЙ

Начальник главного штаба — бригадный генерал Дютайи Командующий артиллерией — бригадный генерал Серу Командующий инженерными войсками — полковник Казаль

Дивизионный генерал	Бригадные генералы	Полк	Кол-во бат., эск. или рот	Человек
		1-я дивизия		
Дюпон	Руайе Маршан	9-й легкий	2	1 763
		32-й линейный	2	1 662
		96-й линейный	2	1 721
		Всего:	6	5 146
		2-я дивизия		
Луазон	Виллат Роге	6-й легкий	2	1 742
		39-й линейный	2	1 646
		69-й линейный	2	1 716
		76-й линейный	3	1 795
		Всего: *3-я дивизия*	9	6 899
Малер	Марконье Лабассе	25-й легкий	3	2 023
		27-й линейный	2	1 828
		5-й линейный	2	1 714
		59-й линейный	2	1 504
		Всего:	9	7 069
		Всего пехота:	24	19 114
		Казалерийская дивизия		
Тилли	Дюпре	1-й гусарский	3	375
		3-й гусарский	3	342
		10-й егерский	3	354
Всего кавалерийская дивизия:			9	1 071
Артиллерия и инженерные войска				
		пешая арт.	5	468
		конная арт.	1	94
		рабочие и оружейники	1/2	46
		понтонеры	1/2	45
		обоз	6	412
Всего артиллерия и инженерные войска:			13	1 065

Всего в строю 21 250 человек и 30 орудий

7-й АРМЕЙСКИЙ КОРПУС
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ - МАРШАЛ ОЖЕРО

Начальник главного штаба — бригадный генерал Донзело Командующий артиллерией — дивизионный генерал Дорне Командующий инженерными войсками — полковник Ла Гастин

Дивизионный генерал	Бригадные генералы	Полк	Кол-во бат., эск. или рот	Человек
		1-я дивизия		
Дежарден	Лаписс	16-й легкий	3	2 382
	Ламарк	44-й линейный	2	1 355
	Ожеро	105-й линейный	2	1 578
		Всего:	7	5 315
		2-я дивизия		
Матье (Морис)	Сарю	7-й легкий	2	2 094
	Саразен	24-й линейный	3	1 966
	Менар	63-й линейный	2	1 337
		Всего:	7	5 397
		Всего пехота:	14	10 712
Казалерийская дивизия				
		7-й егерский	4	452
		Всего кавалерия:	4	452
	Артиллерия и инженерные войска			
		пешая арт.	4	334
		конная арт.	1/2	90
		рабочие арт. обоз	6	69 544
		минеры	1	89
		саперы	2	157
Всего артиллерия и инженерные войска:			14 1/2	1 283

Всего в строю 12 447 человек и 24 орудия

КАВАЛЕРИЙСКИЙ РЕЗЕРВ

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ - ЕГО ВЫСОЧЕСТВО ПРИНЦ МЮРАТ

Начальник штаба — бригадный генерал Бельяр Командующий артиллерией — бригадный генерал Аник Командующий инженерными войсками — полковник Флайель

Дивизионный генерал	Бригадные генералы	Полк	Кол-во бат., эск. или рот	Человек
1	2	3	4	**5**
	1-я див	*лзия тяжелой кава*	*лерии*	
Нансути	Пистон Лауссе Сен-Жермен	1-й карабинерный	3	478
		2-й карабинерный	3	575
		2-й кирасирский	3	532
		9-й кирасирский	3	513
		3-й кирасирский	3	520
		12-й кирасирский	3	590
		Всего:	18	3 208
		2-я дивизия тяжелой кавалерии		
Д'Опуль	Сен-Сюльпис Фонтен	1-й кирасирский	3	407
		5-й кирасирский	3	480
		10-й кирасирский	3	406
		11-й кирасирский	3	420
		Всего:	12	1 713
	1-я	*драгунская дивизия*		
Клейн	Фенероль Лассаль Милле	1-й драгунский	3	374
		2-й драгунский	3	410
		20-й драгунский	3	413
		4-й драгунский	3	396
		14-й драгунский	3	342
		26-й драгунский	3	554
		Всего:	18	2 489
	2-я	*драгунская дивизия*		
Вальтер	Себастиани Роже Буссар	10-й драгунский	3	308
		13-й драгунский	3	350
		22-й драгунский	3	648
		3-й драгунский	3	343
		6-й драгунский	3	245
		11-й драгунский	3	339
		Всего:	18	2 233
	3-я	*драгунская дивизия*		
Бомон	Буае Скальфор Мильо	5-й драгунский	3	429
		8-й драгунский	3	341
		12-й драгунский	3	365
		9-й драгунский	3	365
		16-й драгунски	3	345
		21-й драгунский	3	435
		Всего:	18	2 280

1	**2**	3	4	**5**
	4-я	*драгунская дивизи*	**i**	
Бурсье	Лапланш Саюк Вердьер	15-й драгунский	3	322
		17-й драгунский	3	351
		27-й драгунский	3	366
		18-й драгунский	3	359
		19-й драгунский	3	458
		25-й драгунский	3	664
		Всего:	18	2 520
		Всего кавалерия:	102	14 443
		Дивизия пеших драгун		
Барагэ д'Илье	Вондервейд Ле Сюир	1-й драгунский	2	1 170
		2-й драгунский	2	1 468
		3-й драгунский	2	1 770
		4-й драгунский	2	1 098
		Всего:	8	5 505
		Артиллерия		
		пешая арт.	2	185
		конная арт.	3	283
		арт. обоз	6	534
		Всего:	И	1 002

Всего в строю 20 950 человек и 28 орудий

Императорская гвардия

Подразделения	Человек
Пешие гренадеры	1 635
Пешие егеря	1 602
Итальянская гвардия	897
	4 134
Конные гренадеры	740
Конные егеря	631
Мамелюки	63
Элитная жандармерия	203
	1 637
Артиллерия	286
Арт. обоз	181
Госпитали	27
	494

Всего в строю 6 265 человек и 24 орудия

Подразделения	Кол-во бат., эск. или	Человек
Пешая арт.	12	1 145
Конная арт.	3	221
Рабочие арт.	2	188
Понтонеры	3	280
Оружейники	1/2	45
Арт. обоз	18	1 418
Рабочие обоза	1/2	52
Всего	39	3 349

56 орудий.

Общая численность Великой Армии

Подразделения	Бат.	Эск.	Рот	В строю, пехота	В строю, кавал.	В строю, арт. и инж.	Всего в строю, человек	Орудия
Имп. гвардия				4 134	1 637	494	6 265	24
1-й корпус	18	12	14 1/2	11 836	1 666	1 166	14 668	34
2-й корпус	25	11	25	16 257	1 680	2 100	20 037	26
3-й корпус	28	12	13 1/2	22 403	1 548	1 210	25 161	48
4-й корпус	31	12	14 1/2	26 082	1 481	1 230	28 793	36
5-й корпус	32	12	16	23 146	1 349	1 194	25 689	34
6-й корпус	24	9	13	19 114	1 071	1 065	21 250	30
7-й корпус	14	4	14 1/2	10 712	452	1 283	12 447	24
Кавалерийский резерв	8	102	11	5 505	14 443	1 002	20 950	28
Большой арт. парк			39			3 349	3 349	56
Всего	180	174	161	13 9189	25 327	14 093	178 609	340

Примечание: Главный штаб насчитывал около 200 генералов, офицеров и чиновников и около сотни жандармов. Штаб каждого армейского корпуса — 30—40 офицеров и около 50 жандармов. Дивизионный штаб — 15—18 офицеров. Штаб артиллерии корпуса — 7—10 человек. Кроме того, в корпусе Бернадотта был специальный эскорт маршала — 63 человека. Таким образом, следует прибавить к общей численности еще около 1600 человек.

В результате, общую *численность Великой Армии* на момент перехода через Рейн можно считать примерно равной *180 000 человек.*

Основные источники:

Service Historique de la Defense.

Alombert P.-C, Colin J. La campagne de 1805 en Allemagne. Paris, 1902—1908.

1S4

Приложение 3

РАСПИСАНИЕ АВСТРИЙСКОЙ АРМИИ

на 8 октября 1805 года

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ - ФЕЛЬДМАРШАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ МАКК *Корпус фельдмаршала-лейтенанта Кинмайера*

Бригады	Полки	Кол. бат. или эск.
Карамелли Телен Ностиц Агер	Дойчмейстер (№4)	4 бат.
	Ж. Коллоредо (№ 57)	3 бат.
	Гренадеры	3 бат.
	Кирасиры Нассау (№ 5) и Лотарингские (№ 7)	16 эск.
	Гусары Лихтенштейна (№7)	8 эск.
	Уланы Меерфельда (№ 1)	6 эск. (2 эск. в Амберге)

Корпус фельдмаршала-лейтенанта Вернека

Дивизия	Бригада	Полк	Кол. бат. или эск.
Оффенберг	Фогель Синцендорф	РейсТрейц (№ 55)	3 бат.
		Спорка (№ 25)	4 бат.
		Гренадеры	4 бат.
		Шеволежеры Латура (№ 4)	8 эск.
Керпен	О'Донелл Хоненфельд	Кауница (№ 20)	4 бат.
		Фр. Иелачича (№ 62)	3 бат.
		Гренадеры	4 бат.
Гогенцоллерн	Майер Динерсберг	Гренадеры	4 бат.
		Кирасиры Альберта (№3)	8 эск.
		Вюртембергского (№ 38)	3 бат.
		Егеря	2 роты
		Кирасиры Гогенцоллерна (№8) Шеволежеры Розенберга (№6) Уланы Шварценберга (№ 2)	6 эск.

Корпус фельдмаршала-лейтенанта Шварценберга

Дивизия	Бригада	Полк	Кол. бат. или эск.
Кленау	Лихтенштейн Френель	Гренадеры	4 бат.
		Егеря	4 роты
		Кирасиры Макка (№ 6)	8 эск.
		Шеволежеры Кленау (№ 5)	6 эск.
		Уланы Шварценберга (№2)	6 эск.
Готтенсхейм	Стикер Вейденфельд Шпет	Фрелиха (№ 28) Эрцгерцога Райнера (№ 11) Коловрат (№ 36) Манфредини (№ 12)	16 бат.
		Драгуны Гогенлоэ (№ 2)	6 эск.

Корпус Риша

Дивизия	Бригада	Полк	Кол. бат. или эск.
Гиулай Лоудон	Ульм Вебер Генедегг Мексери	Ризе (№ 15) Эрцгерцога Максимилиана (№35)	8бат.
		Стюарта (№ 18) Рейс-Плауэна (№ 17) Эрбаха (№ 42)	9 бат.
		Пфальцские гусары (№ 12)	6 эск.
		Гусары Бланкенштейна (№ 6)	6 эск.
	Сиккофанти Ауэрсперг	Эрцгерцога Людовика (№ 8)	8 эск.
		Эрцгерцога Карла (№3) Фроона (№ 54) Ауэрсперга (№ 24)	12 бат.
Гессе-Гомбург	Эрманн Ауэр	Кирасиры эрцгерцога Франца (№ 2)	8 эск.
		Кирасиры Гогенцоллерна (№ 8)	6 эск.
		Кирасиры Нассау (№ 5)	6 эск.

Корпус Иелачича

Бригада		Полк	Кол. бат. или эск.
Роан Рихтер Вольфскель	В Ульме	Императора (№ 1) Хильдбургхаузена (№ 41) Штейна (№ 50)	12 бат.
		Гренадеры	3 бат
		Егеря	1 бат
	В Штокахе	Болье (№ 58)	2 бат
		Шеволежеры Розенберга (№ 6)	8 эск
	В Мюнхене	Гренадеры	1 бат
		Кирасиры Нассау (№ 5)	2 эск
	В Линдау	Болье (№ 58)	1 бат

Подкрепление на марше

	Полк	Кол. бат. или эск. ′
Из Богемии	Геммингена (№ 21)	4 бат.
	Эрбаха (№ 42)	1 бат.
	Драгуны Гогенлоэ (№ 2)	2 эск.
Из Австрии	Гиулай (№60)	5 бат.
	1-й и 2-й валашские (погран. полки № 16 и 17)	4 бат.
	Валашско-иллирийские (погран. полк № 13) Бродер (погран. полк № 7) Петервардейнер (погран. полк № 9) Немецкий банатский (погран. полк № 12)	12 бат.
	Кирасиры эрцгерцога Фердинанда (№ 4)	8 эск.
	Драгуны эрцгерцога Иоанна (№1)	8 эск.
	Шеволежеры ОТейли(№ 3)	8 эск.
	Гусары императора (№ 17 Гессе-Гомбургский (№ 4)	16 эск.
Из Тироля	Митровского (№ 40) Чарторыйского (№ 9)	10 бат.
	Болье (№ 58)	1 бат.
	Гусары Бланкенштейна (№ 6)	1/2, эск.

Приложение 4

БОЕВОЕ РАСПИСАНИЕ ФРАНЦУЗСКИХ ВОЙСК В БОЮ ПРИ ХАСЛАХЕ
11 октября 1805 года

1-я дивизия 6-го армейского корпуса Дивизионный генерал Дюпон

Бригадные генералы	Полки	Полковники	Кол-во бат. или эск.	В строю (приблиз.)
Руйе Маршан	9-й легкий	Меньe	2 бат.	1 700
	32-й линейный	Даррико	2 бат.	1 600
	96-й линейный	Барруа	2 бат.	1 700
	1-й гусарский	Рувийуа	3 эск.	360
	арт. и обоз		14 орудий	240
		Всего:		5 600

Бригада 4-й драгунской дивизии

Бригадные генералы	Полки	Полковники	Кол-во эск.	В строю (приблиз.)
Саюк	15-й драгунский	Бартелеми	3	300
	17-й драгунский	Сен-Дизье	3	320
	Всего:		6	620

Всего французских войск в бою при Хаслахе

Пехота	6 бат.	5 000
Кавалерия	9 эск.	980
Артиллерия и т.д.	14 орудий	240
Всего:		6 220

Приложение 5

БОЕВОЕ РАСПИСАНИЕ АВСТРИЙСКИХ ВОЙСК В БОЮ ПРИ ХАСЛАХЕ
11 октября **1805** года
АВСТРИЙСКАЯ АРМИЯ
ФЕЛЬДМАРШАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ КАРЛ МАКК ФОН ЛЕЙБЕРИХ

Правая колонна — фельдмаршал-лейтенант Риш и фельдмаршал-лейтенант Верней

Первая линия	Пех. полк Карла Ризе (№ 15)	3 бат.
	Пех. полк Рейс-Плауэна (№ 17)	3 бат.
	Пех. полк Стюарта (№ 18)	3 бат.
	Пех. полк Коловрата (№ 36)	3 бат.
Артиллерия		24 орудия
Вторая линия, в резерве (в бою не участвовали)	Пех. полк Манфредини (№ 12)	5 бат.
	Пех. полк Ауэрсперга (№ 24)	5 бат.
	Пех. полк Эрбаха (№ 42)	4 бат.

Левая колонна — эрцгерцог Фердинанд и фельдмаршал-лейтенант Шварценберг

Первая колонна : Пехота Эрцгерцог Фердинанд	Пех. полк эрцгерцога Людвига (№ 8)	3 бат.
	Пех. полк эрцгерцога Райнера (№ 11)	2 бат.
	Пех. полк Кауница (№ 20)	3 бат.
	Пех. полк Фроона (№ 54)	3 бат.
Вторая колонна : кавалерия Фельдмаршал-лейтенант Шварценберг	Кирасирский полк эрцгерцога Альберта (№ 3)	6 эск. 8 эск.
	Кирасирский полк Макка (№ 6)	8 эск.
	Шеволежерский полк Латура (№ 4)	8 эск.
Артиллерия	Шеволежерский полк Розенберга (№ 6)	6 орудия

Всего австрийских войск в бою при Хаслахе

Пехота	37 бат.	20 000
Кавалерия	30 эск.	2 100
Артиллерия	30 орудий	900
Всего:		23 000

Приложение 6

ФРАНЦУЗСКИЕ ВОЙСКА В БИТВЕ ПОД ЭЛЬХИНГЕНОМ

14 октября 1805 года

6-й АРМЕЙСКИЙ КОРПУС КОМАНДУЮЩИЙ - МАРШАЛ НЕЙ

Начальник главного штаба — бригадный генерал Дютайи Командующий артиллерией — бригадный генерал Серу Командующий инженерными войсками — полковник Казаль Персонал штаба — 43 человека

Дивизионный генерал	Бригадные генералы	Полк	Кол-во бат., эск. или рот	Человек
1	2	3	4	**5**
		1-я дивизия		
Дюпон	Руйе Маршан	9-й легкий	2 бат.	1 120
		32-й линейный	2 бат.	1 210
		96-й линейный	2 бат.	1 135
		1-й гусарский	3 esc.	239
		артиллерия	10 орудий	191
		Всего 1- дивизия:		3 895
		2-я дивизия		
Луазон	Виллат Роге	6-й легкий	2	1 728
		39-й линейный	2	1 633
		69-й линейный	2	1 698
		76-й линейный	3	1 789
		артиллерия	6 орудий	89
		Всего 2-я дивизия:		6 937
		3-я дивизия		
Малер	Марконье Лабассе	25-й легкий	3	1 540
		27-й линейный	2	1 347
		50-й линейный	2	1 547
		59-й линейный	2	1 621
		артиллерия	6 орудий	65
		Всего 3-я дивизия:	9	7 069
		Кавалерия		
полковник Огюст Кольбер		3-й гусарский	3	150
		10-й егерский	3	140
		Всего кавалерия:		290
Артиллерия, инжерные войска, обоз и жандармерия				
		Пешая артиллерия	12 орудий	331
		Конная артиллерия	4 орудия	65
		Рабочие		19
		Обоз		289
		Жандармерия		50
		Всего:	13	1 065

1	2	3	4	5
	4-я	*драгунская дивизия*		
Бурсье	Лапланш	118-й драгунский	3	305
		19-й драгунский	3	290
		25-й драгунский	3	240
		Всего:	9	835

Всего французских войск при Эльхингене

Пехота	24 бат.	16 368
Кавалерия	18 эск.	1 364
Артиллерия и т.д.	38 орудий	1 457
Всего:		19 189

Примечание: в реальности дивизия Дюпона не приняла участия в бою, дивизия Малера лишь следовала за войсками, которые сражались с неприятелем. Действительное количество французских войск, принявших участие в битве при Эльхингене, можнс оценить в 8 800—9 000 человек.

Приложение 7

АВСТРИЙСКИЕ ВОЙСКА В БИТВЕ ПОД ЭЛЬХИНГЕНОМ

14 октября 1805 года

КОМАНДУЮЩИЙ - ФЕЛЬДМАРШАЛ ЛЕЙТЕНАНТ ГРАФ ФОН РИШ

Дивизия Лаудона

Авангард Г-м принц Кобург	Пех. полк эрцгерцога Людвига (№ 8)	4 фузилер, бат.
	Гусары Бланкенштейна (№ 6)	2 эск.
Центр Г-м Генегбег	Пех. полк Карла Ризе (№ 15)	4 фузилер, бат.
	Пех. полк эрцгерцога Максимилиана (№ 35)	4 фузилер, бат.
	Кирасиры Гогенцоллерна (№ 8)	2 эск.
	Уланы Шварценберга (№ 2)	1 эск.
Резерв Г-м Ульм	Пех. полк Фроона (№ 54)	3 бат. (2 фуз., 1 гр.)
	Пех. полк Иосифа Коллоредо (№ 57)	1 гренад. бат.
	Кирасиры Гогенцоллерна (№ 8)	2 эск.
Артиллерия		6 орудий

Дивизия Гессе-Гомбурга

Авангард Г-м Мексери	Пех. полк Эрбаха (№ 42)	4 бат. (3 фуз., 1 гр.)
	Кирасиры эрцгерцога Франца (№ 2)	2 эск.
Центр Г-м Ауэрсперг	Пех. полк эрцгерцога Карла (№ 3)	4 бат. (3 фуз., 1 гр.)
	Пех. полк Ауэрсперга (№ 24)	4 фузилер, бат.
Резерв Г-м Греманн	Кирасиры эрцгерцога Франца (№ 2)	1 эск.
	Пех. полк Фроона (№ 54)	2 фузилер, бат.
	Пех. полк эрцгерцога Карла (№ 3)	1 гр. бат.
	Пех. полк Ауэрсперга (№ 24)	1 гр. бат.
	Кирасиры эрцгерцога Франца (№ 2)	2 эск.
Артиллерия		8 орудий

Всего австрийских войск в битве под Эльхингеном

Пехота	32 бат.	13 300
Кавалерия	12$^1/_2$ эск.	1 250
Артиллерия и	14 орудий	450
Всего:		15 000

Примечание: часть австрийских войск не приняла реального участия в бою. Можно оценить численность войск, принявших активное участие в битве, в 9—10 тыс. человек.

Приложение 8 **АВСТРИЙСКИЕ ВОЙСКА, ВЗЯТЫЕ В ПЛЕН В УЛЬМЕ**

Наименование полков	Номера полков	Кол-во офицеро в	Кол-во унтер-офицеров и солдат
Фузилеры Коловрата	36	63	2 261
Гренадеры Коловрата		15	119
Фузилеры эрцгерцога Райнера	11	57	1 262
Гренадеры эрцгерцога Райнера		13	459
Фузилеры Ауэрсперга	24	34	607
Гренадеры Ауэрсперга		9	291
Фузилеры Фроона	54	65	1 487
Гренадеры Фроона		13	408
Фузилеры Кайзера	1	38	1 448
Гренадеры Кайзера		15	506
Фузилеры Манфредини	12	71	2 222
Гренадеры Манфредини		12	421
Фузилеры Фрелиха	28	64	2 071
Гренадеры Фрелиха		13	512
Фузилеры эрцгерцога Карла	3	23	576
Гренадеры эрцгерцога Карла		14	453
Фузилеры Хильдбургхаузена	41	67	2 557
Гренадеры Хильдбургхаузена		16	557
Фузилеры эрцгерцога Людвига	8	28	506
Фузилеры Ризе	15	56	1 727
Фузилеры эрцгерцога Максимилиана	35	12	83
Фузилеры Эрбаха	42	8	115
Гренадеры Иосифа Коллоредо	57	10	373
Фузилеры Стюарта	18	3	
Фузилеры Болье	58	1	
Чарторыйского	9	1	
Тирольские егеря	64	18	442
Бланкенштейна (гусары)	6	1	25
Гогенцоллерна (кирасиры)	8	20	242
Гогенлоэ (драгуны)	2	13	147
Эрцгерцога Карла (кирасиры)	2	25	348
Макка (кирасиры)	6	12	86
Шварценберга (уланы)	2	49	554
Артиллерия	1		24
Артиллерия	3		197
Артиллерия	4		65
Бомбардиры			4
Главный штаб		18	
Инженеры		7	
Саперы		3	51
Минеры		3	59
В госпиталях			1 165
Всего		890	24 435

Австрийские офицеры, взятые в плен

Фамилия	Звание	Примечание
Барон Макк	Главнокомандующий	18
Граф Риш	Фельдмаршал-лейтенант	
Принц Гессе-Гомбург	_ ,, _	
Барон Штипиц	- „ -	
Барон Лаудон	— „ —	
Барон Готтесхейм	— " —	
Граф Кленау	— " —	
Граф Гиулай	_ ,, _	
Барон д'Абельд	Главнокомандующий	
Барон Ульм	Генерал-майор	
Барон Вейденфельд	- „ -	
Граф Ауэрсперг	- „ -	
Гельнедег	- „ -	
Граф Тресней	- „ -	
Штейкер	_ ,, _	
Херманн	— „ —	
Принц Лихтенштейн	— „ —	
Рихтер	— „ —	
Адъютанты этих генералов		28
Всего:		46

Результат

Генерелы и адъютанты	46	25 365
Войсковые офицеры	884	
Унтер-офицеры и солдаты (пехота)	23 033	
Унтер-офицеры и солдаты (кавалерия)	1 402	
Пушки	60	
Знамена	40	

Примечание: ведомость, хранящаяся в Архиве исторической службы Министерства Обороны Франции (S.H.D.2C6).

Приложение 9

ФРАНЦУЗСКИЕ ВОЙСКА В БИТВЕ ПРИ КРЕМСЕ - ДЮРРЕНШТЕЙНЕ

11 ноября 1805 года

ВЫДЕЛЕННЫЙ КОРПУС ПОД КОМАНДОВАНИЕМ МАРШАЛА МОРТЬЕ

Генерал Годино, начальник главного штаба Казен, капитан инженерных войск Тюилье, капитан инженерных войск

2-я ДИВИЗИЯ 5-го АРМЕЙСКОГО КОРПУСА

Дивизионный генерал Газан; адъютанты: командир эскадрона Трипуль. капитан Моне, капитан Мангрено

Бригадный генерал Грандорж; адъютант: лейтенант Миньо *Бригадный генерал Кампана;* адъютант: капитан Кампана Полковник штаба Фурнье д'Альб; помощники: капитан Монтельжье, капитан Фор Командующий артиллерией командир батальона Сен Лу Командующий инженерными войсками капитан Паппораль; капитан Барен Инспектор по смотрам Ларан Военный комиссар Феро

Полки	Полковники	Кол-во бат., эск. или рот	Под ружьем
4-й легкий	Базанкур	3 бат.	1 518
100-й линейный	Рите	3 бат.	1 973
103-й линейный	Топен	3 бат.	2 038
58-й линейный выделен в Браунау			
4-й драгунский	Ватье	3 эск.	303
Пешая артиллерия		1 рота (10 орудий)*	286
Конная артиллерия		отряд (2 орудия)	
Арт. обоз		1 рота	116
Всего:			6 234

* Только часть орудий находилась на поле боя (скорее всего 5). Остальные были погружены на суда флотилии.

1-я ДИВИЗИЯ 6-го АРМЕЙСКОГО КОРПУСА

Дивизионный генерал Дюпон; адъютанты: командир батальона Декуши, командир эскадрона Морен

Бригадный генерал Руйе; адъютанты: капитан Дебен, капитан Энрион *Бригадный генерал Маршан;* адъютанты: капитан Маршан, капитан Кайеме Полковник штаба Дюамель; помощник капитан Фавери Командующий артиллерией командир батальона Бернар; капитан Симон Командующий инженерными войсками капитан Декло; капитан Леметр

Инспектор по смотрам Барш Военный комиссар
Кайроль

Полки	Полковники	Кол-во бат., эск. или рот	Под ружьем
9-й легкий	Менье	2 бат.	1 120
32-й линейный	Даррикан	2 бат.	1 210
96-й линейный	Барруа	2 бат.	1 135
1-й гусарский	Рувийюа	3 эск.	239
1-й п. пешей арт.		1 рота (6 орудий)	89
2-й п. конной арт.		отряд (2 орудий)	39
Рабочие арт.			4
3-й бис бат. обоза			59
5-й бат. обоза			
Всего:			3 895

3-я ДИВИЗИЯ 2-го КОРПУСА, БАТАВСКИЕ ВОЙСКА *Дивизионный генерал Дюмонсо* — (не участвовали в бою)

Общее количество войск, принявших участие в бою (без учета штабов): 10 129 человек.

Приложение 10

БОЕВОЕ РАСПИСАНИЕ АРМИИ КУТУЗОВА В СРАЖЕНИИ ПРИ КРЕМСЕ

11 ноября 1805 года

Командующий армией — генерал-от-инфантерии Кутузов Генерал-квартирмейстер — Шмидт (фактический начальник штаба в сражении при Кремсе)

Свиты императорского величества по квартирмейстерской части генерал-лейтенант Гергард

ОТРЯД ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА МИЛОРАДОВИЧА, ШЕФА АПШЕРОНСКОГО МУШК. ПОЛКА

Малороссийский гренадерский полк, гренадерский бат. — 1 бат.

Апшеронский мушкетерский полк, гренадерский бат. — 1 бат.

Смоленский мушкетерский полк, гренадерский и мушкетерский бат. — 2 бат

8-й егерский полк, шефский бат. — 1 бат.

Мариупольский гусарский полк — 2 эск.

Артиллерия — 4 шестифунтовых пушки

Всего: 5 бат., 2 эск., 4 орудия

КОЛОННА ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ДОХТУРОВА, ШЕФА МОСКОВСКОГО МУШК. ПОЛКА

При колонне состоял генерал-адъютант генерал-майор барон Винцингероде

Отряд генерал-майора Уланиуса, шефа 6-го егерского полка

6-й егерский полк — 2 бат.

Ярославский мушкетерский полк, гренадерский бат. — 1 бат.

Главные силы:

Московский мушкетерский полк — 3 бат.

Вятский мушкетерский полк, гренадерский бат. — 1 бат.

Отряд генерал-майора князя Урусова, шефа Вятского мушк. полка (оставлен на дороге в горах)

Брянский мушкетерский полк — 2 бат.

Ярославский мушкетерский полк, 2 мушкетерских бат. — 2 бат.

6-й егерский полк — 1 бат.

Мариупольский гусарский полк — 2 эск.

Отряд подполковника Гвоздева Вятский мушкетерский полк, 2 мушкетерских бат. — 2 бат.

Отряд генерал-майора Штриха, шефа Бутырского мушк. полка

Бутырский мушкетерский полк — 3 бат.

8-й егерский полк — 2 бат.

Всего в обходящей колонне: 21 бат., 2 эск., точное количество артиллерии не известно (отстала по дороге в горах и в бою не участвовала). Реальное участие в бою приняли не более 12 батальонов.

РЕЗЕРВ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ЭССЕНА 2-го, ШЕФА ЧЕРНИГОВСКОГО ДРАГ. ПОЛКА

Малороссийский гренадерский полк — 2 бат. Апшеронский мушкетерский полк — 2 бат. Смоленский мушкетерский полк — 1 бат. Брянский мушкетерский полк — 1 бат. Нарвский мушкетерский полк — 1 бат. Новгородский мушкетерский полк — 1 бат. Мариупольский гусарский полк — 6 эск. Черниговский драгунский полк — 5 эск. Всего: 8 бат., 11 эск. Из состава войск Эссена в бою приняли участие 3 батальона.

ОТРЯД ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА БАГРАТИОНА, ШЕФА ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ЕГЕРСКОГО ПОЛКА

Киевский гренадерский полк — 3 бат. Азовский мушкетерский полк — 3 бат. Подольский мушкетерский полк — 1 бат.
Павлоградский гусарский полк — 5 эск. Лейб-кирасирский полк — 5 эск.

АВСТРИЙСКАЯ ПЕХОТНАЯ БРИГАДА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА НОСТИЦА

Пограничный полк Брод ер (№ 7) — 2 бат. Пограничный полк Петервардейнер (№ 9) — 2 бат.

АВСТРИЙСКАЯ КАВАЛЕРИЙСКАЯ БРИГАДА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА КНЯЗЯ ГОГЕНЛОЭ

Кирасирский полк Нассау № 5 — 8 эск. Кирасирский полк герцога Лотарингского № 7 — 8 эск. Гусарский полк князя Гессе-Гомбурского № 4 — 6 эск. Всего: 11 бат., 32 эск. В бою не участвовали.

КРОМЕ ЭТОГО, В РЕЗЕРВЕ ОСТАВАЛИСЬ:

Подольский мушкетерский полк — 2 бат.
Новгородский мушкетерский полк — 2 бат.
Санкт-Петербургский драгунский полк — 5 эск.
Павлоград ский гусарский полк — 5 эск.

Казачьи полки: войскового старшины Кирсанова, войскового старшины Грекова 18-го, полковника Грекова 9-го, полковника Ханженкова, войскового старшины Киселева, подполковника Сысоева.
Артиллерия
Всего: 4 бат., 10 эск., 6 казачьих полков.
В бою не участвовали.

Приложение 11

СОСТАВ И РАСПОЛОЖЕНИЕ ВОЙСК ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА БАГРАТИОНА В БИТВЕ ПРИ ШЕНГРАБЕНЕ

16 ноября 1805 года

Генерал-майор Багратион, шеф лейб-гвардии Егерского полка

Передовой отряд. Генерал-майор граф Ностиц (австрийские войска)	ГессеТомбургский гусарский полк (№ 4)	8 эск.
	Пограничный полк Петервардейнер (№ 9)	2 бат.
Правое крыло, генерал-майор Уланиус	Черниговский драгунский полк	5 эск.
	Киевский гренадерский полк	3 бат.
	6-й егерский полк	3 бат.
	Казачий Сысоева 3-го полк	5 сотен
Левое крыло, генерал-майор Селехов	Павлоградский гусарский полк Подольский мушкетерский полк Азовский мушкетерский полк Казачий Ханженкова 1-го полк	10 эск. 3 бат. 3 бат. 5 сотен
Арт. рота майора Богославского (2-го бат. полк. Ефимова, 4-й арт. полк)		1 рота., 12 орудий
Резерв	Новгородский мушкетерский полк Нарвский мушкетерский полк	1 грен. бат. 1 грен. бат.

Передовой отряд генерал-майора Ностица не принял участия в бою. Таким образом, Багратион располагал только русскими войсками:

14 батальонов, 15 эскадронов, 10 казачьих сотен и 12 артиллерийских орудий, всего примерно 7 тыс. человек.

Приложение 1 2

РАСПИСАНИЕ ФРАНЦУЗСКИХ ВОЙСК В БИТВЕ ПРИ ШЕНГРАБЕНЕ

16 ноября 1805 года

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ - ЕГО ВЫСОЧЕСТВО ПРИНЦ МЮРАТ,

заместитель Императора, командующий в отсутствие Его Величества;

командующий Резервом из карабинеров, кирасиров и драгун,

когда Его Величество находится при армии

АВАНГРАД

Командир — бригадный генерал Себастиани

Персонал штаба— 12 человек

Бригадный генерал	Полки	Кол-во эск.	В строю
Трейар	9-й гусарский	3	231
	10-й гусарский	3	261
	1-й конно-егерский	3	275
	Всего	9	767

5-й АРМЕЙСКИЙ КОРПУС ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ - МАРШАЛ ЛАНН

Сводно-гренадерская дивизия — дивизионный генерал Удино Персонал штаба— 22 человека

Бригадный генерал	Полки		Кол-во бат., эск. или рот	В строю
Лапланш-Мортье	1-й элитн. полк	бат. 13-го лин.	1	611
Дюпа		бат. 58-го лин.	1	659
Рюффен	2-й элитн. полк	бат. 9-го лин.	1	584
		бат. 81-го лин.	1	695
	3-й элитн. полк	бат. 2-го легк.	1	509
		бат. 3-го легк.	1	522
	4-й элитн. полк	бат. 28-го легк.	1	459
		бат. 31-го легк.	1	396
	5-й элитн. полк	бат. 12-го легк.	1	498
		бат. 15-го легк.	1	497
	5-й пеш. арт.		1 рота	158
	5-й кон. арт.		1	
	5-й бис бат. обоза		2	170
	2-я рота 2-го бат. саперов		1	72
			Всего:	5 830

3-я дивизия — дивизионный генерал Сюше Персонал штаба— 23 человека

Бригадные генералы	Полки	Кол-во бат., эск. или рот	В строю
Бекер Валюбер Клапаред	17-й легкий	2	1 461
	34-й линейный	3	1 279
	40-й линейный	2	1 404
	64-й линейный	2	1 020
	88-й линеный	2	1 606
	5-й пеш. арт.	1 рота	115
	3-й бат. обоза	1	101
		Всего:	6 986

Всего в строю в 5-м корпусе на поле боя — 12 816 человек.

4-й АРМЕЙСКИЙ КОРПУС ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ - МАРШАЛ СУЛЬТ

1-я дивизия — Сент-Илер (осталась позади)

2-я дивизия — Вандамм Персонал штаба— 23 человека

Бригадные генералы	Полки	Кол-во бат., эск. или рот	В строю
Шинер Фере Кандра	24-й легкий	2 бат.	1 310
	4-й линейный	2	1 822
	28-й линейный	2	1 636
	46-й линейный	2	1 559
	57-й легкий	2	1 771
	5-й пеш. арт.	$1^{1/4}$ рот.	117
	2-й бат. арт. обоза.	1	132
		Всего:	8 347

3-я дивизия — Легран Персонал штаба— 20 человек

Бригадные генералы	Полки	Кол-во бат., эск. или рот	В строю
Левассер Мерль Бруар	26-й легкий	2 бат.	1 587
	Корсиканские стрелки	1	635
	Стрелки По	1	547
	3-й линейный	3	1 888
	18-й линейный	2	1 507
	75-й линейный	2	1 532
	5-й пеш. арт.	$1^{1/4}$ рот.	116
	3-й бат. арт. обоза.	1	101
		Всего:	7 913

Кавалерийская дивизия — бригадный генерал Маргарон Персонал штаба— 7 человек

Полки	Кол-во эск. или рот	В строю
8-й гусарский	3	276
11-й конно-егерский	4	317
26-й конно-егерский	3	331
5-й кон. арт.	1 рота	91
3-й бат. арт. обоза	1	52
	Всего:	1 067

Резерв артиллерии остался позади.

Всего в строю в 5-м корпусе на поле боя — 17 327 человек.

КАВАЛЕРИЙСКИЙ РЕЗЕРВ НА ПОЛЕ БОЯ

2-я драгунская дивизия — дивизионный генерал Вальтер

Персонал штаба — 18 человек

Бригадные генералы	Полки	Кол-во бат., эск. или рот	В строю
Роже Буссар	10-й драгунский	3 эск.	225
	11-й драгунский	3	347
	3-й драгунский	3	258
	13-й драгунский	3	268
	22-й драгунский	3	152
	6-й драгунский	3	284
	конная арт.	½ роты	
	арт. обоз	1/2	
		Всего:	1 534

1-я дивизия тяжелой кавалерии — дивизионный генерал Нансути Персонал штаба— 17 человек

Бригадные генералы	Полки	Кол-во бат., эск. или рот	В строю
Пистон Ла Уссе Сен-Жермен	1-й карабинерный	3 эск.	232
	2-й карабинерный	3	239
	1-й кирасирский	3	350
	2-й кирасирский	3	305
	3-й кирасирский	3	291
	5-й кирасирский	3	335
	конная арт.	½ роты	
	арт. обоз	1/2	
		Всего:	1 752

2-я дивизия тяжелой кавалерии — дивизионный генерал д'Опулъ Персонал штаба— 13 человек

Бригадный генерал	Полки	Кол-во бат., эск. или рот	В строю
Сен-Сюлышс	19-й кирасирский	3 эск.	318
	12-й кирасирский	3	298
	10-й кирасирский	3	260
	11-й кирасирский	3	333
	конная арт.	1/2 роты	
	арт. обоз	1/2	
		Всего:	1209

Всего на поле боя резерв кавалерии— 4 495 человек.

Всего в строю французских войск на поле боя при Шенграбене — 35 405 человек.

Приложение 13

БОЕВОЕ РАСПИСАНИЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ АРМИИ

на **18** октября **1805 года**

Главнокомандующий — маршал Массена

Дивизионный генерал Шарпантье, начальник главного штаба
Дивизионный генерал Фририон, помощник начальника главного штаба
Дивизионный генерал Лакомб Сен-Мишель, командующий артиллерией
Дивизионный генерал Шасслу, командующий инженерными войсками
Полковник д'Опуль, начальник штаба инженерных войск
Жубер, комиссар-распорядитель
Полковник Фор, начальник штаба артиллерии
Бригадный генерал Феликс, инспектор по смотрам

	Дивизионный генерал	Бригадные генералы	Полк	Кол-во бат., эск. или рот
1	2	3	4	5
Правое крыло	1-я дивизия Гарданн	Компер	22-й легкий	3 бат.
			52-й линейный	3
		Ланшантен	29-й линейный	3
			101-й линейный	3
			23-й конно-егерский	3 эск.
			Пешая артиллерия	
			Всего:	12 бат., 3 эск.
			Всего: 6 066 человек и 5 орудий	
	2-я дивизия Вердье	Брен	23-й легкий	3 бат.
			10-й линейный	3
		Дигоне	56-й линейный	2
			62-й линейный	4
			Пешие драгуны	1
			Соедин. драгуны	2
			4-й конно-егерский	4 эск.
			19-й конно-егерский	3
			Пешая и конная артиллерия	
			Всего:	15 бат., 7 эск.
			Всего: 5 129 человек и 11 орудий	
Центр	3-я дивизия Молитор	Лоне	23-й линейный	4 бат.
			79-й линейный	2
		Эрбен	5-й линейный	3
		Валори	60-й линейный	4
			Пешая и конная артиллерия	
			Всего:	13 бат.
			Всего: 6 812 человек и 12 орудий	
Левое крыло	4-я дивизия Дюэм	Гулю	14-й легкий	3 бат.
			20-й линейный	4
		Камю	1-й линейный	3
			102-й линейный	3
			25-й конно-егерский	3 эск.
			Пешая и конная артиллерия	
			Всего:	13 бат., 3 эск.

1	2	3	4	5
	Всего: 6 824 человека и 6 орудий			
	5-я дивизия Сера	Жилли	Корсиканские карабинеры	1 бат.
			8-й легкий	2
			53-й линейный	3
		Гилле	81-й линейный	2
			106-й линейный	3
		Малле	13-й линейный	3
			Драгуны королевы	4 эск.
		Шильд	9-й линейный	2 бат.
			Пешая артиллерия	
			Всего:	16 бат., 4 эск.
	Всего: 8 016 человек и 6 орудий			
Резерв	Дивизия Партуно	Солиньяк	Соедин. карабинеры	1 бат.
			Соедин. гренадеры	3
		Валентен	Соедин. карабинеры	2
			Соедин. гренадеры	2
			Пешая артиллерия	
			Всего:	8 бат.
	Всего: 3 949 человек и 5 орудий			
	Дивизия Мерме	Лакур	24-й драгунский	4 эск.
			30-й драгунский	3
		Оффенштейн	7-й кирасирский	4
			8-й кирасирский	4
			Конная артиллерия	
			Всего:	15 эск.
	Всего: 1 702 человека и 4 орудия			
Кавалерия	Дивизия Эспань	Дебель	3-й конно-егерский	4 эск.
			14-й конно-егерский	4
		Морен	15-й конно-егерский	4
			24-й конно-егерский	4
			Конная артиллерия	
			Всего:	16 эск.
	Всего: 1 849 человека и 5 орудий			
	Дивизия Пюлли	Фрезиа	23-й драгунский	3 эск.
			29-й драгунский	3
		Давенэ	4-й кирасирский	3
			6-й кирасирский	2
			Всего:	11 эск.
	Всего: 1 008 человек			

Общая численность

	Батальонов	Эскадронов	Человек
1	2	3	4
Правое крыло	27	10	11 195
Центр	13		6 812
Левое крыло	29	7	14 840

1	2	3	4
Резерв	8	15	3 949
Кавалерия		27	4 559
Всего:	77	59	41 355
Кроме того:			
Гарнизоны	Мантуя	900 человек	5 733
	Леньяно	1 606	
	Верона	250	
	Пескьера	612	
	Рока д'Анфо	300	
	Ливорно	2 065	
В госпиталях			5 240
В депо, отставшие			12 907
		Общая численность:	65 235

Материальная часть артиллерии

Полевая артиллерия	54 орудия
	108 зарядных ящиков
	12 повозок
	6 кузниц
Горная артиллерия	24 орудия
	46 повозок
	3 кузницы
В главном парке и в Пьяченце	90 орудий
	36 зарядных ящиков
	12 повозок
	4 кузницы

Вещевой обоз

311 человек	и	92 четырехколесных повозки
543 лошади		33 двухколесных повозки
54 мула		6 вурстов
		2 большие повозки

Приложение 14

РАСПИСАНИЕ ПРАВОГО КРЫЛА ПОД КОМАНДОВАНИЕМ ГЕНЕРАЛ ЛЕЙТЕНАНТА ГУВИЙОНА СЕН СИРА

на 2 ноября 1805 года

Дивизии	Бригадные генералы	Полки	Кол-во бат., или эск.	В строю
Рейнье	Дигонне Эрбен Гриньи	23-й легкий	3 бат.	1 255
		10-й линейный	3 бат.	1 061
		56-й линейный	4 бат.	947
		62-й линейный	4 бат.	1 200
		4-й бат. 1-го пехотного швейцарского полка	1 бат.	573
		4-й конно-егерский	4 эск.	420
		6-й конно-егерский	4 эск.	489
		17-я рота 2-го полка пешей арт.		86
		3-я рота 2-го полка конной арт.		38
		4-я рота 4-го бат. арт. обоза		112
		5-я и 7-я рота 3-го бат. саперов		88
Лечи	Североли Оттави	2-й линейный, итальянцы	3 бат.	1 057
		4-й линейный, итальянцы	3 бат.	1 268
		5-й линейный, итальянцы	3 бат.	1 577
		1-й бат. 32-го легкого	1 бат.	410
		1-й полк королевских егерей, итальянцы	4 эск.	482
		4-я рота 1-го полка пешей арт., итальянцы		48
		2-я рота 1-го полка конной арт., итальянцы		59
		1-я и 2-я роты 1-го бат. арт. обоза, итальянцы		84
Резервная бригада главного штаба под командованием бригадного генерала Пейри; бр. ген. Брон		1-й полк польской пехоты	3 бат.	1 787
		1-й полк конных егерей, поляки	4 эск.	470
		28-й драгунский	4 эск.	648
		2-я рота 1-го полка конной арт.		58
		3-я, 5-я и 6-я роты 2-го полка пешей арт.		149
Арт. парк под командованием полк. Дейссотье		Рабочие арт.		11
		6-я бат. арт. обоза	1 бат.	571
		1-й полк пешей арт., итальянцы		75
		Обоз и рабочие, итальянцы		94
		Всего:	29 бат., 20 эск.	15 117 12 бат., 3 эск.

Общая численность

Дивизии	Бат.	Эск.	Пехота	Кавалери	Арт.	Всего
Рейнь е Лечи	15 10	8 4	5 436 4 312	509 482	324 191	6 269 4 985

Приложение 15

БОЕВОЕ РАСПИСАНИЕ РУССКОГО КОРПУСА В НЕАПОЛЕ. ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ - ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ АНРЕП

Сибирский гренадерский полк	Генерал-майор Бахметьев	3 б-на	1 931 чел.
	Полковник Удом		
	Полковник Попов		
Витебский мушкетерский полк	Генерал-майор Мусин-Пушкин	3 б-на	1 862 чел.
	Майор Езерский		
	Майор Вильмах		
Козловский мушкетерский полк	Генерал-майор Макшеев	3 б-на	1 408 чел.
	Подполковник Огарев		
	Полковник Падейский		
Колыванский мушкетерский полк	Генерал-майор Жердюи	3 б-на	1 620 чел.
	Майор Гамильтон		
	Полковник Лопухин		
13-й егерский полк	Генерал-майор князь Вяземский	3 б-на	1 121 чел.
	Майор Велисарев		
	Майор Забелин		
14-й егерский полк	Генерал-майор Штетер	3 б-на	**1** 257 чел.
	Подполковник Бабоедов		
	Полковник Книнер		
Алексопольский мушкетерский полк	Полковой командир полковник	1 б-н	435 чел.
	Палицын		
3-й рота 6-го арт. полка	Полковник Буховец		629 чел.
	Майор Иванов		
	Майор Кулешов	5 б-нов	
Греческий легион	Сулиотов 1-й и 2-й бат.		**1** 495 чел.
	Эпиротов 3-й и 4-й бат.		
	Пелопоннесцев 6-й бат.		
Итого: 11 742 чел.			

Приложение **16**

МЕСЯЧНЫЙ ОТЧЕТ
О БРИТАНСКОЙ АРМИИ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ ГЕНЕРАЛА СЭРА ДЖЕЙМСА ГЕНРИ КРЕЙГА

Неаполь, 1 января 1806 год

Сэр Джон Старт, помощник командующего

Бригады	Части	Кол-во
Бригада авангарда. Бригадный генерал Бродрик, майор Освальд	Королевская артиллерия	381
	Королевские инженеры	13
	20-й легкий драгунский (2 эск.)	316
	Гренадерский батальон	641
	Батальон легкой пехоты	637
	Королевские корсиканские стрелки	705
		2 693
Первая бригада. Бригадный генерал Экланд, майор Хепберн	20-й пехотный полк	645
	35-й пехотный полк	805
	61-й пехотный полк	631
		2 081
Вторая бригада. Бригадный генерал Коул, майор Ровери	27-й пехотный полк	860
	58-й пехотный полк	729
	Полк Ваттевиль	670
		2 259
Вне основных частей	Британские егеря Штаб	578 18
		7 629 чел.
		244 коня

Приложение 17

ЧИСЛЕННОСТЬ НЕАПОЛИТАНСКИХ ВОЙСК В НЕАПОЛИТАНСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ

на 1 января 1805 года

Линейная пехота		
В Неаполе	Королевские гренадеры	800
	Королевский Немецкий	577
	Королевский Албанский	526
	Королевский Саннити	275
	Королевский Калабрийский	614
	Королевский Каролины 1-й	556
	Королевский Фердинанда	371
В Гаэте	Принца Королевский 1-й	506
	Королевский Каролины 2-й	908
	Президии	510
В Капуе	Принца Королевский 2-й	611
	Принцессы Королевский	341
	Всего	6 595
	Кавалерия	
В Неаполе	Принца Королевский	270
	Вальдимацара	280
В Авесе	Короля	250
В С.-Марие	Королевы	266
В Капуе	Принцессы Королевский	216
В Носере	Принца Королевский 2-й	276
В Нале	Вальдинето	300
	Всего:	1 858

Артиллерия в разлиных местах королевства — 499 человек.

Егерские батальоны

Кампани	219
Калабрийский	350
Апрунтини	199
Саннити	250
Маези	380
Албанский	287
Всего	1 685

Общая численность неаполитанских войск: 10 637 человек.

Приложение 18

РУССКИЙ КОРПУС В СЕВЕРНОЙ ГЕРМАНИИ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ П.А. ТОЛСТОГО*

на 30 декабря 1805 года

Лейб-кирасирский Его Величества полк	281
1-й арт. полк. 1 бат.	433
1-й егерский полк	1 383
20-й егерский полк	1 529
Павловский гренадерский полк	1 909
Белозерский мушкетерский полк	2 026
Рязанский мушкетерский полк	1 937
1-й арт. полк. 1 бат.	316
Лейб-казачий Уральский полк	118
Кегсгольмский мушкетерский полк	1 939
1-й арт. полк. 1 бат.	137
Команда из разных частей	463
Санкт-Петербургский гренадерский полк	2 240
2 бат. 3-го Морского полка	1 485
Казачьего Фролова полка	641
2 сотни полка Грекова 17-го	
Лейб-кирасирский Его Величества полк	202
1-й арт. полк. 1 бат.	272
Курляндский драгунский полк	933
Изюмский гусарский полк	1 697
Казачий Протопопова 1-го	563
Казачий Фролова	570
1 рота 1-конно-артил. бат.	280
Всего:	21 354

Приложение 19

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ДИСПОЗИЦИЯ

на день **11** фримера

Бивак в Брюнне, 10 фримера XIV (1 декабря 1805)
8 часов 30 минут вечера

Господин маршал Сульт отдаст приказы, чтобы его три дивизии заняли позиции за оврагом к семи часам утра, таким образом, чтобы быть готовыми начать дневной маневр, который должен быть выступлением вперед поэшелон-но, правое крыло вперед. Господин маршал Сульт лично прибудет в 7.30 утра к Императору, на его бивак.

Е.В. принц Мюрат отдаст приказы кавалерии генерала Келлермана, генералов Вальтера, Бомона, Нансути и д'Опуля, чтобы дивизии заняли позиции, к семи часам утра, между левым флангом маршала Сульта и правым флангом маршала Лан-на, таким образом, чтобы занимать как можно меньше места и чтобы в тот момент, когда маршал Сульт начнет выдвижение, вся кавалерия, под командованием принца Мюрата, перешла ручей и заняла позиции в центре боевого порядка армии.

Генералу Кафарелли приказано выступить с его дивизией в семь часов утра, чтобы занять позицию на правом фланге дивизии Сюше, перейдя ручей. Поскольку дивизия Сюше будет построена в две линии, дивизия Кафарелли также построится в две линии, линия представлена одной бригадой, и таким образом места, занимаемого сейчас дивизией Сюше, станет достаточно для двух дивизий.

Маршал Ланн проследит, чтобы дивизии Сюше и Кафарелли всегда оставались за холмом, чтобы не быть замеченными неприятелем.

Господин маршал Бернадотт, с его двумя пехотными дивизиями, выступит в семь часов утра на ту позицию, которую занимает сегодня, 10-го, дивизия генерала Кафарелли, таким образом, что левый фланг будет на высоте за Сан-тоном, и там останется в колонне по полкам.

Господин маршал Ланн отдаст приказ гренадерской дивизии расположиться в развернутой линии перед позицией, которую она сейчас занимает, левый фланг за правым флангом генерала Кафарелли. Генерал Удино распорядится найти переправу, где он сможет пересечь ручей, это будет та же переправа, по которой пройдет маршал Сульт.

Господин маршал Даву с дивизией Фриана и драгунской дивизией генерала Бурсье выйдет в пять часов утра из аббатства Райгерн, чтобы выйти на правый фланг маршала Сульта. Дивизия Гюдена переходит в распоряжение маршала Сульта сразу по прибытии на место.

В 7 часов 30 минут господа маршалы прибудут к Императору, на его бивак, чтобы, исходя из тех передвижений, которые совершит неприятель за ночь, получить новые приказы.

Кавалерия господина маршала Бернадотта, в соответствии с выше изложенной диспозицией, переходит в распоряжение маршала Мюрата, который укажет ей время, когда она должна будет выступить, чтобы быть на позиции в семь часов.

Господин принц Мюрат получит также в свое распоряжение легкую кавалерию маршала Ланна.Все войска будут на указанных выше позициях до поступления нового приказа.

Поскольку кавалерия господина принца Мюрата должна, в своем начальном положении, занимать как можно меньше места, он построит ее в колонну.

Маршал Даву найдет в аббастве эскадрон с половиной 21-го драгунского, полка, которых он отправит на бивак.

Каждый из господ маршалов отдаст необходимые приказы в соответствии с настоящей диспозицией.

Маршал Бертье, по приказу Императора.

Приложение 20 **ДИСПОЗИЦИЯ ДЛЯ СРАЖЕНИЯ ПРИ АУСТЕРЛИЦЕ**

ДИСПОЗИЦИЯ ДЛЯ СРАЖЕНИЯ ПРИ АУСТЕРЛИЦЕ, СОСТАВЛЕННАЯ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРОМ АВСТРИЙСКОЙ СЛУЖБЫ ВЕЙРОТЕРОМ, ИСПРАВЛЯЮЩИМ ДОЛЖНОСТЬ ГЕНЕРАЛ-КВАРТИРМЕЙСТЕРА СОЕДИНЕННЫХ РУССКОЙ И АВСТРИЙСКОЙ АРМИЙ

Левый фланг неприятеля опирается на возвышенности, покрытые лесами, а правый тянется к прудам Кобельница, Сокольница и Тельница; при нашем настоящем положении мы сильно охватываем этот фланг нашим левым крылом; вследствие этого нам выгодно атаковать правое крыло французов и, когда мы займем местечки Тельниц, Сокольниц и Кобельниц, мы совершенно обойдем это крыло и можем продолжать атаку по равнине, находящейся между Шлапаницем и рощами Тураса, следуя вдоль дефиле Шлапаница и Беловица. в данную минуту прикрывающих фронт неприятеля.

Следовательно, нужно, чтобы большая часть наших сил как можно ранее (на рассвете) начала атаку правого фланга противника и, наоборот, авангард князя Багратиона должен стараться удержать занимаемую им позицию, а кавалерия князя Иоанна Лихтенштейна должна выбрать удобное место между Кругом и Шлапаницем и по обеим сторонам большой дороги.

Четыре колонны остаются в составе из тех же частей войск, как и вчера.

Первая колонна двигается левым флангом из Аугеста в Тельниц; заняв эту деревню и ее дефиле, оставив с этой стороны один батальон для прикрытия своего левого фланга, и будет наступать вправо к прудам, пока не выйдет на высоту головы второй колонны.

Вторая колонна двинется левым флангом и перейдет через овраг, находящийся между Сокольницем и Тельницем.

Третья колонна двинется левым флангом, пройдет близ Сокольницкого замка, и тогда головы трех колонн, находясь между Сокольницем и прудами левее него, будут наступать к прудам Кобельница.

Четвертая колонна, двигаясь левым флангом, пройдет эту последнюю деревню и выйдет на высоту голов трех вышеуказанных колонн и для того, чтобы головы четырех колонн заняли бы большее пространство, первая займет рощу Тураса. находящуюся на ее левом фланге, и энергично атакует правый фланг противника. Три батальона четвертой колонны займут деревню Шлапаниц. В этот момент авангард князя Багратиона, поддержанный кавалерией князя Лихтенштейна, должен постараться занять артиллерией высоту между Дварошной и корчмою Лечерн; кавалерия, которая станет правее и левее этой корчмы, а также займет высоты по сю сторону оврага Дварошны, поддержит авангард князя Багратиона.

Так как успех сражения зависит от энергии атаки нашего левого фланга на правый фланг противника, согласованный с сильным сопротивлением, которое должен оказать князь Багратион со своей стороны, то квалерия должна справа от большой дороги, впереди корчмы Лечерн, сильно атаковать и опрокинуть все неприятельские колонны, которые вознамерились бы атаковать левый фланг князя Багратиона.

Кавалерия князя Лихтенштейна с ее конной артиллерией должна занять гребень высот между Шлапаницем и корчмой Лечерн, откуда она будет командовать над оврагом, находящимся перед ней. С этой целью артиллерия должна

выдвинуться с рассветом между Бразовицем и Кругом, чтобы облегчить движение четвертой колонны.

Кавалерия генерала Кинмайера должна выдвинуться к Мельнице в тот момент, когда первая колонна пройдет дефиле Тельница и построится на равнине между этими дефиле и прудами Мельница, чтобы прикрыть хвосты всех колонн и выслать разъезды во все деревни, находящиеся впереди и с флангов.

Когда четыре колонны дойдут до Тураса, кавалерия генерала Кинмайера станет на левом фланге первой колонны и в тот момент, когда пехота займет рощу Тураса, она выдвинется между этой деревней и рощей влево от капеллы Лостейн с тем, чтобы все время прикрывать левый фланг первой колонны и если бы четырем пехотным колоннам удалось продвинуться до большой дороги между Лостейном и Беловицем, принудив предварительно противника оставить обе эти деревни, то кавалерия будет его преследовать до горы.

Четыре батальона, которые займут рощу Тураса, не должны ее покидать и в случае, если бы мы были принуждены отступать, они будут служить прикрытием отступления, если бы его надо было произвести через Кобельниц и Пунто-виц на наши биваки.

Когда князь Багратион заметит, что наш левый фланг приближается к нему, он должен постараться потеснить левый фланг противника и войти в связь с другими колоннами.

Вся армия должна сосредоточиться впереди деревни Латейн, около Леша, а кавалерия князя Лихтенштейна, как только дефиле Шлапаница и Беловица будут покинуты противником, должна воспользоваться этим моментом, чтобы броситься вперед и раздавить его при его бегстве к Брюнну.

Главнокомандующий армией будет находиться при четвертой колонне; донесения ему следует посылать в начале сражения к Кобельницу, на правый фланг армии, а если успех будет на нашей стороне, то за Шлапаниц.

Граф Буксгевден будет при первой колонне и должен, пройдя дефиле Тельница, равняться все время с головами прочих колонн, развертывать в две линии столько батальонов двух первых колонн, сколько позволит местность между рощей Тураса и деревней Шлапаниц, и построить за второй линией четыре маленькие колонны, которые в продолжение всего сражения будут служить резервом. Корпус Его Императорского Высочества Великого Князя Константина должен занять с рассветом позицию позади Блазовица и служить поддержкой кавалерии князя Лихтенштейна и левому флангу авангарда князя Багратиона.

Обозы каждой колонны пойдут назад на прежние биваки; обоз главной квартиры пойдет в Аустерлиц.

В случае если армия будет совершенно отбита, она отступит в Годмиц-Нетчау, а в случае успеха можно рассчитывать, что авангард будет в состоянии продвинуться за Брюнн.

Все колонны начнут движение в 7 часов утра. Следует наблюдать, чтобы каждая колонна, заняв дефиле, ей предназначенное, дожидалась бы голов других ближайших колонн, чтобы подравняться с ними и в точности выполнить указанную диспозицию.

Приложение 21

БОЕВОЕ РАСПИСАНИЕ ВЕЛИКОЙ АРМИИ на 2 декабря 1805 года

ВЕЛИКАЯ АРМИЯ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ ЛИЧНО ИМПЕРАТОРА НАПОЛЕОНА I,
МАРШАЛ МЮРАТ - ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО И
МАРШАЛ БЕРТЬЕ - НАЧАЛЬНИК ГЛАВНОГО ШТАБА

Дом Императора

Дивизионный генерал Дюрок, гофмаршал, при нем бригадный генерал Макон, Гофмейстер, состоящий при генеральной квартире

Дивизионный генерал Коленкур, обер-шталмейстер

Адъютанты Императора: дивизионные генералы Жюно, Кафарелли (выделен для командвоания 1-й дивизией 3-го корпуса), Савари, бригадные генералы Бертран, Лемаруа, Мутон, Рапп, полковник Лебрен, бригадный генерал Гар-данн, гувернер пажей, и Тиар, исполняющий обязанности адъютанта в ходе кампании 1805 года.

Главный штаб Великой Армии

Под начальством маршала Бертье.

В состав главного штаба на 22 ноября 1805 г. входили следующие службы.

Службы	Офицеры штаба	Офицеры	Унтер-офицеры и солдаты	Всего
1	2	3	4	5
Адъютанты, полковники штаба, высшие офицеры французские и иностранные, офицеры, приписанные к штабу	48			48
Военная администрация	17		8	25
Охрана (полковник Лауэр), элитная рота 21-го драгунского, состоящая при штабе		27	292	319
Первый помощник начальника главного штаба (дивизионный генерал Андреосси)	29			29
Второй помощник начальника главного штаба (дивизионный генерал Матье Дюма)	9			9
Третий помощник начальника главного штаба директор топографической службы (бригадный генерал Сансон)	24			24
Главный инспектор по артиллерии (дивизионный генерал Сонжи)	15			15
Главный инспектор инженерных войск (дивизионный генерал Мареско)	16			16

1	2	3	4	5
Службы при главном интенданте генерале Петие	20	1	39	60
Службы смотров и администрации войск (главный инспектор по смотрам Виллеманзи)	4			4
Всего	182	28	339	549

ВОЙСКА, ДЕЙСТВУЮЩИЕ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ МАРШАЛА ЛАННА, КОМАНДУЮЩЕГО 5-м КОРПУСОМ

Начальник штаба — бригадный генерал Компан,
полковники штаба Деку и Умбер
Командир артиллерии — бригадный генерал Фуше де Карейль
Командир инженерных войск — полковник Кирженер
3-я пехотная дивизия 5-го корпуса
Дивизионный генерал Сюше
Начальник штаба — полковник штаба Аллен
Командир артиллерии — командир батальона Фрушар

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
Штаб			22
Клапаред	17-й легкий	Ведель	1 450
Бекер	34-й линейный	Дюмутье	1 303
	40-й линейный	Лежандр	1 361
Роже-Валюбер	64-й линейный	Шовель	855
	88-й линейный	Кюриаль	1 586
Артиллерия	5-й пешей арт. (15-я и 16-я рота) и 1-й пешей арт. (5-я рота)		125
Арт. обоз	3-й осн. бат. (4-я рота) и 5-й бат. бис (5-я рота)		125
	Всего:		6 827
	Предположи	[тельно на 02.12.1805	7 000

1-я пехотная дивизия 3 г о корпуса, приписанная к 5-му корпусу
Дивизионный генерал Кафарелли Начальник штаба — полковник штаба Корн
Командир артиллерии — командир батальона Вазерва

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
1	2	3	4
Штаб			20
Эпплер	13-й легкий	Кастекс	1 382
Демон	17-й линейный	Конру	1 449
	30-й линейный	Вальтерр	1 074
Дебили	51-й линейный	Боне д'Онньер	1 195
	61-й линейный	Николя	1 212

1	2	3	4
Артиллерия	7-й п. пешей арт. (1-я рота)		68
Арт. обоз	1-й осн. бат. (1-я рота)		98
	Всего:		6 498
	Предположительно на 02.12.1805		6 500

Части большого артиллерийского парка, приписанные к 5-му корпусу

Речь идет об артиллерийских частях, призванных усилить позиции у Сан-тона на левом фланге поля битвы: 18 орудий, взятых из австрийских арсеналов, были поставлены для защиты этой позиции, довренной 17-му легкому.

Части	В строю на 22.11.1805
7-й полк пешей арт. (16-я, 17-я и 18-я роты)	230
Арт. обоз 8-й осн. бат. (4-я рота)	95
Всего:	325
Предположительно на 02.12.1805	300

Общая численность войск маршала Ланна

Части	В строю на 22.11.1805
Штаб	23
3-я пехотная дивизия 5-го корпуса	6 827
1-я пехотная дивизия 3-го корпуса	6 498
Части большого арт. парка	325
Всего:	13 673
Предположительно на 02.12.1805	13 800

Примечания:

1) Бригада Трейяра кавалерийской дивизии 5-го корпуса была передана в распоряжение Мюрата на битву 2 декабря 1805 года (см. резерв кавалерии).

2) 13-й конно-егерский полк полковника Пюльтьера был сформирован с 1-м конно-егерским полком в бригаду под командованием бригадного генерала Фоконне и получил задание разведать дорогу из Брюнна в Цвитау.

3) 21-й конно-егерский полк полковника Берюйе был выделен для рекогносцировки берегов Тайи и Мархи между Никольсбургом и Веной.

ВОЙСКА ПОД КОМАНДОВАНИЕМ МАРШАЛА БЕРНАДОТТА, КОМАНДУЮЩЕГО 1-м КОРПУСОМ

Начальник штаба — дивизионный генерал Леопольд Бертье, полковник штаба Мезон

Командир артиллерии — дивизионный генерал Эбле, полковник Форно, начальник штаба артиллерии

Командир инжереных войск — полковник Морио

1-я пехотная дивизия 1-го корпуса

Дивизионный генерал Риво
Начальник штаба — полковник штаба Шодрон-Руссео
Командир артиллерии — командир батальона Лежандр

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
Штаб			22
Дюмулен	8-й линейный	Отье	1 840
	45-й линейный	Барье	1 581
Пакто	54-й линейный	Филиппон	1 509
Артиллерия	3-й конной арт. (2-я рота)		80
	8-й пешей арт. (1-я рота)		56
Арт. обоз	2-й осн. бат. (одна рота)		128
		Всего:	5 216

2-я пехотная дивизия 1-го корпуса

Дивизионный генерал Друэ
Начальник штаба — полковник штаба Лютер
Командир артиллерии — командир батальона Роло

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
Штаб			16
Фрер	27-й легкий	Шарноте	2 045
Верле	94-й линейный	Разу	1 853
	95-й линейный	Решо	2 094
Артиллерия	3-й конной арт. (3-я рота) и 8-й пешей арт. (2-я рота)		139
Арт. обоз	2-й осн. бат. (две роты)		171
	Всего:		6 318

Общая численность войск маршала Бернадотта

Части	В строю на 22.11.1805
Штаб	34
Эскорт маршала	74
1-я пехотная дивизия 1-го корпуса	5 216
2-я пехотная дивизия 1-го корпуса	6 318
Всего:	11 642
Предположительно на 02.12.1805	11 500

ВОЙСКА ПОД КОМАНДОВАНИЕМ МАРШАЛА СУЛЬТА, КОМАНДУЮЩЕГО 4-м КОРПУСОМ

Начальник штаба — дивизионный генерал Салиньи
Полковники штаба — Лемаруа и Мерьяж
Командир артиллерии — бригадный генерал Ларибуазьер
Начальник штаба артиллерии — полковник Демарсе
Начальник инженерных войск — полковник Пуатевен

1-я пехотная дивизии 4-го корпуса

Дивизионный генерал Леблон де Сент-Илер Начальник штаба — полковник штаба Бино Командир артиллерии — командир батальона Фонтене

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
Штаб			21
Моран	10-й легкий	Пузе	1 488
Тьебо	14-й линейный	Маза	1 551
	36-й линейный	Удар де Ламотт	1 486
Варе	43-й линейный	Вивье	1 598
	55-й линейный	Ледрю	1 709
Артиллерия	5-й пешей арт. (12-я и 16-я роты)		120
Арт. обоз	1-й бат. бис (1-я рота)		108
	2-й бат. саперов (9-я рота)		47
	Всего:		8 128

2-я пехотная дивизия 4-го корпуса

Дивизионный генерал Вандамм
Начальник штаба — полковник штаба Дюбуа

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
Штаб			23
Шиннер	24-й легкий	Пурайи	1 291
Кандра	4-й линейный	Бигарре	1 658
	28-й линейный	Эдигхоффен	1 599
Фере	46-й линейный	Латрий де Лорансе	1 350
	57-й линейный	Рей (Жан)	1 749
Артиллерия	5-й пешей арт. (13-я и 16-я роты)		117
Арт. обоз	1-й бат. бис (2-я рота)		108
		Всего:	7 913

3-я пехотная дивизия 4-го корпуса

Дивизионный генерал Легран
Начальник штаба — полковник штаба Коссон
Командир артиллерии — командир батальона Кюни
Начальник инженерных войск — капитан Толозе

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
Штаб			19
Мерль*	26-й легкий	Пуже	1 564
	3-й линейный	Шобер	1 644
	Бат. егерей По	Уло ком. бат.	308
Левассер	18-й линейный	Равье	1 402
	75-й линейный	Люийе	1 688
	Бат. корсиканских егерей	Орнано ком. бат.	519
Артиллерия	5-й пешей арт. (14-я и 16-я роты)		116
Арт. обоз	3-й осн. бат. (4-я рота)		101
	Всего:		7 361

Бригада легкой кавалерии 4-го корпуса

Бригадный генерал Маргарон
Начальник штаба — полковник штаба Камбасерес

Полки	Полковники	В строю на 22.11.1805
Штаб		7
8-й гусарский	Франчески-Делонн	282
11-й конно-егерский	Бессьер (Бертран)	297
26-й конно-егерский	Дижон (Александр)	235
5-й конной арт. (4-я рота)		81
3-й осн. бат. арт. обоза		51
	Всего:	953

Общая численность войск маршала Сульта

Части	В строю на 22.11.1805
Штаб	28
1-я пехотная дивизия 4-го корпуса	8 128
2-я пехотная дивизия 4-го корпуса	7 913
3-я пехотная дивизия 4-го корпуса	7 361
Кавалерийская бригада 4-го корпуса	953
Арт. парк	307
Всего:	24 690
Предположительно на 02.12.1805	23 600

Генерал Легран с бригадой Мерля сражался под командованием маршала Даву после прибытия маршала на поле боя около 9 часов утра.

ВОЙСКА ПОД КОМАНДОВАНИЕМ МАРШАЛА ДАВУ, КОМАНДУЮЩЕГО 3-м КОРПУСОМ

Начальник штаба — бригадный генерал Дольтанн Полковники штаба — Эрво и Марес
Командир артиллерии — дивизионный генерал Сорбье
Начальник инженерных войск — полковник Тузар

2-я пехотная дивизия 3-го корпуса

Дивизионный генерал Фриан
Начальник штаба — полковник штаба Леклерк
Командир артиллерии — командир батальона Урие

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
Штаб			23
Геделе	2 роты вольтижеров 15-го легкого	Игоне	126
	108-й линейный	Арриги	1 637
	1-й драгунский*	Гейтер майор	329
Кистер	15-й легкий 33-й линейный	Сан-Раймон Барбанегр	628 1 214
Лоше	48-й линейный	Ге	1 365
	111-й линейный	Виже ком. эск.	1 440
	2-й конно-егерский (эскадрон)		61
Артиллерия	7-й пешей арт. (2-я рота) и 5-й конной арт. (1-я рота)		ИЗ
Арт. обоз	1-й осн. бат. 12 роты)		101
		Всего:	7 037
	Предположительн	о на 02.12.1805	3 800**

4-я драгунская дивизия

Дивизионный генерал Бурсье
Начальник штаба — полковник штаба Друо

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
1	2	3	4
Штаб			17
Лапланш	15-й драгунский	Бартелеми	338
	17-й драгунский	Бувье де Экла майор	364
Саюк	18-й драгунский	Лефевр-Денуэт	334
	19-й драгунский	Коленкур (Огюст)	412

* В своем рапорте от 26 декабря 1805 г. маршал Даву указывал, что 1-й драгунский из 1-й драгунской дивизии генерала Клейна был временно выделен в дивизию Фриана.

Чтобы дойти до Райгерна, дивизии Фриана и Бурсье прошли более 115 км за 44 часа, из которых 36 часов форсированного марша. Естественно, были отставшие. Даву мог располагать не более чем 3 500—4 000 человек из дивизии Фриана и 1 200—1 500 человек из дивизии Бурсье.

1	2	3	4
3-я бригада*	27-й драгунский	Тарейр	347
Артиллерия	2-й конной арт. (3-я рота)		41
Арт. обоз	2-й бат. бис (1/2 роты)		47
		Всего:	1 900
	Предполол	штельно на 02.12.1805	1 500

Общая численность войск маршала Даву

Части	В строю на 22.11.1805
Штаб	38
2-я пехотная дивизия 3-го корпуса	7 037
4-я драгунская дивизия	1 900
Всего:	8 975
Предположительно на 02.12.1805	5 300

КАВАЛЕРИЯ,
ДЕЙСТВУЮЩАЯ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ МАРШАЛА МЮРАТА,
КОМАНДУЮЩЕГО КАВАЛЕРИЙСКИМ РЕЗЕРВОМ

Начальник штаба — дивизионный генерал Бельяр
Полковники штаба — Жирар и Дарсонваль
Командир артиллерии — бригадный генерал Моссель
Начальник инженерных войск — полковник Флайель

1-я дивизия тяжелой кавалерии

Дивизионный генерал Нансути
Начальник штаба — полковник штаба Пелиссар
Командир артиллерии — командир батальона Ле Нури

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
Штаб			17
Пистон	1-й карабинерский	Кошуа	195
	2-й карабинерский	Морен (Пьер)	182
Лебрен де ла Уссе	2-й кирасирский	Ивендорф	249
	9-й кирасирский	Думерк	250
Сен-Жермен	3-й кирасирский	Преваль	279
	12-й кирасирский	Бельфор	232
Артиллерия	2-й конной арт. (4-я рота)		92
Арт. обоз	2-й бат. бис (1/2 роты)		
		Всего:	1 496
Предположительно на 02.12.1805			1 300

Генерал Вердьер, выделенный для командования кавалерийским депо в Харбурге, не упоминался в рапортах маршала Даву как принявший участие в битве при Аустерлице, кроме того, 25-й драгунский из этой бригады оставался на позиции у Райгерна 2 декабря 1805 г.

2-я дивизия тяжелой кавалерии

Дивизионный генерал д'Опуль

Начальник штаба — полковник штаба Фонтен

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
Штаб			8
Сан-Сюльпис	1-й кирасирский	Гитон	298
	5-й кирасирский	Нуаро	270
Полк, штаба Фонтен	10-й кирасирский	Лате	224
	11-й кирасирский	Фуле	251
Артиллерия	2-й конной арт. (3-я рота)		37
Арт. обоз	2-й бат. бис (5-я рота)		48
		Всего:	1 136
	Предположительно на 02.12.1805		1 100

2-я драгунская дивизия

Дивизионный генерал Вальтер

Начальник штаба — полковник штаба Лакруа (Пьер)

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
Штаб			19
Себастиани	3-й драгунский	Фито	184
	6-й драгунский	Лебарон	219
Роже де Беллоге	10-й драгунский	Кавеньяк	207
	11-й драгунский	Лефевр майор	196
Буссар	13-й драгунский	Деброк	306
	22-й драгунский	Карье	125
Артиллерия	2-й конной арт. (2-я рота)		31
Арт. обоз	2-й бат. бис. (2-я рота)		*53*
		Всего:	1 340
	Предположительно на 02.12.1805		1 200

3-я драгунская дивизия

Дивизионный генерал Буайе*

Начальник штаба — полковник штаба Дево

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
1	2	**3**	4
Штаб			12
Буайе	5-й драгунский	Лакур	297

* 3-я драгунская дивизия состояла под командованием генерала Буайе по причине болезни генерала Бомона.

1	2	3	4
Буайе	8-й драгунский	Домманже майор	329
	12-й драгунский	Пажес	323
Скальфор	9-й драгунский	Мопети	301
	16-й драгунский	Клеман де ла Ронсьер	308
	21-й драгунский	дю Ма де Полар	303
Артиллерия	2-й конной арт. (3-я рота)		45
Арт. обоз	2-й бат. бис (1/2 роты)		51
		Всего:	1 969
Предположительно на 02.12.1805			1 300

Бригада легкой кавалерии бригадного генерала Мильо

Полки	Полковники	В строю на 22.11.1805
22-й конно-егерский	Латур-Мобур	218
16-й конно-егерский	Дюронель	205
	Всего:	423
Предположительно на 02.12.1805		400

Дивизия легкой кавалерии 1-го корпуса Великой Армии

Дивизионный генерал Келлерманн Начальник штаба — полковник штаба Нуазе Командир артиллерии — полковник Навеле

Бригады	Полки	Полковники	Под ружьем на 22.11.1805
Штаб			17
Маризи	4-й гусарский	Берт	500
	5-й конно-егерский	Корбино (Констан)	384
Пикар	2-й гусарский	Барбье	485
	5-й гусарский	Шварц	487
Артиллерия	3-й конной арт. (1-я рота)		76
Арт. обоз	2-й бат. бис (одна рота)		72
		Всего:	2 021
Предположительно на 02.12.1805			1 500

Бригада Трейяра дивизии легкой кавалерии 5-го корпуса

Полки	Полковники	В строю на 22.11.1805
4-й гусарский	Гюйо	145
10-й гусарский	Бомон-Каррьер	161
	Всего:	306
Предположительно на 02.12.1805		300

Общая численность кавалерии под командованием маршала Мюрата

Части	В строю на 22.11.1805
Штаб	38
1-я дивизия тяжелой кавалерии	1 496
2-я дивизия тяжелой кавалерии	1 136
2-я драгунская дивизия	1 340
3-я драгунская дивизия	1 969
Бригада легкой кавалерии Мильо	423
Дивизия легкой кавалерии 1-го корпуса	2 021
Бригада легкой кавалерии 5-го корпуса	306
Всего:	8 729
Предположительно на 02.12.1805	7 100

Сводно-гренадерская дивизия (1-я пехотная дивизия 5-го корпуса)

Дивизионный генерал Удино*

Начальник штаба — полковник штаба Жарри

Командир артиллерии — командир эскадрона Бальтюс

Командир инженерных войск — капитан Барайон

Бригады	Полки	Полке	эвники	В строю на 22.11.1805
Штаб				22
Лапланш-Мортьер	1-й полк	Фромен	элитн. бат. 13-го линейн.	340
			элитн. бат. 58-го линейн.	422
	2-й полк	Брайе, майор	элитн. бат. 9-го линейн.	499
			элитн. бат. 81-го линейн.	526
Дюпа	3-й полк	Шрамм	элитн. бат. 2-го легк.	399
			элитн. бат. 3-го легк.	542
	4-й полк	Кабанес, майор	элитн. бат. 28-го легк.	425
			элитн. бат. 31-го легк.	432
Рюфен	5-й полк	Дюсайи	элитн. бат. 12-го легк.	538
			элитн. бат. 15-го легк.	532
Артиллерия	1-й пешей а	рт. (1-я рота)		104
	6-й конной	арт. (5-я рота)		28
Арт. обоз	5-й бат. бис	(2 роты)		174
	2-й бат. сап	еров (2-я рота)		33
			Всего:	5 016
	Предположительно на 02.12.1805			5 700

ИМПЕРАТОРСКАЯ ГВАРДИЯ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ МАРШАЛА БЕССЬЕРА

Начальник штаба — бригадный генерал Руссель (Франсуа)
Командующий пехотой — бригадный генерал Сулее
Командующий кавалерией — бригадный генерал Орденер

Полки	Полковники	В строю на 22.11.1805
Штаб		16
Пешие егеря	Бригадный генерал Сулее	1 270
Пешие гренадеры	Полковник Дорсенн	1 346
Итальянская королевская гвардия	Полковник Лечи	693
Конные егеря	Подполковник Морлан	376
Мамелюки	Капитан Делетре	48
Конные гренадеры	Бригадный генерал Орденер	599
Конная артиллерия	Полковник Куэн	298
Артиллерийский обоз	Капитан Деваренн	379
Отряд батальона моряков гвардии	Капитан фрегата Рокебер (Доминик)	379
	Всего:	5 025
Предположительно на 02.12.1805		5 500

ОБЩАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ ВЕЛИКОЙ АРМИИ
на 22 ноября 1805 года
И ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ЧИСЛО
на 2 декабря 1805 года

	В строю на 22.11.1805	Предположительно на 02.12.1805
Войска под командованием маршала Ланна	13 673	13 800
Войска под командованием маршала Бернадотта	11642	11 500
Войска под командованием маршала Сульта	24 690	23 600
Войска под командованием маршала Даву	8 975	5 300
Войска под командованием маршала Мюрата	8 729	7 100
Дивизия объединенных гренадер Удино Императорская гвардия под командованием Бессьера	5 016 5 025	5 700 5 500
Всего:	77 750	72 500

Приведенные выше таблицы созданы на основе строевых рапортов частей Великой Армии, хранящихся в Историческом архиве французской армии в Венсеннском замке (Service Historique de la Defense) под шифром С2 606. Они представляют численность частей, принявших участие в битве при Аустерлице, на 22 ноября 1805 г. Строевых рапортов непосредственно на утро 2 декабря 1805 г. не существует, и поэтому численность войск на 2 декабря дается ориентировочно, с учетом потерь за время, истекшее с 22 ноября*.

* D. et B. Quintin. Austrelitz. Dictionnaire biographique des officiers, sous-officiers et soldats tues ou mortellement blesses a Austerlitz. Paris, Archives & Culture, 2005, p. 10.

Приложение 2 2

РАСПИСАНИЕ СОЮЗНОЙ АРМИИ на 2 декабря 1805 года

Русский император Александр I (фактический главнокомандующий) Генерал-адъютанты императора: генерал-лейтенант князь Долгорукий, генерал-майоры граф Ливен, барон Винцингероде, князь Гагарин Генерал-инспектор артиллерии — генерал-лейтенант Аракчеев

Император Священной Римской империи германской нации Франц II (находился при штабе)

При особе императора — фельдмаршал-лейтенант Шварценберг. Адъютант императора — фельдмаршал-лейтенант Ламберт

Эскорт квартиры императора — 2 эскадрона кирасирского Кайзера (№ 1) полка

Командующий союзной армией (формальный), собранной в районе Оль-мюца — генерал-от-инфантерии Кутузов

Генерал-квартирмейстеры — фельдвахтмейстер, или генерал-майор, Вейро-тер (от австрийской армии), генерал-лейтенант Гергард (от русской армии)

Фельдмаршал-лейтенант князь Иоанн Лихтенштейн — командующий австрийскими войсками в составе союзной армии

Левое крыло. *Генерал-от-инфантерии граф Буксгевден* Авангард.

Фельдмаршал-лейтенант барон Кинмайер

АВСТРИЙСКИЕ ВОЙСКА

Генерал-майор Карневиль	1-й Шеклерский пограничный (№ 14) полк	2 б-на
	1-й Шеклерский пограничный (№ 15) полк	2 б-на
	Пограничный Бродера (кроатский) (№ 7) полк	1 б-н
	2 батареи артиллерии	2 x 6=12 ор.
	Пионеры с понтонами	3 роты
Генерал-майор Штуттерхайм	Шеволежерский О'Релли (№ 3) полк, *ком. полк. Шомбург*	8 эск.
	Уланский Меерфельда (№ 1) полк	0,5 эск.
Генерал-майор граф Ностиц	Гусарский Гессе-Гомбурга (№ 4) полк, *ком. полк. Мор*	8 эск.
	Уланский Шварценберга (№ 2) полк	0,5 эск.
Генерал-майор принц Мориц Лихтенштейн	Гусарский Шеклерский (№ 11) полк, *ком. полк. Герингер*	6 эск.

РУССКИЕ ЧАСТИ

	Донской казачий Исаева полк	4 сотни
	Донской казачий Мелентьева полк	5 сотен
Всего:	5 бат., 23 эск., 2 каз. п., 12 орудий, 3 440 пех., 2 940кав.	

1-я КОЛОННА

Генерал-лейтенант Дохтуров, шеф Московского мушк. полка

Г-м Левиз, шеф Ярославского мушк. полка	7-й егерский полк, 1-й бат.	1 б-н
	Новоингерманландский мушк. полк, *ком-щий полк. Лаготино*	3 б-на
Г-м князь Урусов, шеф Вятского мушк. полка	Вятский мушк. полк, *ком. полк. Бибиков*	3 б-на
	Московский мушк. полк, *ком. полк. Сулима*	3 б-на
	Киевский грен, полк, *ком. полк. Гессе*	3 б-на
Г-м Лидере, шеф Брянского мушк. полка	Ярославский мушк. полк, *ком. подполк. Соколовский*	2 б-на Сведен в 2 б-на вследствие потерь
	Владимирский мушк. полк, *шеф г-м Шевляков, ком. подполк. Збиевский*	3 б-на
	Брянский мушк. п., *ком. подполк. Рубанов*	3 б-на
	Казачий полк Денисова	2,5 сотни
	Две батарейные роты *полк. Сиверса и майора Сигизмунда*	24 орудия
	Легкие арт. роты, распределенные между полками	40 орудий
	Пионерная рота *Куцевича* (2-го пионерного полка)	
Все	го: 21 бат., 2,5 сотни, 64 орудия, 13 800 пех., 200 ка заков	

2-я КОЛОННА

Генерал-лейтенант граф Ланжерон, шеф Ряжского мушк. полка

	8-й егерский полк, 2-й и 3-й б-ны, *шеф полк. Лаптев, ком-щий подполк. Иванов*	2 б-на
	Выборгский мушк. полк, *ком. подполк. Пиллар*	3 б-на
Г-м Каменский 1-й, шеф Фанагорийско-го грен, полка	Ряжский мушк. полк, *ком. подполк. Богданов*	3 б-на
	Фанагорийский грен, полк, *ком. подполк. Гельфрейх*	3 б-на
Г-м Олсуфьев 3-й, шеф Выборгского мушк. полка	Пермский мушк. полк, *шеф г-л барон Вимпфен, ком. подполк. Иванов* Курский мушк. полк, *ком. полк. Манюкин*	3 б-на
	Санкт-Петербургский драг, полк, *ком. полк. Балк*	3 б-на
	Донской казачий Денисова полк	2 эск.
	Донской казачий Исаева полк	2,5 сотни
	Легкие арт. роты, тзаспредеденные между полками	1 сотня
	Пионерная рота *майора Берга* (2-го пионерного полка)	30 орудий
Всего: 17 бат., 2 эск., 3,5 сотни, 30 орудий, 10 840 пехотинцев, 300 кавалеристов		

3-я КОЛОННА

Генерал-лейтенант Пржибышевский, шеф Курского мушк. полка

Г-м Миллер 3-й, шеф 7-го егерского полка	7-й егерский полк, 2-й и 3-й б-ны, *ком. полк. Толбухин*	2 б-на
	Галицкий мушк. полк, *шеф г-м Лошаков, ком. полк. Воейков 1-й*	3 б-на
Г-м Лошаков, шеф Галицкого мушк. полка	Бутырский мушк. полк, *ком. подполк. Трескин*	3 б-на
	Нарвский мушк. полк, *ком. полк, князь Сибирский*	3 б-на
Г-м Штрик, шеф Бутырского мушк. полка	8-й егерский полк, 1-й бат.	1 бат.
	Азовский мушк. полк, *шеф г-м Селехов, ком. подполк. Шпгакелъберг*	3 б-на
	Подольский мушк. полк, *шеф г-м Левицкий, ком. подполк. Нечаев*	3 б-на
	Легкие арт. роты, распределенные между полками	30 орудий
	Пионерная рота *майора Вырубова* (2-го пионерного полка)	
	Всего: 18 б-нов, 30 орудий, 8 000 пех.	

ЦЕНТР

Генерал-от-инфантерии Голенищев-Кутузов, шеф Псковского мушк. полка

4-я КОЛОННА РУССКИЕ ВОЙСКА

Генерал-лейтенант Милорадович, шеф Апшеронского мушк. полка

Авангард колонны, полк. Монахтин	Апшеронский мушк. полк, мушк. бат.	1 бат.
	Новгородский мушк. полк, мушк. и грен. б-ны. *ком. полк. Монахтин*	2 бат.
Г-м Репнинский, шеф Новгородского мушк. полка *Г-м Берг,* ком. Малороссийского грен, полка	Смоленский мушк. полк, *шеф г-м Колюбакин, ком. полк, барон фон-дер Остен-Сакен*	3 б-на
	Апшеронский мушк. полк, мушк. и грен, б-ны, *ком. подполк. Марченко* Новгородский мушк. полк, мушк. бат.	2 б-на 1 бат.
	Малороссийский грен, полк, *ком. полк. Денисьев*	3 б-на
	Санкт-Петербургский драг, полк, *ком. полк. Дехтерев*	3 эск.
	Батарейная арт. рота *Кудрявцева*	12 орудий
	Легкие арт. роты, распределенные между полками	24 орудия

АВСТРИЙСКИЕ ВОЙСКА

Фельдмаршал-лейтенант граф Колловрат		
Г-м Роттермунд	Пехотный Зальцбургский (№ 23) полк	6 бат.
	6-й бат. пех. Кауница (№ 20) полка	1 бат.
	6-й бат. пех. Ауэрсперга (№ 24) полка	1 бат.
	2 роты Венских егерей-добровольцев	
Г-м Юрчек	6-й бат. пех. Кайзера, или Императора (№ 1) полка 6-й бат. пех. Чарторыйского (№ 9) полка	1 бат. 1 бат.
	4-й бат. пех. Линденау (№ 29) полка	1 бат.
	3-й бат. пех. герц. Вюртембергского (№ 38) полка	1 бат.
	6-й бат. пех. Керпена (№ 49) полка	1 бат.
	6-й бат. пех. Рейсс-Грейца (№ 55) полка	1 бат.
	3-й бат. пех. Больe (№ 58) полка	1 бат.
Г-м Воднянский	Драгунский эрцгерцога Иоанна (№ 1) полк	2 эск.
	2 пешие арт. батареи	2 х 6 = 12 орудий
	Батальонные орудия при пехотных полках	28 орудий
Всего: 27 бат., 5 эск., 76 орудий, 15 900 пех., 300 ка **3.**		

5-я КОЛОННА *Фельдмаршал-лейтенант князь Иоанн Лихтенштейн*

АВСТРИЙСКАЯ КАВАЛЕРИЯ

Фельдмаршал-лейтенант князь Гогенлоэ		
Г-м Карамелли	Кирасирский Нассау (№ 5) полк, *ком. полк. Иоанн Лихтенштейн*	6 эск.
	Кирасирский Карла фон Лотарингского (№ 7) полк, *ком. полк. Тюнефельд*	6 эск.
Г-м Вебер	Кирасирский Императора Франца II (№ 1) полк, *ком. полк. Мотцен*	6 эск.
	Конная батарея	6 орудий

РУССКАЯ КАВАЛЕРИЯ

Генерал-лейтенант Эссен-2, шеф Черниговского драг, полка

Генерал -лейтенант Эссен-2, шеф Черниговского драг, *і* толка		
Г-м Шепелев, шеф Санкт-Петербургского драг, полка	Его Высочества Цесаревича Уланский полк, *ком. г-м Меллер-Закомельский 1-й*	10 эск.
	Черниговский драг, полк, *ком. полк. Панчулидзев 1-й*	5 эск.

Генерал-лей тенант Уваров, шеф Кавалергардского полка		
Г-м Гижицкий, шеф Харьковско-го драг, полка	Елисаветградский гус. полк, *шеф г-м барон фон-дер Остен-Сакен 2-й, ком. полк. Лисаневич*	10 эск.
	Харьковский драг, полк, *ком. подполк. Юзефович*	5 эск.
	Конной артиллерии 1,5 роты	18 орудий
	Донской казачий Гордеева 1-го полк	5 сотен
	Донской казачий Сысоева полк	5 сотен
Всего: 48 эск., 2 казачьих полка, 24 орудия, 4 600 кав		

ПРАВОЕ КРЫЛО

Генерал-лейтенант князь Багратион,

шеф лейб-гвардии Егерского батальона

РУССКИЕ ВОЙСКА

Генерал-адъютант генерал-лейтенант князь Долгорукий		
Г-м Уланиус, шеф 6-го егерского полка	5-й егерский полк, *шеф полк. Гогель 1-й, ком. май-ор Пантениус*	3 б-на
	6-й егерский полк, *ком. полк. Белокопытов*	3 б-на
Г-м граф Камен-ский 2-й, шеф Архангелогород-ского мушк. полка	Архангелогородский мушк. полк, *ком. полк. Берлизеев*	3 б-на
	Псковский мушк. полк, *ком. г-м Морков, ком. полк. Нестеров*	3 б-на
Г-м Энгельгардт 1-й, шеф Старо-ингерманландско-го мушк. полка	Староингерманландский мушк. полк, *ком. подполк. Шкапский*	3 б-на
Г-м Чаплиц	Лейб-кирасирский Ее Величества полк, *шеф г-м Есипов, ком. полк, граф Витт*	5 эск.
	Тверской драг, полк, *шеф полк. Бердяев, ком. подполк. Аргамаков 2-й*	5 эск.
Г-м граф Вит-гинштейн, шеф Павлоградского гус. полка	Павлоградский гус. полк, *ком. полк. Панчулидзев 2-й*	10 эск.
	Мариупольский гус. полк, *шеф г-м Мелиссино, ком. полк. Ласкин*	10 эск.
	Донской казачий Малахова полк	5 сотен
	Донской казачий Ханжонкова 1-го полк	5 сотен
	Донской казачий Киселева полк	5 сотен
	Конная арт. рота	12 орудий
	Легкие арт. роты, распределенные по полкам	18 орудий

	Две конные батареи	12 орудий
	Две батареи, прибывшие из Ольмюца во время сражения после полудня	12 орудий рудия),
Всего: 12 б-нов, 30 эск., 42 орудия (затем после полудня — 54 о 3 казачьих п., 8 000 пех., 2 500 кав.		

РЕЗЕРВ

Цесаревич и Великий князь Константин Павлович,
шеф Уланского своего имени полка,
командующий всей Российской гвардией

1-Я ГВАРДЕЙСКАЯ КОЛОННА *начальник Цесаревич и Великий князь Константин Павлович*

РУССКИЕ ВОЙСКА

ПЕХОТА

Генерал-майор Депрерадович 1-й, командир 1-й бригады гвардейской пехоты, командир лейб-гвардии Семеновского полка

1-я бригада гвардейской пехоты	Л.-гв. Преображенский полк, *ком. полк. Козловский 1-й*	*2* б-на
	Л.-гв. Семеновский полк, *ком-щий полк. Вельяминов*	2 б-на
2-я бригада гвардейской пехоты (часть бригады)	Л.-гв. Измайловский полк, *ком-щий полк. Храповицкий*	2 б-на
	Л.-гв. Егерский 6-н, *ком. полк, граф Сен-При*	1 б-н

КАВАЛЕРИЯ

Генерал-лейтенант Кологривов,
командующий всей гвардейской кавалерией,
командир л.-гв. Гусарского полка

	Л.-гв. Конный полк, *ком. г-м Янкович-Дмитриев*	5 эск.
	Л.-гв. Гусарский полк, *ком-щий полк. Дука 2-й*	5 эск.

АРТИЛЛЕРИЯ

Генерал-майор Касперский, командир л.-гв. Артиллерийского батальона

	Л.-гв. Арт. б-на батарейная рота Великого князя Михаила Павловича, *ком. полк. Ралль*	10 орудий 6 орудий
	Л.-гв. Арт. б-на 1-й легкой арт. рота г-м Касперского 3 взвода, *ком-щий кап. Эйлер*	2 орудия 10 орудий
	Л.гв. Арт. б-на 2-й легкой арт. рота полк. Рейслейна взвод, *ком-щий поручик Сукин 2-й*	
	Л.гв. Конная рота полк. Костенецкого, *ком. полк. Костенецкий*	
Всего: 7 б-нов, 10 эск., 28 орудий.		

2-я ГВАРДЕЙСКАЯ КОЛОННА

Начальник генерал-лейтенант Малютин, командир л.-гв. Измайловского полка и командующий всей гвардейской пехотой

ПЕХОТА

Генерал-майор Лобанов,
командир 2-й бригады гвардейской пехоты,
командир Лейб-гренадерского полка

2-я бригада гвардейской пехоты (часть бригады)	Лейб-гренадерский полк, *ком-щий подполк. Веревкин*	3 б-на

КАВАЛЕРИЯ

Генерал-майор Депрерадович 2-й, командир Кавалергардского полка

	Кавалергардский полк, ком. *г-м Депрерадович 2-й*	5 эск.
	Л.-гв. Казачий полк, *ком, полк. Чернозубов 5-й*	2 сотни

АРТИЛЛЕРИЯ

Полковник Рейслейн, шеф 2-й легкой своего имени роты л.-гв. Артиллерийского батальона

	Л.-гв. Арт. батальона 2-й легкой роты полковника Рейслейна, 4 взвода	8 орудий 4 орудия
	Л.-гв. Арт. батальона 1-й легкой роты генерал-майора Касперского, 2 взвода	
Всего: 3 б-на, 5 эск., 2 сотни, 12 орудий, Всего в резерве: 10 б-нов, 17 эск., 40 орудий, 7 500 пех., 2 50		0 кав.

Итого: 110 бат., 125 эск., 40 сотен казаков, пехоты 67 480, кавалерии 13 340, 318 орудий в начале сражения, затем после полудня 330 орудий. Итого в объединенной армии с нестроевыми, но без артиллерии и штабов 80 820 тыс. человек. С артиллерией и штабами — около 84 тыс. За вычетом нестроевых налицо — около 80 тыс. человек.

Приложение 23

В.П. Турусов

ФРАНЦУЗСКАЯ АРМИЯ В 1805 ГОДУ

Французская армия в течение 10 лет с 1792 по 1802 г. вела непрерывные войны с коалициями европейских государств. За время войны армия Франции была коренным образом преобразована, получила богатейший боевой опыт и вырастила новые командные кадры.

Термин «Французская армия» обозначал сухопутные войска императорской Франции, которые включали императорскую гвардию и армейские части.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ГВАРДИЯ

Императорская гвардия представляла отборную часть армии, подчиненную лично императору Наполеону.

Гвардия включала корпус (административное объединение) пеших гренадер, корпус пеших егерей, кавалерию, а также артиллерию, инженерные части и моряков. В 1805 г. вся гвардия имела одинаковую систему оплаты и не делилась на градации. Императорская гвардия комплектовалась персонально отобранными солдатами и офицерами армейских частей, имевшими определенную выслугу, боевой опыт и высокие моральные качества. Гвардия, как правило, размещалась в Париже и его окрестностях в постоянных казармах.

К началу кампании 1805 года гвардия включала 2 полка пехоты (полк пеших гренадер и полк пеших егерей), 2 полка кавалерии (полк конных гренадер и полк конных егерей с ротой мамелюков), легкую артиллерию, а также батальон гвардейских моряков, подразделения отборных пеших и конных жандармов. Из частей Императорской гвардии в военное время формировался Гвардейский корпус Великой армии, который назывался коротко «Императорская гвардия». Подчеркнем, что термин «Императорская гвардия» в широком плане означал всю отборную часть армии Французской империи, а в узком плане таким термином фактически обозначался Гвардейский корпус Великой армии, составленный преимущественно из гвардейских частей. В 1805 г. в состав Гвардейского корпуса, представляющего на тот момент по силе всего лишь дивизию смешанного состава (бригада пехоты и бригада кавалерии), входил, кроме французских гвардейских частей, полк Итальянской гвардии и рота конной артиллерии итальянской королевской гвардии, поскольку император Наполеон был одновременно и королем Италии.

АРМЕЙСКИЕ ВОЙСКА

Армейские войска включали пехоту, кавалерию, артиллерию и инженерные войска.

Пехота была основным и наиболее многочисленным родом войск французской армии и включала линейную и легкую. Полки линейной и легкой пехоты имели одинаковую штатную организацию.

С 1794 г. пехотная полубригада, названная в 1803 г. вновь полком, включала три батальона, из которых в последующем два стали действующими, а один стал запасным батальоном, или депо полка. Запасной батальон располагался гарнизоном на территории Империи и готовил пополнение для действующих батальонов своего полка. Действующий батальон полка имел 9 рот, из ко-

торых в 1805 г. одна гренадерская (карабинерная в легкой пехоте), одна вольтижерская и 7 фузелерных (егерских в легкой пехоте). Отборные роты батальонов имели эполеты и особые головные уборы (обычно меховые шапки). В 1805 г. нумерация линейных полков доходила до 112, а легких — до 31, но часть номеров полков была с 1803 г. вакантными (это означает, что полков с вакантными номерами не существовало, в линейной пехоте на 1805 г. — 23 номера, а в легкой — 5 номеров полков). Поэтому французская линейная пехота имела в 1805 г. 87 (по другим сведениям 89 полков), а легкая — 26. Отметим, что число батальонов в полках могло превышать штатное: так, полки к 1805 г. имели от 2 до 4 действующих батальонов, но в основном — по два действующих батальона. Во время кампании 1805 г. элитные роты (роты гренадеров, карабинеров и вольтижеров) могли отделяться от своих полков; эти роты сводились в отдельные батальоны (сводно-гренадерские), которые в 1805 г. образовали отдельную дивизию генерала Удино.

Основное оружие всей пехоты французской армии — гладкоствольное ружье образца 1777 г., модифицированное в XI году, и трехгранный штык.

Кавалерия французской армии включала в 1805 г. карабинер, кирасир, драгун, конных егерей и гусар. В 1803 г. кавалерия была существенно реорганизована и к 1805 г. имела:

- 2 карабинерных полка, существовали № 1 и 2 (всего 2 полка),
- 12 кирасирских, существовали № 1—12 (12 полков),
- 30 драгунских, в 1805 г. существовали № 1—30 (всего 30 полков),
- 24 конно-егерских, в 1812 г. существовали № 1—16, 19—26 (всего 24 полка, номера 17 и 18 были вакантными),
- 10 гусарских, существовали полки № 1—10 (10 полков).

Карабинерные и кирасирские полки французской кавалерии считались отборными, в связи с чем все чины этих полков носили эполеты. Кирасирские полки получили защитное вооружение в виде двусторонних кирас. В драгунских, конно-егерских и гусарских полках первая рота первого эскадрона с 1803 г. стала называться элитной, или отборной. В этих полках, исключая гусар, только рядовые элитных рот носили эполеты. Кроме того, отличием формы элитных рот часто во всех трех названных типах полков стали меховые шапки.

Часть подразделений драгунских полков не имела коней, поэтому из спешенных рот разных драгунских полков в 1805 г. была создана дивизия пеших драгун. В последующем по мере получения коней драгунские подразделения должны были вливаться в состав своих полков.

Основное оружие кавалерии — палаши и сабли образцов IX и XI годов, пистолеты, а сверх того у конных егерей, гусаров и карабинеров — карабины, а у драгун — драгунские ружья.

Артиллерия включала пешую и конную артиллерию, а также артиллерийский обоз. Всего в 1805 г. было 8 пеших и 6 конных полков. Основным подразделением в артиллерии была артиллерийская рота. Во французской артиллерии начала XIX века были орудия двух систем — системы Грибоваля и системы XI года, которые, в частности, имели ряд различий по калибрам орудий и конструкции лафетов. Каждой роте артиллерии придавалась рота артиллерийского обоза для транспортировки орудий, снарядов, зарядов и артиллерийского снаряжения. Артиллерийский обоз насчитывал 16, но нумерация доходила только до 8: это были 8 основных батальонов (№ 1—8) и 8 — с № 1 бис—8 бис. Артиллерия по ротам была придана дивизиям или входила в артиллерийский резерв корпусов. К артиллерии относились также понтонные батальоны, причем в 1805 г. было всего два батальона.

Инженерные войска включали в 1805 г. корпус офицеров инженерных войск. Инженерные части отдельными ротами саперов или минеров распределялись по армейским корпусам.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ АРМИИ

В 1805 г. французская армия комплектовалась на основе закона Журдана от 5 сентября 1798 г. Согласно этому закону призыву в армию подлежали все молодые люди, достигшие возраста 20—25 лет, начиная с младшего возраста. Служба в армии в мирное время установлена в 5 лет, но в военное время была неограниченной.

Все призывники сначала регистрировались (переписывались, вносились в списки) и назывались конскриптами (от слова «конскрипция» — запись). Далее следовало медицинское обследование конскриптов, в том числе по росту, и выяснялось их семейное положение. После сбора этих сведений решалась судьба призывника: так, к примеру, низкорослые, больные и женатые в армию не призывались. Но и после отбора призыву подлежала лишь часть из попавших в списки конскриптов, что определялось жребием (поправка 1804 г.), причем призванный за деньги мог нанять своего заместителя (поправка 1800 г.). Остальные конскрипты зачислялись в резерв данного года призыва, который мог призываться в последующие годы. Иногда призывались на службу конскрипты только прошлых призывов. Офицерский корпус комплектовался из выпускников специальных военных училищ или готовился на службе в особых частях гвардии (в подразделениях велитов, в ротах ордонансовых жандармов), но на 80—90% пополнялся путем производства из унтер-офицеров своих частей за выслугу и боевые отличия.

ЗВАНИЯ

Офицерские звания делились на две группы — младшие, или офицеры роты, и старшие офицеры. К первой группе относились *губ-лейтенант, лейтенант* и *капитан,* к старшим офицерам — *командир батальона* (в пехоте) или *командир эскадрона* (в кавалерии), *майор и колонелъ* (полковник). Генералы имели звания *бригадного генерала* и *дивизионного генерала.* Высшим, стоящим отдельно было звание *маршал Империи.*

Кроме того, во французской армии были почетные звания в гвардии (генерал-полковники пеших гренадер и пеших егерей, генерал-полковник кавалерии и генерал-полковник артиллерии и моряков).

СОЕДИНЕНИЯ

Территория Французской империи была разделена на «военные дивизии» («военные округа»), которые были административными единицами. Каждая «дивизия» объединяла части, расквартированные на выделенной территории округа. Соединений постоянного состава (дивизий и корпусов) во французской армии в мирное время не было, основной единицей армии был полк. С началом боевых действий действующие батальоны (эскадроны) полков покидали свои постоянные квартиры на территории дивизий. По приказу полки образовывали соединения (бригады, дивизии и корпуса), причем соединения создавались перед началом и, как правило, только на время кампании, а их состав и нумерация соединений могли часто изменяться.

В 1805 г. сложилась корпусная система французской армии. Вся действующая армия делилась на армейские корпуса из 2—3 дивизий пехоты, 1—2 кавале-

рийских бригад и артиллерийского резерва. Дивизии тяжелой кавалерии сводились в состав кавалерийского резерва армии. Поскольку кампании следовали одна за другой, то соединения французской армии — дивизии и корпуса — превратились практически в постоянные.

ПОПОЛНЕНИЕ АРМИИ

В 1804—1805 гг. Императорская гвардия пополнялась наборами из армейских частей по специальным императорским указам. Кандидаты, отобранные в гвардию, направлялись на квартиры гвардейских полков для подготовки к службе в гвардии. В гвардию поступали подготовленные кадры, которые не требовали обучения и которые могли сразу направляться в части и подразделения Императорской гвардии.

Пополнение армии было отработано достаточно четко. По указу императора призыву могли подвергаться призывники текущего года или призывники предыдущих годов, получившие отсрочку, или не попавшие в призыв по жребию. Система пополнения армии предполагала призыв, подготовку в депо и направление в состав полка на театр военных действий. Пополнение непосредственно в полках производилось по мере готовности молодых солдат к исполнению военной службы.

На территории Империи в составе «военных дивизий» оставались запасные подразделения армии — депо пехотных, кавалерийских и артиллерийских полков, в качестве которых служили третьи батальоны линейных и легких полков (в некоторых полках — четвертые батальоны), четвертые эскадроны кавалерийских полков и отдельные роты артиллерийских полков.

Конскрипты (новобранцы) нового призыва, направляемые в армию по указу императором Наполеона, первоначально должны были направляться в депо полков для военной подготовки. Военная подготовка могла занимать от месяца (в пехоте) до трех—шести месяцев (в кавалерии или в артиллерии), после чего из них формировались маршевые пополнения (роты или батальоны и эскадроны) для своих полков. На время движения к армии маршевые пополнения сводились во временные полубригады или временные полки. Через депо артиллерийских полков шло, кроме пополнения личным составом, материальное обеспечение артиллерийских рот.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ГВАРДИЯ

Национальная гвардия — территориальное французское ополчение. Национальная гвардия была создана в 1792 г. Части национальной гвардии должны были использоваться только на территории Франции. В 1805 г. Наполеон начал, но не закончил реорганизацию Национальной гвардии.

По сути, Национальная гвардия выполняла функции гарнизонных войск на территории Французской империи и одновременно была резервом армии.

Приложение 24

В.П. Турусов

РУССКАЯ АРМИЯ В 1805 ГОДУ

Русская армия к 1805 г. включала в свой состав лейб-гвардию и армейские части. Армия имела пехоту, кавалерию, артиллерию и инженерные части.

ЛЕЙБ-ГВАРДИЯ

Русская гвардия была создана в 1700 г. Первыми полками русской гвардии были лейб-гвардии Преображенский и лейб-гвардии Семеновский полки.

В 1805 г. русская гвардия включала все рода войск — пехоту, регулярную кавалерию, казаков и артиллерию.

В составе гвардии были 3 полка пехоты — лейб-гвардии Преображенский полк, имевший 4 батальона, лейб-гвардии Семеновский и лейб-гвардии Измайловский — по 3 батальона каждый и, сверх того, лейб-гвардии Егерский батальон. Всего гвардейская пехота насчитывала 4 + 3х2 + 1 = 11 батальонов пехоты. В 1805 г. в поход из Санкт-Петербурга выступили по два батальона от каждого гвардейского полка и лейб-гвардии Егерский батальон — всего 2х3 + 1 = 7 батальонов гвардейской пехоты из 11.

Гвардейская кавалерия в 1805 г. имела в своем составе 4 полка: Кавалергардский, лейб-гвардии Конный, лейб-гвардии Гусарский и лейб-гвардии Казачий. Все регулярные полки имели состав в 5 эскадронов, а лейб-гвардии Казачий — 3 сотни. В 1805 г. в поход выступили в полном составе полки регулярной кавалерии и 2 сотни из лейб-гвардии Казачьего полка. Всего выступило 5х3 + 2 сотни =17 эскадронов и сотен.

Артиллерия была сведена в лейб-гвардии Артиллерийский батальон, который включал две батарейные и две легкие артиллерийские роты. В поход 1805 г. выступили три пешие и одна конная рота (каждая гвардейская рота, отправившаяся в поход, состояла из 10 орудий), всего было 40 орудий гвардейской артиллерии. Отметим, что лейб-гвардии конная артиллерийская рота была в начале 1805 г. выведена из состава батальона, названа лейб-гвардии Конной артиллерией.

АРМЕЙСКИЕ ЧАСТИ

Армейская пехота включала гренадерские, мушкетерские и егерские полки. Каждый полк армейской пехоты с 30 апреля 1802 г. имел один и тот же состав в 3 батальона по 4 роты в каждом батальоне. Гренадерский полк состоял из 1 гренадерского и 2 фузелерных батальонов, но лейб-гренадерский полк, как особая часть, состоял из 3 гренадерских батальонов. Мушкетерский полк имел в своем составе 1 гренадерский и 2 мушкетерских батальона, а егерский — 3 егерских батальона. В каждом батальоне пехоты роты назывались по названию батальона — гренадерские, фузелерные, мушкетерские или егерские роты соответственно. Штаты гренадерского и мушкетерского полков не отличались друг от друга. Однако егерский полк по штату в 1805 г. имел примерно в 1,5 раза меньшую численность, чем полки тяжелой пехоты.

В походе русской армии в 1805 г. принимали участие части флота. Так, в составе Морского министерства в 1805 г. состояло 4 морских полка по 3 батальона каждый и отдельный батальон. Морские полки были на гренадерском положении, но имели состав мушкетерских полков: так, каждый морской полк

включал 3 батальона, из которых 1 гренадерский батальон и 2 мушкетерских батальона. Отдельный морской батальон имел 4 роты.

Отметим, что штаты всех русских пехотных полков предполагали усиление численного состава полка в военное время по сравнению со штатом мирного времени.

В 1805 г. русская армия имела 13 гренадерских, 84 мушкетерских (всего 13 + 84 = 97 полков тяжелой армейской пехоты) и 22 егерских полка. Полки тяжелой пехоты (гренадерские и мушкетерские) русской армии назывались по городам и провинциям Российской империи, а полки легкой пехоты (егерские полки) — по порядковым номерам с 1 до № 22.
Перечень полков русской пехоты к началу кампании 1805 г.

Гренадерские полки: Астраханский, Кавказский, Екатеринославский, Киевский, лейб-гренадерский, Малороссийский, Московский, Павловский, Санкт-Петербургский, Сибирский, Таврический, Фанагорийский, Херсонский.

Мушкетерские полки: Азовский, Алексопольский, Апшеронский, Архан-гелогородский, Белевский, Белозерский, Брянский, Бутырский, Великолуц-кий, Виленский, Витебский, Владимирский, Вологодский, Волынский, Воронежский, Выборгский, Вятский, Галицкий, Днепровский, Екатеринбургский, Елецкий, Кабардинский, Казанский, Калужский, Кексгольмский, Козловский, Ко-лыванский, Копорский, Костромской, Крымский, Куринский, Курский, Ладожский, Литовский, Могилевский, Московский, Муромский, Навагинский, Нарвский, Нашебургский, Невский, Нижегородский, Низовский, Новгородский, Новоингерманландский, Одесский, Олонецкий, Орловский, Пензенский, Пермский, Петровский, Подольский, Полоцкий, Полтавский, Псковский, Ревельский, Ростовский, Рыльский, Ряжский, Рязанский, Саратовский, Севастопольский, Севский, Селенгинский, Смоленский, Софийский, Староингерманландский, Ста-рооскольский, Суздальский, Тамбовский, Тенгинский, Тифлисский, Тобольский, Томский, Троицкий, Тульский, Углицкий, Украинский, Уфимский, Черниговский, Ширванский, Шлиссельбургский, Эстляндский, Ярославский.
Егерские полки: с номерами от 1 до 22 .

Морские части: флот имел 4 морских полка (1, 2, 3 и 4-й морские) и Каспийский морской батальон.

Регулярная кавалерия русской армии на 1805 г. включала кирасирские, драгунские, гусарские, уланские, конные и регулярные казачьи полки.

Общее число кавалерийских полков на 1805 г.: 6 кирасирских, 28 драгунских, 9 гусарских, 1 уланский, 3 конных и 1 регулярный казачий.
Перечень полков русской кавалерии к началу кампании 1805 г.

В 1805 г. полки регулярной кавалерии преимущественно назывались по городам и провинциям России:

- *кирасирские полки:* Лейб-кирасирский Его величества, Лейб-кирасирский Ея величества, Военного Ордена, Глуховский, Екатеринославский и Малороссийский;
- *драгунские полки:* Борисоглебский, Владимирский, Житомирский, Ин-германландский, Иркутский, Казанский, Киевский, Каргопольский, Кин-бурнский, Курляндский, Лифляндский, Московский, Нарвский, Нижегородский, Новороссийский, Переяславский, Псковский, Оренбургский, Рижский, Санкт-Петербургский, Сибирский, Смоленский, Стародубов-ский, Северский, Таганрогский, Тверской, Харьковский, Черниговский;
- *гусарские полки:* Александрийский, Ахтырский, Белорусский, Елисавет-градский, Изюмский, Мариупольский, Ольвиопольский, Павлоградский и Сумской;
- *уланские полки* — Уланский Цесаревича полк;

- *конные полки:* Польский (10 эскадронов), Литовский и Татарский (по 5 эскадронов),
- *регулярные казачьи полки* — Чугуевский казачий полк.

Каждый полк тяжелой кавалерии (кирасирский или драгунский) состоял из 5 эскадронов, каждый гусарский полк — из 10 эскадронов, уланский полк — из 10 эскадронов, конные полки имели разный состав — 5 или 10 эскадронов. В 1805 г. каждый полк в 5 эскадронов имел запасной полуэскадрон, а каждый полк в 10 эскадронов имел запасной эскадрон, в которых на территории Российской империи готовилось из рекрутов пополнение для полка.

Артиллерия русской армии в 1805 г. имела 2 батальона конной артиллерии (1-й и 2-й), каждый батальон состоял из 5 рот. По отдельности конные роты были приданы различным соединениям. Пешая артиллерия имела в своем составе 11 полков с номерами от 1 до 11-й. Каждый полк — по 2 батальона по 4 роты. Пешая артиллерия отдельными ротами была распределена между соединениями армий. Роты в артиллерии были легкие и батарейные. Обычно батарейные роты сохраняли свой состав, а легкие роты повзводно (по 2, 4 или 6 орудий) придавались отдельным полкам пехоты. Понтонные роты входили в состав артиллерии, но использовались отдельно поротно и придавались корпусам или армиям.

Инженерные войска состояли из двух пионерных полков. Каждый полк имел в 1805 г. 2 батальона по 4 роты. Однако практически инженерные части использовались отдельными ротами (саперов и минеров).

Часть названных полков была создана в 1805 г. и к началу кампании еще не закончила своего формирования: это были 7 мушкетерских, 2 егерских, 2 драгунских полка и 2 артиллерийских полка.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ АРМИИ

Армия комплектовалась путем рекрутских наборов, проводимых по указам императора. Набор осуществлялся из сбора нескольких (к примеру, 3 или 5) рекрутов с 500 или 1000 душ мужского пола населения основных губерний. Рекрутские наборы проводились на территории преимущественно русскоязычных губерний обычно один или реже — два раза в год для покрытия некомплекта в полках армии. Собранные рекруты направлялись прямо в полки (в пехоте и артиллерии) или в запасные подразделения полков (в кавалерии). После обучения молодые солдаты становились в строй своих полков. С учетом частоты сбора рекрутов полки могли получать пополнение примерно раз в год.

Офицерский состав русской армии готовился в кадетских корпусах. Однако выпуска корпусов оказывалось недостаточно для покрытия потребностей растущей армии. Поэтому наиболее распространенным путем производства в офицеры было юнкерство, когда молодые дворяне после службы в полку рядовыми (юнкерами) в течение нескольких лет или за боевые отличия получали первое офицерское звание. За подвиги на поле боя в порядке исключительной награды офицерский чин могли получить и унтер-офицеры из недворян.

ЧИНЫ И ЗВАНИЯ

В русской армии офицеры делились на две группы — обер-офицеры и штаб-офицеры. *Прапорщик* (в пехоте) или *корнет* (в кавалерии), *подпоручик, поручик, штабс-капитан, капитан* (в пехоте и у драгун) или *штабс-ротмистр, ротмистр* (в кавалерии, кроме драгун), *майор, подполковник, полковник.* Свою систему званий имели казаки — *хорунжий, сотник, есаул, войсковой старшина, подполковник, полковник.* Генеральские звания — *генерал-майор, генерал-*

лейтенант, генерал-от~инфантерии, генерал-от-кавалерии и *генерал-от-артиллерии* (три последние чина обозначались одним словом — полный генерал), *генерал-фельдмаршал.*
Высший воинский чин — *генералиссимус.*

ПОПОЛНЕНИЕ АРМИИ

Пополнение армии проводилось в целях укомплектования полков до штатов, причем восполнение боевых потерь армии заранее не планировалось. Такой подход к пополнению армии приводил к ее постоянной недоукомплектованности в военное время и к хроническому запаздыванию поступлений пополнения в полки.

Русская армия в 1805 г. вступила в кампанию с укомплектованностью полков примерно на 70—80 % от штатной численности.

ИРРЕГУЛЯРНЫЕ ВОЙСКА

Особенностью русской армии было наличие значительного числа иррегулярных частей — конных полков различных казачьих войск. В 1805 г. в России было несколько казачьих войск, среди которых основными были Донское, Черноморское, Бугское, Уральское, Оренбургское и Сибирское. Казачьи полки являлись временными частями и создавались полковниками на территории войска на время военных действий, а затем возвращались на территорию войска и распускались. Казачий полк имел штатный состав в 5 сотен и не имел никакого обоза. Казачьи полки назывались по именам своих командиров с добавлением названия войска (Донское войско) или получали порядковый номер с названием войска (Бугское, Оренбургское и Уральское).

В кампании 1805 г. приняли участие Донские казачьи полки, которые назывались по именам командиров полков с добавлением слов «Донской казачий», к примеру: Донской казачий Мелентьева полк.

СОЕДИНЕНИЯ

В 1805 г. постоянных соединений в русской армии не было. В мирное время все войска русской армии были разделены на 14 инспекций (Финляндская, Санкт-Петербургская, Лифляндская, Литовская, Брестская, Украинская, Днестровская, Крымская, Кавказская, Смоленская, Киевская, Московская, Оренбургская и Сибирская). Инспекции, называемые по городам или провинциям России, административно объединяли полки, расквартированные на их территориях. При начале военных действий полки разных инспекций по приказу направлялись на формирование армий и отдельных корпусов, уже в составе которых создавались различные временные соединения — бригады, дивизии, корпуса (в составе армии), а также отряды и колонны. Состав таких временных и эфемерных соединений менялся почти каждый день, что в целом негативно влияло на управление войсками.

После окончания военных действий полки возвращались в состав своих инспекций по месту их расквартирования, переходя в подчинение генерал-инспекторов по пехоте и кавалерии соответствующих инспекций.

УПРАВЛЕНИЕ ВОЙСКАМИ

Генералы русской армии были распределены в качестве шефов полков, чью форму они и носили. Кроме того, каждый полк имел командира полка. Такое дублирование командования полка было в принципе ненужным и усложняло положение командира полка. Если шеф полка был не при полку, то полком в

полном объеме командовал командир полка. Если командир полка отсутствовал или не был официально назначен, то полком командовал старший штаб-офицер полка, который назывался командующим полком.

Генералы русской армии как шефы полков в мирное время в большинстве находились при своих полках. При создании временных соединений генералы назначались командирами бригад, дивизий и корпусов, причем они при этом покидали на время свои шефские полки.

Руководство боевыми действиями русской армии в 1805 г. осуществлялось через личное окружение русского императора Александра I, в первую очередь через его генерал-адъютантов. Штаба главнокомандующего как такового при императоре не существовало, его роль отчасти играла Свита императора по квартирмейстерской части. Однако в целом такие непостоянные размытые по форме органы руководства приводили к импровизационному характеру управления армиями, особенно на стратегическом уровне.

Во главе отдельных русских армий и отдельных корпусов стояли командующие, имевшие в своем распоряжении соответствующие штабы. Но в 1805 г. на должности генерал-квартирмейстеров (начальников оперативных отделов штаба по современной терминологии) в штабы русских армий на территории Австрии, как правило, были назначены австрийские генералы. Это обстоятельство часто дискредитировало работу штабов в глазах русских войск и в целом не способствовало повышению качества управления войск.

Русские генералы имели большой практический военный опыт, но в основном полученный во время войн с Турцией и Польшей. Часть из них приняли участия в кампаниях 1799 г. в Италии и Швейцарии и встречались на полях сражений с французами.

Приложение 25

В. П. Турусов

АВСТРИЙСКАЯ АРМИЯ В 1805 ГОДУ

Австрийская армия к 1805 г. имела значительный боевой опыт войн с Францией в течение 1792—1797 гг. и в 1798—1800 гг. Армия включала в свой состав пехоту, кавалерию, артиллерию и специальные части (инженерные, понтонные и т.п.).

Гвардии как отборной части армии в австрийской армии не было. В Австрийской империи имелись только небольшие корпуса личной охраны — два отряда конной гвардии численностью не более эскадрона каждый (немецкая и венгерская гвардия), а также два отряда пешей гвардии силой до роты. Эти четыре корпуса личной охраны играли роль почетного эскорта императора при выездах и являлись дворцовой стражей, но никакой боевой силы не представляли и в боевых действиях не участвовали.

СОСТАВ АРМИИ

Пехота австрийской армии в 1805 г. имела пехотные (фузелерные) полки, пограничные (грейц-полки) полки и полк тирольских егерей. Пехотные полки были двух видов — «немецкие» и «венгерские», которые различались местом комплектования и штатами. Состав пехотного полка в 1805 г. включал 5 батальонов, из которых 4 фузелерных и 1 гренадерский. Каждый батальон имел в своем составе 4 роты. Некоторые полки не успели полностью перейти на новые штаты и в 1805 г. состояли только из 4 батальонов вместо положенных 5. Кроме того, в пехотных полках формировались шестые батальоны, которые назывались резервными и укомплектовывались призывниками («рекрутами»). Каждый пограничный полк, находившийся в 1805 г. в армии, имел штатный состав в 3 батальона, а батальон имел 4 роты. Пограничный полк имел также резервный четвертый батальон из 4 рот.

Каждый полк имел номер и название: для пехотного полка названием служило имя почетного командира (в XVIII веке — «владельца») полка, в качестве которых выступали лица царствующей династии и генералы австрийской армии. Для пограничных полков их название соответствовало наименованию пограничной местности Австрийской империи на границе с Оттоманской портой, из которой комплектовался и пополнялся полк. Пехотные и пограничные полки имели свою отдельную нумерацию. В 1805 г. пехота имела в своем составе 64 полка (№ 1—64), но из них № 5 и 6 были гарнизонными полками, а № 64 «Тирольским егерским полком маркиза Шастелера» (этот полк имел состав 3 батальона, батальон состоял из 6 рот). Таким, образом, армия имела 61 пехотный полк, из которых 15 полков были «венгерскими», а остальные 46 «немецкими». Пограничные полки насчитывали 17 полков (№ 1—17), среди которых были хорватские (кроатские) полки, полки шеклеров (венгров, живших на границе), сербов, немцев и т.п. Сверх того, имелось также 4 полка тирольской милиции, которая действовала только в Тироле. Пехота австрийской армии традиционно отличалась хорошей выучкой, дисциплиной и стойкостью.

Кавалерия австрийской армии включала тяжелую — восемь кирасирских с № 1—8 и шесть драгунских полков № 1—6 и легкую — двенадцать гусарских — № 1—12, шесть шеволежерских, или легкоконных, — № 1—6 и три уланских полка — № 1—3. Каждый вид кавалерии имел свою отдельную нумерацию полков, каждый полк имел также название по имени своего почетного командира

(«владельца»). Полки кавалерии имели состав в 8 эскадронов. Каждый полк имел свой район комплектования, но при этом гусарские полки комплектовались только в Венгрии, а уланские — в Галиции, то есть преимущественно в бывших польских областях Австрийской империи. Австрийская кавалерия выделялась хорошим конским составом, а также обученностыо и качеством выездки личного состава.

Артиллерия была менее развитой, чем пехота и кавалерия. Артиллерия делилась на батальонную (придавалась пехотным полкам из расчета 2 орудия на батальон; обычно выделялось не более 6 орудий на полк) и позиционную (отдельные батареи орудий более крупного калибра, использовавшиеся для сосредоточенного артиллерийского огня). Организационно артиллерия сводилась в бомбардирский корпус из 5 рот и из 4 артиллерийских полков по 16 рот каждый, при этом рота артиллеристов обслуживала три батареи. Использовалась артиллерия разрозненно отдельными батареями. Кавалерийским частям придавалась ездящая артиллерия, личный состав которой перемещался на орудиях и зарядных ящиках как на повозках. Батареи в австрийской артиллерии имели обычно 4 пушки и 2 гаубицы.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ И ПОПОЛНЕНИЕ АРМИИ

Каждый полк австрийской армии имел район своего комплектования, где в мирное время полк располагался. В мирное время полк пополнялся за счет вербовки добровольцев в данном полковом районе, а в военное время по указу императора проводились наборы рекрутов. Так, пехотный полк Дейчмейстеров № 4 комплектовался в 1805 г. исключительно из жителей города Вена.

Пограничный полк комплектовался в своем приграничной районе военной границы. Полк назывался по названию этого района. Военная граница — полоса районов, расположенных вдоль границы с турками. Все мужское население таких приграничных районов по достижении определенного возраста считалось военнообязанным, из которых комплектовался штатный полк, уходивший на службу в австрийскую армию, а также создавались подразделения полка (резервный батальон), находившиеся на постоянной охране границы. Оставшаяся часть мужского населения полкового приграничного района служила резервом для пополнения обоих частей полка.

Пополнение для полков готовилось и обучалось достаточно долго, поэтому во время кампаний продолжительностью 3—5 месяцев полки практически не получали никаких пополнений. В этом случае численность (сила) батальонов неминуемо уменьшалась с течением времени даже при отсутствии активных военных действий за счет больных, умерших от болезней и отставших на маршах. В 1805 г. подготовка пополнения производилась на местах постоянной дислокации полков в составе депо или резервных батальонов (шестые батальоны полков) и резервных эскадронов (обычно девятый резервный эскадрон полка, но иногда даже штатные четвертые дивизионы полков кавалерии могли оставаться на местах постоянной дислокации для подготовки пополнения). Резервные подразделения создавались по полному штату только в военное время для подготовки пополнения и были связаны с теми полками, пополнение для которых они готовили, что было положительным аспектом.

Офицерский состав австрийской армии частично готовился в училищах, но основная масса будущих офицеров-дворян проходила через ускоренную службу кадетом в полку, после чего получала первое офицерское звание.

Офицерскому корпусу австрийской армии был присущ рациональный методизм, разумная инициатива в границах своих полномочий и грамотное ис-

полнение своих служебных обязанностей, но офицеры могли теряться при нарушении системы командования и в резко меняющейся обстановке.

ЗВАНИЯ

В австрийской армии офицеры имели следующие звания: обер-офицеры — *фендрик* (прапорщик), *лейтенант, обер-лейтенант, гаупман* (капитан) в пехоте *и ротмистр* (в кавалерии), *штаб-офицеры — майор, оберст-лейте-нант* (подполковник), *оберет* (полковник). Генеральские звания в австрийской армии — *генерал-майор, фельдмаршал-лейтенант* (генерал-лейтенант), *фельдцейхмейстер* (полный генерал в пехоте) и *генерал-от-кавалерии* (полный генерал в кавалерии), *фельдмаршал, генералиссимус.*

СОЕДИНЕНИЯ

В 1805 г. соединений постоянного состава в австрийской армии не существовало, что существенно снижала боевые возможности армии. В военное время создавались временные соединения (бригады, дивизии и корпуса) и объединения (армии на театре военных действий). В процессе боевых действий производились постоянные переводы частей из одних соединений в другие, а также создавались новые импровизированные соединения типа отрядов и колонн. Наибоя лее устойчивыми соединениями австрийской армии были пехотные бригады! (обычно из 2—3 полков) и бригады, составленные из отдельных гренадерских батальонов разных полков, которые могли сохранять неизменным свой состав в течение целой кампании.

УПРАВЛЕНИЕ АРМИЯМИ

Руководство боевыми действиями австрийской армии в целом осуществлялось через придворный военный совет (Гофкригсрат). Но в силу удаленности Вены от основных театров военных действий и в связи с задержкой полученияинформации из-за запаздывания доставки распоряжений такая система негативно сказывалось на качестве управления войсками.

В кампанию 1805 г. центр управления армиями был несколько смещен в штабы отдельных армий, что должно было положительно сказаться на системе управления боевыми действиями. Однако определенная шаблонность и неизменный схематизм высшего военного руководства австрийской армии неоднократно приводили к существенным провалам в боевых действиях австрийских войск, реакция которых не успевала за быстро изменявшейся обстановкой и не соответствовала оригинальным и быстрым решениям командования французской армии.

Перечень полков австрийской армии на 7 октября 1805 года

№ полка	Наименование полка	Число батальонов или эскадронов	Наименование полка
1	2	3	4
	Пехотные полки		
1	Кайзера	5	Германская армия
2	Эрцгерцога Фердинанда	5	Армия в Италии
3	Эрцгерцога Карла	5	Германская армия

1	2	3	4
4	Дойчмейстер	5	Германская армия
5	1-й гарнизонный	5	Черновицы
6	2-й гарнизонный	5	Замостье
7	Шредера	5	Армия в Италии
8	Эрцгерцога Людвига	5	Германская армия
9	Чарторижского	5	Германская армия
10	Анспаха	5	Армия в Италии
И	Эрцгерцога Райнера	5	Германская армия
12	Манфредини	5	Германская армия
13	Райски	5	Армия в Италии
14	Клебека	5	Тироль
15	Ризе	5	Германская армия
16	Эрцгерцога Леопольда	5	Армия в Италии
17	Рейсе-Плауэна	5	Германская армия
18	Стюарта	4	Германская армия
19	Альвинци	5	Лайбах
20	Кауница	4	Германская армия
21	Геммингена	5	Германская армия
22	Кобурга	5	Армия в Италии
23	Зальцбурга	5	Германская армия
24	Ауэрсперга	5	Германская армия
25	Спорка	5	Германская армия
26	Гогенлоэ	5	Армия в Италии
27	Страсольдо	5	Армия в Италии
28	Фрелиха	5	Германская армия
29	Линденау	5	Армия в Италии
30	Де Линя	5	Лемберг(Галиция)
31	Бениовского	5	Лагерь в Лайбахе
32	Эстергази	5	Армия в Италии
33	Старая	5	Лагерь в Лайбахе
34	Давидовича	3	Армия в Италии
35	Эрцгерцога Максимилиана	5	Германская армия
36	Коловрата	5	Германская армия
37	Ауффенберга	5	В Гроссвардене
38	Вюртембергского	5	Германская армия
39	Дука	5	Тироль
40	Митровского	5	Армия в Италии
41	Хильдбургхаузена	5	Германская армия
42	Эрбаха	4	Германская армия
43	Турна	5	Армия в Италии
44	Бельгарда	5	Армия в Италии
45	Латтермана	5	Армия в Италии
46	Нейгербургера	5	Тироль
47	Кински	5	Тироль
48	Вукасовича	5	Армия в Италии
49	Керпена	5	Армия в Италии
50	Штейн	5	Германская армия
51	Сплени	5	Лагерь в Лайбахе
52	Эрцгерцога Франца	5	Армия в Италии
53	Иелачича	5	Эссег
54	Фроона	5	Тироль, затем Германская армия
55	Рейс-Грейц	5	Германская армия

1	2	**3**	4
56	Коллоредо Венцеля	5	Армия в Италии
57	Коллоредо Иосифа	4	Германская армия
58	Болье	5	Германская армия
59	Йордиса	5	Тироль
60	Гиулая	5	Германская армия
61	Сен-Жюльена	5	Армия в Италии
62	Иелачича Франца	5	Германская армия
63	Эрцгерцога Иосифа	5	Армия в Италии
64	Тирольский Шастелера	5	Тироль, Германская армия
Пограничные полки			
1	Ликканский	3	Армия в Италии
2	Отточанский	3	Армия в Италии
3	Огулинский	3	Армия в Италии
4	Слуинский	3	Армия в Италии
5	Крейцера	3	Германская армия
6	Святого Георгия	3	Армия в Италии
7	Бродера	3	Германская армия
8	Градисканский	3	Армия в Италии
9	Петервардейнер	3	Германская армия
10	1-й Банатский	3	Армия в Италии
11	2-й Банатский	3	Армия в Италии
12	Немецкий-Банатский	3	Панксовер
13	Валашско- Иллирийский	3	Вена
14	1-й Шеклерский	3	Вена
15	2-й Шеклерский	3	Вена
16	1-й Валашский	3	Вена
17	2-й Валашский	1	Вена
	Чайкистов		В Венгрии
Артиллерия			
	Корпус бомбардиров	*2*	Вена
	1-й артиллерийский полк	*2*	Прага
	2-й артиллерийский полк	*2*	Вена
	3-й артиллерийский полк	*2*	Ольмюц
	4-й артиллерийский полк	*2*	Будвейс
	Инженерные войска		
	Минеры	*2*	
	Саперы	1	
	Понтонеры	2	Вена
Милиция в Тироле			
1	Полк	3	Инсбрук
2	Полк	3	Браунек
3	Полк	3	Ноймаркт
4	Полк	3	Тренто
		Кагвалерия	
	Кирасиры		
1	Кайзера	6	Германская армия
2	Эрцгерцога Франца	6	Германская армия

1	2	3	4
3	Эрцгерцога Альберта	6	Германская армия
4	Эрцгерцога Фердинанда	6	Германская армия
5	Нассау- У зинген	6	Германская армия
6	Макка	6	Германская армия
7	Лотарингского	6	Германская армия
8	Гогенцоллерна	6	Германская армия
	Црагуны		
1	Эрцгерцога Иоанна	6	Ржешув
2	Гогенлоэ	6	Германская армия
3	Вюртембергского	6	Армия в Италии
4	Левенера	6	Армия в Италии
5	Савойского	6	Армия в Италии
6	Меласа	6	Германская армия
	Шеволежеры		
1	Кайзера	8	Армия в Италии
2	Гогенцоллерна	8	Армия в Италии
3	О'Рейли	8	Седлец
4	Ла Тура	8	Германская армия
5	Кленау	8	Германская армия
6	Розенберга	8	Германская армия
	2-й полк тирольских конных егерей	8	Тироль
	Гусары		
1 2	Кайзера Эрцгерцога Иосифа	8 8	Цолькев Лайбах
3	Эрцгерцога Фердинанда	8	Лайбах
4	ГессенТомбурга	8	Радом
5	Отта	8	Армия в Италии
6	Бланкенштейна	8	Германская армия
7	Лихтенштейна	8	Германская армия
8	Кинмайера	8	Лайбах
9	Эрдёри	8	Лайбах
10	Штипзича	8	Германская армия
11	Шеклерский	8	Германская армия
12	Палатинский	8	Германская армия
	Уланы		
1	Мерфельда	8	Германская армия
2	Шварценберга	8	Германская армия
3	Эрцгерцога Карла	8	Лайбах
	Гвардия императора		
	«Лучники»	1	Вена
	Королевская венгерская гвардия	2	Вена
	Гард дю Кор (Garde du Corps)	1	Вена
	Дворцовая гвардия	1	Вена

БИБЛИОГРАФИЯ

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ:

Архив исторической службы Министерства Обороны Франции (S.H.D.):
2C 1-10, 2C 12-17, 2C 221-222, 2C 240-241, 2C 253, 2C 377, 2C 379, 2C 381, 2C386, 2C390. 4C5-6, 4C31. 1M 627-629, 1M 631-636, 1M 730-733, 1M 905-906, 1M 909, 1M 923-931.
Национальный архив Франции:
AF IV 1696 D. 1, AF IV 1696 D. 2
31 AP 9 D. 39, 95 AP 4 D. 46, 174 AP 4, 173 AP 1 D. 3, 173 AP 9, 384 AP 73
F 12 622
Архив Министерства Иностранных Дел Франции: Russie 140-144.
Российский государственный исторический архив:
Ф. 549 Оп. 1 № 336, Ф. 549 Оп. 1 № 383-386, Ф. 549 Оп. 1 № 387-395
Ф. 13 Оп. 2 № 714, 938
Ф. 549 Оп. 1 № 258, 361, 362, 335, 339
Ф. 899 Оп. 1 № 994
Ф. 1035 Оп. 1 № 383, 246, 114, 325, 435, 303, 436, 414
Ф. 1101 Оп. 1 № 243, 263, 247, 759
Ф. 1147 Оп. 1 № 262, 268, 270, 279, 280
Ф. 1286 Оп. 1 № 260, 191, 295
Ф. 1286 Оп. 54 № 29, 34, 54, 26
Ф. 1374 Оп. 4№ 47
Ф. 1409 Оп. 4 № 14930, 225
Российский государственный военно-исторический архив:
Фонд Военно-Учетного Архива (Фонд ВУА)3108, 3112, 3113, 3115, 3116, 3119.
Ф. 1 Оп. 1 № 913, 1053, 984.
Ф. 25 Оп. 1/160 № 2, 1646-1650, 1652, 1663, 1637, 1756.
Ф. 26 Оп. 1 № 304, 1637, 1560.
Ф. 401 Оп. 7929 № 294.
Ф. 2000 Оп. 1 № 8512.
Российский государственный архив Военно-морского флота:
Ф. 8 Оп. 3 № 67, 72
Ф. 166 № 554
Ф. 193 Оп. 1 № 15
Ф. 194 Оп. 1 № 25
Ф. 212 Оп. 11 .V 21
Ф. 315 Оп. 1 .No 137, 184
Рукописный фонд Российской национальной библиотеки:
Ф. 73 № 276 Ф. 109 Л1- 6

Ф. 124 № 967
Ф. 151 Оп. 1 № 8
Ф. 526 № 5, 7
Ф. 588 № 122
Ф. 732 № 6, 10
Ф. 762 № 29, 30, 149
Ф. 1000 Оп. 1 № 1387
Ф. 1000 Оп. 2 № 1144

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ :

Архив государственного Совета. Т. 3. Царствование императора Александра I (1801-1810). СПб., 1878.

Архив князя Воронцова. М., 1870—1897.

Архив князя М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго. // Русская старина, 1872, 1874.

Вестник Европы.

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. М., 1960, т. 1, 2.

Генерал Багратион. Сборник документов. М., 1945.

Григорович Н.И. Канцлер князь Безбородко. // Русский Архив, 1877.

Дипломатические отношения России с Францией в эпоху Наполеона I. Под ред. проф. А. Трачевского. СПб., 1890-1893.

Документы штаба М.И. Кутузова 1805—1806. Сборник. Вильнюс, 1951.

Из донесений баварского поверенного в делах Ольри в первые годы царствования (1802—1806) императора Александра I. // Исторический вестник, 1917, № 1.

Кутузов М.И. Сборник документов. М., 1951.

Мартене Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб, 1876.

Полярная звезда.

- Проект сухопутной экспедиции в Индию, СПб, б.д.

Санкт-Петербургские ведомости.

Сборник Императорского Российского Исторического Общества, т. 70, 77, 80, 82.

Суворов А., Письма. М., 1986.

Archives Parlementaires de 1787 a 1860. Recueil complet... sous la direction de M. J. Mavidal. Deuxieme serie (1800 a 1860). Paris, 1873.

Aulard A. Recueil des actes du Comite de Salut Public. Paris, 1893, 1955, 1964, 28 vol.

Bardin. Memorial de Г off icier d'infanterie. Paris. 1809.

Beaucour F.E., Lettres, decisions et actes de Napoleon a Pont-de-Briques, an VI (1798) - an XII (1804). Levallois, 1979.

Brotonne L. de. Lettres inedites de Napoleon Ier. Paris, 1898.

Campagne de la Grande Armee et de Гагптёе d'ltalie en Г An XIV (1805). Paris, 1806.

Correspondance de Napoleon Ier publiee par l'ordre de l'Empereur Napoleon HI. Paris, 1858-1870, 32 vol.

Correspondance inedite du Roi Frederic-Guillaume III et la reine Louise avec l'Empereur Alexandre I d'apres les originaux des archives de Berlin et Saint-Petersbourg. Publiee par P. Bailleu. Leipzig-Paris, 1900.

Coup d'ceil sur les relations politiques de la Russie avec la France. Londres, 1804.
Davout. Correspondance du marechal Davout publiee par Ch. de Mazade. Paris, 1885.
Desbriere E., Projets et tentatives de debarquement aux lies britanniques. Paris, 1900.
De l'Etat de la France a la fin de Γ An VIII. Paris, 1800.
Etat militaire de la Republique franchise an XI. Paris, 1802.
Eugene de Beauharnais, Memoires et correspondance politique et militaire du prince Eugene. Paris, 1858—1860.
Fabry G. Campagne de l'Armee d'ltalie, 1796-1797. Paris, 1900-1902.
Frederic II. Instruction militaire du roi de Prusse pour ses generaux. // Bibliotheque historique et militaire. T.5, P., 1844.
Joseph Bonaparte, Memoires et correspondance. Paris, 1833—1854.
Journal de Paris.
Journal des Sciences Militaires.
Lecestre L., Lettres inedites de Napoleon I (an VII-1815). Paris, 1897, 2 vol.
Liger A. Histoire de la guerre des Coalitions contre la France (1805—1807). Maastricht, 1808.
Manuel d'infanterie ou resume de tous les reglements (decrets, usages, renseignements propres a cette arme). Paris, 1808.
Martens F., Recueil des traites et des conventions conclus par la Russie avec des puissances etrangeres, Saint-Petersbourg, 1876.
Moniteur.
Murat J. Correspondance. Turin, 1899.
Murat J. Lettres et documents pour servir a Γ histoire de Joachim Murat. Paris, 1908-1914, 8 vol.
Napoleon Bonaparte, l'ceuvre et l'histoire. Sous la direction de Jean Massin. Paris, 1969, 8 vol.
Napoleon Bonaparte. Correspondance generale. Paris, 2004.
Nelson, The Dispatches and letters. London, 1845—1846.
Observations, London, 1803.
Observation sur l'armee franchise des derniers temps a partir de 1792 a 1808. Saint-Petersbourg, 1808.
Reglement concernant 1'exercice et les manoeuvres de 1'infanterie du ler aout 1791. Metz, 1791.
Reglement provisoire sur le service de 1'infanterie en campagne du 5 avril 1792. Paris, 1808.
Relation de la bataille d'Austerlitz gagnee le 2 decembre 1805. Paris, 1879.
Relation de la prise d'Ulm, par M. D..., capitaine d'etat-major au service d'Autriche. Journal des sciences militaires des armees de terre et de mer, 1827.
Saint-Just. Discours et rapports. P., 1977.
Stutterheim. La bataille d'Austerlitz. Paris, 1806.
Tableau general de la Russie moderne et situation politique de cet empire au commencement du XIX siecle. Par V.C***, continuateur de l'Abrege de 1'Histoire generale des voyages. Paris, 1807.
Thiebault J.-G., Bataille d'Austerlitz. Paris, 1847.
Thiebault D.-P.-C.-H. Manuel general du service des etats-majors generaux et divisionnaires. Paris, 1813.
Biilow, Heinrich Dietrich von. Der Feldzug von 1805 militarisch-politisch betrachtet, von dem Verfasser des «Geistes des neuern Kriegssystems» und des «Feldzugs von 1800». S.l. 1806.

МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ВОСПОМИНАНИЯ:

Аустерлиц. Воспоминания суворовского солдата. СПб, 1901.
Булгарин Ф. Воспоминания Фаддея Булгарина. СПб, 1846.
Вигель Ф.Ф. Записки Ф. Ф. Вигеля. М., 1891.
Глинка Ф.К. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях и Венгрии. М., 1808.
Глинка Ф.К. Письма русского офицера. Описание похода 1805 года. Москва, 1815.
Гогендорп Д. Из записок графа Гогендорпа. // Русский архив.
Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.— Л., 1930.
Дивов П.Г. Повествование. // Русская старина.
Ермолов А.П. Записки А. П. Ермолова 1798-1826. М., 1991.
Жаркевич И. С. Записки И. С. Жаркевича // Русская старина.
Жихарев С. П. Записки современника. М., 2004.
Журнал биографической моей жизни. // Русский Архив, 18956 кн. 2, № 6.
Записка графа Ростопчина Ф.В. // Русский Архив, 1878.
Записки графа Александра Ивановича Рибопьер. // Русский Архив, 1877.
Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Берлин, 1870.
Мартене. Из записок старого офицера. // Русская Старина. 1902, № 1. ,-:. Повествование о царствовании Александра I, для него самого писанное. Записка П.Г. Дивова. // Русская Старина, 1899, т. 100.
Саблуков Н.А. Записки Н.А. Саблукова о временах императора Павла I и о кончине этого государя. СПб, 1907.
Чарторыйский А. Мемуары князя Чарторыйского и его переписка с императором Александром I. М., 1912.
Abrantes L.-J. duchesse d'. Memoires de Mme la duchesse d'Abrantes ou souvenirs historiques sur Napoleon, la Revolution, le Directoire, le Consulat, Г Empire et la Restairation. Paris, 1831—1835, 18 vol.
Abrantes L.-J. duchesse d'., Histoire des salons de Paris. Tableaux et portraits du Grande Monde. Paris, 1838.
Ameil A., Notes et documents. In Sabretache, 1906, 1907.
Aubry J. T., Souvenirs du 12e chasseurs (1799-1815). Paris, 1889.
Barres J.-B., Souvenirs d'un officier la Grande Armee. Paris, 1923.
Belliard A.D., Memoires du comte Belliard. Paris, 1842.
Berthezene P., Souvenirs militaires de la Republique et de l'Empire. Paris, 1855, 2 vol.
Bigarre A., Memoires du general Bigarre, aide de camp du roi Joseph. Paris, 1893.
Blaze E. La vie militaire sous le Premier Empire. Paris, 1837, 2 vol.
Bourrienne M. de, Memoires de Bourrienne. Paris, 1829, 10 vol.
Brack F. de, Avant-postes de cavalerie legere. Paris, s.d.
Broglie V. de, Souvenirs (1785-1870) du feu due de Broglie... Paris, 1886.
Castellane V.-E. B. de. Journal du marechal de Castellane (1804—1862). Paris, 1895-1897, 5 vol.
Chevillet J., Souvenirs d'un cavalier de la Grande Armee 1800—1810. Paris, 2004.
Coignet, J.-R. Cahiers du capitaine Coignet (1799—1815). Paris, 1833.
Courier P.-L. Memoires, correspondance et opuscules inedits. Paris, 1828, 2 vol.
Czartoryski A., Memoires du prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'Empereur Alexandre Ier. Paris, 1887.
Damas R., Memoires du comte Roger de Damas. Paris, 1912—1914.
D'Heralde J.-B., Memoires d'un chirurgien de la Grand Armee. Paris, 2002.

Dedem de Gelder A.-B.-G. van, Un general hollandais sous l'Empire. Memoires du general baron de Dedem de Gelder. Paris, 1900.
Desbceufs Ch., Souvenirs du capitaine Desboeufs. Paris, 1901.
Drouet d'Erlon J.-B., Vie militaire ecrite par lui-meme. Paris, 1844.
Fantin des Odoards L.-F. Journal du general Fantin des Odoards. Etapes d'un officier de la Grande Armee, 1800-1830. Paris, 1895.
Fezensac, R.-A.-P.-J de Montesquieu, Souvenirs militaires. Paris, 1863.
Francois C. Journal du capitaine Francois (1792—1830). Paris, 1903, 2 vol.
Gervais E.-B., A la conquete de l'Europe. Souvenirs d'un soldat de l'Empire. Paris, 2002.
Girard E.-F. Carriers du colonel Girard (1766—1846). Paris, 1951.
Godart R.. Memoires du general baron Roch Godart (1792—1815). Paris, 1895.
Gonneville A.-O., Souvenirs militaires. Paris, 1875.
Gourgaud G. Journal de Sainte-Helene 1815-1818. Paris, 1947, 2 vol.
Gouvion Saint-Cyr, Memoire pour servir a l'histoire militaire sous le Directoire, le Consulat et l'Empire. Paris, 1831.
Griois L., Memoires du general Griois (1792-1822). Paris, 1909, 2 vol.
Griiber C.-J. Ritter von. Souvenirs d'un chevalier Grtiber. Paris, 1909.
Hohendorp D. van, Extraits des Carnets du comte Hohendorp. in Rousski Arkhiv.
Hohendorp D. van, Memoires du general Dirk van Hogendorp. Paris, 1887.
Hugo J. L., Memoires du general Hugo, gouverneur de plusieurs provinces et aide-major des armees en Espagne. Paris, 1828.
Journal de P.-L. Roederer in Napoleon Bonaparte, l'oeuvre et l'Histoire. IV. Napoleon vu et juge par ses collaborateurs. Paris, 1971.
Jurien de la Graviere P.-R., Souvenirs d'un amiral. Paris, 1860.
Larrey D.-J. Memoires de chirurgie militaire et campagnes. Paris, 1812—1817, 4 vol.
Las Cases M.-J.-E.-D. de. Memorial de Sainte-Helene. Paris, 1968.
Lejeune L.-F. Memoires du general Lejeune, 1792—1813. Paris, 2001, 2 vol.
Levavasseur O., Souvenirs militaires (1800—1815). Paris, 2001.
Louise de Prusse, princesse Antoine Radziwill. Quarante-cinq annees de ma vie (1770—1815) par Louise de Prusse. Paris, 1911.
Maignal B.H. Souvenirs d'un sous-lieutenant // Histoire d'un regiment. La ' 32e demi-brigade (1775-1890).
Maistre J. de. uvres completes. Geneve, 1979.
Marbot J.-B.-A.-M. de. Memoires du general baron de Marbot (1799-1815). Paris, 1891, 3 vol.
Marmont A.-F.-L., due de Raguse. Memoires de 1792 a 1841 imprimes sur le manuscrit original de l'auteur avec plans. Paris, 1856—1857, 9 vol.
Memoires d'Andre Massena, due de Rivoli, prince d'Essling, marechal d'Empire... Paris., 1966.
Montesquiou R.-E.-P.-J. de, due de Fezensac. Souvenirs militaires de 1804 a 1814, Paris, 1863.
Ney M., Memoires du marechal Ney, due d'Elchingen, prince de la Moskowa, publies par sa famille. Paris, 1833.
Oyon J.-A. Campagnes et souvenirs militaires. // Carnet de la Sabretache, 1913.
Pasquier E.-D., Histoire de mon temps. Memoires du chancelier Pasquier. Paris, 1893-1894.
Pelet. Memoires sur les guerres de Napoleon en Europe, 1796—1815. Paris, 1824.
Pelleport P. de. Souvenirs militaire et intimes du general vicomte de Pelleport de 1793 a 1853. Paris, 1857, 2 vol.
Percy P.-F. Journal des campagnes du baron Percy, chirurgien en chef de la Grande Armee. Paris, 1904.

Petiet A., Memoires du general Auguste Petiet, hussard de Г Empire, aide de camp du marechal Soult. Paris, 1996.
Pils F. Journal de marche du grenadier Pils (1804—1814). Paris, 1895.
Pouget. Souvenirs de guerre du general baron Pouget. Paris, 1895.
Rapp J. Memoires ecrits par lui-meme et publies par sa famille. Paris, 1823.
Ravy D. Journal d'un engage volontaire pendant les campagnes de 1805, 1806 et 1807. // Histoire d'un regiment. La 32e demi-brigade (1775-1890).
Reichardt J.-F. Un hiver a Paris sous le Consulat (1802-1803). Paris, 2003.
Rochechouart L.V.L., Souvenirs sur la Revolution, l'Empire et la Restauration. Paris, 1889.
Roguet F., Memoires militaires du lieutenant-general comte Roguet, colonel en second des grenadiers a pied de la Vieille Garde. Paris, 1862—1865, 4 vol.
Saint-Chamans A.-A.-R., Memoires du general comte de Saint-Chamans, ancien aide de camp du marechal Soult (1802-1823). Paris, 1896.
Saint-Cyr L. de Gouvion, Memoires sur les campagnes des armees du Rhin et Rhin-et-Moselle de 1792 jusqu'a la paix de Campo-Formio. Paris, 1829.
Savary J.-M.-R A.., due de Rovigo. Memoires du due de Rovigo pour servir a Г histoire de l'empereur Napoleon. Paris, 1828.
Soult J. D. Memoires du marechal general Soult, due de Dalmatie, publies par son, fils. Paris, 1854.
Souvenirs d'un historien de Napoleon. Memorial de J. de Norvins, 1896.
Stendhal. Journal (1801-1823). // Oeuvres completes. Paris, 1956, t 20-22.
Suckow K.-F.-E.. Fragments de ma vie. D'lena a Moscou. Paris, 1901.
Talleyrand-Perigord C.-M. de. Memoires du prince de Talleyrand publies avec une preface et des notes, par le due de Broglie. Paris, 1891—1892.
Thiard M.-T., Souvenirs diplomatiques et militaires du general Thiard, chambellan de Napoleon Ier. Paris, 1900.
Thiebault J.-G., Memoires du general baron Thiebault, Paris, 1895.
Van Dedem de Gelder A.-B. G. Un general hollandais sous l'Empire. Memoires du general baron de Dedem de Gelder. Paris, 1900.
ЛИТЕРАТУРА:
Анненков И.В. История лейб-гвардии конного полка. 1731—1848. Ч. 1—4. СПб., 1849.
Барсков Я. Россия в 1801 году. М., 1903.
Бобровский П.О. История лейб-гвардии уланского ее величества полка. Т. 1-2. СПб., 1903.
Богданович М.И. История царствования Александра I и Россия его времени. СПб, 1869.
Богуславский. История 81-го пехотного Апшеронского полка. СПб, 1892.
Бутовский И. Фельдмаршал князь Кутузов при конце и начале своего боевого поприща. Первая война императора Александра I и Наполеоном I в 1805 г. СПб, 1857.
Валишевский К. Сын Великой Екатерины. СПб., 1914*
Васильев. А. Русская гвардия в сражении при Аустерлице 20 ноября (2 декабря) 1805 г. // Воин, № 3.
Великий князь Николай Михайлович. Граф П.А. Строганов (1774—1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I. Пг., 1903.
Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Пг., 1914.

Воронов П.Н., Бутовский В.Д. История лейб-гвардии Павловского полка. СПб., 1875.
Гавловский СИ. История Лейб-гвардии Уланского полка. СПб, 1866.
Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Фельдмаршал Кутузов. М., 1995.
Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 1994.
Дирин П.Н. История Лейб-Гвардии Семеновского полка. СПб, 1883.
Дубасов Н.В. История лейб-гвардии конно-гренадерского полка. Т. 2. (1803— 1814 гг.). 1903.
Жеребков А.Г. История Лейб-гвардии Казачьего полка. СПб, 1876.
Зноско-Боровский Н.А. История лейб-гвардии Измайловского полка. 1730— 1880. СПб., 1882.
Золотарев В.А. Генералиссимус А.В. Суворов: вершины славы. М., 1999.
Исабель де Мадариага. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.
История кавалергардов и Кавалергардского ее величества полка, с 1724 по 1 июля 1851 года. СПб., 1851.
История Лейб-гвадии кирасирского Его Величества полка. Сост. поручик Туган-Мирза-Барановский. СПб, 1872.
История Лейб-гвардии Егерского полка. 1796—1896. Составлена по архивным данным. СПб, 1896.
История лейб-гвардии казачьего его величества полка. Сост. офицерами полка. СПб., 1876.
История Лейб-гвардии Преображенского полка. 1683—1883. Т. 3. 1801— 1883. СПб, 1888.
История Первого Консула Бонапарте со времен его рождения, до заключения Люневильского мира. СПб, 1802.
Каменский Е.С. История драгунского Санкт-Петербургского фельдмаршала князя Меньшикова полка. Т. 2. СПб, 1899—1900.
Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России.
Карцов П.П. История Лейб-Гвардии Семеновского полка, 1683—1854. СПб, 1852.
Клаузевиц. О войне. М., 1936.
Краткая история 5-го Гренадерского Киевского полка. Сост. Тударев. Калуга, 1892.
Краткая история 9-го пехотного Староингерманландского полка. Сост. К.И. Мрочковсксий. Москва, 1892.
Краткий очерк истории Лейб-гвардии Конного полка. СПб, 1907.
Крестовский В.В. История лейб-гвардии уланского его величества полка. СПб., 1875.
Леер Г.А. Война 1805 года. Аустерлицкая операция. СПб, 1882.
Леер Г.А. Подробный конспект войны 1805 года. Ульмская операция. СПб, 1887.
Лейб-гвардии конная артиллерия в войнах 1805 и 1807 гг. и в Отечественной войне 1812 г. (памятка канонира). Составил А.Т. Борисевич (по архивным данным). СПб, 1912.
Лукьянов Л. 11-й гренадерский Фанагорийский генералиссимуса Суворова, ныне Его Императорского Высочества Великого князя Дмитрия Павловича полк. Москва, 1911.
Люшковский М. Полководческое искусство Кутузова в кампаниях 1805— 1811 гг. М., 1943.
Максутов В.П. История 25-го пехотного Смоленского полка. СПб, 1901.
Манзей К.Н. История Лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка. 1775— 1857. СПб., 1859.

Манфред А., Наполеон Бонапарт. М., 1986.
Марков М.И. История лейб-гвардии кирасирского ее величества полка. СПб., 1884.
Милютин Д.А. История войны России с Францией в царствование Павла I в 1799 году. СПб, 1852-1853.
Михайловский-Данилевский А. И. Описание первой войны Императора Александра с Наполеоном в 1805 г. СПб, 1844.
Мордвинов А.А. История лейб-гвардии кирасирского ее величества полка. Т. 2. 1880-1904.
Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на французскую революцию и империю. М. СПб., 2002.
Орлов Ф.Ф. Очерк истории С.-Петербургского гренадерского полка. 1726— 1880. СПб., 1881.
Очерки из 200-летнего прошлого Выборгского полка. Новгород, 1900.
Павлов А.В. Из прошлого. Ист. материалы лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1911.
Панчулидзев С.А. История кавалергардов. 1724-1799-1899. Спб., 1899-1912.
Перечень главных дел и подвигов Выборгского полка в течение его 200-летнего существования. Сост. командир полка полковник Фон-Бекер. Новгород, 1900.
Покровский А. 3-й Донской казачий полк. Вильно, 1910.
Российский М.А. Очерк истории 3-го пехотного Нарвского полка, 1703-1903. М., 1904.
Сироткин В.Г. Наполеон и Александр I. М., 2002.
Смирнов Я. История 65-го пехотного Московского полка, 1642—1890. Варшава, 1890.
Соколов О.В. Армия Наполеона. СПб, 1999.
Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. М., 1962.
Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. М., 1994.
Ульянов Н.И. Александр I — Император, актер, человек. // Родина, 1992.
Черкасов Р., Двуглавый орел и королевские лилии. М.,1995.
Чичерин А.К., Долгов С.Н., Афанасьев А.Н. История лейб-гвардии Преображенского полка. 1683—1883.
Шильдер Н.К. Император Павел I. СПб, 1901.
Штакельберг К.К. Полтора века конной гвардии. 1730—1880. СПб., 1881.
Эйдельман Н.Я. Грань веков. М., 1982.
Alombert P.-C, Campagne de l'an 14 (1805). Combat de Dtirrenstem. Paris, 1897. „ Alombert P.-C, Colin J., La campagne de 1805 en Allemagne. Paris, 1902—1908. - "" Alombert P.-C, Colin J., La campagne de 1805 en Allemagne. Paris, 2002.
Andolenko S. Aigles de Napoleon contre Drapeaux du Tsar. Paris, 1969.
Angeli M. E. von. Ulm and Austerlitz. Studie auf Grund Archivarische Quellen tiber den Feldzug 1805 in Deutschland. Osterreichische Militarische Zeitschrift. Wien, 1877-1878.
Aulard A., Paris sous le Consulat. Paris, 1903—904.
Babeau A. Les Anglais en France apres la paix d'Amiens. Paris, 1898.
Battesti M., Trafalgar. Les aleas de la strategie navale de Napoleon. Paris, 2004.
Bergerot B., Daru. Intendant general de la Grande Armee. Paris, 1991.
Bertaud J.-P. La place de l'officier dans le regime napoleonien // La bataille, l'armee, la gloire. Actes du colloque de Clermont-Ferrand, 1983. Association des Publications de Clermont II, 1985.

Bertaud J.-P. La revolution armee. Les soldats citoyens et la Revolution francaise. Paris, 1979.
Bertaud J.-P. La vie quotidienne des soldats de la Revolution, 1789—1799. Paris, 1985.
Bertaud J.-P. Les travaux recents sur l'armee de la Revolution et l'Empire. // Revue internationale d'histoire militaire. Paris, 1985.
Bertaud J.P. Napoleon's officers. Past and Present. A Journal of historical studies. Oxford. 1986.
Bessand-Massenet P., Quand l_a France attendait Bonaparte, 1794—1800. P.Paris, 1978.
Blocqueville A.-L. de, Le Marechal Davout prince d'Eckmuhl : correspondance inedite, 1790—1815 : Pologne, Russie, Hambourg. Paris, 1887.
Bowden S., Napoleon and Austerlitz. Chicago, 1997.
Camon H., La bataille napoleonienne. Paris, 1899.
Camon H., La guerre napoleonienne — precis des campagnes. Paris, 1925, 2 vol.
Camon H. Le systeme de guerre de Napoleon. Paris, 1923.
Castelot A., Napoleon. Paris, 1968.
Chardignit L., Les marechaux de Napoleon. Paris, 1946.
Chassin C, Hennet L. Les Volontaires nationaux pendant la Revolution. P., 1893, 3 vol.
Chassin C.-L. L'Armee et la Revolution... Paris, 1867.
Chaunu P., La civilisation de l'Europe des Lumieres. Paris, 1982.
Chelard R. Les armees franchises jugees par les habitants de l'Autriche 1797— 1809. Paris, 1913.
Clausewitz C. von, De la guerre. Paris, 1955.
Colin J., Eudes sur la campagne de 1796—1797 en Italie. Paris, 1898.
Colin J., La surprise des ponts de Vienne en 1805, Austerlitz, et la question des etangs d'Austerlitz. Dans Revue d'histoire, 1905, 1907, 1908.
Colin J. La Tactique et la discipline dans les armees de la Revolution. Correspondance du general Schauenbourg du 4 avril au 2 aout 1793. Paris, 1902.
Colin J. Les Grands hommes de guerre: Napoleon. Paris, 1914.
Colin J. L'education militaire de Napoleon. Paris, 1900.
Cronin V., Napoleon. Paris, 1979.
Darnay A., Notice historique sur S.A.R. le prince Eugene, vice-roi d'ltalie. Paris, 1830.
Davois G. Bibliographie napoleonienne francaise jusqu'en 1908. Paris, 1909— 1911,3 vol.
Derrecagaix V.B., Le marechal Berthier. Paris, 1905.
Driault E., Austerlitz. La Fin du Saint-Empire (1804-1806). Paris, 1912.
Driault E., La politique exterieure du premier Consul 1800—1803. Paris, 1910.
Duffy C Austerlitz 1805. London, 1977.
Dumas M. Precis des evenements militaires... Paris, 1822.
Dumoulin M., Precis d'histoire militaire. Paris, 1908.
Fave. Etudes sur le passe et l'avenir de l'artillerie. Paris, 1871, 5 vol.
Fugier, Napoleon et l'ltalie. Paris, 1947.
Gachot E. Campagne de 1799, Souvorof en Italie, Jourdan et Brune en Hollande. Paris, 1903-1906.
Gachot E. Histoire militaire de Massena. Paris, 1901, 6 vol.
Gachot E. La premiere campagne d'ltalie 1795 a 1798. Paris, s.d.
Gachot E., La troisieme campagne d'ltalie (1805—1806). Paris, 1911.
Gaulle C. de. La France et son armee. Paris, 1985.

Godechot J. Les Institution de la France sous la Revolution et Г Empire. Paris, 1985.
Guibert J.-A.-H. de. De l'etat actuel de la politique et de la science militaire en Europe. // Bibliotheque historique et militaire. T.5, Paris, 1844.
Guibert, J.A.H. de, Essai general de tactique. London, 1773, 2 vol.
Histoire critique et militaire des guerres de la Revolution. Bruxelles, 1840.
Histoire militaire de la France. Sous la direction de J. Delmas. Paris, 1992.
Histoire des relations internationales sous la direction de P. Renouvin. T. 4. Fugier A. La Revolution franchise et l'Empire napoleonien. Paris, 1954.
Histoire des relations internationales. t. 4. A. Fugier. La Revolution franchise et l'empire napoleonien. Paris, 1954.
Hourtoulle F.-G., Davout, le terrible. Paris, 1975.
Hourtoulle F.-G., Ney, le brave des braves. Paris, 1981.
James W. Naval history of the Great-Britain. London, 1826.
John J.-P., Journal d'un voyage a Paris au mois d'aout 1802. Paris, 1913.
Jomini H. de. Histoire critique et militaire des guerres de la Revolution. Paris, 1820-1824, 15 vol.
Jomini A.-H; de. Precis de l'art de la guerre. // Bibliotheque historique et militaire. T. 5, Paris, 1844.
Kircheisen F. M. Bibliographie napoleonienne, collection de sources, classees par ordre de matieres. Paris, Geneve, 1903. ,
Lachouque H., La Garde Imperiale. Paris, 1982.
Lachouque H. Napoleon et la Garde Imperiale. Paris, 1956.
Lachouque H., Napoleon a Austerlitz. Paris, 1961.
Lachouque H. Napoleon, 20 ans de campagne. Paris, 1964.
Lauerma M. L'Artillerie de campagne franchise pendant les guerres de la Revolution. Evolution de l'organisation et de la tactique. Helsinki, 1956.
Lentz T., Le grand Consulat. Paris, 1999.
Lombares M. de. Devant Austerlitz — sur les traces de la pensee de l'Empereur // Revue historique de l'armee. 1947.
Madelin L. Histoire du Consulat et de l'Empire. Paris, 1937—1954, 16 vol.
Maizeau E.B. Vie du marechal Ney, due d'Elchingen. Paris, 1816.
Marches dans les armees de Napoleon. // Revue d'Histoire, 1911.
Marmont A.-F.-L.-V. Esprit des institutions militaires. Paris, 1845.
Martinien A., Tableaux par corps et par batailles des officiers tues et blesses pendant les guerres de l'Empire (1805-1815). Paris, 1899.
Masson F., Le Sacre et le Couronnement de Napoleon. Paris, 1978.
Mouravieff B., L'alliance russo-turque au milieu des Guerres Napoleoniennes. Bruxelles, 1954.
Muller P., L'espionnage militaire sous Napoleon I. Paris, 1896.
Nicolay. Napoleon au camp de Boulogne. Paris, 1907.
Norman E. Saul. Russia and the Mediterranean, 1797—1807. Chicago and London, 1970.
Peyre L., Napoleon et son temps. L'Empire. Paris, 1888.
Philip de. Etudes sur le service d'etat-major pendant les guerres du Premier Empire. Paris, 1910.
Picard L., La cavalerie dans les guerres de la Revolution et de l'Empire. Saumur, 1895-1896, 2 vol.
Picard E., Tuetey L. Correspondance inedite de Napoleon conservee aux archives de la Guerre, 1804-1810. Paris, 1912-1913, 5 vol.
Pigeard A., L'armee napoleonienne 1804—1815. Paris, 1993.
Poniatowski M., Talleyrand et le Consulat. Paris, 1986.

Poniatowski M., Talleyrand et le Directoire. Paris, 1982.
Quintin, D. et B. Austerlitz. Dictionnaire biographique des officiers, sous-officiers et soldats tues ou mortellement blesses a Austerlitz. Paris, 2005.
Quintin, D. et B. Dictionnaire de colonels de Napoleon. Paris, 1996.
Rambaud A. Histoire de la Russie. Paris, 1878—1893.
Rambaud A. La revolution francaise et l'aristocratie russe. Paris, 1878.
Rodocanachi E., Bonaparte et les iles Ioniennes. Paris, 1897.
Rousset C, Les volontaires, 1791—1794. Paris, 1892.
Schonhals C. von, Der Krieg in Deutschland. Wien, 1873.
Segur. Un Aide de Camp de Napoleon. Memoires du general comte de Segur. Paris, 1894.
Six G. Dictionnaire biographique des generaux et amiraux frangais de la Revolution et 1'Empire (1792-1814). Paris, 1934-1938, 2 vol.
Sokolov O., L'armee de Napoleon. Saint-Germain-en-Laye, 2003.
Sorel A., L'Europe et la Revolution fran$ase. Paris, 1905.
Sparrow E. Secret Service : British agents in France 1792—1815. Suffolk, 1799. Secret Service, «Assassination of Paul I».
Stendhal. Napoleon. // Oeuvres completes. Paris, 1956, t. 17.
Stendhal. Vie de Napoleon. // Oeuvres completes. Paris, 1956, t. 17.
Tatistcheff S., Alexandre Ier et Napoleon d'apres leur correspondance inedite, 1801-1812, par Serge Tatistcheff. Paris, 1891.
Thiers A., Histoire du Consulat et de l'Empire. Paris, 1845, 20 vol.
Tranie J., Carmignani J.-C. Napoleon et la Russie, les annees victorieuses 1805-1807. Paris, 1980.
Tulard J. La vie quotidienne des Francais sous Napoleon. P., 1978.
Tulard J. Le Grand Empire 1804-1815. Paris, 1982.
Tulard J. Napoleon ou Le mythe du saveur. Paris, 1977.
Tulard J. Napoleon et la noblesse d'Empire. Paris, 1979.
Vachee. Napoleon en campagne. Paris, 1913.
Willing P., Napoleon et ses soldats. L'apogee de la gloire, 1804—1809. Paris, 1977.
Zweguintzov V., L'armee russe. Paris, 1973.
Zins R. Le marechal Lannes. Favori de Napoleon. Paris, 1994.

СЛОВО ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Тот, кто знает, куда идти, — не уйдет далеко.
Наполеон I Бонапарт

Количество работ об этом человеке, опубликованных во всем мире, намного больше, чем о любом другом. Цо узнаваемости он — второй после Иисуса. Его имя — Наполеон Бонапарт. Он одержал более шестидесяти побед в военных баталиях — больше, чем Александр Македонский, Цезарь и Суворов, вместе взятые... Абсолютный властитель, воспитанный на идеях свободы Руссо и Вольтера. Тиран, задушивший свободную прессу и породивший огромное число вестников, официальных бюллетеней, тематических изданий в области образования, науки, искусства, архитектуры, языка...

Человек, характер и деятельность которого пронизаны огромным числом противоречий. И человек, который умел видеть и разрешать противоречия.

Народ Франции устал от порожденных Революцией беспорядков, неудачных сражений и бездарных решений Директории. В Наполеоне французы увидели национального героя-спасителя, надежду на порядок и процветание. Это позволяло Бонапарту думать, что его стремление к титулу императора будет поддержано. Но в то же время нельзя было пренебрегать сильными республиканскими настроениями. Целое поколение людей, многие представители элиты выросли на идеях просветителей. В конце концов, за республиканские ценности было пролито много крови... Как быть?

Наверняка кто-либо другой удовольствовался бы положением Первого консула и практически неограниченной властью за ширмой якобы республиканского правления. Но не Наполеон.
Из императорской присяги Наполеона:

Я клянусь сохранять целостность территории Франции, уважать и защищать законы конкордата[1] *и свободы религии, уважать и защищать равенство прав, политических и гражданских свобод, необратимость продаж национального имущества, не поднимать ни одного налога, не вводить новых налогов, сохранять Почетный легион, править во имя, во славу и на пользу французского народа.*

Как видим, он разрешил это противоречие[2], став первым на планете императором, провозгласившим защиту республиканских завоеваний.

Народ видел его консулом, потом увидел императором и все-таки говорил: «Что Бонапарт ни делай, а в душе он демократ»[3].

ХАРАКТЕР

«Крепкое сложение, отличное здоровье, честен и благороден, отличался прилежанием к математике... будет превосходным моряком» — примерно такую характеристику получил юный Наполеон в морской школе. Дополним ее характеристикой, полученной им позже в Парижском военном училище: «Высокомерен, любит одиночество, чрезвычайно самолюбив. Его честолюбие не знает границ». Обе характеристики правдивы, но отличие бросается в глаза. Где-то посредине между ними с молодым человеком произошло нечто, что и сделало его, наверное, одной из самых ярких личностей человеческой истории. Может быть, ключ к разгадке этого «нечто» находится в его воспоминаниях...

Да, тогда, в юности, я усвоил — не должно быть предела дерзанию.
Всемирностъ — с этого ощущения начинается гений..}

Наполеону часто говорили о его гениальности — это не удивительно. Сам же он упоминал об этом с легкой иронией. Зато очень ценил, как самый щедрый подарок природы, свою колоссальную работоспособность. Есть много исторических свидетельств, документально подтверждающих способность Бонапарта спать по три-четыре часа в сутки, работать в дороге, в шатре, в самых немыслимых условиях. Неуемное любопытство и широта кругозора сочетались с дотошностью в понимании мелочей и стремлением применять знания на практике. Он удивлял английских капитанов, говоря с ними о подробностях оснастки французских и английских кораблей и даже о разнице в судовых канатах.

Вовсе не гений внезапно и таинственно открывает мне, что именно мне должно говорить и делать при обстоятельствах, кажущихся неожиданными для других, — но мне открывает это мое размышление. Я работаю всегда, работаю во время обеда, работаю, когда я в театре; я просыпаюсь ночью, чтобы работать...

Попав в любое место, он изучал его с точки зрения поля боевых действий — «на всякий случай». Нравы народов, особенности религий, новости науки — все ему было необходимым знать.

Завоевать Египет можно только будучи мусульманином, Италию — католиком, и если мне придется управлять евреями, то первое, что я сделаю, — восстановлю храм Соломона.

Наполеон испытывал большое уважение к интеллекту. Более того, он считал интеллект одним из важнейших ресурсов процветания государства. Его знаменитая команда перед началом одного из египетских сражений: «Ослов и ученых в середину!» — означала стремление обезопасить наряду с драгоценными в походе вьючными животными также и представителей науки.

Такое отношение к науке понятно — ведь юный Бонапарт мечтал об известности на научном попроще, видел себя великим изобретателем, слава которого затмит славу самого Ньютона! Уже будучи Первым консулом, а потом и императором, он с жаром вспоминал свои детские рассуждения об окружающем мире, о мире «наименьших подробностей, атомов, которые беспрестанно носятся вокруг нас».

Даже чрезвычайно занятый войною, в пылу практически каждодневных сражений и переговоров, Бонапарт делал все, что мог, на пользу науке. В Павии он беседовал с физиологом Скарна. В 1801 г. имел разговор с физиком Вольта, которого осыпал почестями и подарками. В 1802 г. основал премию в шестьдесят тысяч франков для того, кто внесет столь же существенный вклад в учение об электричестве и гальванизме, какой внесли Франклин и Вольта.

Истинные торжества, которые не влекут за собою никаких сожалений, суть торжества над невежеством. Самое благородное, равно как и самое полезное народное занятие есть содействовать распространению человеческих знаний и идей. Истинное могущество Французской республики должно отныне состоять в том, чтобы ей не была чужда ни одна новая идея.

Будучи стратегом, Наполеон прекрасно понимал значение интеллекта как в гражданской, так и в военной конкуренции государств. Так, накануне первых столкновений с Россией его беспокоил царский министр Сперанский, обладавший великим, по оценке императора, умом. И тогда Наполеон стал настойчиво хвалить Сперанского перед Александром I. Хитрость удалась — царь отлучил от себя Сперанского, заподозрив в нем французского шпиона.

О личной храбрости Наполеона сложены легенды. В одном из сражений под ним убили третьего коня, а сам он был ранен в бедро пикой. Наскоро перевязав рану, превозмогая боль, генерал снова вскочил в седло — ведь солдаты должны знать — их генерал неуязвим! И он добился своего — армия верила каждому его слову...

Из воспоминаний о начале генеральской карьеры:

...сначала надо было наладить дисциплину среди моих артиллеристов — этой вольницы санкюлотов... Я был худ, страдал от чесотки и сзади меня часто принимали за девочку. Подчинить этих полупьяных великанов можно было только одним — мужеством. Я велел укрепить над батареей знамя с надписью: «Батарея бесстрашных». И теперь во время артиллерийских дуэлей с тулонцами я поднимался на бруствер и преспокойно стоял под ядрами, скрестив руки на груди. Мои артиллеристы смотрели на меня сначала с изумлением, потом с великим трепетом. Они поняли: я не знаю страха. Но я пошел дальше — велел уничтожить укрытия, в которых они прятались от ядер (и оттого стреляли слишком медленно).

Храбрость должна быть вознаграждена. «В ранце каждого солдата лежит маршальский жезл», — говорил император. И ему верили: ведь храбрость каждого действительно вознаграждалась. В армии Наполеона возраст не был помехой для того, чтобы стать генералом или маршалом, — этим его армия также отличалась от других.

Однажды во время торжеств после победы в Булони два пленных английских моряка сбежали из тюрьмы. Имея один только нож, они изготовили из нескольких кусков дерева жалкое подобие челнока и попытались уплыть, зная, что наверняка погибнут в море. Беглецов схватили — по законам военного времени их следовало немедленно расстрелять. Император поступил иначе:

Я же наградил их деньгами и отпустил восвояси. Потому что всегда ценил храбрость и старался быть великодушным к храбрецам. Например, после победы под Аустерлицем я вызвал к себе пленного русского кавалергарда князя Репнина и сказал ему: «Соберите своих товарищей и отправляйтесь домой. Я не могу лишить вашего государя таких мужественных гвардейцев».

Любые высшие достижения: в изобразительном или театральном искусстве, архитектуре, литературе — вызывали восхищение Наполеона. И он всегда отдавал должное создателям шедевров. Немало написано о беспощадности Наполеона в борьбе за власть. Однако вот один случай, который достаточно выпукло характеризует систему ценностей императора и его стремление разрешать противоречия между ним самим и другими личностями мирным путем, даже если...

Шатобриан — яркий литератор, поэт, лучшее перо Франции и непримиримый идейный противник Наполеона. Памфлеты Шатобриана жалят императора, как рассерженные осы. Император знает: не обращать внимания на газеты — это то же, что спать на краю пропасти... И он не просто обращает внимание — он запросто цитирует памфлеты по памяти, восхищаясь языком поэта:

«Что с того, что Нерон процветает, — где-то в империи уже рожден Тацит». Нерон, как всем должно было быть понятно, — я. А Тацит, конечно же...

Обладая всей возможной властью, император терпит. Пытается договориться с Шатобрианом, отдает ему должное как большому литератору. Не помогает...

...Мне передали речь Шатобриана, которую он собирался произнести при вступлении в Академию. Когда я прочел ее, я был краток: «Ему повезло. Будь она произнесена, этого господина непременно пришлось бы отправить в каменный мешок». Но, ценя поэта, я сам занялся правкой его речи. И конечно же, он отказался ее исправить. И конечно же, я его не тронул — но отправил в ссылку... Воздадим ему должное: он много сделал для торжества любимых им Бурбонов. И он воистину великий человек...

И последнее: император-солдат был очень неприхотлив. Не снимать во время маршей по нескольку дней сапоги, скакать три дня подряд верхом, жить в палатке на бивуаках — все, что он требовал от своих гренадеров, от своей военной элиты, он умел и делал сам.

СТРАТЕГИЯ «ВРЕД В ПОЛЬЗУ»

Умение превращать вред в пользу — одна из сильных сторон Наполеона-стратега.

Вступив в должность командующего Итальянской армией и произведя ей смотр, генерал Бонапарт сразу догадался, почему наиболее влиятельные генералы Французской республики не очень добивались этого поста. Армия походила на скопище оборванцев. Казнокрадство приобрело грандиозный размах, что уменьшало и без того скудное материально снабжение армии. Сорок три тысячи солдат питались чем попало. Дисциплины не было — солдаты прекрасно понимали, что брошены. Накануне приезда Наполеона один батальон отказался выполнить приказ о переходе в другой указанный район, потому что ни у кого не было сапог...

Бонапарт, прибыв в армию, резко повел борьбу с воровством. Солдаты это сейчас же заметили, и это помогло восстановлению дисциплины. Но ждать, пока армия будет экипирована, он не стал — ведь это означало фактически пропустить кампанию 1796 года. И тогда он решил: война должна сама себя кормить. Главное — заинтересовать непосредственно каждого солдата в предстоящем кампании в на Северную Италию. Не откладывать ее до того, как все нужное будет армией получено, а показать армии, что от нее самой зависит забрать силой у неприятеля все необходимое и даже больше того.

Перед началом похода я обратился к армии: «Солдаты! Вы раздеты и голодны, казна должна вам платить, но платить ей нечем! Ваше терпение делает вам честь, но не дает ни денег, ни славы... Я поведу вас на плодороднейшие равнины мира... Там вас ждут богатые области и процветающие города. Неужели вам не достанет храбрости завоевать все это?»

Я начал о понятном. Но заключил о величественном: «Мы принесем свободу прекрасной Италии, раздробленной нынче на жалкие государства! Победителей ждут честь и слава! Вперед, граждане великой Франции!»

Воодушевленные патриотизмом, безоговорочно верящие своему вождю и заинтересованные лично в победе солдаты — огромная сила, в которую превратил Наполеон еще недавно деморализованную армию.

Вот еще один эпизод — из Египетской кампании. После того как были одержаны блестящие победы на суше и разгромлена непобедимая конница мамелюков, штаб получил страшную новость: французский флот разгромлен англичанами... Это означало, что армия остается в горячих песках, отрезанная от снабжения, среди враждебного окружения. Как быть?

В палатке собрались бледные генералы. Я сказал им: «Наши триста судов сожжены. Можно ли назвать это катастрофой? Можно ли считать, что мы теперь в западне? Ничего подобного! Римляне, высаживаясь далеко от родины и начиная поход в глубь страны, сами сжигали свои корабли, чтобы оставить себе два выхода — победа или смерть. За нас эту работу исполнил враг... Возблагодарим же судьбу, оставившую нам лишь два исхода: остаться в этой земле навсегда или уйти отсюда, увенчанными лаврами, как Александр!»

Словом и волей Бонапарт удержал армию от развала. Армия верила своему вождю. Но задача осталась: либо армия должна навечно остаться в этом раскаленном аду, либо идти пешим ходом от Египта до Франции — что тоже было невозможно.

Итак: строить новый флот для вывоза армии — нереально. Идти пешком — погубить армию. Дружеской помощи ждать неоткуда... Как быть? Наполеон решил эту задачу!

Египетская армия была «костью в горле» для самого заклятого врага — англичан. И после долгих переговоров Наполеон «уступил» англичанам — согласился вывезти свою армию из Египта. Конечно же, на английских кораблях...

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ТАКТИКИ

Наполеону принадлежит фраза: «Два мамлюка справлялись с тремя французами, потому что у них были лучшие лошади и сами они лучше ездят и лучше вооружены... Но сотня французских кавалеристов не боялись сотни мамлюков; триста французов брали верх над таким же числом мамлюков, а тысяча разбивала 1 500. Так сильно влияние тактики, порядка и эволюции!»

Армия — это, прежде всего, четкая организация. По Наполеону, военное искусство заключается в умении устраивать так, чтобы армия «жила раздельно, а сражалась вся вместе». Он первым разбил армию на корпуса, каждый из которых представлял собой как бы отдельную самостоятельную армию. Основные силы кавалерии и артиллерии он выделил в самостоятельные части, резко повысив их мобильность и готовность в любой момент прийти на помощь тому корпусу, который готовил основной прорыв.

К местам основных сражений каждый корпус продвигался самостоятельно, своей дорогой — это значительно облегчало проблемы снабжения и питания.

Французская артиллерия стояла выше артиллерии других стран и в руках Наполеона сделалась средством неслыханной до того силы. В артиллерийской тактике произошли громадные перемены. Наполеон пускал в ход некоторое количество легких орудий, присоединенных к пехотным дивизиям, для того, чтобы завязать бой, заставить противника обнаружить свою силу. Основная масса артиллерии удерживалась в резерве до тех пор, пока не определялся решающий пункт атаки, — тогда сразу формировались громадные батареи, действовавшие совместно против этого пункта и подготовлявшие своей страшной канонадой окончательную атаку. При отсутствии ответной стрельбы более или менее равносильной ей артиллерии получасовой беглый огонь решает дело. Неприятель начинает таять под градом свистящих ядер; затем выдвигаются свежие резервы французской пехоты, следует последняя ожесточенная кратковременная борьба — и победа одержана. Так подготовил Наполеон наступление Макдональда при Ваграме, и сопротивление было сломлено еще до того, как три наступающие в колоннах дивизии успели сделать хотя бы один выстрел или пойти в штыки.

Я учил их новой тактике — моей тактике: «Чтобы обороняться и выжить — надо дробить свои силы. Но чтобы атаковать и победить — силы необходимо объединять. Мы атакуем. И весь артиллерийский огонь надо направить в одну точку, нанести мощнейший удар на одном участке. Пробить брешь в обороне противника! И если брешь пробита — судьба битвы решится в мгновение, сопротивление станет бесполезным».

Наполеон стал водить свои армии на сотни миль по неприятельским странам, не обращая внимания на крепости, которые все были построены по старой системе. Он просто обходил их и продвигался дальше! Тактика его оказалась настолько успешна, что к 1814—1815 году ее приняли на вооружение практически все противники.

НЕ ТОЛЬКО ОРУЖИЕМ

На войне император после победы или просто удачного дела одной какой-нибудь дивизии всегда устраивал смотр. Объехав в сопровождении полковника ряды и поговорив со всеми солдатами, чем-либо отличившимися, он приказывал бить сбор. Если кто-либо из эскадронных командиров был убит в бою, он громко

спрашивал: «Кто самый храбрый капитан?» Возбужденные победой и присутствием великого полководца, люди говорили искренне. Самый храбрый капитан — первый кандидат на повышение. А если он не обладал нужными для эскадронного командира способностями, его повышали в чине по ордену Почетного легиона, а затем император снова задавал вопрос: «После него кто же самый храбрый?» Сразу после этого командир полка утверждал офицеров в новых должностях.
В такие минуты солдаты плакали от любви к великому человеку.

Ключ от победы — в душе солдата. И Наполеон держал этот ключ в своих руках. Жесткость военного времени — да; беспрекословное подчинение — да; но офицерское барство, пренебрежение человеческим достоинством солдата — нет!

Мои приказы я объявил законами. Никакой медлительности — за промедление в исполнении приказа порой расстреливали! Но никогда не пороли. Я строжайше запретил рукоприкладство. Этим моя армия тогда отличалась от всех других. Офицеров, нарушивших этот приказ, я велел также расстреливать, потому что поротый солдат лишен чести. А что может быть важнее чести для солдата?

Для египетского похода Бонапарт тщательно отбирал солдат, которые ранее воевали в его Итальянской армии. Этот солдат храбр и стоек, но пьяница, а вот этот сообразителен, но быстро утомляется... А для египетского похода, для войны под палящим солнцем, при пятидесятиградусной жаре, для перехода по раскаленным необъятным песчаным пустыням без воды и тени нужны были отборные по выносливости люди. Еще внимательнее — отношение к офицерскому составу.

Воины Наполеона умели рисковать собой, но при этом они знали, что их семьи находятся под защитой Императора.

Я также распорядился, чтобы вдовы погибших получали пожизненную пенсию. Их дети должны были воспитываться за мой счет. И независимо от данного им при рождении имени, они имели право добавить к нему мое имя — Наполеон. Дети павших храбрецов стали моими детьми...

В отличие от большинства наемных европейских армий, 5 французская армия была призывной. И то, что народ без особого сопротивления поставлял большое число рекрутов, — тоже было следствием ряда решенных задач — задач государственного строительства.

Наполеон первым в мире ввел земельный кадастр. После революции крестьяне поделили помещичью землю, достаточно большие наделы земли, но ни у кого не было денег, чтобы внедрять какие-то новые технологии. Наполеон поставил цену на все земли, открыл банк «Лионский кредит» и обязал банк давать кредиты на развитие под залог земли.

Дальше крестьянство развивалось само и было его основной опорой. Он организовал для народа достаточно уверенный сбыт товаров по хорошим ценам. За это, по существу, крестьяне поставляли рекрутов в его армию. Они знали, что эта армия будет защищать их интересы, их земельный кадастр, их право брать кредиты и продавать свои товары.

ГРАЖДАНСКИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ

По словам поэта-философа Гете, который общался с Наполеоном лично, власть для императора была то же самое, что музыкальный инструмент для великого артиста. Виртуоз власти смог в короткий промежуток времени дать колоссальный импульс развитию искусства, науки, промышленности,

Прежде всего, как и в армии, Наполеон взялся за установление четкого и понятного народу порядка в стране.

Вместо принудительных займов и насильственных реквизиций был введен контроль за расходованием государственных средств и начата борьба против казнокрадства. Несколько крупных финансистов были посажены в тюрьму, что напугало других расхитителей. В налоговой политике Первый консул и его министр финансов Годэн сделали упор на сокращение прямых и увеличение косвенных налогов, что привело к улучшению финансового положения государства.

Правительство поддерживало предпринимателей, которые вводили усовершенствования и развивали новые отрасли. Средством поощрения удачливых предпринимателей было дарование дворянского звания, награждение аристократическими титулами и орденом Почетного легиона. По инициативе Наполеона для финансового обеспечения промышленного развития был создан Французский банк, в 1810 г. создан специальный правительственный орган — Совет по управлению торговлей и мануфактурами. Во Франции началась промышленная революция и были заложены основы для успешного экономического развития в XIX веке.

Когда Джакард изобрел первый в истории ткацкий станок с программным управлением — с помощью перфокарты, — Наполеон выдал ему единовременно крупную сумму, несколько тысяч франков, и назначил пожизненную пенсию до трех тысяч франков ежемесячно. Этот станок принес славу стране — тогда Франция перегнала Англию по качеству ткачества. Резко упала цена на качественные гобелены. А в 1806 г., чтобы стимулировать дальнейшее совершенствование и развитие джакардовой машины, чтобы она стала общедоступной и простой, Наполеон назначил Джакарду роялти за каждую установленную машину. Как только тот устанавливал станок, ему платили пятьдесят франков. Изобретатель постоянно совершенствовал машину, чтобы ее покупали...

Наполеон придавал большое значение развитию искусств, архитектуры. Он породил и поддерживал стиль ампир во всем: в одежде, языке, искусстве, архитектуре, — чтобы величие Франции было везде, куда человек ни повернул бы голову, чтобы он всегда получал подтверждение, что Франция — великая страна.

Даже военные приказы на поле брани Наполеон подписывал так: «Бонапарт, член Академии». Во время жарких боев Итальянской кампании он нашел время написать письмо знаменитому миланскому геометру Ориани:

«Науки, которые делают честь уму людей, и художества, которые украшают их жизнь и передают потомству память дел великих, должны, конечно, быть и почтены, и уважены. Все люди гениальные и всякий человек, стяжавший известность в литературе, должны быть братьями, в какой бы стране ни родились.

В Милане ученые люди не пользуются теми знаками уважения, которые бы следовало им оказывать. Удалившись в свои кабинеты, они уже считают себя счастливыми, если их оставляют в покое. Не так должно быть нынче. Я приглашаю всех ученых мужей соединиться и предлагать мне свои мысли о способах и нужных им средствах для придания наукам и художествам новой жизни, новой деятельности».

Большое значение имели реформы в сфере образования. В 1808 году специальным декретом был создан императорский университет. Под этим названием во Франции устанавливалась единообразная централизованная система образования. Она состояла из трех ступеней: начальной, средней и высшей и охватывала все учебные заведения, как государственные, так и частные. Единые квалифика-

ционные требования и программы в сочетании с разнообразием типов учебных заведений позволяли удовлетворить потребности общества и государства в специалистах различного профиля и дать образование широким слоям населения.

В 1804 г. лишь четверо из сотни французов умели читать. Всю ту меру свободы, которую я мог дать этим смышленым, но невежественным, и раз _ вращенным. революционной анархией массам, я дал.

Он поставил информацию на поток, стал «вбрасывать» ее в общество в огромных количествах, чтобы не тратить время на ненужное обдумывание. Вилку нужно держать в левой руке, а нож в правой — и об этом можно больше не думать, не надо экспериментировать. Сеять лучше так, убирать лучше так... Он снял массу проблем для общества, дав этому обществу доступ к практической информации.

Таков был Наполеон, и так поступал он везде. Например, одним из первых его египетских свершений было учреждение академии по примеру парижской. Он разделил ее на четыре «класса»: математический, физический, политической экономии, литературный и свободных художеств.

Но самым важным его делом — по оценке самого Наполеона — стало принятие Гражданского кодекса.

Специальная комиссия из четырех крупнейших юристов под непосредствен ным руководством Наполеона в течение короткого времени свела воедино и привела в соответствие все действующие законы, постановления и местные обы чаи Франции. В 1804 г. этот грандиозный свод законов, состоящий из 2281 статьи, был утвержден под названием. Гражданского кодекса. Равенство всех перед законом, свободу совести, неприкосновенность личности и собственности — вот что дал Наполеон народу.

Я дал республике главное — справедливые законы, и пи одна страна мира не имела подобных. В Тюильри я собрал цвет мысли Франции, мы работали над Гражданским кодексом по десять часов ежедневно... Запомните: мой Кодекс я ценю больше, чем все свои победы.

Кодекс Наполеона пережил своего создателя. Империя распалась, имя Наполеона ушло в историю, но Франция, а вслед за ней другие буржуазные , государства Европы во второй половине XIX — начале XX веков продолжали руководствоваться правовыми принципами, изложенными в Кодексе.

Шатобриан, ярый, критик Наполеона, сосланный императором, в ссылку, написал: после его смерти: «Он вернул Богу самую могучую душу, когда-либо вдохнувшую жизнь в глину, из которой лепится человек».

[1] Соглашение между религией и государством.

[2] Прежде всего, конечно, в контексте PR.

[3] Вернет Гораций. История Наполеона. - М.: ЗАО «СВАРОГ и К», 1997. — С. 177.

[4] Высказывания Наполеона приводятся по: Радзинский Э. С. Наполеон. Жизнь после смерти. — М.: Вагриус, 2004; Вернет Г. История Наполеона. — Указ. соч.

[5] После 1813 года большинство европейских государств по примеру Франции стали формировать армии посредством призыва.

В.Н. Батурин

ОГЛАВЛЕНИЕ

Европа накануне Великой Французской Революции.

Европа в 1805 г.

Ж.-А. Пажу. Гибель генерала Дезе в сражении при Маренго 14 июня 1800 г.
Французская школа, начало XIX в. *Из коллекции фонда «Империя Истории»*

И. Беланже. Победители. Французские кавалеристы с трофейными знаменами проезжают перед генералом Бонапартом после битвы при Маренго. Французская школа, 30-е годы XIX в.
Из коллекции фонда «Империя Истории»

Наполеон I. Копия с портрета работы А. Маркельбаха
(1-я половина XIX в.).
Из коллекции фонда «Империя Истории»

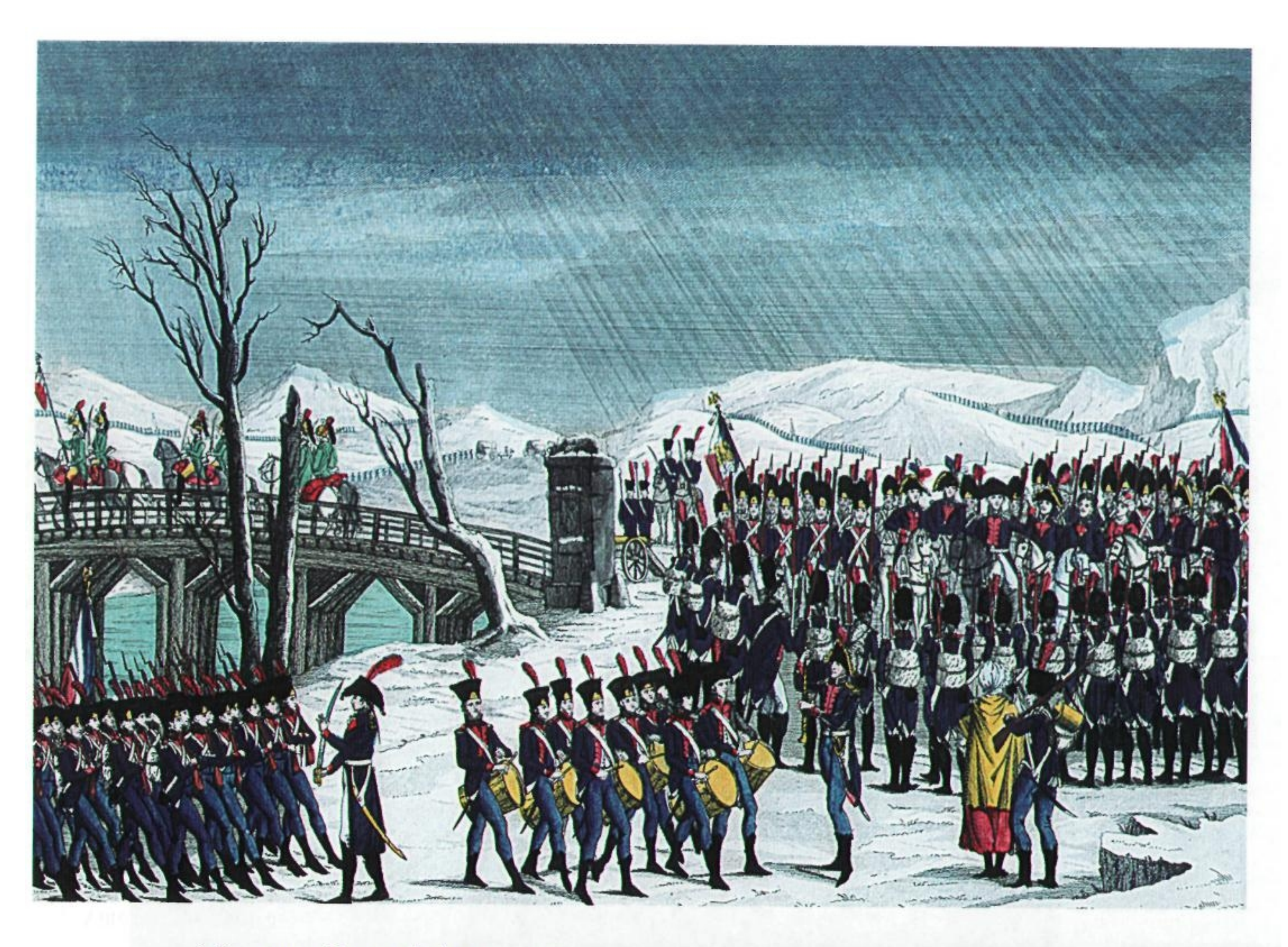

Неизвестный художник. Император Александр. Исп. ок. 1802 г.

Эта схема наглядно показывает редкие качества порта Ла Валетта. Город был обнесен четырьмя последовательными кольцами крепостных стен, вырубленнных в скалах. Рейд со всех сторон простреливался со стен многочисленных фортов. Все укрепления были выстроены лучшими инженерами Европы. Толщина крепостных валов достигала 10–20 м.

Город и порт Ла Валетта на острове Мальта. Французский план XVIII в.

2-й корпус Великой Армии при переправе через реку Лех 12 октября 1805 г.
Лубок, вып. в 1806–1807 гг. *Из коллекции фонда «Империя Истории»*

Капитуляция австрийской армии под командованием генерала Макка под Ульмом, 20 октября 1805 г.
Лубок, вып. в 1806–1807 гг. *Из коллекции фонда «Империя Истории»*

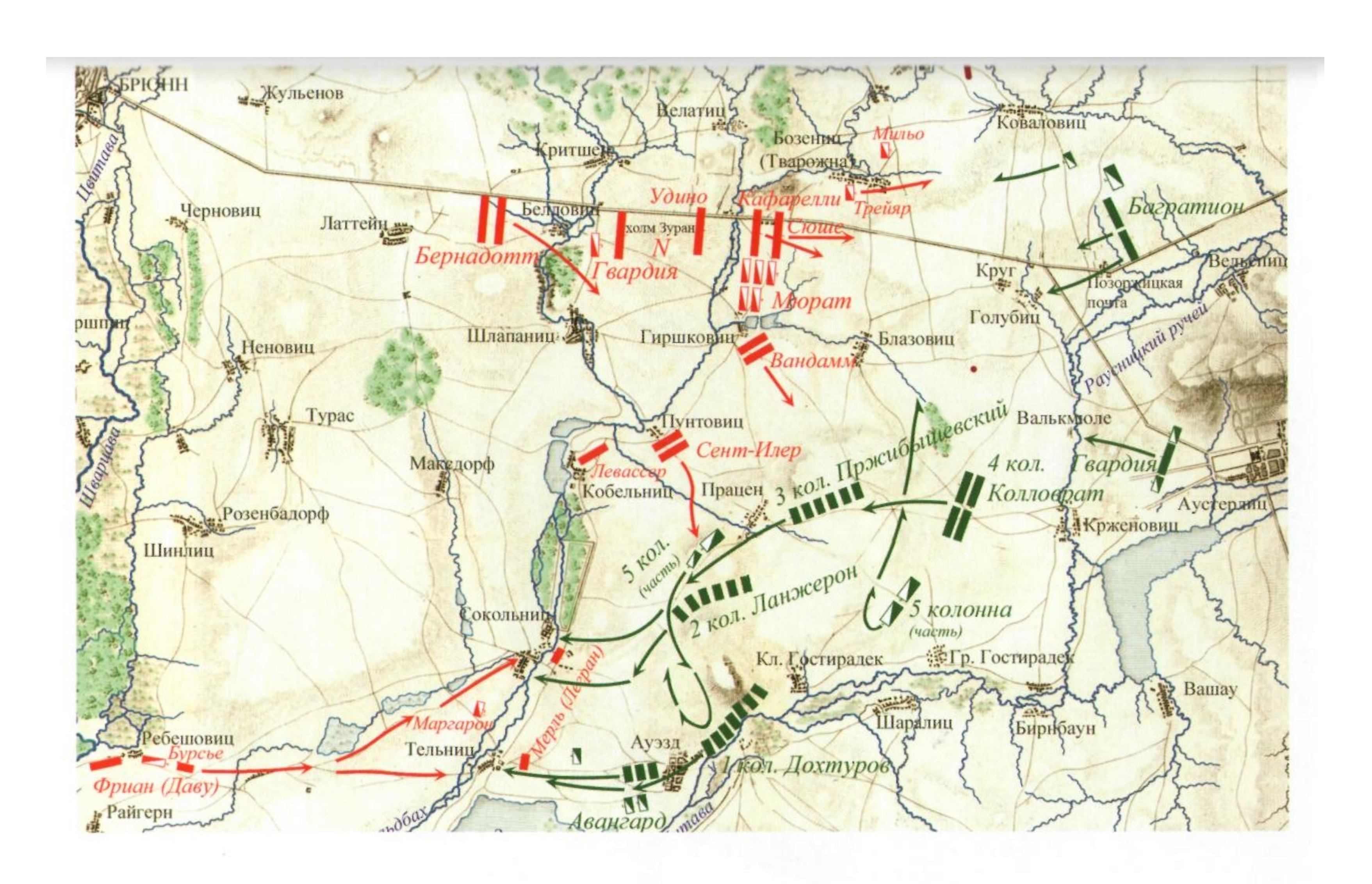
Эпизод из кампании 1805 г. (Изображена капитуляция австрийского отряда после боя с французами).
Неизвестный художник (середина XIX в.). *Из коллекции фонда «Империя Истории»*

Вступление французов в Вену, 13 ноября 1805 г.
Лубок, вып. в 1806–1807 гг. *Из коллекции фонда «Империя Истории»*

Э. Ренар (2-я половина XIX в.) Ночь перед Аустерлицким сражением 2 декабря 1805 г.
Из коллекции фонда «Империя Истории»

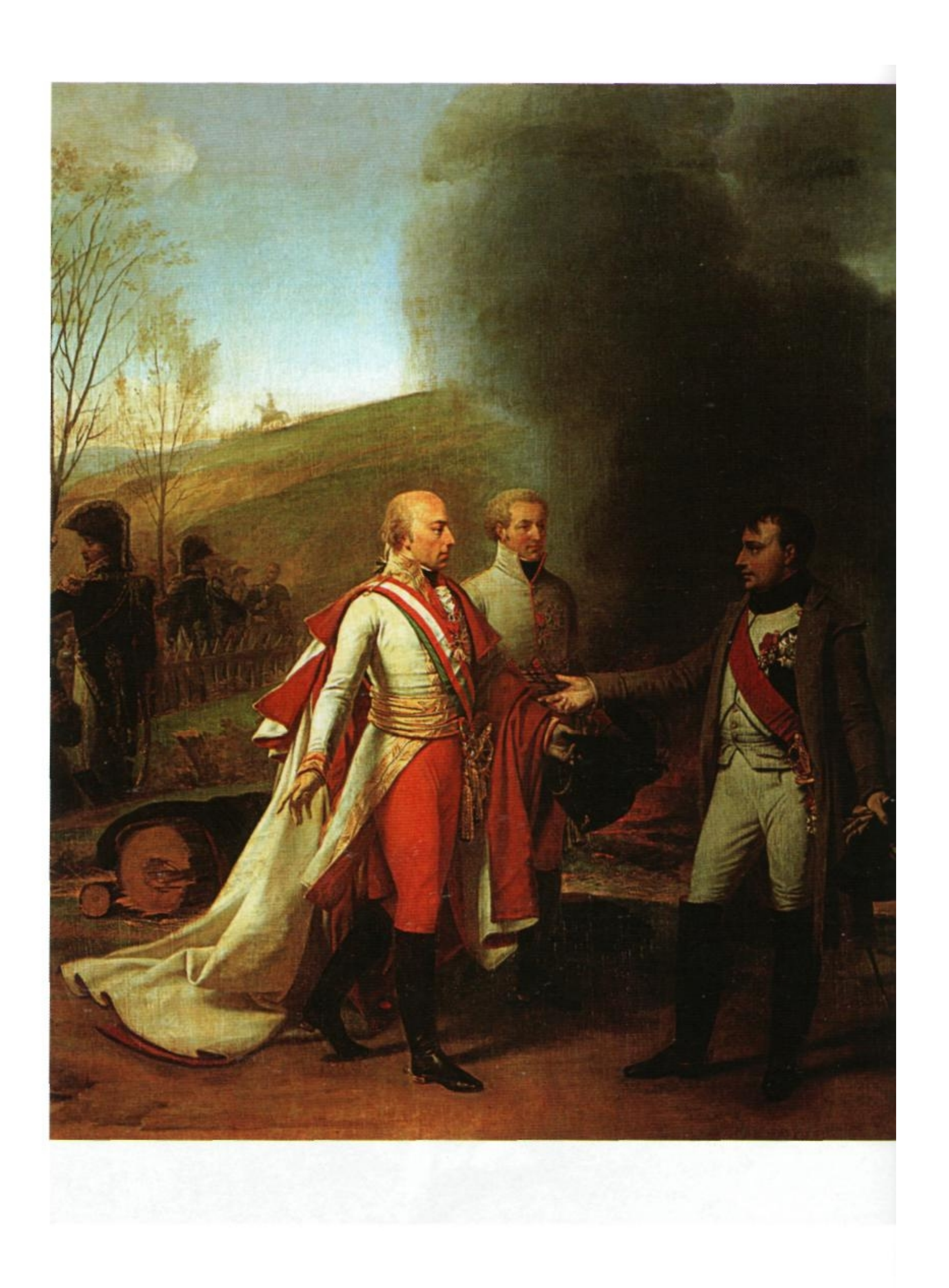
Битва при Аустерлице. Ситуация на 7 часов утра.

Император Наполеон перед смотром корпусов Сульта, Ланна и кавалерии Мюрата у стен Вены. Севрский фарфор. Исп. в 1807 г.
Из коллекции фонда «Империя Истории»

Евгений Богарне, вице-король Италии. Гравюра. Начало XIX в.
Из коллекции фонда «Империя Истории»

Гро А. Встреча Наполеона I и Франца II, 4 декабря 1805 г.

Табакерка с портретом Наполеона I.
Миниатюра работы Ж.-Б. Изабе. Франция. 1804 г.
Из коллекции фонда «Империя Истории»

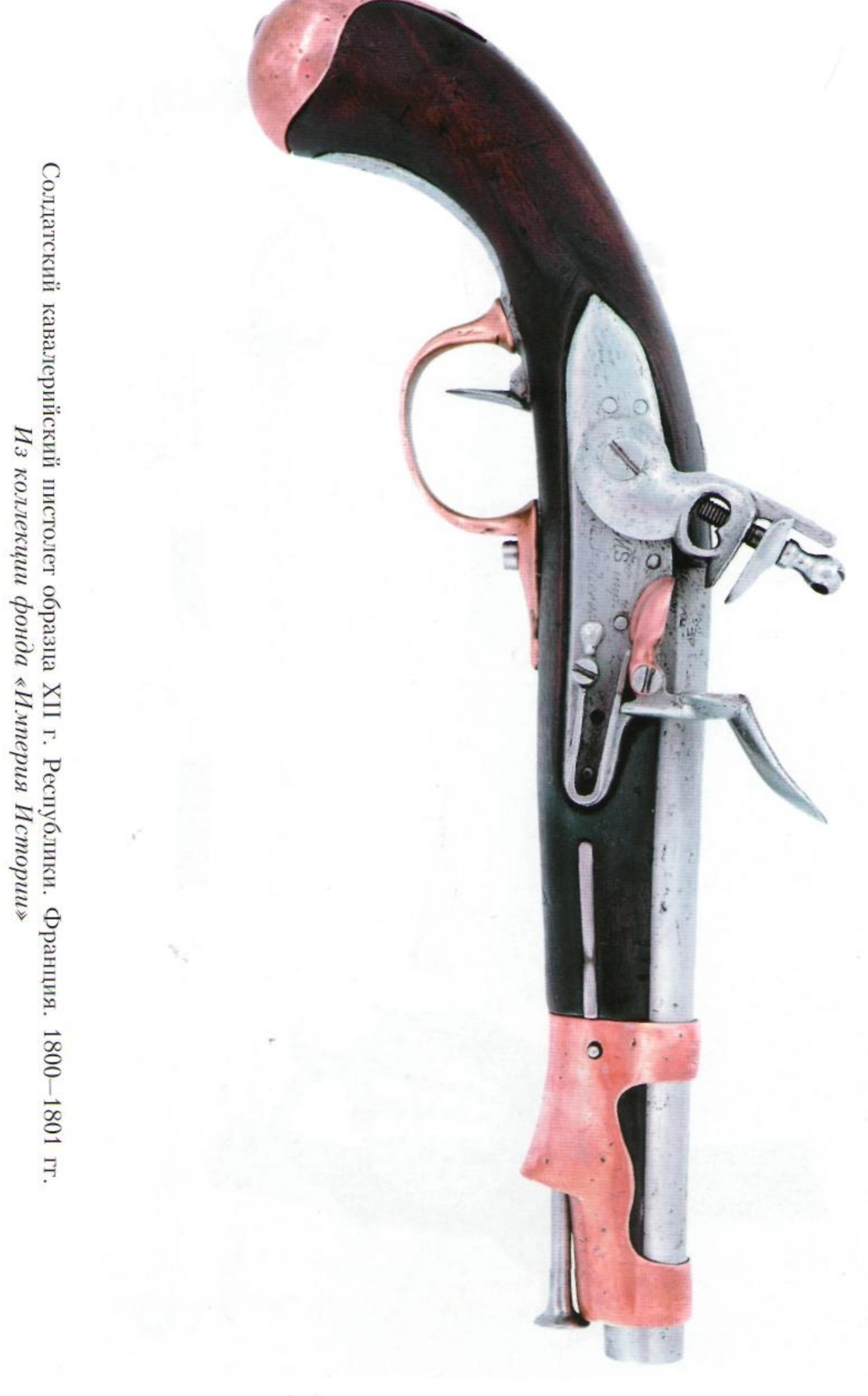
Парадная генеральская шпага. Франция, Мануфактура Клингенталь. Ок. 1800 г.
Один из великолепных образцов генеральского оружия, принадлежавших генералу Бонапарту.

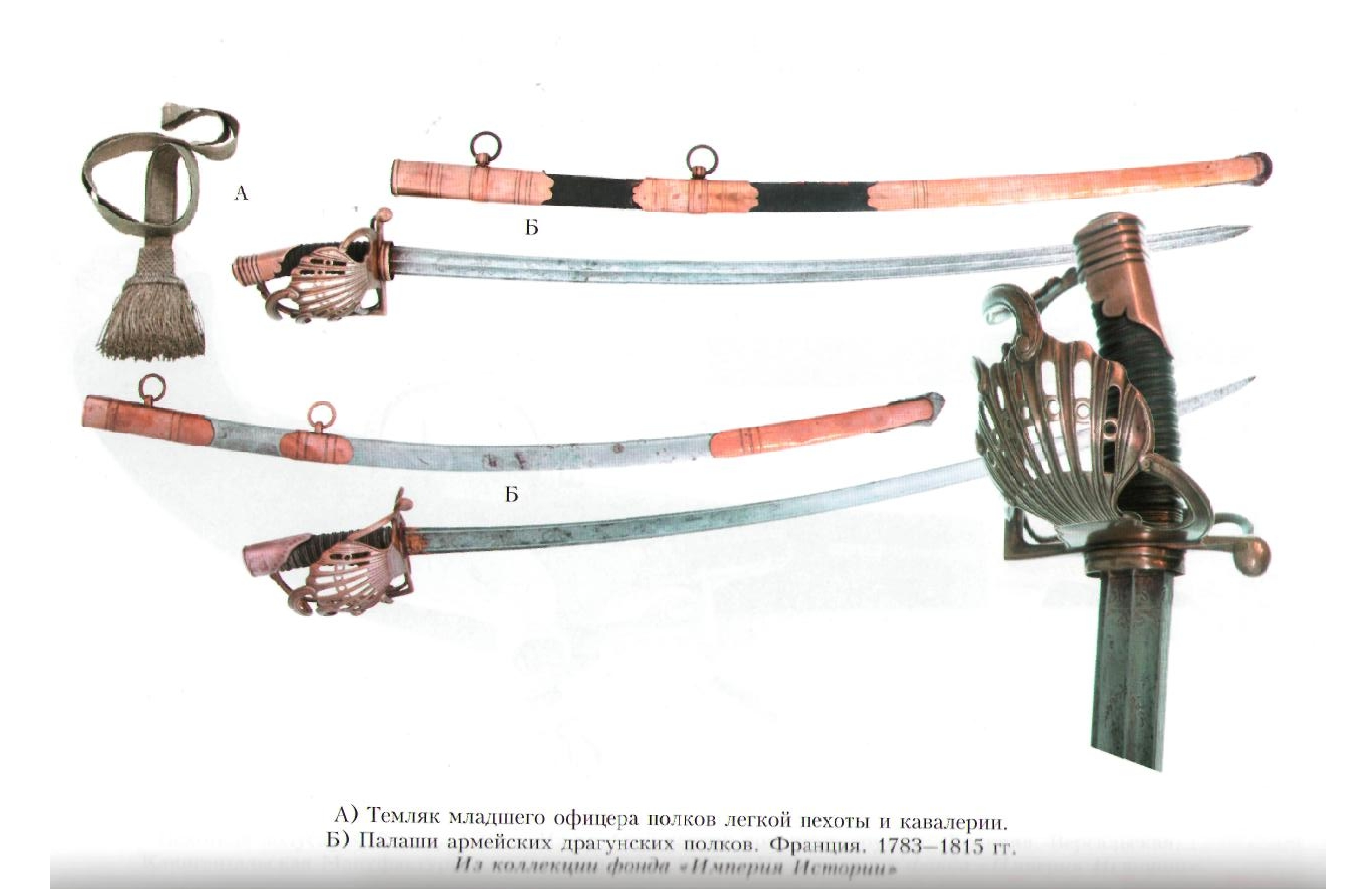
Сабля офицера штаба образца XII г. Республики. Франция. 1803–1804 гг.
Из коллекции фонда «Империя Истории»

Пехотная полусабля образца 1797 г. Из пробной партии почетного оружия. Франция. Версальская, Клингентальская Мануфактуры и мастерская Буте. 1797 г. *Из коллекции фонда «Империя Истории»*

Солдатский кавалерийский пистолет образца XII г. Республики. Франция. 1800–1801 гг.
Из коллекции фонда «Империя Истории»

А) Темляк младшего офицера полков легкой пехоты и кавалерии.
Б) Палаши армейских драгунских полков. Франция. 1783–1815 гг.
Из коллекции фонда «Империя Истории»

Пчелы, вышитые золотом и серебром
(пчела – личный символ Наполеона Бонапарта, подобные пчелы использовались в декоре императорских резиденций).
Из коллекции фонда «Империя Истории»

Крест легионера ордена Почетного Легиона 1-го типа. 1804 г.
Из коллекции фонда «Империя Истории»